

ТАИНСТВО ВОЗМОЖНОГО

ИЗБРАННОЕ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II

И О С И Ф М И Г И Р О В

И О С И Ф М И Г И Р О В

**ТАИНСТВО
ВОЗМОЖНОГО**

ИЗБРАННОЕ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II

PUBLISHING GROUP “ENLIGHTENMENT”

Joseph Migirov
Taeenstvo Vozmozhnogo Tom II
(The Mystery of Possible Volume II)

Издание этой книги стало возможным благодаря
финансовой поддержке известного мецената и моего
друга Виктора Абаева.

Publishing Group
“Enlightenment”

All rights reserved including rights of reproduction.
No part of this book may be used or reproduced in
any manner without written permission of the
Author, except in the case of brief quotations
embodied in critical articles and reviews.

Copyright © 2014 by Joseph Migirov
ISBN 978-0-692-30692-5

Printed in the United States of America

ИСЧЕРПАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Роман

Дорогой Нине посвящаю

Часть первая ОБРУБЫШ

1

Распалось лето. Огромной медузой растеклось небо и холодной плотью гасит осеннее солнце. Ослабшее, оно уже доступно взгляду, его чуть дымящий диск, отчужденно свернувшись, кажется отрешенным от жизни, людей и зверья.

Распалось единство мира. Все одиноко, чуждо друг другу, словно в заброшенной комнате наспех разбросаны случайные предметы. И вся комната медленно ходит из стороны в сторону, как подвешенный на ветру старый стеклянный фонарь.

Монотонный и протяжный звук плывет по комнате, со временем слабеет, но возникая вновь, тянется отчетливо и тоскливо ...

В эти дни разъединенной природы ты вдруг с большей печалью осознаешь, что ведь было Единство, но вот распалось, и упущена в нем неповторимость твоей жизни.

И в эти же прощальные дни с пробужденным сердцем, жак никогда, с болью ты понимаешь, что, может, не так любил и не был любим, не то искал и легко отрекался от лстинного.

Расплата.

Книга не шла. Мужичок в шутовском колпаке, читая написанное, усмехался: «Да-а, ... прощальные ... разъединенной ... Какой ход!»

Он нервничал, настигал во всех углах, я убежал от него и походил на дворнягу, заброшенную в лабиринт.

Выход напрашивался сам собой – виноводочный отдел...

Но жди у моря погоды.

Очевидным становилось другое: или, закрывшись на кухне, пустить газ, или же вылезать из «штопора».

Но на небесах книги писать незачем, и я стал добросовестно «завязывать», с тоской поглядывая в сторону своего стола...

Когда «штопора» как будто и не было и снова (как после всяческих «штопоров») очень жадно хотелось жить, в одну из ночей я проснулся от мгновенного сна: из мрака вышло красивое благородное лицо старца. Седобородый, с пышной шевелюрой старик улыбнулся мне, но в ту же секунду растворился в темноте ...

С разинутыми глазами я долго разгадывал его улыбку, старательно смыкал веки, надеясь, что старец все же вернется и раскроет цель своего нежданного визита.

Но седобородый, видно, не имел возможности на два посещения подряд, да и потом, наверное, многовато, чтоб такие лица тебе и улыбались, и тут же растолковывали: свою улыбку.

«Это к добру», - напросилось ночное заключение, на душе стало хорошо несмотря на то, что в этом мире все равно все к добру.

На следующий день, покружив над своим столом, я двинулся в путь. Разумеется, я шел развеяться от всяких мыслей, хотя человечек с бубенцами еще со вчерашнего дня наверняка знал: я иду в кафе.

Я сидел за стаканом «белой», глазел то в окно, то на нетронутый стакан, гордясь, что у меня имеется неизбывная сила воли и я уже несколько минут спокойно смотрю на водку.

Вполне убедившись, что я сильный мужик, я позволил себе за это выпить. Подняв стакан, я увидел Его.

Он сидел за соседним столом. Большеголовый, с коротким, словно обрубленным телом, и такими же короткими ногами, которые как-то детски свисали со стула не доставая до пола.

Это не был карлик, а из тех типов, рожденных обыкновенными людьми, но получивших в наследство болезнь роста. Их не очень много, и если они в чем-то похожи, то большими, чуть одутловатыми головами, коротким туловищем и кривыми ногами.

Он еле заметно усмехнулся, пригласил за свой стол:

- Шапочку не забудь,-он кивнул на лежавший передо мной колпак шута.

- Спасибо...- я надевал его осторожно, боясь как бы слишком громко не зазвенели колокольчики. Таким же скованным шагом подошел.

Он кивнул на стул напротив.

Я стоял, словно застопоренный, боясь шевельнуть головой: при малейшем движении на моем колпаке предательски позванивали колокольцы.

Я стащил его.

- Что, не нравится? - хмыкнул обрубыш.

- Не очень.

- Шут - промежуточное состояние каждой души, - расставил Иче, - правда, для некоторых постоянное. Но, главное, не отучиться смеяться. Хотя...-он вдруг сделал паузу, длинно глянув в окно, похолодел лицом:

- Человек и смеется потому, что в горле у него стоит плач ...

4

Шальная ночь, как одинокая богачка, осыпав себя звездами, раскинулась над миром.

Людской муравейник стихал.

Последние звуки, вспорхнув, гасли над ним, словно птицы в чуткой и темной ловушке.

Лишь на трассе, обегавшей притихшие дома, надрывно ревя и надвигаясь быстрыми фарами, изредка проносились запоздалые автомашины.

Неожиданно появлялись и скоро таяли в ночной мгле. Далеко за полночь на трассе появилась одинокая фигура. Переваливаясь с ноги на ногу, как цирковой медведь на коротких задних лапах, свернув к обочине, замерла.

Иче вернулся.

С минуту он вглядывался в ночную темень. Узнавая притихшие дома, смотрел на них, как хозяин на свой старый, поневоле покинутый двор.

Иче устало опустился на бордюр, от большой головы и короткого туловища на тускло освещенной дороге вытянулась причудливая тень.

Он сидел ссутулившись, опустив глаза к земле. Сколько дней и ночей он не был здесь? Даже если посчитать годами, наскребется немало.

А было словно вчера.

...Иче поставил на кон последние деньги. Старый картежник, которого называли только по кличке Джон, поднял ставку. Иче оставалось или сбросить карты, или вскрыть. Он вскрыл.

Джон увидел его двух валетов, джокера и, нарочито вздохнув, выложил трех королей.

Иче с минуту сидел свесивши голову, глянул в упор, расставил:

- Мы еще сыграем!

Прозвучало, как клятва: все равно сломаю тебя ...

... Тогда ему только-только набежало семнадцать. Сколько же времени пролетело! И где сейчас Джон? Жив ли? Или играет уже в «ином» казино? .

«Мы еще сыграем»...

Иче вернулся, чтоб сыграть .. Но это уже вышла другая партия, с другими ставками, картами, банками.

... Как, интересно, поживает старик? А гениальный актер? Как они все?

Обрубьш поднял с земли два маленьких камня, пожонглировал ими одной рукой.

Вспомнился один из советов актера: «Хороший игрок - непредсказуемый игрок». Если Иче и сможет сейчас усечь какого-нибудь карточного маэстро, то во многом он обязан актеру ...

Обрубыш выбросил камни, поднялся. Сойдя с трассы, исчез у первых крайних домов.

Исходив несколько улиц, словно испив разлуку, он направился к своему давнему прибежищу - дому Ильи. Иче знал, что калитку старик никогда не запирает, а дверь дома открывалась просто: нужно оттянуть ее, просунуть ладонь в щелку и подбить крючок. Когда-то Иче этим пользовался не раз. Но осталось ли все по-прежнему? А, может старик поставил себе новый дом? Тем лучше: будет где поселиться, хотя и раньше в маленьком домике Ильи для него всегда находилось место.

Впервые у старика Иче появился после своего очередного побега из специнтерната для детей-инвалидов. Интернат больше походил на колонию: детей били, сажали в изобретенные здесь одиночки, травили препаратами.

Маленькая тюрьма для брошенных детей. «Нетрудоспособные» - значились они в официальных бумагах, хотя многие из них ничем не болели. Это были бесхозные, никому не нужные существа, от которых если и можно было как-то отмахнуться или сделать вид, что их не существует, то только упрятав в такие спецзаведения.

Что же до диагноза, то кому только нельзя в этом мире навесить ярлык. Только бы приказали.

В этот интернат Иче попал из другого - Дома ребенка: своеобразной первой ступени в жизни маленьких существ, брошенных родителями.

В Доме ребенка держали до определенного возраста, а потом шла сортировка: кого в специнтернат, а кого сразу в Дом инвалидов. Для нормальных детей это было началом страшного лабиринта, откуда редко кто мог выкарабкаться.

Иче несколько раз бежал, но вычислить его не составляло больших трудностей, и он снова оказывался за высокими заборами с колючей проволокой.

В четвертый раз он и встретил старика.

... Бежав из интерната, Иче набрел на толпу людей с сумками, мешками, инструментами. Они беспорядочно выстраивались вдоль дороги и, как только подъезжала какая-нибудь машина, толпой накидывались на нее.

Потом Иче узнал, что это столпотворение называлось «биржей труда».

Старик подошел туда пешком. Он долго наблюдал со стороны за курящим мешочным людом, словно кого-то выискивал. Когда он подошел ближе и сказал, что ему нужно, его обступили со всех сторон.

Иче с тоской смотрел на уплывающую работу, а значит, и деньги.

- Но тогда ему было шестнадцать, он числился в беглых преступниках, и у него не было ни жилища, ни куска хлеба.

Самый низкий в толпе, но с сильными руками и плечами, он протиснулся сквозь гомонящее кольцо, схватил старика за руку. Тот удивленно глянул сверху.

- У меня нет денег и нет еды, - Иче всегда помнил, как, произнося эту фразу, он давил, сглатывал слезы, как собственную блевотину.

Толпа, не ожидавшая такого от забавного обрубьша, с любопытством замерла.

- У меня сильные руки! - Он сжал запястье старика.

- А ведь сомнет, как яйцо! - улыбаясь, Илья помассировал кисть. - Бросать землю сможешь? - Я все смогу! - отрубил Иче.

Старик снова с улыбкой осмотрел его и хлопнул по плечу:

- Ну, пошли, «все смогу».

5

Не давала покоя ночь, ворочала с боку на бок, точно крутая река тяжелый камень. Тревожило сердце. С чего эти боли? Илья был крепок: строитель, трудов не боялся и, если надо было, подрабатывал на земле: кому под фундамент траншеи выроет, кому колодец. И многолетняя связь с землей сработала его крепким и сильным, как виноградную лозу.

Жил он в саманном домике. Две комнаты и коридор шаг на два выходили друг в дружку, и весь дом казался потрепанным игрушечным вагончиком. Думал Илья поднять новые стены, но погибла жена, сбита автомобилем, и что-то сдавило, пригнуло душу. А потом, когда выжгло боль и даже вспоминалось о жене с улыбкой, дни пошли какой-то забытой тропой, и раз за разом откладывалась стройка до неизвестного «придет-времени»: с весны на весну, точно в ожидании чего-то неизбежного, что обязательно придет и разом изменит судьбу дома и старика. Потом, когда сын повзрослел, пришло решение начать стройку с ним. Пусть положит и свой труд: когда строишь своими руками - дом роднее. Теперь сын был в армии, и до конца службы оставалось чуть больше полугода.

Из родных у Ильи кроме сына были еще две сестры старше него. Но те жили каждая для себя, старика не признавали, особенно в последнее время, когда стали жить побогаче.

Так и разматывались стариковские дни. Впрочем, стариком он не был - всего пятьдесят три, и до старости еще нужно было дожить. Но то ли от неухоженной жизни и одиночества, то ли совершенно седой головы и расщеченного морщинами лица, а наверное, от всего вместе Илья был записан в этот возраст.

Одиночество научило его разговорам вслух и сосредоточенной думе. И когда попадалась мысль, то подступал он к ней вплотную, добирался до неотвечного, точно копая колодец, штык за штыком погружался в землю ...

... Не спалось старику. Хотя прошел и этот сердечный приступ, не уходили мысли. О многом думалось в эту ночь: - о доме, сыне, о накопленных за долгие годы деньгах, о работе. На днях предложили вырыть колодец. И он согласился. А эти сердечные боли... Пройдут. Заживет как на собаке.

6

Иче стал под фонарем на знакомом перекрестке.

Тишина.

Ничего здесь не изменилось ... Через несколько дворов дом Ильи.

Гулко ударило сердце.

Протавив по лицу рукой, словно пытаясь стереть непослушную улыбку, он двинул по ночной улице.

Двор старика он узнал не сразу: Илья выложил новый кирпичный забор.

Иче попробовал засов калитки. Прогредев на всю улицу, засов поддался, и Обрубшш вошел во двор.

Все тот же приземистый домик с лампочкой над маленьким крылечком ютился под черными небесами, как прикорнувший старый заяц.

На дверях замка не было. С улыбкой, как много лет назад, Иче оттянул ее, просунул в щелку ладонь и подбил крючок.

Запах стариковского жилья ударил в ноздри, щемяще напомнив о прошедшей юности.

Иче всмотрелся в полумрак, прошел в комнату, склонился над постелью: Илья спал.

Первым желанием было растормошить старика, обнять, говорить ему какие-то добрые слова, но, глянув на дверь во вторую комнату, поразмыслив, Иче вышел из домика, постучал в окно:

- Илья! Позвал громче.

- Кто? - донесся из темноты окна хриплый голос.

- Свои, - Иче с улыбкой глянул в землю.

В доме послышались тяжелые шлепки шагов, к темному окну прильнуло сонное заросшее лицо. Замерло. И от удивления вдавилось в стекло. В расширившихся зрачках отразилась головастая низкорослая фигура, вырезанная из ночи светом лампочки. Словно выплупилась из мрака.

Неверящие глаза старика вдруг ожили, в следующую секунду черная рама окна опустела, будто в мгновение вынули портрет.

В доме что-то загрохотав ударились об пол, вспыхнул свет, распахнулась наружная дверь, и на пороге стала сухощавая, но еще крепкая фигура старика. Он был без майки, в штанах и босиком.

Лампочка над крыльцом подзолотила его медную литую грудь.

- Иче-е? - все еще не веря в эту неожиданную встречу Илья замер на ступеньках.

- «У меня нет денег и нет еды», - с лукавинкой смотрел обрубьш.

В ту же секунду в ночи покати́л их безмятежный громкий смех.

Поднялся беспорядочный лай всегда готовых к бреху собак.

Старик, пригнувшись, обнимал крепкого коротышку, которого не видел Бог знает сколько лет.

- Вспомнил, Илья? - припав к старику, глухо говорил Иче. - «У меня нет денег и нет еды». Вспомнил?

- «У меня сильные руки», - подбросил старик, и они снова счастливо рассмеялись.

Лай собак рассылался по всей округе, но обрубьш и возвышавшийся над ним Илья уже входили в дом.

Первым делом, когда они вошли в комнату, старик, окинув ее взглядом, улыбнулся:

- Узнаешь этот курятник? - и словно оправдался. - Ниче-его, ему уже немного осталось. Скоро приедет сын, он у меня ведь солдат ... Помнишь Ромку моего?

- Конечно ... Плаксуниска был такой:

- О-о! Он теперь жених! Что надо! Вот как только приедет - новый дом поставлю. Хороший дом... А пока мне и этой скорлупенки хватит ... Нам хватит, - с улыбкой поправил себя Илья.

- Спасибо, - понял его Иче. В комнату вломилась тишина.

Став напротив обрубьша, старик положил на его плечи спокойные руки и снова, будто в первый раз, осмотрев, одобряюще пробасил:

- Заматерел мужик! Заматерел!

- Ну ... - Иче развел руками, мол, куда денешься - жизнь.

- Давай проходи. И вообще, это твой дом. Всегда твой, - старик поднял опрокинутый стул, поставил возле окна у небольшого квадратного столика. - Садись, я сейчас ...

Илья засуетился, замелькала, наполнив комнату, его крепкая фигура, откуда-то вынырнула бутылка водки, зашипела на кухне сковорода.

Они сидели в маленькой комнате друг против друга возле ночного окошка, пили за встречу, за старые добрые времена, за то, чтобы, наконец, в их жизни все стало на свои места.

- А чем жил? - Закурив, старик пустил к потолку клубы дыма.

Иче задумался, вытащил из кармана брюк почти новенькую колоду карт, проделал несколько пасов. Грубые пальцы вдруг стали неожиданно быстрыми, казалось, это не руки, а какой-то компьютер ловко, веером рассыпал легкие картинки и невидимым движением собирал вновь. Одну карту, восхитив старика, Иче вытянул у него из-за пазухи.

Старик завороченно смотрел за этим импровизированным представлением.

Иче сбросил на стол колоду.

- Вот так, Илья ... Делал, что придется. И это тоже

Тот внимательно посмотрел на него.

- Я почти все деньги в Дом ребенка, посылал, - словно за что-то оправдался Обрубьш. - Родные пенаты ведь. Кстати ... Нужно поехать и узнать... Денег немало

было... А вообще, и землю приходилось бросать. Вспоминал тебя.

Старик польщенно покивал.

- Работенка какая-нибудь есть? - вдруг спросил Иче.

- Есть. Колодец надо вытянуть.

- Напарник тоже есть?

- Есть, - лукаво глянул старик.

- Я? - тоже с хитрецей глянул Иче.

- Ну, а кто же!

Иче тепло сжал покоившуюся на краю стола большую руку Ильи.

- Надо поднакопить денег... Хочу бросить здесь якорь. Хорош ... По свету я нагулялся... Куплю дом... Знаешь, Илья, мечта у меня ... Хочу кого-нибудь оттуда к себе забрать. Воспитаю может.... Какого-нибудь пацаненка ... - он смолк и словно с трудом выговорил:

- Усыновлю ... Как ты меня, - и уже бодро раскинул: - Эх, и загуляет по миру твоя фамилия!

Илья кивнул, не сумев скрыть удовольствия:

- Бог воздаст тебе добром! - тепло пробасил он.

- Возда-а-аст! - задумался обрубьпп, свесив большую, коротко стриженную голову.

Молчали.

- У тебя седина! - уважительно проговорил старик, уперся о стол локтями, утопив в ладонях заросшее лицо.

- А куда ей деваться! ... Слышь, Илья, а ... Джон ... как?

- Да Бог его знает! Поигрывает, наверное. Он без карт, как вор без ночи ... Будешь играть? - старик смотрел на ломтик хлеба.

- Я ему пообещал, - с иронией Иче вспомнил свое прощальное «мы еще поиграем» - А... актер? Как живет актер?

- Давно не видел. Да и знал-то я его через тебя. Один раз проигрался он сильно. Деньги приходил занимать. Я занял. А потом он повадился ...

- И что, не отдавал?

- Отдавал ... ничего не скажу ... отдавал. Как крупняк выиграет - отдаст. Но сам понимаешь ... Надоело мне это ... Короче, я ему сказал, чтоб б не приходил ... Я не прав?

- Прав. Кто ж тебя обвинять станет. У тебя заботы ... Дом ... Сын ... Одному такую тачку нелегко тянуть. - Иче повозил по столу ножом и неподдельно выдохнул. - Жалко мне его все-таки. Он меня-многому научил, - Иче кивнул на карты. - Не раз его советы выручали. Я не хвастаюсь, Илья, но сейчас не каждый меня уест ... Актеру спасибо. Подучил ... -Обрубьш взял колоду, постучал пальцем по столу. - Театры свои, интересно, он не забросил? - в раздумье, словно у себя, спросил он и качнул головой. - Чего только не бывает с людьми в этой жизни. Известный человек... золотая башка, а вот видишь, на картах ломается ... Болен игрой.

- Да, у каждого свое, - поддержал старик. - У кого - карты, у кого водка - у всякого свое.

- Надо всех проведать. Деньжат поднакоплю, в Дом поеду. Потом в интернат ... В свой ... Помнишь?..

Молчаливо и понимающе кивнул старик, но вдруг оживился: - Ты соседа моего помнишь? Мальчонка был ... - он кивнул в окно в сторону соседского двора. - Тогда ему лет одиннадцать было. Назар.

- Помню.

- Так у него и машина есть. Подвезет, если что ... Я сам скажу, - порешил старик. - А он хороший парень. Свойский. И «бабки» хорошие делает.

- Помню я его. Маленький был, а хитрющий... Сейчас, наверное, уже и свои детишки завелись. Ведь почти десяток лет убежало ...

- Да-а, время ...

Они еще долго вспоминали, строили какие-то планы, начали вторую бутылку.

Незаметно приземистое окно стало светлеть. В лампочке, свисавшей с потолка, казалось, поубавили света.

Старик выключил ее, и они с Иче разошлись по койкам. Может быть, впервые за все эти долгие годы Иче засыпал с мягкой улыбкой на больших, резко очерченных губах.

7

В окне уже всю разгулялось утро: в чутком воздухе разносилось щебетанье птиц, в форточку влетали уличные голоса, шум проносившихся автомобилей.

Домик Ильи, обнажая скудную обстановку, налился светом. В двух комнатах стояло по железной кровати. В первой к низкому подоконнику жался стол с испещренной полинялой клеенкой, в углу на тумбочке маленьким экраном чернел допотопный телевизор. Во второй комнате стоял старый скрипучий шифоньер и зеленый, обитый железом сундук.

Старик проснулся. Первой же мыслью подумалось об Иче. Илья приподнялся на локте, глянул в дверь второй комнаты. Тихо. «Наверное, бродяжка еще спит».

С улыбкой старик снова вытянулся на заскрипевшей койке.

Обратив к низкому потолку заросшее недельной щетиной лицо, с минуту лежал и потом неспешно начал одеваться. Зачесалась борода. Старик поскреб жесткую седую щетину и проворчал:

- И бороду не брею ... Давно так не обрастал.

Илья заглянул в комнату Иче. Никого. Кровать стояла заправленной.

Старик распахнул дверь. Утро освежило мускулистую грудь, крепкие плечи и бицепсы. Он посмотрел в голубое небо и одобрительно проговорил:

- Хороший будет день.

Гремя чайником, Илья направился к крану набрать воды и перед домиком увидел Иче: сидя на кирпичах, сдвинув колени, он грелся на солнце.

- Путешественникам привет! - козырнул Илья.

- Привет, привет. - От солнечного тепла Иче блаженно жмурил глаза. Как кот на крыше.

- Сейчас чайку поставим. - Старик склонился над водопроводным краном.

Завтракали под разлапистым ореховым деревом. На столе ароматно дымились два стакана чая, на тарелке лежали ломтики хлеба и сыра.

Блики пробившегося сквозь листву солнца золотили бронзовый цвет чая, празднично играли на белых округлых боках чайника. Старик невольно залюбовался, потом расправил плечи и сладко выдохнул:

- Теплота! ... День-то какой - жить да радоваться! А знаешь, Иче, в такие дни кажется, что ты будешь жить всегда, что ты бессмертен... У тебя бывает такое?

- А никто и не верит в свою смерть, - отсутствующе произнес Иче:

Над столом звонко зависла неожиданная пчела, покружив над сахарницей, резко ушла на старика. Тот настороженно замер. Переметнувшись за спину Ильи, пчела в секунду растворилась в солнечном свете.

- Бессмертия хочешь? - Иче, задумавшись, ссутулился на лавке.

- А кто ж его не хочет?

- Я не хочу. - Обрубыш качнул короткими, не достающими до земли ногами.

- Бессмертие страшнее смерти ... Человек не потянет его. Бессмертие - это вечная пытка вопросами. А что может быть страшнее вопроса? Вопрос - это вампир ... Человеку не выдержать бессмертия. Это будет не земля, а сумасшедший дом. И не просто, а бешеный сумасшедший дом. Лучше смерть, чем сумасшествие. - Иче хлебнул из стакана.

Старик, молчаливо приглядываясь к нему, закурил.

- А если я буду знать, - глядя на Илью, продолжил он, - что бессмертие сладкая штука, то я его не хочу вдвойне. Потому что я не хочу, чтоб всякая сволочь жила всегда. Я не хочу, чтоб те воспитатели в интернате, которые издевались надо мной, над другими больными детьми, которые травили нас лекарствами, вечно наслаждались.. жизнью. Их нужно казнить, а не бессмертие давать. - Иче посмотрел куда-то поверх соседского дома:

- Человек не создан для бессмертия.

- Но ведь есть и хороший люд...

- Хорошие люди как раз и не выдержат бессмертия...

Они заболеют. Это сволочи, может быть, и надо его. Сволочи все равно: есть ли на земле страдания, нет ли их, есть ли какие-то тяжелые вопросы, нет, мрази нужно только одно: набивать требуху и сношаться. А страдания других им даже, как паутина для паука - добычу ловить. - Иче помолчал, но вдруг улыбнулся. - Но вместо Творца: тебя б я бессмертным сделал.

- Если и есть один хороший человек, то и он пусть - свихнется? - Илья хитро сщурил глаза.

- Вот-вот! - И они оба рассмеялись.

8

В длинной спальне три больших окна. Сквозь прозрачные занавески втекал желтый лунный свет, высвечивая в полумраке два ряда коек.

Изредка какой-нибудь блик срывался на белый холмик кровати, словно прощупывал: спят здесь или нет.

В каждом ряду по пять спаренных коек. Десять девочек на одной стороне и десять - на другой.

Больше похоже на казарму.

Сон в ней не спокоен: временами то в одном конце, то в другом возникает жалкий стон, невнятное бормотание слетает с белых подушек, болезненный крик Лунная тишина, как дворняга, вскидывает настороженную голову.

За полночь сон становится вязче.

Оксана не знала времени, но по сну в спальне чувствовала, что сейчас, уже можно было подняться.

Лишь бы бесшумно прошмыгнуть мимо Катьки.

Ее кровать стояла отдельно у стены, недалеко от двери, акконтрольный пункт.

Восемнадцатилетняя Катька, жилистая, как мужик, и злая, точно интернатовская шавка Зоська, держала себя атаманшей. Девушки боялись ее мужских кулаков, корявых пальцев, которыми она запросто, как рогатиной, могла ткнуть кому-нибудь в глаза, или, вцепившись в волосы очередной жертвы, вклеить ее головой о стенку.

Катька имела арсенал своих казней, безропотных палачей и осведомителей, в основном, из больных и слабых.

Воспитатели об этом знали и, наверное, поэтому не списывали ее в Дом инвалидов для устрашения и поддержания порядка среди девушек.

Оксана подняла голову, прислушалась к дыханию соседки.

Спит.

Достав из-под подушки ученическую тетрадь, села на кровати. Сунув под короткую ночную рубашку, пристроила за резинкой трусов...

Босиком, вполуслепую, на цыпочках пошла по длинному проходу.

Самое страшное - дверь возле койки атаманши: если Катька проснется от ее скрипа, все планы сорвутся.

Но все обошлось. Оксана выскользнула в тусклый освещенный одним фонарем коридор, легкими босыми ножками пошла по желтому холодному кафелю,

У двери в девичий туалет еще раз оглянулась: в коридоре ни души, тихо и на лестнице, сбегавшей на первый этаж.

В туалете было темно. Оксана нащупала выключатель. Под самым потолком засветилась тусклая лампочка.

Оксана закрылась в кабине. Сев на деревянную крышку унитаза и стянув на овальные коленки короткую рубашку, пристроила на них тетрадь.

Склонилась над ней. Рассыпавшийся короткий волос - шелковистыми прядями стекал по щекам касаясь уголков слегка влажных медовых губ.

Она еле слышно и забавно шевелила ими, вскидывая к потолку убегающие глаза, что-то торопливо записывала.

Оксана сочиняла письмо «председателю ООН».

Она писала о своих пятнадцати горемычных годах, о том, что больше всего на свете ей хотелось бы выйти на волю и увидеть маму.

Но и то и другое было невозможно: чтобы оказаться на свободе, ей нужны были документы, которые ей никто и никогда не даст. Убежать тоже нельзя: во-первых, куда без документов, а во-вторых, если поймают, то засекут до смерти. И потом сдадут в Дом инвалидов.

Имелась еще и другая возможность: выскочить за кого-нибудь замуж. Но кто таких, как она (если они даже - не больны и сто раз красивы), возьмет в невесты? Кому охота брать жену из такого заведения?

По второй причине она тоже не могла выйти отсюда. Мама у нее умерла при родах, как, и у многих девочек из этого интерната.

Оксана просила «председателя ООН» помочь ей и напрочь забыла, что окно туалета было освещено уже много времени и что это мог заметить ночной сторож из своей дежурки.

Сторож, пятидесятилетний хромой пьянчужка, и заметил этот долго горевший свет.

С любопытством он поднялся на второй этаж, войдя в туалет, стал подле закрытой двери кабины. Потянул.

Оксана пугливо сунула тетрадь под рубашку.

- Кто здесь? - Сторож дернул дверь.

Еще раз.

- Я. - Оксана боязливо притаилась у двери.

- Открой сейчас же!

Она дрожащими пальцами отодвинула задвижку.

Сторож рванул дверь.

В кабине перед закрытым унитазом пугливо поживалась босая девушка с, обнаженными стройными ногами.

Хромой облапал взглядом налитое девичье тело, холмики грудей с проступающими под тонкой материей шишечками сосков.

С жадно загоревшимися глазами он, шумно сглотив, шагнул на нее. Оксана отшатнулась, вжалась спиной в железную перегородку.

- Что это? - Хромой кивнул на выпиравший из-под рубашки уголок.

Ничего. - Она обхватила руками живот. - Покажи.

- Это так, - бумажки. - Она инстинктивно заслонилась от сверкающих глаз ладонями.

- Да ты не бойся, - вдруг смягчившись, прохрипел хромой. - Покажи. - Лапающими ладонями он заскользил по ее ногам, вскинул рубашку.

Увидев заложенную за резинку трусов тетрадь, задрожавшими пальцами потянулся было к ней, но

девочка, опередив, вытащила ее сама, стянула книзу полы короткой ночной рубашки.

Сторож выхватил тетрадь из слабого кулачка, все еще трясущимися пальцами раскрыл ее.

- «Председателю ООН» - Вслух пробежавшись по строчкам, посмотрел на жавшуюся к перегородке испуганную голову. - Ишь ты куда замахнулась. В Америки пишем? На свою родину жалуемся?! А если я с этим посланьцем да к директору?!

- Отдайте!

- Нет, моя ягодка! - он подразнил тетрадкой перед ее лицом. - К директору.

- А знаешь, - он вдруг вкрадчиво приблизился лицом, - я тебя, наверное, спасу. Не выдам. И тетрадку отдам. - Хромой провел ладонью по плечу. - И никакой директор не узнает. Ты только поддержи здесь. - Он торопливо расстегнул штаны. - Это ж не больно. Многие девочки здесь даже и целуют. Посмотри. - Он хотел было подвести ее ладонь к паху, но Оксана испуганно закричала.

Хромой придавил ей рот.

Оксана, оттолкнув его, вырвалась в коридор, плача побежала к спальне.

9

Родные места встречали Иче тепло, к вечеру он возвращался домой сытый, хмельной и с еще одной галочкой в своем списке испытанных радостей.

Не получилось только повидать актера. В карты он играть не приходил, а в дом к нему обрубьш никогда не хаживал: кто такой, он, обрубьш, чтобы гулять по домам

знаменитостей, какими бы игроками или кутежниками они не слыли.

Но нет проблем. Тем более сейчас, когда нелепыми и невозможными казались все людские потери и горести: ведь он после долгой разлуки в родных местах.

И ничего здесь не изменилось: все те же улицы и переулки, те же привычки и обычаи, разве что поднялись новые высотные дома да появилось много незнакомой молодежи и новых старцев.

Прежним остался и этот угловой дом.

Подходя к нему, Иче невольно подобрался: из черного окна, наполовину задвинутого серой, видно, давно не стиранной шторой, смотрело женское болезненное лицо. Седые пряди, стекавшие с висков, неприятно змеились вдоль впалых щек. Глаза смотрели цепко, точно пытались что-то вызнать в прохожих.

Все, как много лет назад. Как будто Иче никуда и не уезжал. Прицельно бьющий взгляд точно сбрасывал в другой мир. И хотя это длилось всего несколько мгновений, невольно забывалось, что есть солнце, тепло, свет, радость. Лицо в окне было каким-то напоминанием: знай, что есть судьбы неисправимо несчастливые, что есть неизлечимая боль и нужно прийти к состраданию, знай, что этот мир не стоит и гроша и - мир богат.

10

... В огромном стремительном колодце неотвратимо приближались красные выпученные глаза огромного паука. Уверенно перебирая лапами, паук подтягивал к себе добычу - скрученного паутиной головастого человечка. Пытаясь разорвать ее, человечек напрягал руки,

плечи, но, жестко опутанные, они были беспомощны, и тело неудержимо приближалось к выпученным глазам.

- Что милей всего? - Скрипучий голос требовал отгадки.

- Любовь! - отвечал человек, рвал плечами, но выпученные глаза придвинулись ближе. - Мать!

Но уже слышалось дыхание паука.

- Сын! - Но красные огромные глаза стали над головой.

- Жизнь! - крикнул человек, паутина резко замерла, и оглушительный рваный хохот вырвался из неподвижной головы, разнесся по колодцу.

- Жизнь! - в холодном поту повторил человек. Неподвижная голова все также выбрасывала леденящий смех, но паутина дрогнула, подобно сети стала распускаться ко дну колодца, человек рванул плечом, высвободился ...

... Комната качнулась в полумраке, всполошенный взгляд Матвея ударился о стену, скользнув по комнате, различил предметы.

«Сон! Это был сон!» Стало легко и спокойно. Старый сон, снившийся уже много раз. Но все ушло с ним: и тот паук, и душившая паутина, и мрак стремительного колодца. В душе поднялось счастливое осознание, что есть жизнь и ты живешь. Просто живешь. Но продолжалось это несколько мгновений: слабый свет, растекавшийся по лачуге старика, вдруг щемяще-остро напомнил, что есть этот развалившийся дом, есть кем-то придуманная уродливая людская жизнь и есть в ней, он, Иче, бездомный уродец, для чего-то остающийся жить.

И теперь уже с усмешкой вспомнилось пробуждение, то счастливое состояние, словно спасся он от неминуемой гибели.

«Откуда в человеке такая любовь к жизни? - подумалось холодно. — Что в ней, в этой неизбежной тоске? Что заставляет дрожать за нее, как нищий дрожит за копейку? За копейку, которую он, может выпросил на четвереньках? Откуда эта любовь? Неистребимая, жадная до отвращения? .. И как испугался? ... А потом какое было счастье, что это всего лишь сон ... Паук ... Знает свое дело ... »

Невидящими глазами Иче смотрел в ночной потолок.

Сумрачная комната показалась какой-то ямой, над которой зависли гогочущие рожи; Они заглядывали на дно, где он жалко метался по углам, как пойманная зверушка в поисках выхода.

На зверушке был шутовской двурогий колпак с бубенцами.

Иче раздраженно переметнулся на бок, но тот зверек все еще кружил по дну ловушки. И жалко подрагивали на колпаке бубенцы-колокольцы. .

Шут. Кто-то держал его за шута.

Свесив короткие ноги к полу, Иче сидел на койке, обхватив руками большую, как колокол, голову.

Хохот над ямой разносился по всей подлунной.

11

К человеку из светских кругов в таких компаниях отношение определенное: смотря по игре. Если тебе сопутствует удача, одно из двух тебе обеспечено: либо ненависть самих же картежников, либо уважение.

Но если ты нефартовый, то все твои гражданские титулы, как дровишки для поджарки твоих же двух пятков: от презрения тебе не откупиться ...

Люди любят и жаждут падения другого. Для многих это утешение от собственного ничтожества.

Такие будут говорить о помощи упавшему, но оступившегося брата добьют, они же на всех углах могут распинаться: «Не завидуй!» - но успеха своему же близкому человеку не простят и могут дойти до откровенной мести.

Актер для игроков был, как безличная полинялая игрушка, на которую если и обращают внимание, то когда случайно споткнутся.

Он это понимал, но карты бросить не мог и из года в год мыкался по всем дворам и комнатам за своим картежным кланом. Их насчитывалось человек тридцать - постоянных игроков - такой нелегальный клуб, «члены» которого изредка обновлялись: уходили старики, появлялись молодые.

Иче с первого дня возвращения негласно вошел в ветераны. И хотя играл не часто, занимал в этом братстве свое место.

12

На этот раз (прежнюю квартиру «накрыла» милиция) игра переместилась в дом семидесятилетнего старика Наума. Игроки для этого сняли зал и комнату со двора. В зале поставили стол. Вторая комната скрывала двух полуголых девиц: вдруг кому-то захочется и этого. Старик Наум, видно, знал, что хорошее дело тогда хорошее, когда, прилично обставлено.

В субботние вечера обычно собирался «цвет»: ставки делались крупные.

Стол стоял под яркой люстрой с кольцом наблюдателей за спинами игроков. Когда открывалась дверь, несколько голов, как по команде, поворачивалось в ее сторону, и порой сыпались шутки.

Актера Иче узнал сразу. Тот стоял в стороне от замерших спин и несколько воровато пересчитывал купюры. Посчитав, приложил в раздумье палец к губе, долго о чем-то размышлял и затем снова стал перебирать банкноты.

Иче, с улыбкой глядя на старого знакомого, которого не видел столько лет, взялся за деньги, словно хотел их вырвать.

Замерла от неожиданности рука актера, он, вскинув глаза, застыл. Все еще держа на весу деньги, покачал головой:

- Господи! А поседел! Неужели ж это тот мой юный Иче?! - Он широко разбросал руками и, нагнувшись, нависнув над коротышкой, обнял его:

- Кто Бы мог подумать! Сколько лет! Головы вокруг стола обернулись.

Джон, сидевший за игрой с сигаретой в зубах, сощурился от дыма глаз, пробасил:

- Не виделись еще? - и снова ушел в свои три карты. Актер держал Иче за плечи, с каким-то весельем смотрел на него. Они сели на диван возле двери во вторую комнату. Штора на ней приоткрылась, и высунулось пучеглазое лицо молоденькой девицы.

- Ах ты, мышка! - чмокнул воздух актер, шторка снова поехала на место, скрыв ярко накрашенные глаза,

губы, и сквозь колыхнувшуюся материю слышалось бойкое шушуканье.

... Иче с актером в игру вошли одновременно. Обрубьпп сел слева от Джона, откинулся на стуле. Мельком, но пристально глянули друг другу в глаза.

Играло шесть человек. Кольцо вокруг освещенного люстрой стола уплотнилось. К потолку поднимались седые лохмы дыма.

Актер, Джон и сидевший по его правую руку длиннолицый мужчина сделали по ходу.

Иче, упрятав карты в ладони, приоткрыл уголки каждой и сбросил.

Первый банк взял актер, с деланным равнодушием сгреб деньги, сложив их в аккуратную стопку. Придавил пачкой сигарет и зажигалкой.

Некая пирамидка.

Делая ход, актер приподнимал сигареты с зажигалкой, брал купюру и снова восстанавливал пирамиду.

Кто-то, проигравшись, встал. Его место тотчас заняли, игра не прерывалась.

Ставки росли.

Над игровым столом нависла чуткая тишина, лишь изредка прерывавшаяся женским хохотком из соседней комнаты да шагами старика Наума, подносявшего игрокам то чашку кофе, то чая.

Где-то к полуночи игравших осталось четверо: Иче, Джон, Актер и еще длиннолицый молодой мужчина.

Актер, бросивший игру, но решивший подождать Иче, занялся девицами: что-то декламировал под их смешки шутовским тоном. Потом одну из них за ненадобностью выставили, и она то валялась на диване, то

бесцельно шлялась по залу, подрагивая большими, вываливающимися из бюстгалтера грудями.

На кону собралась кипа купюр.

Карты Джона лежали на столе перед ним. Подняв их, приоткрыл, что-то высчитывая, зыркнул исподлобья на Иче и небрежно сбросил на кон оклеенную крест-накрест пачку крупных купюр.

Иче окликнул полулежавшую на софе девуцу. Она поднялась, поправив у промежности тонкие трусики, завихляла обнаженными бедрами.

- Что, мой зайчонок? - Стала подле Иче.

- Постой-ка рядом. - Он глянул на верхнюю карту и протащил по глади полированного стола две нераспечатанные пачки на кон.

Следующий тут же сбросил карты, поднялся. Второй после Иче, перебрав карты, тоже двинул к банку две пачки.

Джон, проследив за движением этой потекшей к кону руке, бросил игру, с побелевшим лицом вышел из-за стола.

Остались Иче и сидевший напротив длиннолицый мужчина с тонкой нитью усов. Тот выжидающе посмотрел на коротыша.

Цепкий напряженный взгляд: глаза в глаза. Подавив в себе страх, Иче повторил ход. Длиннолицый, ссутулившись, долго смотрел на верхнюю карту, подложил ее под нижнюю, затем другую. Воспаленные глаза бегали от карт к выросшей горе денег:

- Ну, давай что-нибудь! - Раздвинув уголки карт, зло швырнул их. Две из них легли картинками кверху, третья, попав в кучу денег, смешалась с ними.

Иче почувствовал, как гулко ударило сердце: все! Эти деньги, эта гора денег, эти перетянутые крест-накрест тугие пачки принадлежат теперь ему!

Захотелось положить на эту горку денег голову, как припадают лицом к волнующей женской груди.

Подавив непослушную улыбку, Иче откинулся на стуле, почувствовав затылком мягкие груди все еще стоявшей за его спиной девицы.

Длиннолицый, словно отключившись от окружающего, в каком-то подавленном раздумье выпел из-за стола. Не проронив ни слова, ссутулясь добрел до двери, забыв закрыть за собой, скрылся в ночи.

Следом деланно-неспешной походкой выпел Джон.

Иче с ликованием принимал это шествие побежденных им больших людишек, которые если не откровенно, то в душе считали его ничтожным и второсортным.

И сейчас он словно восседал на троне, а к его ногам побежденные враги сбрасывали свои опозоренные знамена.

Еще некоторое время он смаковал удовольствие от победы, оставаясь за столом, в центре которого возвышал ась, поблескивая под люстрой, внушительная гора банкнот.

И плакали карманы Джона и остальных!

Девица, все еще стоявшая над ним, кошачьи мягко обняла его со спины, лстиво заурчала на ухо:

- Видишь, какая я удачливая?

- Удачливая, - суховатыми губами произнес Иче и кивнул на беспорядочно высившуюся кучу денег. - Сделай как надо.

Девушка с готовностью: села, за стол, обеими желтыми под светом люстры руками стала сгребать деньги.

- Ух ты! Сколько их! - восторженно горели ее глаза.
- Вот это я понимаю! - Казалось, будь это возможным, она окунулась бы в эту горку с головой и купалась в утоляющем шелесте купюр.

В дверях со швейцарской важностью стоял хозяин дома старик Наум.

- Дед, шампанского! - Иче великодушным жестом бросил короткой кукой.

- Слушаюсь! - лакейски козырнул тот.

- Дед! Шампанского! - Девушке за столом, видно, понравилась такая команда и она; словно брызгаясь, подбросила над столом кипу денег.

Шторка в соседней комнате раздвинулась, и в дверях стал взлохмаченный актер.

У него было устало-счастливое лицо, будто он хирург и только что вышел из операционной, где после сложнейшей операции спас чью-то висевшую на волоске жизнь. «Хирург» звонко застегнул замок на ширинке и по-актерски изящно вскинул рукой:

- Дед! Шампанского!

13

- До утра - здесь! - хозяйски распорядился Иче, угодив подошедшую к столу девушку звучным шлепком по обнаженному бедру.

- Баловник! - Она кокетливо вскинула подбородком.

Ее подруга, тоже в трусиках, бюстгалтер и туфлях на длинных голых ногах, лежала на софе, забросив на

поднятую коленку ногу, и вертела острым красным носком туфли.

- Господа! Кушать подано! - В комнату с шипящей сковородкой втекла сутулая фигура старика Наума.

Иче, актер, хозяин и две девицы расселись за столом. Сковородка легла на середину, где еще недавно высилась стопка денег.

На люстре выкрутили пару лампочек, мягкий полумрак растекся по комнате.

Чокнулись за победу. Пили.

... Суетился старик, поднося новые закуски, подновляя стол.

- Танцы! - Хлопнул в ладони Иче. Восседая во главе стола, с хмельными глазами, он походил на игрушечного царька, приказы которого выполнялись тут же и с особенным усердием.

Разметал тишину заголосивший на всю громкость магнитофон.

- Давайте! Голенькими! Только голенькими! - поговаривал Иче. Первой выпорхнула из-за стола пучеглазая с сигаретой в длинных пальцах. Вскинув руки, закрыла глаза и, словно в каком-то трансе, описала медленный круг. Выдернула из-за стола подругу, сбросив с себя бюстгалтер, завилась вокруг нее, скользя по ее телу длинными, как виноградины, сосками.

Старик Наум, подавшись вперед, остолбенел, глаза его округлились. Не мигая, он всасывался глазами в бющие по воздуху обнаженные груди. Дрогнувшими руками он плеснул себе водки, залпом выпил.

- Эхма! Тра-ля-ля! - И бросился в круг к девицам, заюлил, завился подле них под громкий хохот.

Актер вытирал блестящие от слез глаза, громко сморкался.

Посмеивался на своем троне Иче.

- Давай, Марк! - С куражем он поднял бокал.

- Будем! - ответил тот сквозь затихающий смех.

Иче, опорожнив бокал, отшвырнул за спину, тот, ударившись о пол, со звоном разлетелся.

Старик Наум ползал в ногах обнаженных танцующих девиц, закатывал глаза, жадными руками скользил по голым бедрам, тянулся к грудям.

- Испить до дна! Исчерпать! Исчерпать себя и жизнь! Все остальное чепуха! - сквозь музыку расставил Иче, откинувшись на стуле. - Дай сигарету, Марк.

- Ты же не куришь, - просто сказал актер, но с готовностью раскрыл пачку и протянул Иче.

Сигарета в губах обрубьша показалась необычно длинной, сотворив из него головастого большого ребенка.

Иче неглубоко затянулся, выпустил разжеванные губами клубы дыма.

- Исчерпанный человек... Вот! - Он поставил локоть на стол, сигарета, зажата меж двух пальцев исходила тонкой сизой струйкой. - Остальное ... - он не договорил: одна из девиц, обдав его запахом духов, села на колени, прильнув волнующейся грудью.

Девушка осмотрела лицо Иче, пьяно проворковала:

- В первый раз с таким маленьким.

- У меня не маленький! - Иче отбросил сигарету. - У меня вот такой! - Он резко просунул между ее ног руку, и девушка оказалась на ней, как на деревянной лошадке.

Но та, будто этого и ждала, обхватив толстую руку Иче своими двумя, сильнее прижала ее к промежности, закатила глаза.

Оборвалась музыка.

- Ну, ладно-ладно! – Иче выдернул кисть. - Иди. Я сейчас...

Сокрушенно выдохнув, она спорхнула с колен обрубьша, завихляла округлыми ягодицами, которые отсвечивали в полумраке, как золотистые апельсины.

Она вошла в соседнюю комнату, со звоном задернула штору. Скрипнула кровать. За подругой скользнула вторая девица.

Старик Наум, полулежавший на красном паласе, враз лишившийся удовольствия гладить женские ножки, сокрушенно громко вздохнул:

- Эх! Трудно жить без пистолета!.. Кстати, - развалившись на полу, как старый ленивый кот, он поднял глаза на Иче, будто к хозяйскому столу за рыбкой. - Кстати, генерал, пистолет тебе не нужен? Новенький! «Вальтер». Две обоймы...

Иче пристально посмотрел на валявшегося на красном паласе облезлого «кота»:

- Ну, давай. Посмотрим, что у тебя за пушка, - и усмехнулся. - Наумыч, у тебя, наверное, и танк имеется?

- Танка нет, - невозмутимо ответил Наум. - Но пару гранат – могу... Надо?

- Не надо. - Обрубьш с актером рассмеялись.

- Хозяин – барин... А то бы и гранаты можно ... - Он кряхтя поднялся, через пару минут вернулся в зал с большим тряпичным свертком.

Расчистив перед Иче край стола, развернул зеленый бархатный лоскут.

Под светом люстры блеснуло черное вороненое дуло.

Иче с каким-то веселым удовольствием повертел пистолет в руках, пригладил сверкающий корпус:

- Симпатичная штучка! - не переставал он любоваться. - Марк, а почему люди так любят оружие ... Я чувствую: у меня рожа, будто я не пистолет, а молоденькие девичьи сиськи ласкаю. Такие, знаешь, беленькие, упругие. А это не сиськи. Совсем не сиськи. И наоборот: сисечки тебя молочком накормят, жизнь дадут, а эта штукавина если угостит, то той жизни и не станет.

Старик Наум глуповато улыбался: возьмет обрубш - «товар» или не возьмет.

Актер, сцепив на столе длинные холеные пальцы, слушал.

Иче церемонно, словно хрупкую вещицу, положил пистолет на бархотку.

- Я, человек, люблю это оружие потому, что я шут! Мне нравится быть сильным, могущественным! Человеку нравится быть Богом! Вот я подержал пистолет и властелином себя почувствовал ... Шут - человек!

- Так берешь? - не утерпел стоявший над ним Наум.

- Беру. Обожаю сисечки!

Договорились о цене.

- Положи в пакет, где деньги! - бросил Иче.

Наум заботливо, словно пеленал младенца, завернул: пистолет в тряпицу, отошел от стола.

Спрятав оружие и деньги, вернулся за свой стол, с разрешения выпил рюмку и с хлюпающими глазами стал вслушиваться в разговор.

- Один мудрец определил, - говорил Иче, - миром движет любовь и голод.

- Любовь и голод движет миром! - С пафосом произнес актер.

- Миром движет страх. - Иче сложил на столе короткие костистые руки.

- Может быть, - дымил Марк.

- Миром двигал и движет страх. Но это движение в обратную сторону от пропасти. Человек не должен уходить от пропасти, он должен пройти через нее. Только тогда, он от нее освободится.

Актер, словно забыв о своей сигарете, с нескрываемым удивлением, словно не узнавал что-то давно знакомое, смотрел на Иче:

- Ну, давай-давай, - с интересом растянул он...

- Я тебя понял, - усмехнулся незло Иче. - Да, от того Иче осталось одно имя. И действительно имя ... Ну, ладно. Я просто тебе хочу сказать, чего бы хотел человек вернее, какая религия спасла бы его.

- И какая?

- Все религии грозят пропастью, внушают страх перед ней, уводят от нее и тем самым лепят из человека раба. Мы все рабы пропасти. Рабы страха.

- Может быть, может быть, - с любопытством пропел актер, облокотившись о стол.

- Скажи, Марк, если тебе будут принадлежать все: самые красивые женщины, а одна, всего одна-единственная, но которую ты больше всех хочешь, не согреет твою душу, ты сможешь считать себя счастливым?

- Нет, конечно.

- Что скользнуло мимо, уже никогда не будет твоим. То, что ушло, ушло безвозвратно. И ничем этого не вернуть и не изменить. Так?

- А твой крестник не зря тебе дал такое имя.

- От него все и пошло ... Ну ладно ... Так все же: как испытать не принадлежащую, но желанную тебе любовь? Испытать до дна. Чтоб потом не было боли от несбывшегося?.. Ты знаешь, что такое боль от несбывшегося?

- Ну, а кому как не актеру знать об этом? Эх, Иче, Иче! Какие роли я мечтал сыграть. И мог бы. Но сначала не давали, а теперь уже поздно. Уже «не испытать», как ты говоришь, эту «любовь»...

- Религия исчерпанного человека! Вот что могло бы спасти человека! И весь бы мир изменился!

Старик Наум непонимающими сонными глазами поглядывал то на актера, то на Иче, засыпая, клевал носом.

Иче проигрывал ножом, никелированное лезвие отбрасывало острые блики.

- Религия исчерпанного человека, только она может спасти людей, - продолжал обрубать, - исчерпать в одной любви любовь всех самых красивых женщин. Не испив и одной капли, испытать всю разлитую в мире сладость и наслаждение. Короче, не имея - иметь, не возвращаясь - вернуться, не убивая - убить, не испытав ничего, - пережить все!

- Ну ты даешь! - пропел актер. - И как же это: не переживая - пережить?

Вконец разомлевший от водки Наум заснул, клюнув лицом, едва не вlepился лбом в свою тарелку. Тут же, выпрямившись, как робот, вопрошающе-сонными глазами прошелся по сумрачной комнате.

- Я - спать, - хмельно усмехаясь над собой, отмахнулся он, грузно выбрался из-за стола.

Иче смеялся. Актер, словно озабоченный какой-то навязчивой мыслью, вяло улыбнулся.

Старик плотно прикрыл за собой дверь.

Актер, по-прежнему о чем-то думая, жадно курил.

- Давай еще, что ли? - Он вдруг плеснул в рюмки, не дожидаясь Иче, торопливо стукнул своим бокалом о его и так же быстро вышел.

Курил глубоко затягиваясь, точно смаковал анашу.

- Если б это было возможно: « ... не возвращаясь - вернуться ... » - выдохнул он. - Если б это было возможно! - Он облокотился локтями о стол, сжав ладонями виски. - Если б это было возможно! - Он поднял на Иче пьяные, затуманенные слезой глаза. - Но это невозможно! Ничего не вернуть. Никогда ничего не вернуть. И не изменить. Вот ты сейчас сидишь со мной, пьешь, думаешь про меня, что я человек, а я не человек! - Он пьяно покачал пальцем. - Я гад! ... Я от сына своего отказался. Он больным родился. Я никогда не говорил ... А тебе скажу, хоть душу выложу ... Тебе можно ... Мы его в больнице оставили.

Иче замер, какая-то острая догадка прожгла мозг.

- Ну и что с этим сыном? - справился он с собой. - Не знаю. Мы не спрашивали... Нельзя было его нам. Понимаешь, мы ведь видная семья, - стал нервничать он. - Ви-идная. Еще бы: муж – известный великий актер, жена тоже крупный начальник. Таким разве можно уродца?! Позор! ... А с возрастом своих мертвецов любить начинаешь. Ищешь их ... А, может, он и не умер? - тяжело выдохнув, он махнул рукой. - Расплата. А с другой стороны, подумаешь, что бы мы с ним могли сделать? Все равно ведь ...

Но Иче уже не слышал. Маленькому царьку на троне вспомнился специнтернат, увиделись перекопанные в злобе лица воспитателей, которые, придавив его

лицом к длинному обеденному столу, полосовали спину гибким прутот: за побег.

В ушах стал посвист этого тонкого, как трос, прута и показалось, что и сейчас спину выжгла боль от его обжигающего и рвущего кожу удара.

Иче торопливо сполз со стула, переваливаясь с ноги на ногу короткими ножками, засеменял к двери.

- А ты... ? ~ пьяно удивился актер.

- А - я! - резко бросил Иче. Вспомнив про пакет с деньгами, достал его из-за тумбочки под телевизором и, так же не глядя на Марка, толкнул дверь.

- Так подожди, и я ... - пробормотал тот. - Вместе и пойдем. - Он медленно, словно схватило спину, поднялся со стула.

Громко ударила дверь.

Актер, точно сбитый волной, осел на место, откинувшись на стуле, свесил руки плетями. Глаза его долго пьяно шарили под серым потолком сумрачной комнаты.

Актер наклонился к столу, налил водки.

Выпив, оттер ладонью рот и повернул лицо к соседней комнате:

- Эй, матрешки, а ну-ка идите к человеку... Спят ... что ли ... суки! Сейчас ... - покачиваясь, едва не сорвав с двери штору, он ввалился к девицам в комнату, но через минуту под ругань и шум вылетел из нее и растянулся на полу у кромки красного паласа.

14

Не разбирая дороги, торопливо семенял по ночным улицам Иче.

Обрывки мыслей и воспоминаний казались прутьями, рассекавшими мозг.

Помахивая пакетом с деньгами, обрубьши почти бежал. Снова бежал.

Как бежал когда-то из специнтерната, как бежал от себя, и сейчас торопился уйти от уничтожавшего душу вопроса: Актер ... Нельзя уродца ... А вдруг этим уродцем был он - Иче. Уродца! Уродца! Уродца!

Обхватив гудевшую, как колокол, голову, не замечая и сам, сорвался на бег.

Бежал не видя пульсирующую под ногами тускло освещенную дорогу. Мысли теми же стальными прутьями рассекали мозг в кровь.

Маленький царек петлял в ночи, как черный жучок по извилистой дорожке.

Он хотел слез, но душа была пуста, как вылизанная миска голодного интернатовца.

Царек не заметил, как пляшущая дорожка уперлась в бетонную стенку.

Иче с разбега ударился о стену лицом, соскользнул на землю.

Пакет с деньгами и пистолетом, отлетев от стены, грохнулся рядом. Десяток купюр вывалились из него и лежали вразброс. Невдалеке тускло поблескивал выпавший из пакета «вальтер».

Иче поднял глаза к ночному небу, которое словно черная повязка, закрывала чьи-то глаза.

И снова он показался себе тем зверьком, который, попав в ловушку, метался по дну, разбиваясь о непреодолимые стены не находя выхода.

И над ямой катил хохот.

«За что, Господи?» - Царек сбросил взгляд с черной гогатавшей бездны.

Шут. Жалкий смехотворный уродец. Победитель ... Иче сидел на земле, привалившись спиной к стенке.

Безмолвная и бесполезная ночь.

Пистолет.

Он только сейчас заметил, что уже с минуту неотрывно смотрит на черный призывный блеск оружия. Он потянулся за ним. Со странным спокойствием стал рассчитывать, как лучше сделать это.

Приложил дуло к виску.

И вдруг в мозгу возник образ старца. Вспомнилась его спокойная странная улыбка. Как светящийся вдали маячок.

Что говорила она и куда звала? ...

15

... Но как обычно бывает на этой земле?

Красивый хочет, чтоб красивым был только он.

Уродливый ищет уродство во всем.

Счастливый позавидует счастьем другого.

Несчастный пожелает страданий остальным.

Униженный жаждет падения всех.

... Кто знает из чего исходила злоба Катервны. Может быть, придумывая очередное, наказание и повелевая, она казалась себе такой же нормальной, как и все свободные люди.

В предвкушении удовольствия, сцепив за спиной корявые руки, она выпагивала вдоль шеренги девушек, которые по ее приказу выстроились в спальне.

Перед шеренгой, как перед солдатским строем, опустив голову, стояла Оксана.

Катка выпагивала мимо сосредоточенных лиц, ее тапки во время ходьбы шлепали по босым пяткам, издавая чавкающий звук.

Она остановилась возле «виноватой», вцепившись в волосы на затылке, дернула к спине:

- Прямо гляди! - рявкнув, она обнажила желтый ряд мокрых от слюны зубов.

- Ворюга! - Катерина прошлась взглядом по шеренге, точно прощупала ее; болезненные одутловатые лица сменялись обыкновенными, нормальными, которые в этой череде казались случайными.

- Она своровала у Наташки носки! - докладывала Катерина.

- Я не воровала! - всхлипнула Оксана.

- А почему тогда в твоей тумбочке?

- Не знаю! Мне не нужны ничьи вонючие носки!

- Вонючие? Наташка, а ну давай!

Из шеренги выпшла полная девочка со сползавшей по подбородку слюной. Протянула грязного цвета носки.

Катка поднесла их к носу, сморщилась.

- На кровать ее! - бросила «атаманша», и через секунду к Оксане метнулось несколько девушек.

- Замелькали руки, посышались возгласы. Ударил звук пощечины. Возня продолжалась несколько минут.

- Оксана лежала со связанными руками и ногами.

Растрепанные «исполнители» переводя дыхание осматривали свою работу.

- Будешь жевать! - Катка швырнула носки в лицо. И снова, точно охотнички на травле, на завязанную накинулись послушные исполнительницы.

Оксана стиснула зубы. Кто-то перехватил ей горло, чьи-то пальцы, стараясь разжать рот, дырявили губы.

Оксана рвала головой, уводила рот. Кто-то ударил ее по лицу, вцепился в волосы.

- Отставить! - вдруг стеганул от двери мужской голос.

- Прекратить самосуд! - Вскинув руку, интернатовский сторож Филипп захромал по длинному проходу к замершим над Оксаной девушкам.

- Пошли! - погнал он их и незаметно подмигнул Катьке.

Став над кроватью Оксаны, посмотрел на перевязанные руки и ноги.

- Не бойся! - хромой склонился над ней. - Видишь, я тебя спасаю. Сейчас развяжем. - Он потянул за конец веревки и тихо прибавил: - А тетрадку я пока никому ... А то ведь я знаю: они могут тебя и в Дом инвалидов, если что ...

Дорожки слез блеснули на ее щеках,

16

Работу на колодце договорились отложить дня на три. Сначала решили подыскать для Иче подходящий домик, и еще надо было съездить в Дом ребенка.

- Так торопишься туда? - поинтересовался старик.

- Надо про деньги выяснить. Ведь немало я их выслал. - Хотя это и было правдой, но в ту секунду обрубыш думал о недавнем разговоре с актером: «... в роддоме оставили ... уродца нельзя ... »

Нашлась и машина. Старик попросил соседа.

Утром, как и договорились, Иче с соседским парнем Назаром выехали к Дому ребенка.

Солнце карабкалось в небо, как тарантул.

За окнами автомобиля стремительно мелькали сонные тополя, серый асфальт с посвистом шелестел под колесами.

До селения, где находился дом, набегало до шестидесяти километров. Дорога была по-утреннему свободной.

После нескольких минут езды разговорились.

Назар, сосед Ильи, пухлолицый парень лет двадцати двух, оказался словоохотливым, любившим, как понял Иче, всякую и любую информацию о дальних и ближних.

На его полной верхней губе росли негустые блестящие усики, которые временами он прилизывал, высунув кончик языка.

Про Иче он, видно, знал все, но только не мог понять, что у него за иностранное имя.

Разумеется, выпросил.

Иче рассказал о работавшем в Доме ребенка в его времена завхозе Акимыче.

Акимыч, добродушный мудрый мужичок, любил давать новоприбывшим младенцам необычные имена.

Правда, многих из роддомов привозили уже с готовыми документами. Часто это были имена самых популярных людей земли. В спальне рядом с кроваткой Майкла Джексона могла стоять кровать первого космонавта Юрия Гагарина, дальше располагалась еще какая-нибудь суперзвезда, но бывало и местного значения. В Доме могли оказаться и тезки: две Софии Лорен или два

каких-нибудь американских президента. Случались и хоккеисты из НХЛ.

Такая вот прихоть почему-то находила на некоторых матерей, навсегда оставлявших младенцев.

А у завхоза Акимыча имелась своя, система.

Развернув «свеженького» и безымянного младенца и отыскав в нем что-то характерное, иногда видное только его мудрому оку, Акимыч собирал из двух слов одно имя.

Такая некая аббревиатура.

Если завхозу вновь прибывшее существо могло показаться добрым, оно тут же нарекалось Дореком, то есть «добрый ребенок». Если перед Акимычем «распаковывали» девочку и у нее была ровная ножка, то получалось звучное и почти французско-итальянское Рона: «ровная ножка».

Встречалось и с китайским колоритом - Чиюн, то есть чистый юноша.

Для одного младенца после серьезного осмотра Акимыч почему-то решил сократить «исчерпанного человека».

И получилось Иче.

... Дом ребенка, двухэтажный особняк с черепичной крышей и двумя колоннами, находился у въезда в селение, в ста метрах от дороги.

Огромный сад окружал его, словно прятал, от чьего-то глаза жуткую тайну.

На игровой площадке перед зданием возились маленькие дети: копались в песке, гомонили вокруг качелей, бегали, смеялись, воевали друг с другом и ничем не отличались от миллионов других. Если бы не клеймо в официальных бумагах: «Дети, временно лишенные роди-

телей». Но за этой фразой стояло другое: дети, брошенные родителями. Невольный клан.

При виде вошедших на территорию Иче и Назара они побросали свои игры, вопросительно вытянулись, как болонки на задних лапках.

Они с надеждой смотрели на незнакомцев, ожидая, что, может быть, это пришли за ними и сейчас заберут «домой».

Иче невольно опустил глаза, в груди защемило. Он попытался припомнить, как много лет назад он так же выпрямлялся при виде входивших в ворота дядек и тетек, но в место каких-то образов в груди стояла боль.

Под разлапистым ореховым деревом сидела молодая воспитательница.

Иче перехватил её любопытный взгляд: наверное, интересно было смотреть на делегацию во главе с уродцем.

- Главная у себя? - подошел к ней Иче.

- Да.

- Вера Арнольдовна?

- Да. А что вы хотели?

- Да ничего. Вы меня девушка не знаете, конечно ...

Я из вот таких, - Иче кивнул на все еще следивших за ними детьми.

Поднимаясь по широким бетонным ступенькам, Иче выдохнул, словно от какого-то неожиданного волнения перехватило дух.

Назар остался возле воспитательницы.

Перед кабинетом главврача Иче собрался, хмыкнув, постучал.

- Да.

Он осторожно вошел и стал в дверях, как маленький, чего-то выпрашивающий человечек.

Пожилая женщина в очках и белом халате, сидевшая за столом, глянув, замерла.

- Иче-е? - точно не поверила она себе. - Какой ты стал взрослый!

Вера Арнольдовна поспешно выпшла из-за стола, прижала к себе едва доставшего до ее груди человечка:

- Жив-здоров! Слава тебе Господи!

- Жив! - он поднял на нее потеплевшие глаза. Главврач усадила Иче на диван, устроилась рядом. Вспомнили.

- Спасибо за переводы. - Вера Арнольдовна положила ладонь на его руку. - Я все записала. Все расходы... До копейки. Твои денежки так помогали нам. Я сейчас: тебе тетрадку дам. - Она было приподнялась, но Иче остановил ее:

- Не надо. Я это обязан был сделать. Вы меня здесь выходили, с того света, можно сказать, вытянули... что там мои копейки. - Он помолчал и, казалось, долго не мог начать, долго не мог решиться.

- Я тебя слушаю, Иче,- помогла она.

- Вера Арнольдовна, - вдруг заговорил он, - вы мне должны помочь. Я, вообще, верил про своих родителей, а теперь нет ... Вера Арнольдовна, помогите ... я хочу узнать правду ... Документы ... У меня есть одно подозрение ... я знаю, что этого не может быть ... но мне надо освободиться от этого.

Вера Арнольдовна поправила очки, опустила голову. Комната рухнула в тишину. Стали отчетливо слышны проникавшие сквозь окно детские возгласы, крики.

- Я вас очень прошу... Помогите. - Иче произвольно сжал ее локоть, и, почувствовав это, извинился.

- Хорошо, - наконец, согласилась она и тут же глядя прямо в глаза предупредила:

- Только без всяких последствий!

Иче легко вздохнул, опустившись перед Верой Арнольдовной на пятки, как ребенок, положил голову на ее теплые ладони, покоившиеся на коленях, покрытых белым халатом.

- Вот-вот. Так и в детстве делал. Подойдешь и, как собачонка, на руки. - Она пригладила его большую с сединой голову. - Ну, ладно, вставай, как-никак прошли те времена.

Они вышли из здания.

- «Та» комната еще есть! - бросил он подбородком вверх.

- А куда ж ей деваться...

- А можно я товарищу покажу?

- Это - пожалуйста, - разрешила она.

Иче позвал Назара:

- Посмотришь внутри? Кто знает, может, уже никогда и не приведется...

- Конечно, - охотно согласился тот. Они вернулись в дом.

На второй этаж вела деревянная лестница, покрытая зеленой, чуть истоптанной дорожкой. В первой большой комнате стояло три ряда детских кроваток. В углу, по левую сторону от двери, молодая женщина, придерживая грудь, кормила ребенка.

- Кормилицу наняли? - спросил Иче.

- Ох, с каким трудом! У нас еще одна ставка есть, но никто не хочет и не может ... Исчезает в наше время

молоко у женщин. Как подумаешь, страх берет: что будет!

Прошли вдоль кроватей. Запеленатые младенцы лежали, как обернутые в белое куклы.

- Майклы, Джексоны и Софии Лорен, - напомнил Иче Назару.

- Да, - вздохнула Вера Арнольдовна, - только горько все это.

Назар с любопытством осматривался.

Следующая комната была такой же просторной и светлой. В центре стоял большой манеж с высокими перилами. В нем лежали игрушки.

Отовсюду веяло порядком и уютом.

- Знаете о чем я всегда думаю? – Иче поднял глаза на главврача. - Почему отличается специнтернат: от Дома? И люди вроде те же... Только там издеваются над детьми, а здесь выхаживают... В чем причина? ...

- Ох, не знаю, - вздохнула Вера Арнольдовна.

- Отсюда заеду и к ним. Немного подарков им припас ... Да и для ваших там ... игрушки, конфеты. В машине Только.

Она поблагодарила.

Вышли на лестничную клетку.

- Вот «эта» комната, - она кивнула на выкрашенную в белое дверь;

Вошли.

Широкое окно заливало яркое солнце. В комнате стоял большой манеж. Взглянув на него, невозможно было не содрогнуться от ужаса: на дне кишели огромные головы, скрученные ноги и руки, раздутые туловища. И все это, высвеченное солнечным светом, ползало, шеве-

лилось, бессмысленно улыбалось и копошилось ... И это тоже были дети ...

Назар, не выдержав и десяти секунд, оглушенно подавив гортанный тошнотный звук, вырвался из комнаты и, словно преследуемый, сбежал по лестнице. Едва успев выскочить из дверей, надрывно заблевал на ступеньках.

Говорливый, он непривычно долго молчал в мчавшейся по трассе машине.

- Это все наркотики, пьянство; таблетки, которые принимают родители, чтобы освободиться от ребенка, - для чего-то пояснил Иче, глядя на пролетавшие мимо деревья и столбы.

- Ради Бога! Ради Бога! - взмолился Назар. - И так теперь хватит на год ... Жрать теперь спокойно не смогу. И надо ж было полезть туда!

- Ну ничего, зато будет, что вспомнить, - посмеялся Иче. - а то жил бы и не знал, что такое есть.

- Да лучше бы и не знать, - Назар, одной рукой придерживая руль, устало протатил по лицу, пухлой ладонью. - А там, куда мы сейчас едем, в этом специнтернате тоже есть такая комната?.. Он на секунду оторвался от дороги, взглянул на утонувшего в кресле обрубьша.

- Там нет.

- Слава Богу.

- Там, конечно, есть и больные ...

- Тогда я остаюсь в машине, - перебил Назар.

- Но в основном, здоровые... Знаешь какие девочки встречаются? Я когда-то влюблялся в одну ...

- Ну и что?

- А что может быть? Она нормальная была, высокая ... не как я ...

- Что, правда красивые бывают?

- Бывают! - почему-то с гордостью ответил Иче. -

Тогда я в машине не остаюсь.

Рассмеялись.

Часть вторая ОКСАНА

1

... Если судьба тебе уготовила - этот специнтернат, здоровым и нормальным тебя считать уже никогда не будут. Пусть ты во сто раз умнее тех, кто на воле.

И потому здесь все для всех одно: спальня, класс и даже таблетки.

Учеба в интернате - для отвода глаз. И какое может быть учение, когда на одних и тех же уроках рядом с больными сидят здоровые, попавшие сюда лишь из-за того, что после Дома ребенка они были бесхозными, никому не нужными существами.

Учителя, если что и делали с усердием, то получали зарплату.

И били.

Будь то мужчина или женщина, бить могли из-за пустяка, просто из привычки.

После занятий Оксана вышла во двор. Территория специнтерната, огромный прямоугольник, огорожена высоким забором с колючей поверху проволокой.

В этой «зоне» стояло одно двухэтажное здание, в котором размещались спальни, классы и столовая.

За ним, возле заборов, корежилось несколько старых деревянных построек: подсобки и склады.

Территория, беспорядочно обсаженная деревьями, походила на какой-то неухоженный сквер: вдоль заборов вперемежку с кленами и акацией лохматились макушки низкорослых кустов, всюю росли крапива и бурьян.

Оксана брела под деревьями, опустив голову, раздвигала носком туфли пожелтевшую траву. Раз-два нагнулась, что-то подняв, отбросила.

Оксана искала стеклышко. После угроз хромого Филиппа она выдумала себе спасительное оружие: если он снова начнет приставать, она тут же положит стекло в рот. И если хромой подступится еще хотя бы на шаг, она проглотит осколок.

Только нужно найти с острыми гранями, чтобы потом он больно резал внутри, и все видели ее мучения.

Осколок она упрячет в носок: так незаметнее и быстро можно вытянуть. Никто и глазом не моргнет - а стекло уже во рту.

В какую-то секунду Оксана с любопытством замерла: из домика-проходной, примыкавшей к железным воротам, вышел маленький, но взрослый человечек: головастый, с короткими кривыми ногами.

Следом затопал хромой сторож, раскрыл ворота, и на территорию въехала белая машина.

Головастый человечек сел в нее, и по асфальтовой дорожке она подкатила к двухэтажному зданию.

Со ступенек уже сбежали несколько ребят, вышли преподаватели. Мальчики окружили коротыша, который подавал им из багажника ящики со сладкой водой, какие-то коробки и пакеты.

Продукты снесли в корпус. Вслед за ребятами зашли взрослые.

Что-то смекнув, Оксана подошла ближе, притаилась под деревом в метрах десяти от машины.

Незнакомцы не выходили.

Оксана осмотрела себя, одернув платье, шагнула было из своего укрытия, но снова стала за деревом.

Время шло медленно, как по ночам, когда приходит бессонница.

С возгласами в корпус вбегали девочки и мальчики. Выходили счастливые: каждый с печеньем и конфетами.

Ели одинаково - узко открывая рты, чтоб не откусить ненароком большой кусок - для продления удовольствия.

Разбредались по территории поедать свое угощение в одиночку. Чтоб никому ничего не дать.

Наконец, в сопровождении учителей, обрубьпп выпшел.

Осмотревшись на широком бетонном крыльце, увидел ее. Они долго смотрели друг другу в глаза.

- А ты почему здесь! - Он удивленно сошел со ступенек.

Оксана стояла, прижав ладони к облежавшему бедра зеленому платью.

- Она что, глухонемая? - Иче обернулся на учителей.

- Да нет. Со странностями, правда, - ответили с крыльца.

Иче подошел к ней.

И снова - глаза в глаза.

- Я тоже здесь жил, - пояснил он. - А ты всегда такая молчунья?

Немая секунда.

Над головой, в листве деревьев, громко защебетали птицы.

- А вы писать умеете? - вдруг тихо спросила она. Иче недоуменно оглянулся, но тут же улыбнулся.

- Вообще-то могу.

- Напишите от меня письмо председателю ООН! Пусть меня отсюда возьмут, - быстро лепетала она, глядя

пугливыми глазами. - Меня бьют. И хотят, чтоб я ... - она не договорила, стыдливо опустив глаза.

Обрубьпп вдруг переменялся лицом: вспомнилось, как однажды в этом же, здании, привязав к скамье, его исхлестали ремнем.

- Кто тебя ... - Но не успел спросить, в эту минуту их окружили учителя, что-то ласково залепетали, обняли поникшую девушку.

- Я еще приеду. - Он был намного ниже ее и смог заглянуть в опущенные глаза. Озорно подмигнул, и ей отчего-то стало смешно.

Улыбнулась и она, пригладив короткий, стекавший на плечи шелковистый волос.

- Иди угощенья возьми. А то ведь не останется, - улыбаясь в ответ, кивнул он и пошел к машине.

Отъезжая, приподнялся на переднем кресле, чтоб видеть в заднем стекле фигурку в зеленом платье.

Сторож прежде чем открыть ворота, стал возле дверцы со стороны Иче, наклонился к наполовину опущенному стеклу:

- Спасибо тебе, браток, - смотрел припухшими красными глазами.

- Да не стоит.

- А что эта девочка, под деревом, жаловалась что ли?

- Нет. А что? Ее кто-то обижает? - притворился Иче.

- Ну что ты? Разве ж можно таких ... - Сторож вдруг ластиво и виновато улыбнулся. - Извини, браток, на бутылочку ... не подбросишь.

Иче подал ему в приоткрытое окно.

- Спасибо! Спасибо! - закланялся тот и прохромал к воротам. Проезжая, Иче метнул в него внимательным взглядом.

Сторож нарочито, по-солдатски вытянулся, бросил кверху рукой: салют, мол.

... И снова говорливый Назар о чем-то молчал. В летевшей по трассе автомашине стояла неловкая долгая пауза.

- Че пригорюнился! - улыбнулся Иче.

- Ну, ты меня сегодня нака-чал! - почти пропел Назар.

- Что?

- Я как будто заново на этот свет родился. Накачал! после таких бедолаг ... Да мы же счастливый народ!... А еще на что-то жалуемся. Люди-человеки! Вот каждого повести туда...

- Не поможет. Из людей все равно ничего не получится. Я не обвиняю, но человека никогда не изменить, - глядя на летящую под колеса дорогу, философствовал Иче. - Как были наркотики, так и будут, как грабили друг друга, так и будут, как пили таблетки, чтоб от детей избавляться, так и будут пить. И ничего не поможет. Никакие запреты. В Библии уже тысячи лет написано: не убей... А толку что? .. Если даже на земле будет полный порядок, но хоть один человек на рушит хоть одно «не», все пойдет кувырком, как цепная реакция. И я не верю ...

- А как же без веры? - Назар выдавил сигнал, предупредив идущий впереди грузовик об обгоне. Легко обошли его.

- Жизнь это или великая правда, или великая насмешка, - Иче глянул в окно. - Но чтоб она была правдой, нужна вера, как ты говоришь. А без веры ... так ...

для паука. - Он высунул руку в окно, поводитил ею под встречным ветром.

- Какого паука? - посмотрел на обрубыша Назар. - Есть такой... Или дьявол. Как больше нравится.

- Ну и ...

- У паука что самое паскудное? Самое паскудное паутина. Красивая вещь, но все же подлая. Но подлая она для мошек и разных других тварей. А для паука - вещь необходимая. Такие же паутины есть у каждой твари. У всякого своя. Каждый по-своему ловит.

- Кушать-то надо, - рассмеялся Назар.

- Да. Все кушать хотят. Про человека и говорить не надо. У него тоже есть паутина. Самая хитрая. Расставлял сети как человек, не может ни одна тварь на земле. Но и для человека тоже есть свой паук со своей паутиной. Только этот паук питается духом человеческим. Войны, любовь, зависть, убийства - все это его добыча. Он и выкармливает человека и все блага ему дал, чтоб потом самому питаться. Вот как мы выкармливаем коровок и барашек на мясо, так и он нас ... Чтoб духом нашим лакомиться, действиями, мыслями. Мысль тоже действие. Если что-то подумал, значит совершишь. Хоть слово, не выскажешь. А слово сказал - это уже ниточка паутины. Что-то совершил - еще несколько ниточек. Так и сплетается паутина, которую каждый набрасывает на другого. А все вместе - моя сеть, твоя сеть - это получается паутина паука ...

- Ну ты даешь ... Опять накачал! - неподдельно удивился Назар.

И рассмеялись.

Иметь собственный дом... Жить в своем доме...
Быть хозяином собственного дома ...

И не бояться, что в любую минуту тебя могут погнать, как вора.

Те, кто не имел своего уголка, хотя бы одной, но только тебе принадлежащей комнатенки, тому известна горечь унижения жить в чужом доме.

Но в этой жизни бывает, что исполняются и заветные мечты: Иче приобрел квартиру.

Искали вместе со стариком. С ним же, получив у бывшего хозяина ключи, пришли прикинуть, что и как дальше; какой понадобится ремонт, что заменить, что подвезти.

Однокомнатная квартира Иче находилась на втором этаже девятиэтажного дома.

Во время ходьбы в его кармане изредка позванивали ключи от нее, и обрубьпп с невольной улыбкой ощущал их тяжесть.

Войдя в подъезд с Ильей, хотел было достать их, но искоса глянув на старика, постеснялся: подумаешь, ключи от дома. У кого их не было.

Стали у дверей.

- Ну, давай! - улыбнулся старик. - Открывай свой дом, хозяин.

Рассмеялись.

Иче, стесняясь своей непослушной улыбки, стал к старику спиной.

Приятно защелкали замки.

- Прошу! - обрубьщ бросил короткой рукой к двери.

- Хозяин первым! - Илья дружески хлопнул его по плечу, слегка подтолкнул. - Давай-давай!

Гулко отдавались в пустой квартире их шаги.

Прошли на кухню. Старик опробовал черные ключики газовой плиты, винтики крана.

Нормально.

С двери туалета улыбался маленький писающий мальчик.

Открыли ее.

Старик щелкнул выключателем. Вспыхнувший свет упал на белый сверкающий зев унитаза.

Рассмеялись.

- Кабинет что надо! - бросил Илья. - Сиди как хочешь. Хочешь книжку листай, хочешь в углу телевизор поставь.

Улыбаясь, Иче прочитал крупную над бачком красную надпись: «После нас - хоть потоп!»

- Какой-то умный здесь посиживал, - усмехнулся Илья.

- Ну да.

Через маленькую квадратную прихожую попали в комнату.

Иче стал в двери, ласкающими пальцами провел по трещинке косяка, словно пригладил шрамик на девичьем теле.

Илья заметил это, погасил улыбку.

- Обои заменим - и порядок! - подытожил он. - Сами и наклеем.

- Спасибо, Илья. Ты мне отец, - Иче открыто посмотрел в глаза старика, и вдруг вспомнилась недавняя поездка в специнтернат, одинокая девчонка под деревом.

На середине пустой комнаты лежал деревянный ящик, Иче сел на него, свесив большую голову.

- О чем задумался, мужик? - бодрясь, проговорил старик.

- Девчонку ту вспомнил ... Помнишь, откуда?

- О, если так часто вспоминаем, значит дело к свадьбе. Сразу и новоселье сыграем, и свадьбу!

- Какая там свадьба. Иче не женится никогда.

- Чего так? - старик состроил удивленное лицо:

- Зачем шутов разводить? Хватит и одного.

- Зря ты так ... Зря! - великодушно корил Илья, и его голос гулко отдавался в пустой комнате.

Он распахнул дверь балкона, словно от этого разговора стало душно.

- Той девочке, между прочим, лет пятнадцать, - бросил ему в спину Иче. - Так что не для меня, в любом случае ...

- По-моему, ты влюбился.

- «Влюбился»? Нет. Просто бывает хочется. Кого-то поменьше, кого-то побольше.

- А кого-то и неумоготу, - в тон ему вставил старик.

- Изуродуют жизнь девчонке. - Обрубыш смотрел на почерневший от времени когда-то желтый паркет. - А может быть, и уже. Там это делается просто ... Дай сигарету.

- Ты чего это? Я, конечно, понимаю, но что сделаешь?

Обрубыш долгим, убегающим взглядом смотрел в широкое, выходящее на балкон окно:

- Кто-то свадьбу сейчас играет, кого-то хоронят, кому-то объясняются в любви, а кого-то насилуют...

Интересно, как это смотрится сверху ... Жратвы у паука вдоволь. От голодухи не умрет. - Иче сделал несколько неглубоких затяжек, отшвырнул окурок в угол:

- Знаешь, что она у меня попросила? Письмо, говорит, председателю ООН напиши: пусть ее вызволят оттуда. Так и сказала: «...председателю ООН...»

- Зачем тебе ООН. Ты сам, как председатель ... вот возьми и спаси. Женись, хочу сказать ...

Иче выразительно глянул.

Старик беспомощно развел руками.

Они вышли на балкон. Шея обрубывша приходилась вровень с перилами. Он сложил на них подбородок, как пес на колени хозяина.

Илья стал рядом. Со спины - взрослый с ребенком.

Молча смотрели вдаль.

Закатное солнце замерло на горизонте, точно паук на паутине.

Напитавшееся за день, оно лежало круглым брюхом кверху.

«Хлеба и зрелищ» у него, видно было в избытке.

Иче, глянув на высившегося над ним старика, быстро отвел глаза:

- Илья, а мы с актером похожи? - деланно-безразлично спросил он.

- Он вообще-то неплохой мужик ... Слабоват только. А ты мужи-ик!

- Да нет. Я имею в виду ... внешне ... Лицом.

Илья скосил вопросительный глаз, призадумался.

- Как-то об этом не думал, - он пожал плечами.

- А жену его ты видел?

- Не видел, - настороженно протянул старик. - Чего это ты вдруг...

- Да так ... - Обрубьш азартно прихлопнул по перилам и молодцевато бросил:

- Дед! Шампанского!

Рассмеялись.

3

Место, где предстояло вытянуть колодец, находилось в минутах десяти от дома Ильи.

Рано утром, еще только солнце будило сонный мир, старик и обрубьш, прихватив старую одежду, двинули на работу.

Илья толкнул ветхую покосившуюся калитку, и они оказались в заброшенном дворе.

В глубине его стояла полуразвалившаяся хибарка, окруженная беспорядочными зарослями кустарника.

В метрах десяти в стороне нашли заранее начерченный на земле квадрат, сложили рядом инструменты.

Старик разделся по пояс, воткнул у черты лопаты, что-то невнятно пробормотал и снял первый, с травой, пласт.

- Хорошая земля, - одобряюще пробасил он, отбросив штык мягкого чернозема, - неиспорченная. - На сильных руках Ильи дыбились упрямые напряженные вены.

- В этом дворе старичок один жил, - бросая землю, выдыхал Илья. - Говорят, много денег имел. Но скряга был: ходил, как нищий.

- А деньги кому остались? - Иче пока стоял в стороне.

- А кто его знает.

- Вот бы он их здесь закопал! - с детским озорством блеснули глаза Иче.

- А мы и так здесь, свои деньги найдем. Как до воды достанем, так и денежка наша.

Работали по очереди.

Невдалеке лежал спиленный ствол старого дерева.

Илья передвинул его ближе, прочно установил.

- Скамеечка? - шутливо бросил Иче из ямы.

- Скамеечка. - Старик положил пачку сигарет на корявый ствол. - Сменить? Может устал? - дымил он сигаретой.

- Да нет, кури еще. Эта работа мне в отдых. Труд свободного человека. А что выпле свободы, скажи, Илья?

- Ну, смотри. Похожу пока. - Неторопливым шагом старик пошел в глубину двора к саду.

Когда-то, наверное, хорошо ухоженный, знавший заботу человеческой руки сад теперь густо зарос молодыми беспризорными побегами, которые, колко теснились среди старых деревьев.

Шурша сапогами в прошлогодней ссохшейся листве, отодвигая ветки, он пошел немного в глубь. У основания одной из яблонь, ткнувшись горьпынками, валялись грязные бутылки, рядом желтел обрывок старой газеты.

Сад был как бы второй частью огромного двора. В первой стоял покосившийся низкий дом.

Илья еще немного потопал по двору и направился к домику: в нем самое хорошее место для их ломиков и лопат.

Иче за поднявшимся холмиком уже не было видно, лишь гроздь взлетающей глины, рассыпаясь в воздухе, падали на горбик земли, скатывались к ее основанию.

Илья подошел к избушке. На старый растресканной двери замка не было. Он уверенно потянул ее. Домик

состоял из двух комнат с осыпавшимися стенами. В ноздри ударил запах гнили и сырости. Илья шагнул ко второй комнате. Неожиданный шорох остановил старика. Он замер.

- У-у, сука! - досадно прошипел оттуда мужской голос.

- Слезай же! - шелестнул женский шепот.

Илья быстро заглянул в комнату. На развалившемся диване замерли друг на дружке два тела.

Старик ошарашенно бросился из домика, быстро затопал к Иче.

Тот сидел на стволе, очищал щепкой подошву сапог.

- Ты чего? - насторожился он, увидев скорую походку Ильи.

Старик склонился к обубышу, и, словно его могли слышать в этом заброшенном дворе, стал шептать на ухо.

Иче, взглянув на недоуменное лицо старшего друга, рассмеялся вскинув голову.

Это, видимо, обидело старика, он насупленно бросил:

- Ничего смешного не вижу! - схватив лопату, он шагнул было к колодцу, но невдалеке взвизгнули петли старой двери.

Оглянулись.

Из домика вышел молодой мужчина с помятым лицом. За ним воровато выглянула ссохшаяся женщина, быстро шмыгнула к воротам.

- Докатился парень! - качнул головой Илья.

- А ты его знаешь? - спросил Иче.

- Кто ж его не знает. Влас. Золотые руки были. Любой телевизор починить мог. Да вот что-то погнуло его.

- Бог в помощь! - Влас подошел к ним.

- Все бродишь? - вопросом ответил старик.

- А что мне ... - Он опустился на холмик выброшенной земли, повел взглядом по двору:

- Семеновские владения, значит?

- Семеновские.

- Я б для этого жлоба и пальцем не пошевелил. Смотри-ка, еще и дома нет, а забор вон какой отгрохал: китайская стена! Паскудный мужик. Я б его в этом колодце и утопил.

- Чего это ты взъелся на него?

- Да так. Не переносу таких. Я, как собака кошек, всех сволочей за версту чую. - Он бегал глазами от старика на Иче.

- Поосторожней бы ты словами, - глухо укорнул Илья.

- Да я ж ничего ... Извини, коли что ... А возьми меня к себе. - Неожиданно он подхватил лежавшую у ствола лопату. - Помогу. На бутылку дашь и хватит. - Он тут же спрыгнул в колодец. Фигура его полностью потонула в нем, лишь высывалась седая голова с припухшим лицом. Глаза выжидающе улыбались.

- Ты ж «для этого жлоба и пальцем бы не пошевелил», - подтрунил Иче.

- На слове ловишь? Так я ж не ему, а вам помогать хочу. А сволочь он и есть сволочь, - тараторила из ямы: голова. - Я и не отказываюсь. Я б таких ... Да-а. Все сейчас стройку затеяли. Что ни двор, то дом поднимается.

Благосостояние... Только на чем строят? Душу человеческую в бетон замуровали и строят...

- Не любишь ты людей, - жалея, укорил старик.

- А где ты видишь их, людей? - Красные припухшие глаза в яме впились в лицо старика. - Где они? Люди! Денежному человеку задницу расцелуют, а упавшего дальше в пропасть спихнут. Растопчут и спихнут. И потом еще посмеиваться будут. Люди один закон признают: сильный, если он даже сволочь, челове-ек! И не важно, что он родного брата запросто так продаст ... Но есть другой закон! - ораторствовала в яме седая голова:

- Пока есть на земле хоть один слабый - нет сильных! Что, не так? - глаза из колодца вскользь посмотрели на Иче.

Тот с улыбкой наблюдал за ним.

- Что, не так? - Влас прислонился спиной к стенке колодца. - Вот я слабый-слабый, а как достанут меня эти сильные, что немогуту, я их, как клопов!

Старик качнул головой:

- Ну и даешь ...

- Что, не так? А ты сам любишь этих людей?

- А за что мне их не любить? Люди мне ничего плохого не сделали.

- Вот-вот. Вся ваша любовь до первого зла ... А хочешь я докажу, что не любишь ты людей и не уважаешь их? Хочешь? - Влас тяжело выкарабкался из колодца.

- Ну, докажи.

- И докажу ... Вот скажи, у тебя деньги есть?

- Ну и что?

- Ну и что! - Он закурил из лежавшей на стволе пачки, просмаковал пару затяжек. - Ну, допустим, у тебя

деньги есть, - благодушно философствовал Влас. - Так вот, выйди сейчас на самое людное место и расскажи, что у тебя много денег. Скажешь? Не скажешь? А почему не скажешь? Потому что ты, Илья, испугаешься. Испугаешься, что тебя тут же и облопошат. Лишат тебя твоих сокровищ! А если ты сопротивляться будешь, и на тот свет ненароком откомандируют. Так что не выйдешь ты к людям с денежками. Наоборот: в какой-нибудь тайничок, подальше от тех же людей и заныкаешь. Вот и вся любовь.

Иче искоса глянул на старика. Тот, скрестив руки на медной литой груди, хмуро глядел в колодезь:

- Если, я и спрячу, то не от людей, а от сволочей, глухо расставил старик.

- Хорошо ты повернул! Выкрутился! - посмеивался Влас.

- Не забывайся! - ткнул Илья. - Я не на суде у тебя! И запомни: я никогда и не перед кем не выкручивался. Понял? - он повысил голос.

- Ладно. Чего ты? - с некоторой неприязнью ответил Влас.

Сидевший в стороне обрубьпп, глядя под ноги, сдерживаясь, проговорил:

- Поговорили, и хватит ... Тебя там твоя девочка ждет ...

- А ты чего? - усмехнулся тот.

- Иди по-хорошему, - Иче глянул в сторону.

- Я, по-моему, не с тобой разговаривал ...

Иче стал перед сидевшим на стволе Власом, вцепился в ворот его рубашки, сорвал с места. Тот плюхнулся на колени, испуганно забормотал: - Че, шуток не понимаете? Пошутил я ...

Иче разомкнул пальцы, брезгливо отвернувшись, потрусил руки.

- Иди своей дорогой, - попросил старик, на всякий случай ставший меж ними. - Давай.

Тот обошел холмик рыжей земли, затопал к воротам.

... Иче и старик молчаливо сидели на старом стволе.

Илья хмуро отбросил сигарету, сжал грудь.

- Ты чего? - насторожился Иче.

- Да Бог его знает ... Пройдет ...

- Жениться тебе надо, Илья, и все дела!

- Хоть завтра.

- А что? Seriously... Хочешь я тебе такую женщину найду! Мягкую, сладкую! Пальчики оближешь!

- Сам что ли пробовал? - сквозь боль улыбнулся старик.

- Ну что ты, Илья! Что я, совсем такая сволочь? Если б я попробовал, разве бы тебе предложил?

Рассмеялись.

4

Отец с матерью возвращались с прогулки. Напали хулиганы. На глазах матери отца изрезали ножом. Мать без сознания попала в больницу. Долго болела. Она была беременна. Все это отразилось на ребенке. Он родился недоношенным и уродливым. Мать умерла при родах...

Такая легенда была придумана для Иче в Доме ребенка. Обрубыш поверил в нее: отчего-то ж он стал таким, каким стал. Он верил в это до самого последнего времени. Впрочем, обо всем этом он давно уже не думал.

Хотя, наверное, и не забывал. Эта легенда хранилась в его памяти, как хранится в потайном ящике семейный документ: до поры до времени не думаешь о нем ...

И может быть, так и остался в памяти Иче образ героических родителей, если бы не актер.

И теперь обрубыш сидел в своей квартире один с той разломанной легендой, которая, как красивая маска, скрывала уродливую тайну.

Весь вечер из мозга не уходили слова Веры Арнольдовны, которая до самого последнего пыталась отговорить, не поднимать старых больничных документов.

Может быть, и не надо было. Как и многое другое. Как, наверное, не нужно было возвращаться сюда.

Актер. Стрелять! Всех стрелять! Иче подумал о своем пистолете.

Лучше бы не возвращаться.

И эта квартира, о которой он столько мечтал, становилась камерой пыток.

Иче сидел на диване за низким журнальным столиком. Налил полстакана водки, залпом выпил. Хрустнул огурцом.

Поймал себя на том, что все свои движения, мысли видятся со стороны, вызывая странные ощущения: вот он подвинул стакан, вот взял хлеб, поднес ко рту. Это он, обрубыш, сейчас сидит в этой пустынной квартире, и это в его комнату наплывают сумерки. Все это происходит с ним. Есть мир, и есть в этом мире он. Но все, что случилось с ним, кажется нелепой случайностью. Такая судьба должна была быть не у него. Он не заслуживал этой участи. Все происходящее с ним - нелепая паучья фантазия. Он, Иче, должен был бы жить иначе. Это не его жизнь, не

его судьба и не его внешность! Но почему все это происходит с ним? Именно с ним?

Иче незаметно для себя поднялся, прошелся по комнате. Долго невидящими глазами смотрел в окно.

Скоро погаснет и этот день. Завтра придет новый. Только с новым днем все останется как было. И никуда не уйдет его боль, его непонимание и неприятие этого мира.

... Шут Паука.

Но тогда как жить с этим? Хотя кто заставляет жить?

Иче внутренне усмехнулся: вон есть новенький «вальтер» с двумя обоймами, и хочешь - живи, а не хочешь - не живи. Хочешь - будь шутком, а не хочешь - никто не заставляет... Можно бы и... «вальтера». Невелика потеря. Шутов хоть пруд пруди: вся земля...

Небеса похохатывали.

Иче налил себе водки.

Вспомнились девушка в зеленом платье, ее одинокая фигура среди довольных сытых рож и свое обещание: «Я приеду».

Надо брать машину и - к ней ...

Он осмотрел себя: одет чисто, достал из кармана черную маленькую расческу, потопал в ванную. Открыв дверь, замер. Зеркало, еще оставшееся от старого хозяина, висело высоко.

Иче привалился плечом к дверному косяку, свесил голову. «Спа-си-тель».

Хмельными глазами он долго смотрел на старую пожелтевшую от воды и времени ванну, переполз через борт, вытянулся на ее сухом пыльном дне, сложил на груди ладони. Не хватало только свечки.

«Покойник» усльппал, как гогочет над над вся все-
ленная, надрывает черные, набитые дерьмом кишки. И,
даже одинокая девочка под деревом, взглянув на «усоп-
шего», улыбнулась и затем ... а затем Иче закинул ногу на
поднятую уголкем коленку и хмельными голосом из
пожелтевшей пасти ванны загорланил старую известную
песню:

Широка страна моя родная!

Много в ней лесов, полей и рек!

Я другой такой страны не знаю,

Где так счастлив был бы человек!

И вскинув руки над собой, певец, а теперь и дири-
жер азартно повторил:

Я другой такой страны не знаю,

Где так счастлив был бы человек!

Может быть, от песни, может, еще от чего-то, отча-
ние обрубьща стало оборачиваться каким-то злым
хмельным весельем.

Он выпрыгнул из ванны, принес из комнаты дере-
вянный ящик, влез на него;

Вот теперь в самый раз: зеркало находилось на
уровне лица, и даже, пришлось чуточку подогнуть
коленки.

Причесавшись, он нашел себя довольно симпатич-
ным парнем с мужественным твердым подбородком и
красивыми выразительными глазами.

Девочка в зеленом платье помахала ему из-под
дерева ладошкой.

Иче отпихнул ящик под раковину и снова затянул
песенку о стране, в которой, как нигде в мире водилось
множество счастливчиков.

Он замкнул дверь, важно побренчав ключами, сбежал со ступенек. Старушки, сидевшие у подъезда на скамейке, хором поздоровались со своим новым жильцом и наградили его спину многозначительными, улыбками: навеселе, мол, сосед.

... Водитель попался лихой свойский парень, и обрубьш, сидя на заднем сиденье, хмельно покашивая глазами, запел ему застрявшую в мозгу песню. Там, где надо, тянул от души, и, кажется, в те секунды, с удовлетворением отмечал, что выходит у него довольно неплохо.

... Я другой такой страны не знаю,

Где так счастлив был бы человек!

Водитель, поймав в зеркале обзора глаза Иче, со снисходительной улыбкой поправил:

« ... вольно дышит ... »

Иче тут же принял поправку:

Я другой такой страны не знаю,

Где так **ВОЛЬНО, ДЫШИТ** человек!

Но вспомнилось испуганное лицо девочки из специнтерната: « ... пусть спасут меня отсюда ... »

Иче откинулся на сиденье. Безразлично смотрел в переднее стекло.

На глаза стал назойливо попадать свисавший с зеркала черный стеклянный чертик. Он висел на красной нитке, покачиваясь взад-вперед, словно на качелях.

- Тормози! - неожиданно бросил Иче опешившему водителю. - Поедем назад.

Водитель снова поймал в зеркале глаза Иче, пристально взглянул, но обрубьш отвел глаза.

Пропустив несколько встречных машин, повернули. Чертик под стеклом от резкого разворота брыкнул крохотными копытцами, вертанулся на нитке.

На обратном пути остановились у придорожного кафе.

Иче подбавил к вышитому еще полстакана и прихватил одну бутылку для старика.

5.

Актер и старик сидели за столиком возле окошка.

По шагам в коридорчике они уже знали, что вошел Иче, и повернулись ко входу улыбающимися лицами.

Обрубьш пьяно стал в дверях.

- А мы тебя обыскались! - благодушно укорил актер и кивнул на бутылку в его руках. – и по какому случаю банкет?

Иче желчно усмехнулся:

- Банкет? А-а, банке-ет... - закричал он. - Илья! - он с грохотом поставил бутылку на стол. - Давай бокалы! - обрубьш волоком протащил к столу табурет. Сел.

Делая вид, что не замечает актера, словно и нет его в этой маленькой комнате, приблизил к старику лицо:

- Иче теперь нё безродный, Иче знает, кто его родители.

- Илья и актер обменялись одинаково глуповатыми, улыбками, словно друг в дружку посветили два тусклых фонаря.

В комнате повисла скользкая тишина, будто рыба на крючке.

- И кто же? - с прежней глупой улыбкой выронил актер.

- Кто? - клюнул лицом к столу обрубьш и хмыкнул. - Кто ... А ты! - тыкнул Иче не поднимая глаз.

- Актер приоткрыл рот, оглушенно замер, словно ему подали детскую команду: «Замри!»

- Я?! - едва очухался он, неуверенно приложив палец к своей груди.

- А что я? Я бросал «уродцев» по детдомам? Я? - Обрубьш зло вlepил кулаком по столу.

Бутылка подскочила, свалилась и покатила по столу в сторону актера. Она перекачивалась целую вечность, то поблескивая прозрачным стеклом, то выпячивая зеленый бок этикетки.

На краю стола покачнулась и замерла.

- Господи! - ужаснулся актер, словно припомнил какую-то давнюю вину - Господи! - Он свесил голову.

Илья сидел потупясь, забыв про дымившую в руке сигарету.

Обрубьш выхватил ее, жадно затянулся и зашелся в густом кашле, в минуту превратившись в сникшего старика.

Актер молчаливо плакал, пряча затуманенные от слез глаза.

Тяжело поднявшись, ссутулясь, словно оплеванная проститутка, вышел из комнаты.

Иче с ненавистью смахнул бутылку со стола, она грохнулась о стенку и разлетелась по комнате мокрыми осколками.

Актер оставил входную дверь открытой: в комнату отчетливо доносился быстрый и затихающий звук его шагов.

Трудное молчание разделило старика и обрубьша. Буд-то подняли мосты.

Оба сидели свесив головы, избегая, смотреть друг на друга.

Иче встал, неловким движением низкого бедра опрокинул табурет, с прежним безмолвием потопал из комнаты.

- Уходишь? – глухо бросил, старик в его короткую квадратную спину.

- Ухожу.

Старик остался в комнате один. Долго смотрел на стену - в темное пятно от разбившейся бутылки.

Короткий, семенящий шаг Иче стих.

6

Уже давно обрубьш сидел один в темной комнате. В домах напротив желтыми прямоугольниками светились окна.

Там тоже обитали люди. Ели, пили, объяснялись В любви. Может быть, ссорились и ненавидели друг друга. Но в их окнах горел свет.

Там хотели жить.

И какой бы нескладной ни была жизнь их, они зажигали свет и, будут это делать завтра, послезавтра - изо дня в день.

В своем жадном стремлении жить люди похожи на путников, пробивающихся сквозь пургу.

И из-за ветра, что хлещет в лицо, сбивает с ног, люди не теряют желания жить, и, наоборот, это желание превращается в жажду, и путники с упрямством пробиваются сквозь смертельную непогоду, чтоб вот так однажды просто зажечь в своем доме окна.

Иче казалось, что он давно уже прибит метелью к земле, но у него нет ни малейшего желания подняться и наперекор всему идти.

Зачем одинокому уродцу освещать свою комнату? Разве чтоб обнажить ее пустынное и никчемное нутро?

Вспомнился старый сон: колодец... паук ... жизнь ...

... Самое страшное, когда у тебя есть дом, в котором некому улыбнуться.

Но теперь ему, Иче, было все равно. И он с какой-то отчетливостью осознал, что ему безразличен свет в тех окнах, безразлична своя жизнь, своя смерть, безразлично, что пистолет остался у старика, безразлично, что будет после того, как все случится ...

Обрубьш одиноким призраком выскользнул из темной комнаты, у входа в кухню надавил на выключатель.

На кухне, вспыхнула висевшая без люстры лампочка, Иче плотно придавив плечом, закрыл зверь, задрал голову, посмотрел на форточку: закрыта.

Хмель от вышитого еще держал мозг, но все свои действия Иче видел отчетливо, с холодным безразличием.

Он стал возле газовой плиты: нескладный и не намного выше ее, с равнодушием автомата вернул черные клювики, пустил газ из всех четырех конфорок.

Вырвавшийся из маленьких круглых отверстий газ по-змеиному зашипел, превратился в ровный шелест, похожий на скольжение автомашин.

Он придвинул к столу табурет, обхватив лицо короткими ладонями, уперся о стол локтями.

Время изменило скорость.

Мягко, по-кошачьи заурчал включившийся Холодильник, проработав несколько минут, резко смолк и в навалившейся тишине снова отчетливо зашипели четыре газовые кобры.

В доме напротив давно погасли огни. Лишь одно-два окна, как забытые свечки, напоминали о съеденном темнотой высотном доме.

Иче сидел прислонившись к стене, бездумно глядя на газовую плиту, из которой размеренно выскользала его смерть.

Но все казалось безразличным. Душа была пустой, как покинутые птичьи гнезда.

Ночная прохлада забралась под рубашку. Иче вышел из кухни, вернулся с наброшенным на плечи пиджаком, снова плотно придавил дверь плечом и сел за свой столик.

Тело почувствовало прилив тепла.

Обрубыш долго неподвижно сидел опершись на локти. Под закрытыми глазами обозначились темные круги.

Казалось, головастый человек уснул, подперев лицо короткими руками.

И лишь когда поднимались припухшие, большие, как бабочки, веки, обнажались сухие бессонные глаза.

В какое-то время, стоило лишь сделать маленькое движение, остро ощущался приторно-чесночный запах газа. Но стоило снова застыть в неподвижной позе, этот тошнотный запах исчезал.

Обрубыш хорошо помнил, что никаких воспоминаний о прошедшей жизни, как это можно было прочесть в книжках, не было вовсе. Не было жалости ник себе, ни к уходящей жизни.

Единственно, что цепко впилося в память, это то, что он понял: что являлось самым страшным для самоубийц, что нужно было преодолеть. Это то, что имелась возможность. Возможность увидеть близкого человека, обнять его, попрощаться. И это был самый трудный барьер: ведь у тебя, пока ты еще жив, есть возможность последний раз увидеть, обнять, произнести простое человеческое слово.

Думая об этом, он вспомнил девушке из интерната, ее просьбе, увиделись поникшие плечи старика и уходившая, а теперь оказывается навсегда, сгорбленная фигура актера.

И вот была возможность закрыть газовые краны и увидеть всех снова.

Иче сильнее укутался в пиджак.

Сколько времени он уже сидел за столиком не знал, наверняка, не один час. Бесперывно вытекавший газ не действовал.

Наверное, в те минуты Иче действительно была безразличной и, может быть, противной его жизнь: отрешенно он поставил свечку меж двух конфорок: пусть будет взрыв.

На секунду задумался, кажется, сделал над собой усилие, достал из коробки спичку.

Снова помедлил. Это должен был быть конец. Не зная сам, как это произошло, быстро чиркнул. Свеча загорелась... но и только...

Обрубьш вернулся на свое место и снова, обхватив ладонями голову, ждал. Ведь должен когда-нибудь воспламениться газ.

Шипели головки всех четырех конфорок, и при малейшем движении в грудь проникал приторный чесночный запах.

Ровно, изредка колыхаясь, горела свечка. Незаметно стало светать.

Иче поднялся. Шагнул к плите и снова, точно пересякая себя, замер. Бездумно смотрел на острое пламя.

В какую-то секунду неожиданно для себя он резко толкнул свечу на шипевшую конфорку.

Она мгновенно вспыхнула голубым тюльпаном, и вслед за ней одна за другой загорелись остальные три ...

Но взрыва, который должен был произойти, не произошло.

Обрубьш долго, пока жар не задышал у лица, смотрел на четыре горевших тюльпана, четыре ядовитых цветка, которые, казалось, по чьей-то воле непостижимо оставили ему жизнь ...

Для чего-то он еще должен был остаться на земле.

... А потом пришел старик.

Ахнув, распахнул окна, двери, принялся проветривать загазованную квартиру.

- Пойдем ко мне! - приказал он, но в этом непривычном для него командирском тоне таилась боль.

Старик привел обрубьша к себе, постелил в «его» дальней комнате:

- Надо выспаться! - бросил он и сокрушенно покачал головой, - Бог тебя спас, что пистолет у меня...

- Все отлично! - закуражился Иче. Он сидел на кровати, стаскивая носок. - Теперь я - Личность! Я смог это! Я убил Паука! - Царственным движением он отшвырнул носок к ножке кровати. - Ну как?! Творец я теперь или не

Творец?! - Раздетый по пояс, Иче каким-то царьком восседал на кровати. Ждал.

- Ты бес, - незло и сокрушенно выдохнул старик, снова с укоризной покачал головой. - Ты сожрешь себя! Себя и - сам!

Обрубьш замер на кровати. В маленькой комнате стало тихо. Иче подумал о седобородом старце, мелькнула в памяти его быстрая улыбка и словно куда-то поманила.

- Теперь я знаю! - выдохнул Иче.

- Чего это ты знаешь? - Большая фигура Ильи заполнила проем двери.

- Я систему понял. Сначала все рождаются шутами. Но только они не знают этого. Потом каждый начинает понимать про себя, что он шут. А кто это понимает, тот делается или пауком, или старцем. В основном, все пауки. Старцев мало. Для того, чтоб не стать пауком, огромная воля нужна... Понял, старец? - Иче подмигнул ему.

- Понял ... - польщенно прогудел старик. - Но только я никогда себя шутом и не чувствовал: пахал себе потихоньку, людям дома строил, сына растил.

Иче посмотрел на него. Поднялся. Босой на одну ногу, потопал к нему близко, почти у самой груди, стал. Покрутив серую пуговицу на полосатой рубашке Ильи, поднял на него глаза:

- Я знаю одну мысль, которая всех, сразу всех чело-
веков делает самыми смехотворными шутами. Всех!
Самыми жалкими, смехотворными букашками. Люди
увидят проститутку и плюют на нее. Но если каждому
сказать эту мысль, она сделает того же плюющего гряз-
нее самой дешевой шлюхи. Это страшная мысль!

- Меня не сделает, хотя я, и не плевал ни в кого ...

- Сделает ...

- Ну скажи ... - мол, посмотрим, расставил старик.

- Нет. Эту мысль говорить вслух нельзя. И никто еще ее не высказывал. Поэтому про нее как будто никто не знает. Но знают все. Просто делают вид, что такое было не с ними... Но кто выскажет ЭТО вслух, тот уничтожит мир. Эта мысль и так незаметно развращает людей и опустошает их. Но если человек заговорит об этом вслух, все - мир за одну секунду в грязи. Захлебнется в ней. Это жуткая мысль. Противная, как блевотина. И она делает всех блевотными шутами, кто бы ты там ни был: президент, священник, врач или хлебопашец ... Всех презренными блевотными шутами. А тот, кто тыча смеется над другим, тот кроме того и еще глупец. И вот кто начинает понимать, что он гадливый шут, тот начинает становиться или старцем, или пауком. Тут и борьба. Это всем войнам война. И мало кто ее выдерживает. Многие даже, наоборот, с удовольствием становятся пауками. Поэтому старцев мало ... Ведь у людей как? Нищий хочет, чтоб нищими стали: все, больной - чтоб заболели остальные, а паук - заарканить другого.

- И все из-за одной-единственной мысли? - улыбнулся: старик.

- Из-за одной. Хотя, чтоб понять, что ты блевотный шут, даже той мысли не надо ... Хватит всего и без нее. А с ней ... разве что газ пускать ...

- Ладно! Уже пускал! - приструнил Илья. - Ложись! Отдохнуть надо. Вон какие глаза ... Если не как у паука, то как у таракана точно.

- Я хочу, как у старца ... - выдохнул Иче, стоя перед, Ильей, и это признание сделало его большим

ребенком. - Сам же, говорил «чтоб старцем» ... нужно сильным быть. Без подлости ...

- А я разве ... - искренне забеспокоился Иче.

- Самоубийство и есть высшая подлость! - нашелся старик - Мертвец разве может стать твоим старцем? - Илья выглядел внушительно.

Обрубыш с улыбкой тепло пожал его локоть и, придав голосу беззащитность, взмолился:

- Налей водки, Илья! А то не заснуть

- Ладно, налью, - волей-неволей проворчал старик.

Они вышли в переднюю комнату. Илья положил перед обрубышем ломтик хлеба, разрезанный пополам мясистый: сочный помидор.

Иче стоял у окна. Босой, на одну ногу, провел по обнаженной мускулистой груди крепкой ладонью. Долго смотрел на сверкающий под лучом солнца стакан с водкой. Виногато выдохнул:

И колодец сегодня из-за меня ...

- Ладно, не казись... Успеем и на колодец.

- И к той девочке не поехал ... А наобещал ... - снова вздохнул Иче. - Сука Я! ... Паук!..

- Ну вот выпись и поезжай себе! - быстро вставил Илья, словно только этого и ждал.

- Не получится... Сегодня карты. Крупняк собирается...

Старик досадливо отмахнулся: делай как знаешь.

- Ну не сердись, Илья! Я ж тебя люблю! - взмолился обрубыш - Я ж тебя как никого на свете люблю!

- «Люблю-ю», - передернул старик. - Любит он. - Но в его интонации уже не было ни досады, ни обиды, и, может быть, наоборот, проворчал, чтоб скрыть ставший у горла ком.

Иче подметил это, рассмеялся, поставив стакан, засеменил к сидевшему на койке старику, как щенок, подластился к нему, свойски ткнул в бок, и, заглянув в глаза, примирительно подмигнул.

Рассмеялись..

7

Иче шел к старику Науму, надеясь среди игроков встретить актера. Но Марка там не было.

Не пришел он и через час, и через два.

Поиграв часов до десяти, обрубьшп вернулся к Илье.

8

Все эти дни после отъезда обрубьша Оксана думала только о нем, о его обещании написать письмо в ООН и скоро снова приехать в интернат.

Шум какого-нибудь далекого автомобиля, где бы она не была - в спальне, на уроках, во дворе или столовой - отвлекал от всего, Оксана невольно подбиралась, напряженно вслушивалась.

Если звук мотора нарастал, с замершей душой она смотрела в сторону ворот: может быть, приехал ее маленький спаситель.

В интернате о нем уже ходили разные истории: миллионер, искал своего ребенка, какой-то начальник и что-то еще.

У Оксаны была своя тайна, которая приближала ее к этому таинственному и недоступному для других человеку. Эта тайна делала его чуточку своим. Но, может быть, и больше.

Ей порой виделся берег какого-то необитаемого острова: золотистый нежный песок, прозрачные изумрудные волны океана, которые мягко подкатывали и тепло омывали ноги. В синем небе светило солнце, высокое и ласковое. И на этом берегу только она и он. И больше никого. Она жалеет маленького человечка, готовит ему еду, чинит одежду, говорит добрые, хорошие слова. И им совсем не одиноко на этом необитаемом острове.

В каждую минуту, когда оставалась одна, Оксана складывала у груди ладошки и еле слышно просила Бога, чтоб: ее новый друг поскорее отправил письмо в Америку.

О том, что он мог не написать, она боялась и думать. Оксана часто поглядывала в сторону ворот и замечала подслеживающий глаз Катерины. Были и назойливые вопросы некоторых девочек: а что говорил ей этот «миллионер», что сказала она... и еще другие, наверняка, заготовленные Катькой.

Тайну свою Оксана никому не открывала, просто тихо ждала, стараясь ничем не навлекать гнева воспитателей, а самое главное, Катерины.

Больше всех Оксана боялась хромого интернатовского сторожа Филиппа. Если случалось, что тот оказывался неподалеку, таилась от него, пряталась от его впивавшихся, каких-то липких глаз. И на всякий случай держала за носком стеклышко.

В этот вечерний час она сидела на лавочке под развесистым кленом. За спиной послышался шелест приминаемой травы, треск сухих веток. Она испуганно обернулась: в двух шагах стоял хромой сторож, жадно

оглядывал ее. Она поднялась, пригладила к коленям платье, невольно отступила на шаг.

- Чего ты так вспорхнула, голубка? - подластил он, сел на лавочку, достал из кармана брюк знакомую школьную тетрадку. Натянуто улыбаясь поддразнил ее и другой рукой за ладонь привлек Оксану, усадил рядом.

- Видишь: никому не отдал. Жалею тебя. А то ведь в Дом инвалидов ... - глядя своими немигающими липкими глазами, он прижался боком. От него понесло едким вонючим потом, смешанным с гнилым запахом изо рта. - А ты будь умницей. - Поддрагивающими пальцами коснулся ее: коленки, потной ладонью пополз по упругой белой ноге.

Оксана испуганно вскрикнула. Вырвалась из попытавшейся ее удержать гадливой руки и стремглав, боясь оглянуться, побежала к зданию.

Раздраженным взглядом смотрел в ее мелькавшую спину тяжело дышавший сторож.

9

... Иче со стариком вынесли из заброшенного домика инструменты, прошли к колодцу, сели «перекурить» на своем стволе-скамейке.

Илья долго смотрел на черный зев четырехугольной ямы, поднял горсть рыхлой земли, размял. Вытянув перед собой тяжелый, загруженный кулак, стал медленно просыпать.

- Сколько я ее уже перебросал. - Он и сам удивленно качнул головой.

- Немного побросал ... – с уважением и понимающе ответил Иче, представив сколько это могло бы быть.

Старик сапогом вдавил окурок, легко подхватил лопату, стал спускаться по сколоченной им же лестнице.

- Илья, деньги того старика найдешь, громко не кричи! – весело бросил обрубыш.

- Добро! - Тот уже опустил в колодец во весь рост, собирался прыгнуть с лестницы на дно, но на глаза попала сетка паутины. В сердцевине ее, как в силках, была запутана уже высохшая, поеденная пауком муха.

Зависла над углом колодца паутина легкой треуголкой.

Чем больше всматривался в нее старик, тем неприличней и удивительней казались эти ювелирно сплетенные нити. Западня.

Илья пораженно качнул головой: надо же такое ... Западня ...

Вспомнились слова обрубыша: « ... сеть паука».

Старик с улыбкой уперся о край колодца, из-под пальцев скатились комочки земли. Один из них, величиною со спичечную головку, ткнулся в паутину рядом с мухой, задрожав замер. Тут же, откуда-то из угла, быстро перебирая ножками, словно боясь не подоспеть к добыче, торопливо, похозяйски засеменял паука. Вдруг, словно что-то поняв, так же торопливо повернул обратно.

«Узнал, сучка, что не жратва!» - невольно воскрился старик, снова качнув седой головой.

Он сел на лестничную перекладину, уткнувшись глазами в дно колодца.

Вспомнилась жена, сгусток ее крови на дороге, перекошенный автомобиль, пробежала вся его одинокая жизнь и показалось, что в это мгновенья душа его испы-

тала всю ту боль и горечь, что так усердно проливает на человеческую жизнь чья-то паскудная воля.

И увиделась вся жизнь этой паутиной в огромном стремительном колодце.

- Чело-век ... - выдохнул он.

А наверху, сидя на спиленном высохшем стволе, задумавшись, сидел Иче. Вдруг, взглянув на колодец, удивился:

- Чего ты молчишь, Илья? - И усмехнулся. - Клад того старика нашел?

Над краем колодца показалась седая голова. Старик выбрался наверх, молчаливо подсел к товарищу, закурил. Шершавая ладонь обрубьша вопросительно легла на плечо.

- Что-то сердце немного побежало, - ответил тот.

- Еще и сигареты куришь. Бросай курить.

Илья смотрел под ноги и, кажется, не слышал слов обрубьша.

- Жену свою вспомнил, - глухо проговорил он: -
Всю жизнь свою человеческую. Сколько горя приносит человеку этот мир! Страшно подумать! Сколько горя! Мы вот за кусок хлеба, за каплю радости, как сволочи, вкальваем, терпим все, горе, беды, а что ждет нас, в какую паучью сеть попадем, не знаем. А с миром ничего не случается. Он стоит себе. Горе у тебя, не горе, смерть, не смерть - он стоит. С миром ничего неслучается. - Он посмотрел на открытую пасть колодца, потом перевел глаза на беспечное долгое небо и с ударением расставил.
- Человек справедливее мира.

Обрубьш пристально взглянул на старика:

- Я думал, ты там клад нашел, а ты там паучью сеть увидел ...

- Увидел ... - невесело согласился старик.

Молчали.

- Мир - это дьявольский ростовщик: цену жизни понизил и дерет бешеные проценты. За крохотные радости, за эти подачки расплачиваемся унижениями, болью, собственной смертью.

- А что поделаешь? - вздохнул старик.

И газ ... не помогает ... - улыбнулся обрубьпп.

- Не напоминал бы ты про это, - проворчал Илья.

- Виноват-виноват, - вскинув ладони, сдался Иче, молодцевато поднялся. - Пойдем посмотрим, где ты там паутину нашел ... - И спустился в колодец.

Иче, когда деньги того старика найдешь, громко не кричи! - поддел его старик.

Из колодца донесся приглушенный смех.

10

После работы на колодце и прохладного душа было хорошо в автомобиле, откинувшись на заднем сиденье, прикрыв глаза слушать успокаивающий посвист законного ветра.

Приятная усталость и быстрая езда мягко пьянили.

- Отдохну малость, - словно извинился Иче перед водителем, но тому видно было не по нутру вести с пассажирами беседы-разговоры, он лишь ниже, на самый нос, надвинул козырек фуражки, неотрывно глядя на пульсирующую впереди дорогу.

В салон потек неприятный запах. Иче краем глаза глянул в окно, хотя и без того знал, что сейчас они проезжали мимо химического комбината.

- Как они там работают ... - полувопросом произнес он, и вспомнилась недавняя но, кажется, сто лет назад прошедшая ночь: пущенный в кухне газ, приторный чесночный запах.

Всякое воспоминание об этом вызывало невольное удивление: словно и вправду существовал Некто, который в ту ночь увел от него смерть.

Мысли б этом придавали и куражу: ведь он смог, перешагнул, победил страх смерти.

Но теперь это вызывало усмешку. В душе появилась еще одна опустошенная камера.

Душа порой и смахивает на ту тюрьму из камер, из которой выводят на казнь обреченных ее обитателей. С каждым убитым появляются новые пустые «люксы».

Иче внутренне усмехнулся, представив, как из этой «тюрьмы» выводят несчастных: вот вывели на расстрел когда-то красивую и стройную, а теперь высохшую, чахоточную дамочку Веру, через определенный срок вытаскивают облезлого мужичонку Секса. За ним со впавшими щеками и впалой грудью ковыляет бывший розовощекий гуляка Гурман, а вот, гремя кандалами, еле передвигая тонкие ноги, плетется, когда-то гордая и бесстрашная, мадам Свобода. Ждут своего часа обезображенные в камерах Надежда и Любовь.

По миру периодически разносятся выстрелы: один, второй, третий. Одна опустошенная камера, вторая, третья.

И вот уже количество обреченных исчерпано. А если кто и разгуливает по опустевшей тюрьме, то это безмозглый ветер времени.

... Специнтернат находился в стороне от главной дороги, и чтоб попасть, к нему, нужно было свернуть и проехать по асфальтовой ленте метров пятьдесят.

Уже издалека над глухим высоким забором виднелась колючая проволока. Незнающему и в голову б не пришло, что это не зона.

Машину поставили перед воротами у обочины:

Водитель выпел поразмяться, Иче потопал к дверям проходной, в которой уже раскрывало свои объятия пьяное неряшливое существо:

- Какие люди к нам! - пропитым голосом хрипнул сторож.

Откуда-то из-под его ног вынырнула маленькая рыжая шавка, набросилась на Иче. Яростно лаяла, свирепо скаля маленькие острые зубки.

- Уть, шлюха! - прикрикнул сторож. - Пошла!

Обрубьш нагнулся к асфальту, будто за камнем. Шавка метнулась в подворотню, высунув свой раздувшийся рыжий нос.

- Ты где такого волкодава нашел? - поддел обрубьш хромого.

- А хрен ее знает. Сколько помню, она всегда тут, отмахнулся сторож, протянул руку Иче. - Заходи. Гостем будешь.

Они зашли в узкий, как пенал, коридорчик: своеобразный КПП. Этот «КПП» больше походил на маленький вагончик с тамбуром. Вагончик для сторожа тамбур, чтоб проходить через него на территорию.

Из тамбура вошли в вагончик. Сторож услужливо предложил место у низкого окна, видно, своего наблюдательного пункта, из которого хорошо просматривалась ведущая к интернату дорога. У окошка стоял обшарпан-

ный канцелярский стол с таким же ободраным, наверняка, где-то подобранным креслом.

- Позови ту девочку ... Помнишь? - Иче сел в кресло, брезгливо убрав руки с засаленных красных подлокотников.

- Помню, а как не помнить ... Оксаночка, - многозначительно пропел Филипп и развел руками. - Помнить-то мы помним, но режим. Нельзя.

- Не переживай. Положенное получишь, - поторопил его Иче.

Сторож прикинулся обиженным: мол, его не так поняли, что здесь-де порядки, хозяин строгий, можно и с работы полететь... Но... но для хорошего человека на все пойти можно. Тем более, что сейчас вечер, директора нет, а воспитатель, который дежурит «ныне», свой мужик: подкинуть ему «бумажку-другую», и все в порядке.

Иче сунул в заскорузлую руку охранника «одну-другую бумажку», тот мгновенно засветился, как включенный фонарь, молодецкато козырнул:

- Все сделаем, командир! - И захромал на территорию.

Иче остался ждать в этом вагончике, похожем на стариковскую комнату, с таким же низким потолком и приземистым окошком.

Но вместо кровати под стенкой стоял самодельный, покрытый солдатским одеялом, топчан.

Оглядывая неопрятное нутро этой комнаты, обрубш с кольнувшим сердцем вспомнил, как много лет назад, после его очередного побега, протаскивали за шиворот через эту же проходную. Волокли, как беглого

зэка. Впрочем, жизнь здесь ничем не отличалась от жизни на зоне.

Иче посмотрел в окно. Его шофер в надвинутой на лоб фуражке, закинув руки за спину, выпагивал взад-вперед вдоль своего красного автомобиля, как петух возле курятника.

Из коридора послышались шаги, раскрылась дверь, и в ней стала робкая фигурка Оксаны.

За ее спиной в многозначительной и угодливой улыбке расплывалось лицо сторожа, как замусоленный циферблат, из которого, только приказы, лакейски выклонет кукушка: ку-ку, ку-ку.

Оксана, робко сделав шаг в сторону, припала плечом к стенке, упрятав ладони за гибкую спину. Тихо посмотрела.

Сторож что-то мялся в двери, как шавка на задних лапках:

- Вот, командир, ваше приказание ... так сказать ... - И заговорчески кивнул в сторону невидимого здания. - Там все на мази ... «Бумажки» ему я отдал.

Иче отвернулся от замызганного «циферблата» в окно, достав из нагрудного кармана рубашки несколько купюр, бросил на стол:

- Сбегай для себя в магазин.

Два припухших глаза жадно клюнули по деньгам, как петух по просу, и «хромоногая птица», прихватив купюры, молодецкато выпорхнула - из вагончика в тамбур.

Услужливо закрывая за собой дверь, сторож свойски - подмигнул: действуй, мол, не теряйся.

Обрубьш неприятно увел глаза в окно.

Через секунду в окошке, как стрелка на весах, забила из стороны в сторону хромающая спина сторожа.

Иче посмотрел на Оксану. Она все также стояла заведя ладони за спину, припав плечами к стене. Зависла сочная, как спелая вишня, пауза.

Оксана и сама походила на налитую соками ягоду.

- Ну что, привет? - наконец, нашелся Иче. - Да ты проходи, садись. - Он кивнул на стоявшую подле нее скамейку.

Она присела на краешек, посмотрела долгим взглядом.

Обрубьш невольно улыбнулся.

- Вы написали? - с надеждой спросила она.

Иче беспомощно развел руками:

- Я ведь и имени твоего не знал.

Она огорченно опустила голову, и по щекам потекли шелковистые светлые пряди:

- Это я виновата, - выдохнула она.

- Ничего, не последний день на земле ... Что-нибудь придумаем. Ты лучше скажи, как ты здесь? Пристают?

Она еле заметно кивнула.

Помолчали.

- Ты должна мне сказать кто ... - потребовал Иче.

- Он сказал, если я его выдам, меня отправят в Дом инвалидов ... И сделают, что хотели...

- Шакалы! Я должен знать - кто ...

Оксана оглянулась на дверь и после долгой борьбы с собой выдохнула:

- Сторож ...

- Этот хромой? - неподдельно удивился Иче.

Она растерянно кивнула.

В комнатенке стало тихо .

- Мразь! - процедил Иче. Протарабанив пальцами по столу, задумался, выдвинул ящичек стола. Не найдя ничего кроме кривого шарикового стержня, для пробы почеркал им по лежавшей на столе газете и затем на свободной от шрифта полосе написал адрес старика.

Пересев на скамью к Оксане, протянул белый клочок с адресом:

- Если что, беги сюда. Это дом моего друга. Он, между прочим, и меня спас отсюда. Я сейчас у него живу. Поняла?

Она кивнула, пробежав глазами по адресу, бережно свернула его, положив в кормашек платья. Пригласила поверху и в глазах мелькнули счастливые искорки. Благодарно взглянула. Иче легко пожал ей локоть:

- И не бойся! - он заговорчески подмигнул ей. - Страх хуже всего.

- А я и не боюсь. У Меня стеклышко. - Она показала палевый носок, за которым, если присмотреться, было что-то припрятано. - Если что, я стеклышко в рот... Чтоб проглотить ... Не тронут.

Иче удивленно замер. Кольнуло сердце. Он поднялся, стал перед ней. Хотелось привлечь к себе эту опущенную головку, приласкать, и, кажется, уже приподнялась рука, но, неловко зависнув, опустилась.

В эту секунду она подняла глаза, что-то поняв в его и в своей растерянности, сама припала щекой к его плечу.

Затихла.

Лицо Иче окунулось в шелковистую душистую волну, он стоял неподвижно, превратившись в одно задохнувшееся сердце. Надломленными ветками свисали позабытые им свои же руки.

Наконец, обрубьш вспомнил про них, пригладил притихшую на его груди голову, с хрипотцой проговорил:

- Все будет хорошо! Вот увидешь - ты выберешься отсюда.

- Это невозможно. Это если кто удочерит. Может замуж возьмет. Но кому охота ... отсюда. Даже если он самый добрый, - она замолчала.

- Я тебя заберу! - выронил Иче, пьянея от ее близости.

Оксана выпрямилась, неверящими глазами заглянула ему в лицо:

- Вы женитесь на мне?

Иче, словно застигнутый врасплох, виновато улыбнулся:

- Какой же из меня жених ... Я ведь старый ... И вон какой, страшный, обрубьш ...

- Не говорите так! Ничего вы не страшный и никакой не обрубьш. Вы хороший! Вы очень хороший! Вы добрый - защebetала она снова и сильнее прижалась к нему:

- Возьмите меня в жены! Пожалуйста!

И снова он превратился в сплошное задохнувшееся сердце.

Дверь толкнули, словно открылся альбом, и показалась довольная физиономия.

- Пардон! - лисьи улыбнулись глазки, увидев прижавшуюся друг к другу парочку. Рука сторожа потекла было к ручке двери, чтоб закрыть, но Иче небрежно бросил:

- Заходи, герой. Поговорить надо.

Тот, чуть ли не на цыпочках, ступил в комнату, уведя за спину руку с бутылкой.

Иче взял Оксану за плечи.

- Иди. Я приеду за тобой. Обязательно. - Он ободряюще подбросил подбородком, точно подмигнул.

Оксана поднялась, вопросительно глянув на него, неожиданно склонилась к нему, торопливо чмокнула куда-то в висок и выбежала из вагончика. В сердце обрубыша стрельнуло.

- А ничего ягодка! - свойски одобрил сторож. - Ты парень не промах!.

Иче с ненавистью шагнул на него, словно в эту секунду в нем собралась боль от его исхлестанного детства, боль Оксаны и боль десятков других детей, так униженных специнтернатами.

- Ты чего? - испуганно отступил хромой ..

Обрубьш вырвал из его рук бутылку.

- Ты чего? - пятился тот, как от взъерившегося бычка. Ткнувшись ногами в топчан, неловко завалился на бок.

Обрубьш ударил бутылкой о стену, осколки стекла и брызги водки посыпались на сторожа.

Иче приставил к его горлу острый, оставшийся в руках осколок, хрипло процедил:

- Если ты еще хоть пальцем тронешь ее, я тебя, сука вонючая, уем! Понял!

Тот замычал, испуганно заморгал враз протрезвевшими глазами.

Обрубьш брезгливо сплюнул, дойдя до двери вспомнил, что горлышко бутылки еще в руках, отшвырнул его в сторону топчана, на котором валялся хромой.

Ударил дверью.

.... Под вечер снова настигла боль. Войдя под лопаткой, проникла в грудь и холодными сетями стала душисть сердце.

- Что это? - Илья впервые остро почувствовал тревогу.

Подумалось о сыне, его будущем. Старик поднялся из-за стола, медленно вышел в коридор, распахнул дверь. Свежая волна воздуха растеклась по груди. Илья облокотился о дверной косяк, прикрыл глаза.

«Может, прилечь?» - подумалось ему и тут же с горькой усмешкой стало: «Уже и прилечь» ...

... Старик сел на кровать, прислушиваясь к боли, впервые за много лет подумал: «Лекарство». Но В доме не было ни одной таблетки, ни одного флакона:

Илья вытянулся на постели, закрыл глаза.

Он, кажется, уже засыпал, когда по двору послышался семенящий шаг. «Иче», - узнал он, сутуло сел на кровати.

Обрубьш вопросительно посмотрел из дверей:

- Ты чего?

- Да так, ничего. Сдавило немного ...

Иче поставил подле койки табурет, сел.

- Может, колодец отложить ... - полувопросом произнес он.

- Зачем?

Иче пожал плечами.

Молчали.

- Знаешь что ... - старик поднялся. - Одна такая просьба к тебе ...

Маленькая комната и все в ней: скудная мебель, телевизор на тумбочке и даже рассыпанные по столу крохи хлеба - все, казалось, затаило немое ожидание: Лишь будильник на телевизоре, как беспокойное сердце комнаты, выстукивал торопливый ритм.

- Знаешь что... одну мою просьбу выполнишь, если что? - Илья отвел глаза в сторону. – Пойдем на секунду

Они прошли во вторую комнату. Старик стал у сундука:

- Отодвинь.

Иче стронул сундук с места, протащил в сторону.

Старик отнял одну короткую, с хорошо сохранившейся краской половицу, до плеча отпустил руку под пол, нащупал тайник, извлек железную коробку. Своявшаяся паутина беспорядочно обвила ее .. Коробка была самодельной, размерами с кирпич, с пятнами ржавчины по бокам.

Илья обчистил ее ладонью, поставил на сундук. Достав красный тряпичный мешочек, вынул из него три пачки зеленых купюр, туго перевязанных крест-накрест. На дне коробки лежал огрызок простого карандаша с желтой облупившейся краской и рядом - сложенный вдвое листок, пожелтевший от времени и с длинным рядом цифр, видно записанных для памяти.

- Все мои сбережения, - кивнул старик. - Если что - передашь сыну.

- О чем ты говоришь! - отмахнулся тот.

Илья мягко пожал его низкое плечо, глянул сверху:
- Договорились?

- Договорились так договорились! - нарочито беспечно бросил Иче.

Все вернулись на свои места.

- Илья, а где пистолет? - как бы между прочим вспомнил Иче.

Старик ткнул в него вопросительным взглядом, незло проворчал:

- Тебе нельзя пистолет ...

Обрубыш рассмеялся:

- Нет серьезно, Илья?

- Да где ж ему быть. Где положили, там и лежит ...

- Уважаю тебя, - с улыбкой произнес Иче, - только ты не бойсь. Я не окочурюсь: кто-то хочет, чтоб я жил вечно. - И с азартом предложил: -Ну что, чайку?

- Чайку.

Сидели за своим столом у окошка...

- В свою смерть человек не верит до самого конца, - старик покручивал в руках дымящий стакан, - потому, что существует последняя секунда, надежда на нее, что она всегда есть: в запасе Да, ты умрешь, но не сейчас, может, через мгновенье, но не сейчас. Проходят мгновенье и даже надежда: не сейчас, сейчас быть не может, еще будет одна секунда. И только агония обрывает все. Но та последняя секунда так и остается.

- Почти что бессмертие, - обрубыш сидел у окна напротив старика, шумно отхлебнул горячего чая.

- Ну да, - посмеялся тот.

«Я не хочу бессмертия...», - вспомнился обрубышу какой-то давний разговор.

- Если человека посадить в одиночную камеру и постоянно капать по одной капле на голову: кап, кап, что с ним будет, а? - с лукавством обрубыш посмотрел на склонившегося над столом старика.

- Свихнется, - знаяще ответил тот.

- Вот так и бессмертие. Бессмертие - пытка вопросами. А вопросы как капли на голову. Вот ты живешь сотню лет, а на тебя одни и те же вопросы: кап; кап, кап, вторую сотню лет, тоже кап, кап. Итак бесконечно ... Таковую пытку не осилить. Крыша поедет точно.

Илья посмеялся. Молчали.

- Все будет хорошо! ... Актера бы надо повидать, - в раздумье переключился Иче. - Сегодня уже поздно. - Он посмотрел в ночное, подсвеченное уличным фонарем окно. - И из мыслей не выходила Оксана.

12

Хозяин двора, где Иче со стариком вытягивали колодец, подогнал бульдозер. Нужно было расчистить и разровнять площадку перед домиком и забором.

На участке стало веселей: почти настоящая стройка.

Бульдозеристом оказался веселый мужичок с юркими маленькими глазками. Он охотно и для забавы взял обрубьша в свои «ученики», и как только на колодце появлялся какой-нибудь перекур, обрубьш семенил к грохотавшей на всю округу машине.

Пару раз с детским ликованием проехал по периметру площадки, ощущая себя лихим танкистом.

Старик с улыбкой наблюдал за сияющей в кабине физиономией Иче: вроде бы тот обрубьш, да и не тот.

Но бывали и другие минуты, когда Иче, думая о чем-то, нервно выпагивал вдоль колодца с опущенными к земле глазами: будто какая-то мысль, как зверушка в клетке, металась в его душе и не находила выхода.

Старик понимал: обрубьш думал об Оксане.

- Ничего у меня не болит. Все прошло. И сил у меня хватит еще на тысячу колодцев. - Илья сказал обрубышу неправду, и они снова пришли к колодцу.

Утреннее солнце уже приподнялось над горизонтом, и погода стояла самая рабочая. Старик и обрубыш переоделись, с минуту посидели на своей скамейке.

- Хорошо бы потом попариться, старые косточки погреть, а Илья? - Иче шутливо посмотрел на него.

- Можно бы.

- Возьмем хороший веничек... я из твоей спины мочалочку сделаю. Хорошую мочалочку. Помолодеешь, Илья, красивых пухленьких девочек захочешь! - он вскинул о большим пальцем.

- Что, пухленькие нравятся?

- Нравятся! И пухленькие, и не пухленькие, а что еще есть в этом мире?

- Все твоей Оксане расскажу, - пригрозил старик.

- Она не моя ... Да и не будет ... Просто нужно спасти девчонку.

- Спасешь!

Обрубыш короткой палочкой что-то ковырял в земле, но, казалось, не замечал своих действий, делал все машинально.

Может, я напрасно эту сволочь...? - он вдруг напомнил о стороже.

Старик молчал.

- Не могу ничего делать: ни жрать, ни спать! - Он нервно отшвырнул палку в колодец. - Идиот я! Не нужно

было рисоваться! - И вдруг переменялся тоном. - А может приехать, а?

- Документы надо делать! - с основательностью рассудил старик.

Молчали.

Иче сбросил в колодец ведро, лопаты, молчаливо стал на верхние перекладины лестницы, спустился на дно, вскинул голову: наверху виднелся лишь маленький осколок неба, словно выброшенный из колодца каким-то мощным выстрелом.

Иче пристроил на одной из лестничных перекладин карманный тускло светящий фонарь, подвязал ведро к веревке.

Набросав в него земли, - несколько раздернул за шнур, просигналив старику подъем. Через секунду ведро сорвалось с места, поползло вверх.

Илья, стоя над краем колодца, перебирая веревку руками, вытянул ведро, сбросив глину, осторожно опустил его в колодец.

Старик посмотрел на внушительный холм земли, достал сигарету, подумал, отшвырнул ее.

«Сколько перебросали этой глины», - думал он, и припомнилось, как начинали, те первые дни, когда спорилась, бодро шла работа и как дальше, с каждым метром, приходилось труднее.

Чем больше они уходили в землю, тем тяжелее становилась она.

Сейчас темный ствол колодца уже уходил на шестой метр.

... Воды еще не было ... Илья сменил обрубьша.

Шестой метр казался равным всем пяти.

Сбивалось дыхание. Часто вытирая пот, стесненными движениями старик наполнял ведро.

Время потеряло свой счет. И ничего не было в мире кроме этих влажных стен, этой стремительной душной коробки, тускло освещенной карманным фонарем.

Духота.

Набрасывая очередной пласт, Илья вдруг почувствовал, как под лопаткой вошла боль и железными сетями стала душить сердце.

Стараясь не вслушиваться в нее, старик наставил штык лопаты и усилием всего тела, чувствуя тугое сопротивление земли, утопил штык, оторвал пласт и перенес в ведро.

- Ничего... Сейчас... Сейчас пройдет ... - приборматывал он, будто пытался заговорить боль. Но железные сети сильнее душили сердце.

«...уходить, надо уходить...» - мелькнуло в голове. Илья дернул веревку. Еще раз.

Веревка туго натянулась, вырвалась из руки, сорвала ведро со дна. Поднимаясь, оно ударило в плечо.

Старик тяжело ступил на лестницу.

Каждая перекладина давал ась с большим трудом, словно к ногам был привязан тяжелый, влекущий ко дну груз. Что-то ударившись о спину, скользнуло вниз, глухо влипло в землю .

«Иче вернул ведро...» - сработало сознание. Мысль об Иче придала сил, но и они метр за метром гасли.

Илья припал к лестнице, долгую секунду стоял прижавшись к перекладинам.

Нужно было подниматься. Из последних сил, но карабкался вверх. Ноги слабели больше.

Наконец, осколок неба разросся и уже был дышащим, как распахнутое окно.

Старик поднял руку и, сжав над собой перекладину, словно впившись в раму спасительного окна, поднялся еще на ступень, на другую.

Иче, настороженный тем, что старик долго не подавал сигнала, уже склонившись над краем колодца, обхватил плечи его, помогал ему выбраться.

С его помощью Илья проковылял к холму земли, полулежа привалился к ней спиной.

- Может, «скорую»? - тревожно стоял над ним Иче.

- Не надо. Сейчас пройдет.

Поползли медленные, напряженные секунды.

Наконец, прихлопнув по земле тяжелой ладонью, старик устало выдохнул:

- Прошло ...

Следом легко вздохнул и обрубьш:

- Все! - он топориком поставил ладонь. - С сегодняшнего дня никаких лопат... Идем к врачу. Так дело не пойдет! - превратился он в маленького ворчливого старичка.

14

Директор специнтерната сживал на своей должности около семи лет.

За это время он трижды сменил в своем кабинете мебель, дважды металлические оконные решетки, и за эти годы еще больше напоззли на его веки мохнатые брови, в которых, как в силках, затерялись круглые глаза:

Директору было сорок семь. Больше всего он любил чрезвычайные построения и совещания.

Школьная тетрадь Оксаны, подsunутая хромым Филиппом, вытягивала на все сразу: и на построения, и на совещания.

Еще бы, произошло не какое-нибудь происшествие, а настоящая политическая провокация: интерна-товцы - и письмо в ООН?! Это должно быть уничтожено в зародыше.

И кабинет директора походил на штаб по ликвидации стихийного бедствия: озабоченные лица, доклады, поручения ...

Воспитатели по всем углам перевернули спальню, выискивая не зная что, но опасное, как подложенная террористами бомба.

Оксану обыскали, как резидента вражеских спецслужб, и на стол директору было положено два вещдока: стеклышко и газетный обрывок с чьим-то адресом.

После тщательных дознаний, вконец растерянную, с заплаканными глазами, «преступницу» отдали Катке и ее взводу, пообещав ей для лечения мозгов Дом инвалидов.

Катерина выстроила в спальне свою юбочную команду в две шеренги: те же болезненные физиономии и среди них, словно случайные, обыкновенные девичьи лица.

Перед строем, втянув голову в плечи, понуро стояла Оксана, ждала своей участи - приговора Катерины.

Катка важно выпагивала вдоль выпиравших грудей и на ее мужеподобной физиономии самодовольно восседали два хищных глаза.

Катерине предстояло решить вопрос вопросов: как наказать преступницу, совершившую такой подлый поступок.

Проходя мимо Оксаны, она смирла ее карающим взглядом, забросила руки за спину. Где-то в конце шеренги, став напротив грудастой рыжей девицы, у которой изо рта стекала пенистая дорожка слюны, гаркнула:

- Утрись, скотина!

Та припечатала растопыренной пятерней по отвислым губам, размазав слюну по всему лицу.

- Животные! - орала Катька с фланга, оглядывая строй. Зло затопав к середине, -скомандовала:

- Круг! Все - круг!

Строй неукложе развалился, разноюбочная, команда, толкаясь, суетясь, долго собиралась в вытянувшийся в проходе эллипс.

В центре его оказались Оксана и Катерина.

«Солдаты» уже знали, какая им предстоит задача, и кто неловко переминался с ноги на ногу, кто стоял, ткнувшись глазами в пол.

Оксана с мольбой повела глазами по лицам.

- Девочки, не надо! Родненькие, я прошу вас! - дрогнувший голос задохнулся в насупленном круге.

- Катерина, не бейте! Не бейте меня! - она умоляюще тронула ее за локоть.

Та резко отбросила ее руку, рывкнула:

- А доносы писать не больно?! – И изо всех сил толкнула ее в плечо.

Оксана, споткнувшись, разбросав руки, отлетела в сторону, где ее уже поджидали растопыренные, готовые снова отпихнуть ладони.

Фигура Оксаны билась в кругу от одних рук к другим. С каждым ударом теснее сжимался круг, азартнее горели глаза, жадно рвались к центру напряженные пальцы.

Катерина взобралась на кровать, пружиня на ней, как на батуте, с диким ликованием бросала на сходящийся в одно месиво головы.

- Так! Так! Давай! Давай!

Кольцо превратилось в кипящий ком из бьющих рук, ног, в какое-то злобное месиво.

Вдруг из него вырвался отчаянный и резко обрывающийся тонкий крик «Мамочка!»

Озлобленный ком как-то внезапно рассыпался, спины выпрямились, словно пальцы разжавшегося кулака.

Замершие, лихорадочно горящие глаза впились в центр круга: Оксана лежала поджав ноги, словно все еще береглась от ударов.

Но затихшая словно заснула.

Катерина спрыгнула с кровати, наклонилась над ней, за волосы подняв голову, прислушалась к дыханию .

- Никуда не денется, курва! Очухается! - она разжала пальцы. Шелковистые волосы стекли сквозь них, голова Оксаны ударилась об пол.

Катерина подняла глаза на зависшие над ней отупевшие лица.

- Марш из спальни, животные! - припав на колени, рывкнула она.

Те, словно и ждали этого, суетливой вереницей потянулись к двери.

Катерина, потеряв ладони, затопала следом.

В окна спальни натекали сумерки, словно пытались скрыть от кого-то лежавшую на полу с изодранным платьем девушку.

15

Отпуская ненадолго, чувство вины настигало вновь. Будто поигрывая с добычей, какой-то охотник освобождал пойманного зверька и, дав, ему несколько глотков воли, снова накидывал сети.

В домике старика поселилась неуютная немота: обрубьш и Илья вроде бы находились рядом, но в то же время тугое, напряженное молчание разделяло их.

Без слов накрывали на стол, молчаливо хлебали чай, изредка поглядывая в окно, за которым темной настойкой наливалась ночь.

- Я поеду! - отодвинув стакан, резко поднялся Иче, словно за что-то извинился. - Что-то душит, Илья! Если с ней что-нибудь случится, мне лучше повеситься.

Старик сидел, облокотившись о стол, поглаживая пальцами лоб.

Иче взял из его пачки сигарету, вышел во двор. Прохладный ночной воздух освежил.

Обрубьш сел на низкие ступеньки, привалился спиной к дверному косяку.

Разорванные мысли суетливо носились в мозгу, как неожиданно ослепшие птицы.

... Погруженный в ночное безмолвие мир ...

Вдруг возникло знакомое чувство нереальности всего: нереальна эта ночь, звезды, тусклый свет лампы над крыльцом, нереален дом старика, это светящееся низкое окно, нереально свое существование ... Пустота ...

Безмолвная, гнетущая пустота ... Что все это? Что есть ВСЕ?

На мгновение стало жутко. Это состояние страха, страха непонимания длилось несколько отчаянных секунд, потом, резко погаснув, перешло в слякотную тоску.

Тишина. Тяжелая тишина проникая в череп, распирала его. Вспомнились глаза Оксаны, ее детская радость, когда она взяла листок с адресом.

Обрубьш затянулся. Ярким светлячком пыхнул кончик сигареты.

Неожиданно за воротами послышался какой-то шорох и бормотанье.

Обрубьш прислушался: видно, какой-то пьянчужка вслух решал мировые проблемы.

Иче выглянул из калитки: в метрах трех пьяный незнакомец, силясь подняться, припадал на колени.

Поднялся. Что-то бессвязно пробормотав, слепо шагнул.

Свет фонаря выловил из темноты разбитое лицо.

Влас.

Срываясь из стороны в сторону, он выбрел на дорогу, снова припал на колени, снова с трудом поднялся и так же, еле удерживаясь на непослушных ногах, спотыкаясь, словно кто-то невидимый пинал его в спину, срывался на быстрый шаг и опять слепо ковылял по улице.

На душе стало слякотно и неудобно. Иче взглянул в ночное небо. В стремительной черной бездне миллионными паучков плясали холодные звезды, среди них сторбленной колдуньей что-то вещала над миром луна.

Безлюдье.

Тускло освещенное безлюдье. Лишь вдалеке билась из стороны в сторону жалкая фигура Власа, и деревья с плоскими в ночи кронами, как чуткие радары, вслушивались в ночную вещую тишину.

Что было в ней? Что таила она и насмешливо скрывала от человеческой души? А, может, и не таила? Может, откровенная сама, ждала и ответного откровения человека? Но тогда в чем оно - откровение людской души? В ее величии и падении? И если так, то куда уж большего, чем теперь.

Чего же еще? И неужели нужен и какой-то срок, чтоб люди так и жили между величием и падением, между ненавистью и любовью, меж отчаянием и надеждой, между рабством и свободой, между скорбью и утешением, между славой и бесславием и ненавидели величие и любовь, возвышали падение и ненависть, ненавидели само же падение и саму ненависть?

... Крепчала ночь.

16

Иче вернулся в дом. Старик уже разбирал постель, его широкая мускулистая спина медно отсвечивала в свете лампы.

Иче потоптался в дверях, ожидая, что Илья вот-вот повернется в его сторону.

Тот, видно, почувствовав это, не разгибая спины, все так же наклонившись над постелью, оглянулся на него.

- Надо увезти ее и все ... - сразу вставил обрубыш и тут же поспешил упредить старика. - А что, не прокор-
мим одну душу что ли?

Илья с улыбкой выпрямился:

- Одну-то душу как-нибудь прокормим. Но как ты «уведешь» ее; бедная твоя душа!

- Это уже другой вопрос. - Иче прошелся по комнате. Свесивши голову, казался еще меньше.

Он посмотрел на часы:

- В самый раз: пока то да се, за полночь перевалит ... Только машина нужна ... Если что-нибудь с ней они сделали, я на этом бульдозере весь этот интернат разнесу ... Илья, пойдем со мной к Назару, а то одному как-то не удобно. А с тобой он и не откажет.

Старик, забросив руку за спину звучно поскреб под лопаткой.

Почесывал, казалось, целую вечность.

- Ладно, - вздохнул он. - Все равно спать не дашь. Пойдем, - они вышли во двор, подойдя к сетчатому забору, крикнули к соседскому крыльцу.

Щуря глаза, из дома вышел Назир. Шлепая тапками приблизился к ним.

17

В черную ночь вырвался белый автомобиль Назара. Рядом с ним на переднем кресле восседал обрубьпп.

Старик, бросив им вслед рукой, надолго замер на пустынной улице.

18.

Ночная спальня давно погрузилась в сон: слышалось причмокивание губ, беспокойное бормотанье, над кроватями погуливал храп.

Оксана лежала в постели вся уйдя под одеяло, оставив открытым лишь лицо, как у запеленутой куклы.

Оксана думала о Иче: если бы могло случиться чудо и он сейчас оказался бы здесь, чтоб навсегда увезти ее отсюда. Но лишь бы эти сволочи не сделали маленькому человечку какой-нибудь подлости ... Они способны на все ...

И только бы не Дом инвалидов.

Убежать... Это было первой мыслью, когда она пришла в себя после побрев. И теперь это превращалось в решение убежать...

Она подумала о своем платье: оно разодрано. Но все равно, пусть и разодрано. Главное - уйти.

И сейчас самое время. После прошедшего шмона никому и в голову не придет, что после такого переполоха кто-то отважится даже на маленький проступок.

Хромой сторож, наверняка, пьян и храпит в своей будке. То, что его смена, может и к лучшему.

Только бы незаметно выскользнуть из спальни, пройти проходную. А там все: свобода. Останется добежать до главной дороги и остановить машину. Кто-нибудь да подбросит к дому Иче.

Бежать.

Оксана стянула с головы одеяло, прислушалась: все, должно быть, спят.

Садилась на кровати, преодолевая боль: все тело казалось раздробленным и распухшим.

В полумраке нащупала сброшенное на пол платье. Самое страшное - кровать Катерины: только бы она не проснулась. Прихватив туфли, Оксана осторожно двинула по сумрачному проходу меж кроватей.

Чем ближе подступала к Каткиной койке, тем громче колотилось сердце: только бы не проснулась.

Дверь отворилась без скрипа, легко вздохнув, Оксана прикрыла ее за собой ...

В коридоре тихо.

По холодному полу она прошла к лестнице, спустилась на первый этаж. И здесь - никого. Дежурный воспитатель, наверное, тоже спал.

Осторожно приоткрыв входную дверь, выскользнула на улицу.

От ступенек к самым воротам вела тускло освещенная фонарем асфальтовая дорога.

Если идти по ней, могут заметить. Оксана сошла с нее, пройдя под деревья, слилась с ночной темнотой.

Причудливые тени казались следящими за ней фигурами, словно кто-то прятался за деревьями и ждал момента, чтоб наброситься на нее.

Присев, она наощупь надела туфли, в ребрах отдавалась резкая боль, столкнула ее на бок. Оксана успела подставить руку, опустилась на колени. Подождала, пока боль поутихнет.

Осторожно поднялась, шагнула. Зашуршала под ногами трава, предательски затрещал сухой сук.

На этот треск тутже отозвалась интернатовская шавка Зоська, закатилась в тонком пронзительном лае.

Оксана припала к шершавому стволу клена, в темноте слилась с ним.

Собака, зайдясь в яром лае, казалось, не могла остановиться, выбежав на дорогу, полетела в сторону Оксаны

Резко распахнулась дверь проходной, и на пороге стала освещенная входной лампой фигура сторожа.

С заколотившимся сердцем Оксана затерлась за дерево

Зоська, переметнувшись через кусты, яростно бросилась на Оксану, но учуяв, что здесь свои, интернатовские, заскулила и стала тереться о ногу.

Сторож вышел из проходной, зло окликнул собаку:

- Чего развизжалась, паскуда?! - И вышел на дорогу...

Оксана еле слышно, с подступившими слезами просила юлившую в ногах шавку:

- Уходи. Не выдавай меня. Уходи же ...

- Зоська! - окликнул сторож, сделав несколько шагов ..

Оксана соскользнула спиной по стволу на землю. Уткнулась лицом в колени.

Все. Теперь уже все. Она представила, как снова ее допрашивали в директорском кабинете, липкие глаза воспитателей, увидела круг в спальне, находящие на нее озверелые лица ...

- Зоська! - громче окликнул сторож, и его хромающий шаг отчетливей разнесся по ночной тишине.

Собака раз-другой отбрехала, бросив Оксану, метнулась по зашуршавшей траве к дороге.

- Чего разбрехала, шлюха? Трахать тебя некому!
- и следом послышалось, как он притопнул ногой, и взвизгнувшая собака понеслась в сторону здания.

В какое-то мгновение на территорию интерната навалилась тяжелая тишина, словно все вокруг затаилось: и здание с тусклой лампой над крыльцом, и деревья, и лунный диск, который сквозь их кроны заглядывал на жавшуюся к стволу девушку.

Машина, выехав из города, легко шла по ночной трассе. Назар, слегка подавшись к рулю, вглядывался в дорогу, которую далеко вперед освещали фары.

За все время не попалось ни одной встречной машины. Лишь однажды луч света вырвал из мрака ставший на ночь рефрижератор.

Ехали без определенного плана, решив действовать по обстоятельствам.

В какой-то момент обрубьш вдруг ясно, со стороны увидел все происходящее: и эту ночь, автомобиль, мчащийся по пустынной дороге, себя в этой машине, пятнадцатилетнюю девушку, которая, наверное, сейчас спала и ей совсем ни к чему были его спасательные затеи.

Возникло чувство вины перед ней и ненависть к себе.

Обрубьш почувствовал себя в напаянном на голову колшаке, и кресло под ним стало троним шутовской кареты, мчавшейся в бессмысленную ночь.

Знакомый дьявольский смех разорвался над миром.

Но шутовская карета лихо мчала по асфальтовой ленте, неся в своем чреве маленького человека.

- Поднажми! - вдруг повернулся обрубьш к Назару! - Ветерка! - будто говорил кому-то назло.

- Успеем, - усмехнулся Назар;

- Давай-давай! - куражась, подстегивал Иче. - Дави!

Летучими мышами падал с небес гадливый хохот, и карета с белыми лошадами летела сквозь это мерзкое кишенье.

20

Хромой Филипп, от души выматерив собаку, двинул к зданию.

От дерева, где затаилась Оксана, до середины дороги, по которой топал сторож, было метров семь.

Оксана сильнее жалась спиной к стволу, словно пыталась раствориться в нем. С каждым приближавшимся шагом сторожа быстрее билось сердце. Ствол клена был не очень широк, и, если пристальней вглядеться, наверняка, можно было различить человеческую фигуру.

Шаги поравнялись с ним. Время враз изменило скорость: чем быстрее билось сердце, тем медленней оно шло.

Но перестук шагов на дороге продолжился, стал отдаляться. Оксана передвинулась за стволом, боязливо взглянула: сторож, неловко припадая на одну ногу, поднялся на крыльцо, вошел в здание.

Она почувствовала, как от напряжения дрожали и, казалось, вот-вот подкосятся колени.

Но надо идти. Она робко шагнула. Оглянулась на крыльцо. Сделала еще шаг, и словно что-то сработало в ней, без оглядки побежала под деревьями, ужасаясь треску сучьев под ногами и шелесту травы.

Вот уже окончился палисадник. Оставалось только перебежать дорогу и через проходную - на улицу.

Со сбившимся дыханием она снова оглянулась на здание, на замершие, точно нарисованные стены, дверь и бросилась через дорогу.

Вот коридор, вот руки нащупали задвижку на двери, вот дверь уже раскрыта и снова, но уже снаружи придавлена спиной.

И вот она за территорией интерната.

Оксана не чувствовала боли, только подкашивались отяжелевшие ноги.

Пятьдесят метров до трассы, казалось, бежала она вечность, и в этом погруженном в черную мглу мире были только эта одна нескончаемая, почти невидимая дорога и гулкий, предательски громкий топот каблучков.

Но вот дорога втекла в широкую ленту трассы. Теперь нужно было свернуть направо и продолжать бег по ней.

Пульсировала под ногами твердь асфальта. Сбилось дыхание.

Оксана боялась остановить свой бег, но уже не слушались, подгибались ноги, Оксана сорвалась за обочину, опустилась на холодную траву. С надеждой подумала о своем маленьком человечке: если б он знал сейчас, что с ней, то обязательно бы примчался. Бросил бы все и примчался.

Она лежала рядом с трассой, обратив закрытые глаза к звездным небесам и не знала, что по этой же дороге мчалась ей навстречу белая машина.

21

Ночная езда незаметно укачала. Полудрема обволокла, как мягкая девица.

... Толпа гомонящих людей. Какой-то бородач, эмоционально жестикулируя, произнес слова: « ... Мафия ... », «кальмэри ... »

«Кальмэри» ... Обрубьш почувствовал сквозь дрему, как заставлял себя очнуться и запомнить это странное слово и, оборвав сон, открыл глаза.

Автомобиль по-прежнему легко шел по ночной трассе.

Обрубьш протащил по лицу крепкой ладонью, словно стащил с себя липкую сонливость.

- Прижимарил, - виновато улыбнулся он. – И долго я дрых?

- Нет, - Назар на секунду оторвался от руля. - Может, минут пять.

- Слышь, Назар, а тебе не встречалось такое слово: «кальмэри»?

- ... «кальмэри»?

- Ага.

- Черт его знает, - Назар поводил ветровым стеклом, наводя в лицо свежий поток воздуха. - «Кальмэри» ... Что-то венгерско-испанское ... А что это?

- А хрен его знает. Поражаюсь! Вроде бы я никогда такого не слышал, а вот надо же, пригрезилось! - Обрубьш и сам неподдельно удивился. - А, может, на каком-то языке есть это слово... Что-то в этом такое есть ... Я слова никогда и слыхом не слыхивал, а оно у меня в башке. Понимаешь: и у не кого-нибудь, а именно у меня, у того, кто о нем и слышать не слышал ... Свихнуться можно ...

- И что тебе приснилось? - Назар как будто начал расследование.

- Толпа какая-то, и один такой бородатый детина ...
Как слон. Он и говорит: «...кальмэри». Но сначала про
какую-то мафию толковал.

- Мафию? - взял на заметку Назар.

- Как родился в тюрьме, так, наверное, там и отки-
нись, - равнодушно произнес обрубьпп.

- Кто родился? - не понял Назар.

- Я.

В салоне повисла неловкая пауза.

- И такое случается... Некоторые там специально
деток клепают. Чтоб срок скостить ...

Назар молчаливо следил за дорогой.

Впереди загорелись фары встречной машины. Таки
не переключившись на «ближний», ослепив резким све-
том, она прошла мимо.

Назар, припав к рулю, непроизвольно повернул им
влево-вправо.

- Я твою душу ... - выматерился он.

- Гондон штопанный, - поддержал обрубьпп.

- Из тех ... Пауков ... - глянул Назар.

Поняв друг друга, рассмеялись.

- Расскажи еще что-нибудь про них ... Про пауков,
улыбнулся Назар. - У тебя интересно выходит. И ведь не
подкопаешься ...

Посмеялись.

- А что тебе про пауков ... С ними все ясно, - растя-
нул Иче. - Ослепил встречного - паук...

- Эт-то т-точно ...

- Если человек и погибнет на этой земле, то только
от мысли, что жить он не имеет права. - А почему «не
имеет права»?

- А есть одна такая блевотная мыслишка. Вроде бы всего пяток слов в ней, а после нее жить противно станет. Вот эта мыслишка, если о ней заговорят, и убьет людей. Вернее, сначала развратит, а после нее все в этом мире потеряет и жизнь. А если нет цены, то и вещь на мусор.

- Ну и что это за пять слов? - любопытствовал Назар.

- Ты их сам знаешь. И все знают. Только делают вид, что не замечают. В дуриков играют.

Молчали.

- Эх, прожить бы один денечек, но чтоб от души, как после жажды родниковой водички напиться! - Иче забросил руки за голову, сцепив на затылке пальцы и тут же подтрунил над собой:

- Видал, как я? А?

- Ну да! - в тон ему согласился Назар.

Вдруг неожиданно впереди вырос женский силуэт. Раскинув руки крестом, на машину отчаянно двинулась какая-то девчонка.

Назар успел вывернуть руль, машина накренившись стала на два колеса. Каким-то чудом не опрокинувшись и едва не задев девчонку, объехала ее.

Обрубыш успел вцепиться в зеркало обзора и упереться в кресле водителя.

Машина, с лязгом спружинив на рессорах, стала на все колеса, покатила медленно, с заглушим двигателем.

Осознав, что все обошлось, Назар дрожащей рукой включил зажигание:

- Подождите! - в салон проник слабенький далекий голосок. - Я прошу вас!

Обрубыш резко обернулся. Вгляделся в заднее стекло. Но на нем, как на затуманенном экране, лишь смутно проступал тонкий силуэт.

Послышался топот каблуков.

Но машина уже уходила вперед.

- Кто их знает, может, банда какая! - Назар напряженно вглядывался в заскользившую под колеса серую ленту.

Обрубыш снова обернулся.

- Неужели она?! - потерянно бормотал он. - Голос ее ... Стой! - вдруг бросил он Назару. - Тормози! - И сжал его руку. - Это она!

- Че ей тут делать? - Назар продолжал вести машину.

- Да стой же ты! - он крепче сжал его руку, - развернись и иди навстречу ... Если что - по газам! Понял?

- Ну смотри! - Мол, я предупреждал тебя, растянул тот, послушно развернулся.

Фары выхватили из темноты замершую вдалеке фигуру.

Медленно пошли на нее.

Девушка вскинула рукой, словно кого-то издали поприветствовала.

- Сигналит своей банде, - предположил Назар.

- Она! - выдохнул Иче, подавшись лицом к переднему стеклу. - Вот так номер! Точно она! - и забыв, что машина еще идет, открыл дверцу.

- Да стой же ты! - ударил по тормозам Назар и выдохнул: - Ну и ночка!

Иче торопливо шел навстречу девушке. Она пошла быстрее.

Свет фар, как заброшенные в ночь сети, выбирал ее из темноты. Назар, увидел, как она приподняла и прижала к груди оборванный лоскут платья.

Вот Иче уже заслонил ее фигуру, но было видно, как, узнав его, но, видно еще не веря глазам, она замерла на мгновенье, а потом бросилась к, нему.

В метрах двух, споткнувшись, упала. Обрубыш метнулся к ней, припав на, колено, склонился.

Быстрые девичьи руки жадно обхватили его шею. Назар выключил фары, и в ослепившей темноте слились две фигуры.

По ночи растекся радостный со слезами девичий голосок:

- Я знала! Я ведь знала, что ты приедешь!

Снова вспыхнувшие лучи вырезали из темноты две, но уже шедшие рядом фигуры.

Она держала ладонь обрубыша, забыв про оторванный лоскут, который, свесившись, обнажал белый холмик груди.

Они шли бок о бок, и издали могло показаться, что сестра ведет за руку младшего брата, который был ниже ее.

Назар снова выключил свет, снова в темноту ушли их силуэты, но через мгновенье в новых лучах света ожили их счастливые лица.

Сдерживая улыбку, обрубыш пригрозил в стекло кулаком:

Машина легко стронулась; набирая скорость, пошла по ночной дороге.

Оксана сидела на заднем сиденье за спиной Иче. В салоне стояла долгая нежная тишина, лишь в окошко прорывался посвист шин.

Обрубыш откинулся в кресле и вдруг почувствовал, как ласкающая рука скользнула по затылку, тепло стекла к шее, и потом к плечам доверчиво прильнуло ее лицо.

Мир, как пес, зажмурил глаза.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕСТЬ

1

К Илье заехать было необходимо. Назар подогнал машину к самым воротам, заглушил двигатель.

Погасли фары, автомашина утонула в ночи, словно погрузилась на дно моря.

Сидя за рулем, Назар выгнул спину, сладко потянулся:

- Самое время спать, - сквозь зевок проронил он.

- Ну что, пошли? - обрубьш обернулся к сидевшей за ним Оксане.

Она молчаливо кивнула.

Вошли во двор.

Иче привычным движением оттянул дверь стариковской хижины, просунув ладонь топориком, подбил крючок:

Старик проснулся от голосов, включенной в коридоре лампочки: свет от нее, упав в комнату, тусклым пятном выхватил из темноты кровать и его сонные, замершие глаза:

- Ну, что? - приподнялся старик, глядя на стоявшего в дверях Обрубьша.

- Нормально... Команда, заходи! - оглянулся тот в коридорчик. - Свет я включу? - и уже надавил на выключатель.

Подойдя к столу, плюхнулся на табурет.

В дверях робко стояла Оксана, прижимая ладонью надорванный на груди лоскут платья.

Старик сам невольно прикрыл одеялом грудь, с улыбкой залюбовался девушкой.

За ее спиной вырос Назар.

- Ну, действительно, команда! - одобрительно прогудел Илья, пробежав хитроватыми глазами по их лицам.

- Я оденусь, - извинился он.

Оксана быстро повернулась, наткнувшись на стоящего за спиной Назара, пугливо извинилась, скрылась в коридоре.

Илья торопливыми движениями влез в брюки, почти до верхней пуговицы застегнул рубашку.

- Оксана, входи! - позвал Иче.

Она снова с робкой улыбкой появилась в маленькой комнате, как случайная птаха в вороньем гнезде. Так же прижимала к груди ладошку, и, кажется, еще больше стеснялась из-за порванного платья.

- Проходи, доченька. Будь как у себя дома... - старик запнулся, поняв, что с «домом» получилось невольно, но тут же решил исправиться. - Ничего, милая, будет и у тебя свой дом ... Правду говорю, Иче?

- Будет! - коротко бросил тот, сделав вид, что не понял к чему клонил старик.

Оксана стояла опустив глаза. Постукивал ногтями по столу сидевший напротив обрубыша Назар. С какой-то беспомощной улыбкой возвышался над ними старик.

Неловкое молчание.

- Илья, дай иголку с ниткой Оксане ...

Старик глянул на ее ладошку, что-то прикинув себе на уме, суетливо бросился в поисках иголок-ниток. Провел Оксану во вторую комнату:

- Здесь тебе будет удобней.

Вернувшись к приятелям, вопросительно развел руками:

- Ну, что, чай? Или может что...? - произнес тихо, с видом заговорщика.

- Здесь ей оставаться нельзя. У них твой адрес оказался, - ответил обрубьпп, припав плечом к стене. - Значит, к тебе? - бегло глянул стапик.

- А куда ж? - словно оправдался Иче.

Старик в раздумье поскреб в щетине:

- Ладно ... На первое время возьмешь все самое необходимое. А потом, как говорится будет день - будет и пища. - И он принялся за шкафы-ящики, собрав нужную посуду, уложил ее в картонную коробку.

- Оксана, ты готова? - бросил Иче.

- Ага, - мгновенно выпорхнула из второй комнаты.

В машину снесли и постель.

- Ну, держись, старина! - выходя из дома прибодрил старика Иче и лукаво подкинул:

- Если что, пистолет у тебя есть.

- Не волнуйся, не пригодится.

- Тогда я заберу его, если «не пригодится», - подумав, произнес Иче.

- Хозяин - барин. - Старик принес целлофановый сверток - Вот, пожалуйста, в целости и сохранности.

... И снова, уже второй раз, в этой ночи Илья провожал уходящий от его дома желтоватый под светом фонарей автомобиль.

- На новоселье пригласи, - предупреждающе протянул он, пройдя по пустой комнате и, прощаясь, в дверях хитро подмигнул: - Спокойной ночи. Не выходи! - И не дав опомниться Иче, захлопнул дверь.

Обрубывш еще долгую, минуту стоял лицом к двери. Неподвижный, в маленькой прихожей, словно был приперт к стене в ожидании какого-то приговора ..

Потом отрывисто провернул ключом, и дважды клацнувший замок, казалось, что-то включил в мозг.

По квартире растеклось ожидание.

Иче знал, что сейчас Оксана ждала его там, в комнате, ждал и он той минуты, когда они окажутся наедине.

Он увидел себя стоявшим напротив нее и, кажется, сполна ощутил всю неловкость того мгновения: он, коротышка, и она ... Если бы это была просто какая-нибудь ... шлюха ...

Скользнула мысль, что кто-то похохатывал, глядя в повядшую сейчас его спину, наклоненный затылок.

Обрубывш открыл и снова клацнул замком двери, для чего-то прошел на кухню, включил и, потоптавшись в ней, выключил свет, заглянул в ванную и, словно чего-то ища, вошел в комнату.

Оксана сидела на софе у журнального столика, сложив ладони меж округлых белых колен. На одной чашечке был содран пяточок кожи и на нем запеклась кровь.

Оксана оглянулась на вошедшего Иче.

Иче заглянул ей в глаза, и они ответили мягкой виноватой улыбкой.

Он подошел к ней. Сидя, она была чуть ниже него. Он поднес руку к ее виску, и его чуткая ладонь потекла по шелковистым прядям, заскользила по шее к плечу.

Он вдруг почувствовал в ней внутреннюю дрожь, приподнял ее подбородок, и те же виноватые глаза втекли в душу и обожгли.

Обрубыш взял в ладони ее лицо, с затаенным дыханием коснулся губами ее разомкнувшегося рта, словно с лепестков испил сладкую росинку.

И еще.

Ее сладкое дыхание, опьянив, разорвало сознание, они опрокинулись на софу. Он жадно пил неумелые отдававшиеся ему губы, окунался в душистые пряди волос.

Пьянея от ласки, она безоглядно смеялась, заражая и разжигая хмельным смехом с Иче. И потом притихла, замерла, ощутив скользнувшую под платье руку.

Но вдруг, тяжело дыша, Иче оторвался от нее, чуть слышно прохрипел:

- Надо постелить Сейчас ... - И, поджигаемый мыслью, что ему будет принадлежать и уже принадлежит никем не тронутая девушка, разбросал на софе постель, выключил свет ..

Он помог снять ей платье.

Коснувшись грудью ее тугих сосков, на секунду замер, застонал, запрокинул голову и снова жадными губами заскользил по ее послушному телу, испивая сладкое дыхание рта.

Сквозь ее тонкий вскрик и свое беспamięтство входил в тугое, влажное лоно...

Они так и проспали: обнявшись.

Иче проснулся первым, подоженный ее близостью, медленными поцелуями касался ее волос, губ, вывободив из-под нее руку, приподнялся над ней.

Она проснулась с улыбкой, легкими руками обвила его шею и упрятала глаза под широкие веки.

Ее приоткрывшийся слегка припухший рот поманил, утренний свет вылепил оказавшиеся под ним овалы ее груди, длинные розовые соски ...

Сквозь забытие он почувствовал, что плоть их раскрылась одновременно, и их утреннее ложе вознеслось над рухнувшим в небытие миром.

Расслабленный, он припал к ее щекам, детски смеясь, уже благодарными успокаивающими поцелуями ласкал ее шею, плечо.

С минуту они молча лежали рядом, на лицах высвечивал сладкий покой.

Возле столика валялась сброшенная ночью, скомканная, перепачканная кровью простыня.

Оксана повернулась лицом к Иче:

- Теперь мы муж и жена?

В ответ он провел пальцем по ее подбородку к груди.

- Я - жена ... - выронила Оксана и, словно не осознавая сказанное, но и гордясь, расставила. - Я жена ... - Ее глаза с улыбкой убежали в даль.

Отбросив руку к стене, провела по ней ладонью, словно что-то пригладила, и неподдельно выдохнула:

- Кто бы мог подумать такое ... Ты бы мог подумать?

- Мог ...

- Что сейчас в интернате творится! - нараспев произнесла она. - Катька, наверное, от злости на стенки лезет.

- А что за Катька?

- Командиром себя считает ... одна. – И вдруг прижалась к его руке. - Я ведь уже не вернусь туда?

- Не вернешься... Я тебя очень люблю. Оксанка! - И как испугавшегося темноты ребенка, он привлек ее к себе, крепко обнял, и они затихли, как греющие друг друга щенки.

3

Только теперь, когда он спешил в магазин за покупками, а там, в квартире, ждала она, обрубьш впервые так пронзительно почувствовал, что значит «мой дом». Это когда тебя ждут.

Иче подумал о своем имени, внутренне усмехнулся: хотя все вокруг было прежним: и эта широкая улица, высотные дома, большие люди, все же мир сегодня казался несколько другим.

Все вроде бы прежде, но в то же время каким-то земным смыслом наполнялась людская жизнь, а сами они: теперь виделись не защищенными слабыми существами, и он прощал им их вечные насмешки, любопытные и нередко надменные глаза, ухмылки в эти минуты он как никогда видел: мир спасет сострадание.

Кто знает, - может поэтому в эти минуты он не казался: себе маленьким обрубьшем, и, наоборот, мог дать кое в чем хорошую фору любому из больших людей, которые и не осознавали насколько слабы и незначительны перед этим миром все.

И, может быть, за одно с прививкой против оспы нужно было всем сделать прививку против своей значительности.. Наверное, и жизнь поспокойней пошла.

Ну вот хотя бы этому: навстречу Иче, вскинув голову и небрежно бросая руками, словно отряхивая их, шествовал молодой мужчина с выпиравшим из-под костюма брюшком.

Иче представил, как выглядел бы этот «пингвин», если бы сейчас, став напротив него, от души ткнуть пальцем в его пупок, да так, чтобы брюхатый пустил ветры.

Тот прошел мимо с задранной по-прежнему головой, видно, если, что и считал достойным своего взгляда, то разве лишь макушки деревьев... Но, может быть, там находился видимый только ему монитор, где он созерцал: себя, возвышающегося над толпой.

Но над такими, наверное, небеса не хохочут.

В хлебном магазине, укладывая булку в целлофановый пакет, Иче представил руки Оксаны, нарезающие хлеб.

Душа порхнула к теплым небесам.

«Для дома», - укладывая очередную покупку, приятно звучало в мозгу, и он торопился, спешил к своему дому - к Оксане.

Дойдя до магазина «Вино-водка», решительно толкнул дверь. Зазвенел подвешенный над ней колокольчик.

- Красота! - одобрил Иче, свойски, как с давнишним знакомым, поздоровался с продавцом. - Будем знакомы. Теперь, надеюсь, я твой постоянный клиент .

- Очень рад! - с веселым любопытством продавец навис над прилавком, пожал короткую, но крепкую ладонь Иче. - Квартину здесь получил?

- Купил, - Иче, выбирая спиртное, смотрел заспину продавца. Стоял, задрал голову, как медвежонок на сахар. - Новоселье, значит? - предположил продавец.

- Что-то вроде ... - Иче крутанул рукой, словно ввинтил лампочку.

- Ну, дай Бог!

- Дай шампанского, - остановил обрубьш глаз на горльпшке с золотистой фольгой.

- Одно?

- Давай два! - не раздумывая бросил Иче, отсчитал деньги.

«Оксана обрадуется!» - По душе снова пошло удовлетворение.

Но в эту секунду над дверью зазвучал серебристый колокольчик, и в магазин, внося приятный запах духов, вошел статный парень в черном костюме, при галстукe, с зачесанными назад смоляными волосами, как будто сошел с картинки журналов мод, и сейчас, судя по ключам в руках, наверняка, на какой-нибудь иномарке поедет на свидание.

Иче сразу подумал о своей Оксане и ему показалось, что ее отобрали.

Кажется, никогда он еще не испытывал такой боли.

Взяв сдачу, всем существом ощущая высившуюся рядом фигуру красавчика, Иче потерянно двинул к выходу.

- А шампанское, командир? - остановил его веселый голос продавца.

Обернувшись, Иче увидел смеющиеся глаза красавца, его ладонь с бряцающими ключами.

- Главное деньги взять! - подбросил тот. - А шампанское, так уже быть, мы выпьем!

- Открывай, - справился с собой Иче. - Давай-давай! - в тон красавчику подзадорил он, И, будто набросив петлю на свою боль, затянул ее. Но разве можно удушить боль, а если и да, то разве другой, новой.

Клин вышибают клином, а боль, видно, может вытравить только новая, да и не вытравить, а заслонить на время.

Бросив продавцу «Пока!», точно и не было рядом красавца с ключиками, подхватив пакеты, Иче потопал к двери.

И снова над головой зазвенел дверной колокольчик. Но сейчас он напомнил звон бубенцов шутовского колпака.

Обрубьшу показалось, что затылок его сверлят насмешливые глаза, и вот-вот в спину ударит едкий смех. Он выскользнул на улицу, словно спасался от преследования...

... Что бы не производили большие люди, все рассчитывали на себя: высоту прилавков в магазине и поручней в автобусе, размеры шкафов и музыкальных инструментов, салоны автомашин и купе поездов.

Маленькому же человеку приходилось приспособливаться и приспособляться к громадным вещам больших людей.

Этот мир, похоже, больше рассчитывали на муравьев и пауков, но не на таких, как он, Иче.

Впрочем, если хорошенько поразмыслить, то так это и было.

Но что это меняло?

А потому обыкновенные целлофановые пакеты, длину которых не предусмотрели для обрубьша, почти волоклись по асфальту.

Когда он стал подниматься по лестнице на второй этаж; раздувшиеся от продуктов пакеты приходилось нести на полусогнутых руках.

Вставляя ключ в замок, который достался еще от прежнего хозяина и врезан был на уровне его глаз, он подумал, что опускать его не надо, потому что так Оксане будет удобно.

Тишина в квартире насторожила. Приставив набухшие пакеты к стене, с замершим сердцем Иче заглянул в комнату и легко вздохнул: Оксана стояла на балконе, чуть перегнувшись через перила. Иче сел на край софы глядя: на ее родную спину. Стал ждать. И она обернулась.

Увидев его, помахала ладошкой.

Войдя в комнату, затворила дверцу балкона, припала к ней спиной.

Молчаливо смотрели друг на друга: Иче со своей софы и она от дверей.

- Мне так хочется жить! - вдруг выдохнула она. - Я никогда не думала, что можно так хотеть жить!

- Живи ... долго-долго! - улыбнулся обрубьпп.

- А мы будем вместе жить долго-долго! Правда, Иче?

И никогда еще ему не было так приятно слышать свое имя.

- Захотелось броситься к ней, прижать к, себе и расцеловать. Но он остался на софе, лишь уперся о колени, руками:

- Я хочу целовать тебя! - словно подозвал.

Оксана, послушно подсела.

Они перекатывались по софе из стороны в сторону, и по комнате сквозь поцелуй рассыпался их безоглядный смех.

За окном на балконе раздался громкий шелест: шумно хлопая большими крыльями, на стекло налетела сова, слепо металась по нему, царапала когтями, словно пыталась разодрать неожиданно выросшую преграду.

Билась о стекло секунду-другую, пока не соскользнув на подоконник не нахохлилась, как толстая накупленная старуха.

Оксана и обрубыш оторвались друг от друга, потянулись к ней глазами.

- Сова! - удивленно растянула Оксана.

На лицах обоих засветились одинаковые улыбки, они сели, облокотившись о спинку софы.

- Это к новости? - она вопросительно глянула на Иче, и он увидел, как с лица ее сошла улыбка и в глазах заселилась тревога.

- Наверное, Илья придет, - поспешил ее, успокоить обрубыш, пригладил сбившийся на затылке волос.

- Мне иногда страшно становится. Кажется, что они придут ... лучше умереть, - она словно о чем-то молила.

Я другого боюсь, - заглянул ей в глаза Иче. - Ты боишься?

- Вот пройдет немного времени, ты встретишь где-нибудь в магазине красивого высокого парня и бросишь меня. - И, действительно, сердце обрубыша затянуло ноющей болью, словно это уже произошло.

- Я?! Брошу я?! - неподдельно возмутилась она, и, оторвавшись от спинки софы, демонстративно разверну-

лась к нему. - Да разве ж я могу бросить?! - И тихо проронила: - Ты ж мой родной, у меня никогда не было родного человека.

- Оксана ... - он приник губами к ее колену, а потом, вытянувшись, лег головой на ее ногах. Закрыв глаза.

Ее теплая ладонь втекла в волосы, поглаживая, заскользила к затылку.

- Я не думал, что можно так хотеть жить, - сквозь его закрытые веки проступила улыбка.

- Ты смеешься?

- Нет, - он открыл глаза и легко надавил на кончик ее носа. - И вдруг, вспомнив про пакеты, поднялся:

- Я ведь шампанское принес. Будем пьянствовать! ... Будем?

- Будем! - она отчаянно рубанула рукой: мол, была не была.

- Придется пить втроем, - он кивнул на притихшую за окном сову и вскинул рукой: - Дед! Шампанского! - Встав с софы, нарочито-осторожными шагами двинул к двери балкона, затаившись подле нее, осторожно потянул. Не поддавалась. Он дернул, сильнее. Дверь оторвалась, но испугнувшаяся птица вспорхнула, широко, как слепые ладони, распростерла крылья и сорвалась за балкон, вниз.

- Придется шампанское пить вдвоем, - улыбаясь оглянувшись он на Оксану.

- А третий лишний! - озорно бросила она и, встав на софу, задргала, как на батуте:

- Третий лишний! Третий лишний!

Прислонившись к двери, обрубьш с улыбкой смотрел на задиравшийся в прыжке подол ее платья, пряди волос, взлетающие над ее головой. Скрестив на груди

короткие, но мускулистые руки, обрубьш походил на маленького крепкого хозяина.

«Третий лишний»... Наверное, ничто на свете не могло его так радовать, как эта напеваемая Оксаной фраза.

- Ладно, пора банкет готовить, - снисходительно приказал он и затопал к коридору.

Поставили на стол шампанское, нарезали хлеба, сыра. Оксана ромашкой разложила на тарелке овальные ломтики колбасы.

- Открывай! - сам себе скомандовал Иче, и, как заправский официант, стал раскручивать пробку.

- Я никогда такого не видела. Только в кино, - засмотревшись, выговорила Оксана и, схватившись за головку, зажмурилась.

Бабахнуло.

Пробка, ударившись о потолок, отлетела к окну. Зашипев, вырвалась из бутылки тугая струя, обрубьш направил ее на стаканы, наполнив до краев пенистой золотистой влагой:

- Первую до конца! За тебя!

- За тебя! - Они сдвинули стаканы, капли вина плеснулись на журнальный столик.

Выпив, Иче смачно крякнул и подбросил стакан, тот ударился об пол и со звоном разлетелся по комнате.

Оксана, едва осилив свою дозу, отдыпалась и потом, озорно глянув на Иче, тоже подкинула «бокал». И снова по полу рассыпались звонкие осколки.

Рассмеялись.

Иче кормил ее с руки, как маленького ребенка.

Пили из оставшегося одного стакана. Но потом и его грохнули об пол.

Захмелели и решили завести какую-нибудь песню. Долго искали какую же и, наконец, отыскали один знаковый обоим куплет:

А где мне взять такую песню-ю,
Чтоб о любви и о судьбе,
Но чтоб никто не догадался,
Что эта песня о тебе.
Но чтоб никто-о не догадался-а,
Но чтоб никто-о не догадался-а,
Что эта песня-а о-о тебе! -

сидя за журнальным столом, горланили на всю квартиру, раскачиваясь в такт песни, самозабвенно вытягивали высокие ноты.

Решив вышить еще, опомнились: все стаканы побиты.

- А, мы так! - вдруг нашелся Иче, свел ее руки в лодочку, наполнил и, как ручной зверек, стал пить из ее ладоней.

Шампанское просачивалось сквозь ее пальцы, капало на пол. Сняв губами последние капли, с улыбкой поднял на нее глаза.

Она расхохоталась, глядя на его мокрые губы и кончик носа, словно у щенка, напившегося из лужицы.

Посмеиваясь, Иче поискал обо что бы вытереть лицо, но ничего не найдя, ткнулся лбом ей в бок и завозил лицом по платью.

Хохоча, Оксана завалилась на софу, задравшееся платье оголило туго налитые ноги.

Охнули хмельные глаза обрубьша, вырвалось и задохнулось сердце.

...К ним позвонили ночью, когда уже укрывшись одеялом, прильнув друг к другу, они засыпали хмельные и уставшие.

4

Звонок электропилой распотрошил тишину квартиры.

Они настороженно приподнялись на локтях. Сквозь декоративное стекло двери из коридора проступал матовый свет.

Оксана боязливо, точно щенок под живот матери, подъюлила под Иче, пугливо шепнула:

- Кто это?

- Не бойся, наверное, кто-то из своих.

Звонок остервенело повторился еще раз, еще.

Иче натянул брюки, босиком засеменил в коридор, прислушался у двери.

- Кто? - он чуть вскинул кверху голову.

- Я, - глухо проникло снаружи.

Обрубьш оглянулся: свет из коридора, падая в комнату выхватил на полу длинный желтый прямоугольник. Иче подумал об Оксане, на ум пришел пистолет, спрятанный под сиденье софы.

- Кто, я? - переспросил Иче.

- Илья! - после некоторой паузы ответили из-за двери.

Узнав голос старика, обрубьш мгновенно повеселел:

- Оксана, кто к нам пришел! - он беспечно дважды провернул ключом, хотел было потянуть дверь на себя, но она уже распахнулась, чуть не ударив в лицо. Не давая

ему опомниться, с угрозой прорвался в комнату хромой сторож, за ним протопала мужиковатая баба и следом пронесся уса́тый здоровяк.

Зажгли в комнате свет. Иче метнулся следом ..

Хромой Филипп, потирая руки от удовольствия, стоял над изголовьем Оксаны:

- Люди тут с ног посбивались, а она вот где греется! И начихать ей на ваши, товарищ. воспитатель, беспокойства! - он обернулся на усатого здоровяка и вдруг неожиданно резким движением сорвал с нее одеяло.

Обнаженное девичье тело ослепило.

Оксана, вскрикнув, забралась в угол дивана, закрылась руками.

Дико взревев, Иче с силой боднул сторожа в бок, тот, завалив журнальный столик, отлетел к двери балкона.

Обрубьш набросил на Оксану одеяло, но воспитатель, сцепив ладони в замок, ударил его по затылку.

Иче, рухнув лицом на софу, сполз на пол, попытался подняться, но снова был завален ударом ноги.

По комнате резанул крик: сжавшись под одеялом в комок, Оксана закрыла лицо ладонями.

Обрубьш поднялся, но на него с ножом в руках находил сторож. Иче отступил к стене, «воспитатель» шагнул слева.

Отходя, обрубьш уперся спиной о стенку. Хромой Филипп приставил к его горлу нож, ставший рядом уса́тый вцепился в волосы, рванул его голову вверх.

- Ну что, урод? - с угрозой дохнул он.

- А это тебе за тот денек! - сторож ударил Иче коленкой в пах, пригрозив ножом кричавшей Оксане.

Скрючившись, Иче припал к стене, не от удара в подбородок, ударился затылком о стенку, сполз на пол.

Поигрывая ножом, хромой филипп с перекошенной улыбкой двинул к Оксане. Она заслонила от него ладонями.

- Катька, оказывается, эта ягодка уже трахнулась.

Мужиковатая Катька стояла с краю софы, расхохоталась, прихлопнув по крутым бедрам мужицкими ладонями.

- Ну, тем лучше, - навис над Оксаной сторож. - Теперь можно трахнуть и нам ... Или сперва дать этому в рот? - он оглянулся на Иче, который лежал под ногой «воспитателя».

Катька ржала.

- Так первым его или тебя? - сторож поиграл ножом у лица Оксаны и вдруг снова резко сорвал с нее одеяло, припал коленкой на диван и провел по вздрагивающему плечу ножом.

- Ложись, стерва! Ну! - хрипло крикнул он и отстегнул ремень.

Оксана оборвавшимся голосом позвала Иче.

Этот крик вернул обрубьшу сознание, вспомнился пистолет. Нужно было только добраться до софы. И он должен сделать это. Ради Оксаны.

Правая стопа воспитателя по-прежнему давила на его горло, обрубьш рванул на себя вторую ногу, тот, вскинув руками, завалился на спину.

Иче метнулся к софе, вырвал из-под сиденья Пистолет. Хромой, бросив Оксану, развернулся на него с ножом, но Иче почти в упор, дважды прострелил его грудь, «воспитатель», не ожидавший в руках обрубьша пистолет, уже был в движении, уже навис над ним, но

три выстрела в живот скосили его, он рухнул, напорвшись на ножки перевернутого журнального столика.

По стене сползла на пол Катька. Закрываясь рукой, залепетала прыгающими от страха губами: - Не убивай меня! Не убивай!

За бившись в угол, плакала Оксана.

Иче, приподняв руку, взглянул на пистолет. Рассматривал его длинным отсутствующим взглядом. Непроизвольно раскрыл ладонь, словно выпустил птицу. «Вальтер» грохнулся об пол рядом с застывшей вытянутой рукой сторожа.

Обрубьш опустошенно осел на край софы свесив голову.

В коридоре послышались осторожные шаги, и в дверях комнаты стал Илья. Точно в шоке смотрел на распластавшиеся мертвые тела, кровь.

Иче словно не замечал его; по-прежнему уставившись в пол, молчал, будто от всего отключенный.

Старик вдруг потерянно взялся за голову:

- Что я натворил! - Что я натворил! – закружил он от двери к противоположной стенке.

Катерина, тупо выкатив глаза, следила из своего угла за метавшимся по комнате стариком.

Оксана, ткнувшись в подушку лицом, подрагивала плечами, и в ее ногах, на краю софы, свесив голову сидел Иче.

- Все ... - глухо выдохнул он, словно подписал себе приговор. - Все...

Старик соглянулся, виновато замер, и в следующую секунду мимо заваленного стола, распластанного в центре: комнаты труп метнулся к обрубьшу, припав на колено, сжал его локоть:

- Они пытали меня, Иче! Понимаешь, пытали! ... Прости меня! Я прошу тебя, прости! - он пытался снизу заглянуть в неподвижные глаза обрубьппа и сам понуро свесил голову.

- Я все возьму на себя! - расставил он тихо, отделяя слова.

Обрубьпп положил руку на сникшие плечи старика, тот, благодарно глянув, мягко боднул его в грудь.

- Надо что-то делать! - негромко и торопливо проговорил старик. - Надо что-то делать! - И вдруг отпрянул от Иче: - Колодец! Наш колодец! ... У этих машина была ... - не глядя он кивнул на труп сторожа и вдвоем с Иче, поняв друг друга, потащили тела к дверям:

Невольно воротили взгляды от открытых остекленных глаз «воспитателя».

Иче выглянул из квартиры, сбежав по лестнице, выпел на улицу. Вздвогнув от брошенной в растерянности и громко ударившей двери подъезда, оглянулся.

Вокруг ни души. Лишь в домах напротив редкими квадратами светилось несколько окон.

Лампа, горевшая над подъездом, неярко выхватывала из темноты стоявший напротив автомобиль, как замершего в ночи черного жука.

Иче попробовал дверцы: закрыты. Оглянувшись, он вошел в подъезд, на своей лестничной клетке прислушался к дверям соседей. Тихо. Скользнул в квартиру.

Старик стоял в коридоре, давал команду подползшей к двери Катке:

- ... Кровь, чтоб была отмыта! И смотри! – пригрозил он под конец.

Переглянулись с Иче. Тот молчаливо кивнул. Вспомнили про ключи от машины и в растерянности

воротили друг от друга глаза: кому-то надо было шарить в карманах мертвеца. «Воспитатель» лежал с открытыми замершими глазами и словно ждал: кто же ...

Неожиданно для себя, отвернув голову в сторону, словно отчего-то смердящего, Иче нагнулся над трупом.

Прощупывая карман, поймал себя на том, что взгляд невольно тянет к распахнутым глазам мертвеца. И, вытащив из брюк ключи, задержал свой взгляд.

Но тут же сорвал глаза в сторону.

Тела тащили по лестнице, как пьяных, в обнимку. Затолкали на заднее сиденье.

В машине, утираясь от холодного пота, отдышались.

Подрагивающими пальцами, Илья нащупал замок зажигания, вставил ключ. Двигатель легко завелся, взревев, разбомбил тишину подремывающей ночи.

Машина, дернувшись заглохла.

- Давно не ездил, - нервно бросил старик.

Со второго раза автомобиль медленно покатил вдоль подъездов.

Десять минут езды по ночным улицам казались вечностью.

Оба напряженно всматривались в ночную даль дороги и знали, что оба же боялись одного: случайной встречи с ночной патрульной машиной.

Вдалеке рассыпался свет надвигающихся фар.

Старик оглянулся на заднее сиденье: трупы находились в прежнем положении: сидя, лишь съехали друг к другу головами.

Встречный автомобиль на большой скорости промчался мимо.

Напряжение в салоне несколько ослабло.

Машину подогнали к самой калитке, лишь оставив расстояние для открытой дверцы.

Тащили тела, спотыкаясь в темноте. По безжизненному ночному двору стелился шелест от волочившихся по земле ног мертвецов.

Все делали в какой-то молчаливой горячке.

Привыкшие к темноте глаза различили холмики выброшенной из колодца земли, походившие на горбы прикорнувшего в ночи верблюда.

Трупы сорвались в черную пасть колодца, глухо влипнув в дно.

Тяжело дыша, Илья и обрубьш присели на своей бывшей скамье - старом, спиленном стволе.

Впереди возникли приземистые очертания домика.

«Лопаты», - встретившиеся в лунном свете глаза, словно нащупали одну и ту же мысль, и уже освоившиеся в темноте Илья и обрубьш двинули за инструментами.

Жадно бросали землю. Исчезло время, а если и был его какой-то отсчет, то глухие шлепки сбрасываемой на дно колодца земли.

Копопились в черных небесах холодные звезды, и кривилась надо всем желтая холодная губа луны.

Пот заливал глаза, стекал по спинам. Наконец, сбросив последний штык, обрубьш уперся о черенок лопаты, долго переводил дыхание и потом устало повалился на рыхлую землю засыпанного квадрата.

Сквозь промокшую рубашку тело почувствовало колкий холод земли.

В тишине послышалось тяжелое дыхание старика, волоча ноги, тот приблизился к поваленному стволу, вытянулся возле него.

Иче, вдруг подумав, что сейчас он лежит над скрюченными там, на дне, засыпанными телами, через силу поднялся на колени и, словно какой-то ночной зверь, перебирая руками, пополз по земле. Сойдя с засыпанного рта колодца, завалился на спину рядом с Ильей.

Закрыл глаза.

Но мысль о закопанных трупах вывернулась по-новому: тех - двое, и они со стариком тоже вдвоем. Чтоб погасить эту мысль, он снова должен был подняться, уйти, отползти от Ильи. И он стал на колени, но вдруг с похолодевшим сердцем понял: куда бы он сейчас не убегал, эта мысль снова настигнет его.

Пес, прикованный цепью к своей конуре.

Стоя на коленях, обрубьш застонал, в отчаянии влепив кулаками в землю, поднял лицо к глухим ночным небесам.

Но они зависли над головой, как отгородившиеся от него черные ладони.

5

Машину отогнали на параллельную улицу и в одном из переулков подожгли.

Отчего-то все происходившее Иче увиделось со стороны - сверху: вот в зареве пожара метнулись в сторону две фигуры, побежали, наклонив голову вперед, словно по пятам их преследовал огонь.

Факел горевшей машины ярко осветил нутро ночи, отсвет пламени выхватывал из мрака причудливые силуэты деревьев, крыши домов, словно мощные прожектора, вдруг вспыхнув, осветили театральные декорации.

Две бегущие фигуры, оглянувшись напоследок, нырнули за переулок в навалившуюся на них темноту.

Пробежав еще с минуту, они остановились под деревом, оглянулись.

Зарево поднималось высоко над домами к самым небесам, поджаривая их, как черную сковородку.

И потом, все последующие дни, казалось, были освещены за ревом этого ночного пожара.

6

... Распалось лето. Огромной медузой растеклось небо и холодной плотью гасит осеннее солнце. Ослабшее, оно уже доступно взгляду, его чуть дымящий диск, отчужденно -свернувшись, кажется отрешенным от жизни, людей и зверья.

Распалось единство мира. Все одиноко, чуждо друг другу; словно в заброшенной. комнате наспех разбросаны случайные предметы. И вся комната медленно ходит из стороны в сторону, как подвешенный на ветру стеклянный фонарь.

Монотонный и протяжный звук плывет по комнате, со временем слабеет, но, возникая вновь, тянется отчетливо и тоскливо.

Распад.

Но ведь было единство ...

... Обрубьш, забившись в угол балкона, бездумным убегающим взглядом смотрел в полоску вечернего неба.

Гнетущая пустота.

Из-за перил балкона доносились уличные голоса: возгласы детей, чьи-то разговоры, шум автомобилей.

Шла обычная человеческая жизнь: люди радовались, негодовали, ненавидели и любили.

Все было по-прежнему просто и буднично.

Но после случившегося это незатейливое людское бытие стало напоминать ту заброшенную комнату или какой-то разобранный механизм.

Вроде бы все то же, но и неузнаваемо.

Обрубьш плеснул в стакан из пристроенной в ночи бутылки водки, на одном дыхании опорожнил. Сбивая тошноту, задышал носом в надкусанное яблоко.

Похорошело.

Он вошел в комнату до сих пор все еще пустую: в цен стояли прежние софа и журнальный столик.

Обрубьш взглянул на его тонкие круглые ножки, и память, словно подказнив, подставила ему снимочек: скошенное тремя выстрелами, тело «воспитателя» рухнуло на тонкие деревянные ножки опрокинутого стола.

В накатившей ярости Иче подхватил его, занес над головой, но, кажется, смог справиться со злобой: хотел было вернуть его на место, но в следующую секунду скользнувший к коридору взгляд напомнил, как волокнистый труп с распахнутыми глазами, обрубьш с силой отшвырнул стол к противоположной стене, тот с грохотом ударился об пол и снова, как в ту ночь, лег ножками вверх.

Сжав ладонями виски, словно хотел сдавить распятое мозг отчаяние, Иче сел на софу.

На шум в комнату вошла Оксана. Увидев поникшего Иче, под села к нему и, видно, боясь лишних слов и жестов, как преданная собачка, стала ждать, пока он сам или окликнет или что-то прикажет.

К нему перешло это преданное ожидание, он благодарно привлек ее к себе, но в эту же секунду вспомни-

лось, как здесь, на этой софе, с Оксаны было сорвано одеяло, и, обнаженная, под лапающим жадным взглядом хромого она забилась в угол.

Прожгло.

Разорвав кольцо обнимающих ее рук, он резко встал и засеменил к двери балкона. Выпить.

Оксана, растерянная, виноватыми глазами смотрела ему вслед.

Обрубьш, опрокинув полстакана, заходил взад-вперед по узкому, как пенал, пространству балкона.

Опьяневший мозг остро потянуло к сигаретам.

Иче вспомнил об актере. Где он сейчас? Может, у Наума играет в карты. Карты... Сейчас бы какой-нибудь крупной игры... сорвать один хороший банк.

Иче глянул в небо: тяжелые тучи, тоно гной, наполнили издали. Сейчас бы урагана! Сильного ветра и ливня, чтоб затопило весь этот уродливый мир.

Увиделось огромное затопленное пространство - один черный бесконечный океан, и дальше воображение словно специально подсказало два вымытых из колодца трупа, которые покачивались на волнах, точно щепки.

Иче, будто стараясь убежать от этого, порывисто повернул в комнату, мимо притихшей на софе Оксаны засеменил к коридору и лишь выходя, пьяно проговорил:

- Я скоро приду. Никого не впускай!

Но только затворил за собой дверь, накатили тревога и неясный страх за Оксану как нехорошее предчувствие.

Обрубьш в растерянности постоял возле глухой, обитой коричневым дермантином двери, но мысль об актере, желание увидеть его столкнули с места.

Иче никогда не звонил ему домой, но сейчас, несмотря даже на то, что они, казалось, были в ссоре, без колебаний поднял трубку телефона-автомата, набрал номер.

Чей-то молодой мужской голос ответил, что Марка дома нет.

Обрубьш пошел к Науму: все равно сегодня без игры не обойтись. У него Иче и встретился с актером.

Играли все в той же комнате, за тем же столом. Как и раньше, старик изредка шмыгал по комнате то за чаем, то подносил кофе или просто подавал стакан воды.

Актер уже Был в игре, но сидел спиной к двери. Обернулся, когда один из наблюдавших за игрой приветственно вскинул рукой:

- О-о, пропавший, появился!

Настроение у Иче подскочило, как ртуть у градусника, подставленного под солнце.

Марк, оглянувшись через плечо, на секунду замер, что-то уловив в глазах обрубьша, сбросил карты и встал навстречу.

Намного выше обрубьша, чуть наклонившись, долго пожимал ему руку.

Потом они присели на диване в стороне от игорного круга.

- Я тебе домой звонил... Я тебя искал эти дни! - признался Иче.

Актер быстро глянул.

Иче скользнул глазами в сторону:

- Разговор есть ... А за ... то ... извини... Сгоряча я.

- Нет. Ты мне все равно сын, - выронил Марк.

Обрубыш в запястье мягко пожал его руку.

- Я, между прочим, тоже искал тебя. Одно дельце есть на сто миллионов! - актер свойски ткнул его плечом.

За столом прошел какой-то шумок, стоявшие над игроками наблюдатели с улыбками перебросились короткими фразами.

- Сыграю! - поднялся Иче, но актер придержал его за локоть.

- Может, сегодня не надо... - намекнул Он на то, что тот нетрезв.

- Нет. Сегодня. Я не пьян ...

Две головы с любопытством повернулись в их сторону. Иче засеменил к столу, занял место Марка.

Позже в игру вошел и актер.

Карта обрубышу пошла с первой же сдачи, и он снял крупный банк.

Пачки запечатанных банкнот пирамидкой легли по правую руку.

Актер пристально глянул на Иче, неподдельно, еле заметно качнул головой: мол, ну и дает парень.

Иче действительно везло, и он на некоторое время забыл об Оксане, обо всем случившемся, словно смог все же убежать от навязчивых воспоминаний.

Давно стемнело. И над столом ярко светила люстра, почти все разошлись, в игре осталось четверо: Иче, актер и еще двое. Был крупный банк. Актер поднял голову. Сделалась оглушительная тишина. Скрип стула, шелест карт отчетливо отдавались в ней. Тишина, казалось, подслушивала и подсматривала за игрой сама. В пепельнице дымила позабытая чья-то сигарета. Один за

одним сбросили карты двое, и в игре остались актер и обрубьш.

Марк сидел напротив него, взглянул на карты, предложил банк пополам.

Иче медленно, несколько раз поводя Головой влево-вправо, отказался.

Марк задумался, было несколько вариантов: сбросить карты, вскрыть карты или, повысив ставку, сделать следующий ход.

Иче сидел в прежней позе, соединив подушечки пальцев в «купол» - известный жест «у меня все хорошо», который иногда применялся и при блефе.

Но сейчас Марк знал: обрубьш не блефует. В прокуренной комнате зависла напряженная пауза.

Иче сидел в прежней позе, соединив подушечки пальцев в «купол».

Марк закурил, щурясь от дыма, еще раз взглянул на карты и неожиданно сбросил их картинками кверху:

- Вскрываю.

Обрубьш, переждав паузу, одну за одной (больше для выбывших из игры) выложил на стол свои.

Ахнули.

Три туза.

Кажется, в эту секунду обрубьша ненавидел весь мир. Те двое поспешно выбрались из-за стола, молчаливо, с мертвенно-бледными лицами вышли из дома в ночь.

Иче, посмотрев на актера, кивнул на стопку денег в банке:

- Возьми свои ставки.

- Проигрыш есть проигрыш, - отказался тот.

Обрубьш стал подсчитывать сам, бормоча припоминал сколько было сделано ставок и какие. Еще раз прикинув все в уме, двинул к актеру запечатанную пачку.

Тот еще раз отказался, но деньги не отодвинул ..

В дверь просунулась голова Наума. Круглые глазки старика, как два фонарика, с любопытством пошарили по лицам Иче и актера.

- «Дед! Шампанского!» - лукаво бросил старик, и они рассмеялись.

- Лучше водки! – непривычно блекло ответил Иче.

- Как скажешь! - голова Наума выскользнула из двери, как из петли.

Отчего-то в комнату прорвалась неловкая минута. Иче собрал в стопку свои три туза, постучал торцом по столу.

Актер закурил.

- Вот такие дела, Марк, - голос Иче прорвал тишину, как рыбака сеть.

Обрубьш потянулся к банку за своим выигрышем, но скользящая к деньгам рука замерла. Его вопросительный взгляд встретился с насторожившимися глазами актера: за окном шумно загулял ветер, и по стеклу застучали крупные капли дождя.

Посвист ветра усилился, и вместе с ним быстрее затарабанил по ночному стеклу тяжелый порывистый ливень.

Рука обрубьша по-прежнему оставалась на деньгах, и в убежавших глазах заселилась тревога.

Какая-то мысль, казалось, перебросила его в другое пространство.

Иче, словно забыв обо всем, вдруг вырвался из-за стола, метнулся к двери, ударом ладони распахнул ее, и сквозь ворвавшийся в комнату шум ливня донесся торопливый перестук его каблуков.

Обрубьш промок уже в первые секунды: небо, казалось, пыталось затопить всю землю.

Иче, не разбирая дороги, утирая слипавшиеся от влаги глаза, бежал по ночной улице. Он неся по холодным, затопившим дорогу потокам, словно только что получил страшную телеграмму.

Оксана.

В мозгу рождался страх, а страх придавал силы для бега.

Какая-то машина надрывно засигналила за спиной.

Иче с надеждой встал на пути ее, умоляюще замахал руками, но автомобиль на скорости объехал его, полоснув волной брызг по лицу.

Окаченный грязной, захрустевшей на зубах водой, Иче слепо отшатнулся и вдруг поник, как выгнанная в ночной ливень бездомная собака.

С обвисшими плечами, прилипшей к телу одеждой, Иче понуро зашлепал по быстрым потокам воды.

Уличный фонарь тускло высвечивал мутные волны ливня, которые усердно хлестали по сгорбленной человеческой фигуре, будто кто-то из всех сил старался перечеркнуть темное в ночи пятно.

Но с минутами вновь настигший страх подстегнул обрубьша, он ускорил шаг и незаметно для себя снова перешел на бег.

В высотных домах горели счастливые окна. Иче бежал, и эти огни плясали, как рыбы.

Страх усилился, когда он ворвался в подъезд, пронесся по лестнице на свой этаж и распахнул дверь, из квартиры на него обрушилась темнота.

С оборвавшимся сердцем обрубив метнулся в комнату, пугливыми пальцами нащупал выключатель.

Вспышка света была, как спасительный глоток кислорода: Оксана, сжавшись в комок и по-детски подложив ладони под щеку, одетая, спала на софе. Но она была дома, никто ее не увез, она не ушла, и сейчас, проснувшись, вскинула сонную головку. Увидев промокшего насквозь Иче, настороженно села.

Обрубив припал спиной к стене, закрыл глаза.

- Что с тобой? - Оксана испуганно замерла.

Он стоял с закрытыми глазами, и по лицу стекали капли дождя.

- Я думал, что тебя уже больше никогда не увижу ... Я бы, наверное, сдох ... - выдохнул он и по стене, оставляя мокрую полосу, сполз на пол, привалился плечом к софе.

Навалилась усталость. Но в его закрытых глазах, как огоньки в ладошках, затеплил ась улыбка.

Оксана теперь уже сидела рядом на пятках, упершись руками в колени и свесив голову, приговаривала сквозь плач:

- Это все я! Все из-за меня! Я принесла тебе несчастье! Выгони меня! - И она стала теревить его за мокрый рукав, - Ну я прошу тебя, выгони!

Иче с улыбкой смотрел на нее, сев так же, как и она, взял в ладони ее подрагивающее от плача лицо:

- Я люблю тебя!

Она припала к его мокрой рубашке и через секунду уже беспокойно заохала, выговаривая ему за то, что он

выскочил в такой ливень на улицу, и что не дай Бог, не дай Господь, он теперь заболит.

А потом приготовила ему ванну, мылила, отмывала, как мать ребенка, обливая водой, счастливо смеялась:

- Малыш ты мой непослушный, малыш ...

7

За окном поднимался новый осенний день. После вчерашнего ливня солнце, словно кот мягкими лапами, наводило на окнах блеск.

Они давно позавтракали, но еще не уходили, а вернее, не хотели уходить из кухни, и оба, понимая почему, молчаливо сидели за маленьким квадратным столом: они начинали ненавидеть свою комнату.

Хотя тщательно и, кажется, уже сто лет назад были отмыты кровавые следы и не лежали трупы, назойливо крепло напоминание: здесь были пятна крови, здесь лежало мертвое тело с открытыми глазами, здесь, здесь, здесь ...

Обрубыш припал спиной к стенке, глядя в законную даль, словно для себя, расставил:

- Надо поменять квартиру. Мы здесь свихнемся ...
Оксана кивнула ..

Иче ласково пригладил ее висок:

- Все будет хорошо. Просто, действительно, надо отсюда уйти.

- Правда уйдем?

- Правда.

Длинный пронзительный звонок резанул слух.
Переглянулись.

- Кто это? - встревоженно шепнула Оксана. Он легко пожал ей плечо:

- Не бойся, это, наверно, актер. Мой друг, - своей медвежье-цирковой походкой обрубив засеменил по узкому коридорчику к двери, но на всякий случай спросил:

- Кто?

Тут же сквозь дверь проник глухой, но возвышенный голос актера:

- Эй, молодожен! Если ты уже открыл «негою сомкнуты взоры», распахнись пред любящим тебя!

Иче «распахнулся». Перед дверью, возвыпаясь над ним, как глыбы, стояли Марк и Илья.

Актер, уже раскрыв широкие объятия, в одной руке держал шампанское, в другой цветы.

В опущенных руках старика были коробка конфет и какой-то сверток.

- Я чувствовал, что это вы,- легко улыбнулся Иче, пригласил в дом.

Водрузили на журнальный столик шампанское, конфеты.

- А где наша сношенька? - актер повертел по сторонам головой.

Оксана робко ступила в проем дверей.

- О, какие мы красивые! - актер, снова распахнув объятия, чмокнул ее лоб и вложил в руку букет.

На щеках у Оксаны зарделись красные яблочки, она инстинктивно прижалась боком к Иче, глянув на него сверху, бросила глаза к полу.

- Приготовь нам что-нибудь ... - Иче тронул ее локоть. Расселись вокруг журнального столика: Иче с Ильей на софе, актер на единственном в комнате стуле.

- Ты что так вчера сбежал? - актер свойски хлопнул Иче по коленке.

- Да так ... - он глянул на Илью.

Тот кашлянул.

Актер кивнул на пакет, лежавший подле бутылки шампанского:

- Твои «бабки». Как были, так и есть. Я даже несчитал.

- Спасибо, Марк.

- Ты что-то не в духе, кажется? Ничего, сейчас по шампанскому, и все будет окей.

Оксана накрыла на стол, поставила бутылку водки. Обрубыш поймал себя на том, что они старик, оба старательно избегают прямых взглядов, но делают вид, что не замечают этого.

Пили. Пригласив Оксану, актер поднял тост за молодоженов.

Когда она вышла, разом закурили. Небольшая комната заплывла в космах дыма ... Открыли дверь балкона.

Актер приспособил пробку из-под шампанского под пепельницу, потрусил в нее пепел:

- Помнишь, я тебе вчера говорил про одно дельце?

- Что-то помню, - неопределенно произнес Иче.

Актер ответил пристальным взглядом, но продолжил:

- Я как-то своему другу режиссеру про тебя рассказывал, интересный, говорю, парень есть, силрные вещи выдает. Ну и про твою «пропасть» рассказал. «Все мы рабы пропасти. Рабы страха ... Не любив - насладиться, не убивая - убить, не пережив ничего – испытать все. Религия «исчерпанного человека». Так?

Иче покивал, но как-то отсутствующе.

- Я что-то тебя не узнаю, - затянувшись, актер пустил дым в сторону. - Ты какой-то другой, что ли? Медовый месяц, наверное? - он попробовал отшутиться, подмигнул Илье.

- Какой? - обрубьш увел глаза в окно.

- Не знаю. Очень уж степенный стал ... Затих ...

- А убийцы, как пшизофреники. Одни, становятся буйными, другие - затихают... Как я...

Актер с глуповатой улыбкой, словно заподозрив подвох, глянул на него и, ничего не разобрав, посмотрел на Илью: что, мол, за штучки он выдает.

Старик ухватился за бутылку, принялся разливать по стаканам.

Актер непонимающе водил глазами с одного лица на другое и снова попробовал отшутиться:

- Это из твоего «исчерпанного человека» ... тоже?

- Из законченного, - усмехнулся обрубьш, но, почувствовав вину перед Марком, рассказал о случившемся.

Актер жадно курил, Илья озабоченно ходил из угла в угол, забросив руки за спину.

Когда Иче закончил, в комнату рухнула тишина, только шлепки шагов старика ритмично падали в нее ...

- Ты защищался! - горячо заговорил актер. - У тебя самооборона. Если что, я найду самого лучшего адвоката! - и, подумав, решил: - Для начала нужно поменять квартиру.

Иче покивал.

- Ты не волнуйся, мы тебя не оставим. А документы для Оксаны быстро сварганим. Завтра же и начнем. Понял?

Обрубьш кивнул.

- А про то забудь. Ведь если подумать, ты девчонку из беды вытащил! Ты герой!

Обрубыш с горечью усмехнулся.

- Ничего, парень, мы с собой еще и в кино сыграем!
- бодрился актер и снова, хлопнув по коленке, нашелся:

- Так я ж не закончил про кино-то. - И он стал передавать, как рассказал своему режиссеру про религию истощенного человека, что тот заинтересовался и потом у него появился замысел картины. Главный герой решил прожить жизнь и исчерпать себя во всем, в чем только возможно. Он прожигает жизнь, меняет женщин, играет в азартные игры, разбрасывается деньгами. Но вот однажды, после какого-то происшествия он стал задумываться, а означает ли это исчерпать себя. - Ну как? - выжидающе посмотрел актер.

- Ничего, наверное, - пожал плечами обрубыш.

- А на главную роль знаешь кого я предложил? - заговорщически спросил он.

- Кого?

- Тебя! - словно выстрелил Марк.

Иче бросил в него длинным подсматривающим взглядом.

- Да, да! Именно тебя! Нам только нужно, собраться, обсудить. Может, ты еще какую-нибудь мыслишку подкинешь ... Денежка, тоже ... Ну как?

Было тихо.

- Человек - существо исповедальное! - как бы для себя, проговорил Иче и положил руку на колено Марка. - Ты даже не, знаешь что ты сейчас для меня сделал!

- А что я сделал? - актер неопределенно пожал плечами.

- Выслушал ...

- Как ты хорошо произнес это, Иче. «Вы-слу-шал!»
- просмаковал актер. - «Выслушал» ... — Он призадумался. А, может, и вправду люди говорят, но не слышат один другого. Может, и жизнь была бы другой, если бы каждый, как ты сказал, смог «выслушать». Ты только не подумай, что я про себя. Просто про жизнь и людей, - и, словно вспомнив про стоявшего у окна старика, обратился к Нему. - Как ты считаешь, а, Илья?

- Жизнь обманула людей, люди обманывают друг друга, - произнес, точно проворчал, старик.

Улыбаясь, молчали.

- Ну так что насчет кино мы порешили, а, Иче? - спохватился актер.

- Да какой из меня артист! - усмехнулся обрубьш, вскинув большой головой. - Звезда Голливуда!

- Ну и что! Не боги горшки обжигают!

- И на горшках не сидят, - вставил обрубьш.

Посмеялись.

- Ты даже не представляешь от чего ты отказываешься! Илья, скажи, правильно я говорю? Разве ж можно от такой идеи отказываться?!

Нельзя, конечно ...

Давай, Иче, соглашайся. Другого такого случая, может и не будет. Тема-то какая! Исчерпанный человек! Ты же сам говорил!

- Тема мне нравится ...

- Ну тем более!

Иче задумался, глядя в ноги Марку произнес:

- Знаешь в чем тут соль? Каждый человек о себе знает несколько вещей: то, что ему не дано и никогда дано не было; было дано, но по собственной же вине

сбыться не может, в итоге - тоже не дано; было дано, но отобрано, и что тоже, можно сказать, не дано. И вся человеческая тоска оттуда, из недано, - Обрубьпп вдруг смолк, - взял в руки стакан, повертел его на ладони: - А мне теперь уже не дано не убить ...

- Но ты же защищал! Спасал, можно сказать, жизнь девчонке! - прогудел Илья.

- Вот все говорят: счастье, там, счастье... что такое счастье? ... Не убить, не оклеветать, не унижить ... Вот и все счастье. И свобода.

- А как же те, которые убивали защищая Родину, сестру, мать, жену? - выговаривал актер обрубьппу.

Тот молчал.

- Это разве не святое?! - наступал Марк.

- Святое, - вздохнул Иче.

- То-то же! - актер, подняв стакан, вдруг снова ухватился за свое кино.

- Ну что, Иче, пойдем к режиссеру?

Тот глянул на старика, который по-прежнему поку- ривал у дверей на балкон:

- Да нет уж, если мы так нужны, то пусть режиссеры сами к нам приходят. Так, Илья?

- Так, - охотно согласился старики тоже, подойдя к столу, поднял свой стакан.

8

Они, действительно, сделали быстрый обмен. Квартира нашлась в престижном районе и, к восторгу Оксаны, с телефоном.

Кажется, налаживалась новая, хорошая жизнь. К тому же Иче принял предложение актера попробоваться в кино, - хотя поначалу наотрез от этого отказывался.

- Подумай хорошо! - Марк дал ему на размышление сutki.

Поразмыслив, обрубьш увидел, что судьба неспроста подбрасывала ему этот свой кинотрюк: истерпываться - так до конца.

Обрубьш сначала сообщил о своем решении Оксане, та восхищенно глянула на него, будто и вправду перед ней стоял какой-нибудь молодой Марчелло Матростянни, и принялась мечтать.

Но сначала обрубьшу нужно было сообщить о своем решении.

- Будешь теперь моим секретарем! - шутливо поважничал он. - Позвони актеру и скажи, что предложение мы принимаем, - он сделал ударение на «мы».

- Я позвоню? - испугалась она. - Ну да.

- Я смогу?

- Сможешь. Давай-давай, учись!

Телефон стоял в прихожей на высокой резной подставке.

Оксана чуть подрагивающими пальцами набрала номер и от растерянности так и произнесла с «мы»:

- Мы предложение принимаем ...

Обрубьш загоготал. - Глядя на нее, совсем потеврявшуюся, и представляя в этот момент физиономию актера, смеялся до слез.

«Смотрины», как назвал Марк, назначили через день. Оксане купили новое в тонкую синюю полоску платье. Стройная, с шелковистыми волосами, ниспадаю-

щими на воротник под «матроску», она и сама стала походить на симпатичную новоиспеченную юнгу.

Иче надел заказанный .. еще до первой квартиры, но ни разу не надеванный черный костюм, черные лакированные туфли на высоком, специально подбитом каблуке.

Иче, одеваясь, с каким-то смятением представлял, как он будет выглядеть рядом с высокой в сравнении с ним девушкой, и, кажется, в какой-то момент собрался послать все к чертям, но, подумав, что рано или поздно им все равно придется выходить на люди, расправился с этим комплексом. А к тому же, кажется, нашел в этом и свои плюсы: именно в его положении человек должен шагать гордо, вскинув голову - ведь не каждому дано иметь такую красивую подругу!

- Таки шли по улицам: стройная девушка и с ней большеголовый с кривыми ногами коротыш.

Зеваки оборачивались, что-то говорили вслед, Иче знал примерно что: такая девушка и с таким ... Но вот именно: такая девчонка принадлежит не им, а именно ему.

Режиссера Иче представлял крепким и немолодым. Отчего-то он виделся подавшимся вперед, словно во что-то внимательно вслушивался.

В общем, таким он и оказался.

Встретились, как и договорились, в театре Марка.

В классе, где проводили «смотрины», стоял рояль, у одного из окон - канцелярский стол и вдоль стен, как некое ожерелье, выстроились желтые стулья.

Один из них поставили в центре класса, усадив на него Иче, вручили листок с небольшим напечатанным текстом.

Оксана, сложив ладони на покрытых платьем коленях, сидела где-то возле двери, видно, внутренне переживая, подобралась.

Актер стал возле окна, режиссер, зайдя за рояль, облокотился о него.

Смотрели на восседавшего в центре комнаты головастого человечка с недостающими до пола ногами, обутыми в черные лакированные туфли.

Иче внимательно прочитал текст, поводил пальцами по лбу.

Комнату оккупировала вопросительная пауза. Обрубьшу увиделось, как сидит он в центре комнаты под прицельными взглядами режиссера и Марка. И, должно быть, сзади волнуется за него Оксана.

Он снова пробежался по строчкам и вдруг вспомнился седовласый старец. Он улыбался своей спокойной мудрой улыбкой, словно одобрял.

Иче глянул на актера, и тот свойски подмигнул: давай, мол, все нормально. Обрубьш склонился над листком и как-то неожиданно для всех и для себя начал:

«Тысячи невзгод караулят человеческую жизнь. Зависают, как мечи, паскудно ждут своего часа, чтоб хоть однажды, но обрушиться, рассечь, изничтожить смысл ее. Но огромна сила ее, если трепетная и до боли незащитная перед миром и самим человеком, она возрождает надежду.

И как бы не был велик и непонятен этот властный поток - Время, и мизерна, уничтожающе смешна по сравнению с ним та доля, что выпадает человеку на радости и любовь, она есть, и несмотря ни на что рождает самое высшее, может, самое незащитное, а потому и самое великое - Веру ... »

Иче смолк. Уставился глазами в пол словно боялся поднять их.

Класс замер, как перед прыжком спортсменов.

Ладно, - наконец заговорил режиссер, походил вдоль рояля, приложив палец к нижней губе, глянул на обрубыша:

- Прочитай еще раз первые две фразы ... Про себя ...

Прочитал? А теперь попробуй произнести глядя мне в глаза. Понял?

Иче выполнил.

И снова в классе стало тихо, словно ждали важного сообщения.

- Хорошо, - режиссер сложил обе ладони на рояле. - Будем решать.

- Я могу идти? - Иче почему-то повернулся к стоявшему у окна актеру.

- Я тебя проведу, - Марк подошел к Иче, положив руку на его плечо, прошел с ним до двери.

В коридоре, став напротив него, тепло посмотрел:

- Ты молодцом оказался. Я думаю, ему понравилось, и, повернувшись к Оксане, свойски подмигнул:

- Будущая кинозвезда!

- «Мы принимаем»... - в тон ему ответил обрубыш, и они рассмеялись.

9

Новая квартира потихоньку обживалась; завезли кое-какую мебель: платяной шкаф, стол-стулья, раскладной диван, и в углу поставили телевизор.

Больше всего Иче нравился диван: тело утопало в его подушках, как в волнах, а раздвинутый, он был настоящим океаном. Для медового месяца штука незаменимая.

Раздвигая его перед сном, обрубьш в предвкушении любовных игр испытывал легкую истому.

Как и сейчас.

Он уменьшил звук телевизора, смягчил свечение экрана и, выключив свет, затаился под одеялом.

Ждать Оксану в мягком полумраке и в белоснежной постели тоже доставляло удовольствие - своеобразная прелюдия: на сердце в эти мгновения накатывала нетерпеливая истома.

Сейчас Оксана выйдет из ванной, в короткой ночнушке проплывет по комнате, волнуяще зашуршит сбрасываемая ею рубашка, и в свечении экрана, словно в огнях неона вылепится ее ладное обнаженное тело, розовые соски молодых тугих грудей, от взгляда на которые он всякий раз превращается в одно сплошное задохнувшееся сердце.

И вот из прихожей втек желтый свет, Оксана вошла в комнату, закрыла дверь, но, припав к ней спиной, осталась стоять понуро свесив голову.

- Иче сел, свесив ноги к полу:

- Ты чего?

Оксана молчала, лишь сильнее клонила голову книзу.

- Что случилось? - он приподнялся на локте,

Она вдруг расплакалась, громко и по-детски беззащитно.

Иче сел свесив ноги к полу:

- Говори, что случилось?!

- У меня пошли ... Женские - прерывисто протянула она.

Иче какое-то мгновение включался в сказанное и вдруг, расхохотавшись, опрокинулся на постель. Его смех как-то подействовал, на нее, она резко оборвала плач, всмотрелась в хохотавшую на постели фигуру.

Иче перекатился к краю постели, с затихающим смехом подозвал ее к себе. Она робко подступила. Обрубыш притянул ее к себе, завалив на одеяло, прерывисто, улыбающимися губами стал целовать влажный от слез рот, шею ..

- Мне сейчас нельзя, - виновато выдохнула она и, казалось, снова приготовилась сорваться на плач.

Обрубыш, приподнявшись над нею, снова расхохотался:

- Ну нельзя, так нельзя.

- Получается, - она сделала паузу, словно глотнула воздуха, - получается, что я не в положении. - И она снова громко разрыдалась. - У меня, значит, уже никогда не будет ребенка! - Она ревела отчаянно и безутешно.

В полумраке светил телевизор, который что-то приборматывал себе, как бледнолицый, брошенный в углу старик.

Иче губами припал к ее глазам, поцелуями испивал солоноватую влагу:

- Успокойся - это не всегда бывает сразу. - Сев на постели, обхватил колени. Сидел долго, неподвижно окованный какой-то мыслью. И потом сквозь приглушенный звук телевизора отчетливо расставил:

- Может, это и к лучшему. Зачем шутов плодить ... Он почувствовал, как подле него замерло ее тело.

- Шуты, посаженные в клетку ... - бросил он в полумрак.

Оксана, перевернувшись на грудь, ткнулась лицом в одеяло. Из простыней глухо донесся ее голос:

- Я так хотела, чтобы у меня был маленький ребеночек. Чтобы у него были свои папа, мама и свой дом, чтобы он не рос в детском доме.

- Я не хочу детей! Понимаешь, не хочу! - Вдруг сорвался Иче с постели, заметался по свободному пятачку комнаты. Коренастый, в коротких плавках, он кружил в маленьком пространстве между шкафом, телевизором и кроватью и походил на маленького, рассерженного борца.

Мерцающий экран телевизора отбрасывал от его фигуры длинные, скользящие по стенкам тени.

- Я не хочу детей! Я не хочу новых страданий. Я не хочу, чтобы убивали их или убивали они! - Он быстро затопал в прихожую и из двери, не оборачиваясь, бросил:

- Нет у меня права давать новую жизнь. И ни у кого нет.

Оксана по-прежнему лежала уткнувшись лицом в постель, затаенно плакала. Иче босиком дошлепал до кух, ни, распечатал пачку сигарет. Нервно вышагивал вперед-назад в тесном пространстве. Мозг дублировал то плачущий голос Оксаны, то свой неожиданный нервный срыв. Мысли походили на него самого, метавшегося меж двух стен. Выборочно работала память, выуживая из прошлого самое гадкое, самое страшное: раскрытые глаза мертвеца, когда он, Иче, нагнулся, чтобы залезть в его карманы, смотрели, как два нацеленных дула.

Иче вдруг с похолодевшей душой подумал, что этот остекленевший вопрошающий взгляд начинает жить в нем, словно какая-то часть его самого. Невольный стон вырвался из его нутра.

Он стоял, потупив голову, забыв о дымившей сигарете, которую сдавил двумя пальцами, как школьный мелок. Вспомнил о ней, зашвырнул ее в раковину.

Проходя через прихожую, взглянул на телефон, глаза невольно выбрали две цифры: 02. Он приподнял трубку, рука на секунду зависла над аппаратом и вернула трубку на рычажки. Будто сработала кисть робота: вверх-вниз.

Как над чем-то приговор: «Все». И он вдруг остро осознал над чем.

Оксана уже лежала с краю постели с головой уйдя под одеяло.

По комнате по-прежнему растекался мерцающий свет телеэкрана.

Обрубьш, встав в изголовье Оксаны, опустил на колени. Ее рука, вынырнув из-под одеяла, скользнула к его щеке. Он ткнулся в нее лицом.

- Оксана, у меня уже ничего нет. Только ты осталась одна. Ты ведь не бросишь меня?

Она пригладила его виски, с какой-то материнской улыбкой выдохнула:

- Ну, как же я брошу тебя? Как? ..

Кажется, успокоившись, обрубьш нырнул под одеяло, прильнув к Оксане, полез под рубашку, но, подоженный истомой, повздыхал, и нечего делать, отодвинулся от ее сводящего с ума тела на «свой» край постели.

Ворочаясь, думал, что во всем этот мир строит свои козни: куда только можно сует вороватую руку, чтобы выкрасть и, без того, из скудных человеческих радостей.

Черный ростовщик.

Обрубышу понравилось это пришедшее на ум сравнение, он нарочито выдохнул:

- Э-эх, черный ростовщик кругом!

Услыхав, как заворочалась в постели Оксана, крутанулся в ее сторону:

- Не спишь?

- Не-а.

Он сбросил с себя одеяло, сел, припав спиной к спинке дивана. Тотчас и Оксана, выскользнув из постели, прижалась к нему теплым боком.

Иче обнял ее за плечи, крепче прижал к себе.

В ночной тишине проступило их согласное молчание.

- О чем думаешь? - первым нарушил его Иче.

Она, только беззащитно вздохнула. Обрубыш знал, о чем и мозг снова, продублировал его недавний срыв: «У меня нет права давать новую жизнь».

Он повернул к ней лицо. В темноте едва заметно проступал ее точеный и в чем-то незнакомый сейчас профиль. Стало жаль ее: может, и не было на свете никаких прав, никаких свобод, а если и существовало что-то настоящее, то обыкновенный инстинкт, потребность женского существа, рожать и растить детей. А незамысловатая человеческая правда в том, что за дарованную тебе жизнь ты должен отплатить новой? Для того и существует любовь?

Обрубыш прижал к себе Оксану и, как молящаяся парочка, качнулся с ней из стороны в сторону:

- Я не могу, когда ты грустишь, - он словно попросил о чем-то.

- А я и не грущу.

- Тогда что?

Она помолчала, для чего-то натянула на колени одеяло.

- Я просто про картинку, думала, в какой-то книжке видала. Там женщина ребеночка кормит. А ребеночек так жмурится, как котенок, - бесхитростно выговорила она.

Иче почувствовал, как подобрались под рукой ее плечики.

- Ты в Бога веришь? - вдруг спросил он.

- Верю, - тихо призналась она.

- Seriously?

- Seriously. А что?

- Ничего. Хорошо. Давай спать. Утро вечера мудренее. - Поцеловав ее, он снова юркнул под одеяло на «своем» краю.

Притихли.

Он лежал с закрытыми глазами, дав свободу мыслям, не подавляя и не сопротивляясь им: как есть, так и есть.

В комнате настаивалась темная тишина.

Вдруг в этой безмолвии возник бессонный голос Оксаны.

- А ты веришь в Бога?

Иче открыл глаза:

- Ты чего не спишь? Верю я в Бога! Верю! - словно успокаивал он, хотя и сам не знал в кого верить, во что верит, да и верит ли вообще.

- А ты его любишь? - снова в тишину упал ее робкий голос.

- Кого? - они лежали друг к другу спинами.

- Ну, Бога...

Иче вздохнул, но снова заверил:

- И верю, и люблю, и уважаю! Спи, давай... - он поглубже влез под одеяло, но в памяти стали возникать бессонные фразы. И потом окончательно разлетелся сон, как пиала на черепки.

Спал он часа три. Уснув перед рассветом, проснулся от сдавленного постанывания: Оксана, взявшись за голову, покачивалась из стороны в сторону.

10

Приступ головной боли не стихал. Оксана металась по комнате, забивалась в угол дивана, но нестерпимая боль сгоняла ее с места, и снова в каком-то беспамятстве она металась по квартире. Левую сторону черепа, казалось, раскалывали надвое, боль отдавалась в глазу, зрачок сделался красным, помутнел, словно в нем лопнул кровяной сосуд.

Иче, не зная что предпринять, в растерянности и в страхе то ходил следом, то порывался вызвать «скорую», и, беспомощно свесив голову, сидел на краю дивана.

Открыв на кухне окна, жадно курил. После бессонной ночи выкуренная сигарета тупо опьянила.

Отходил, подставив под кран лицо. Утерся рукавом рубашки. Перекошенное от боли лицо Оксаны ни на секунду не выходило из головы.

Он осторожно вошел в комнату. Оксана, не сумев справиться с приступом, громко постанывая, прижималась левой стороной лица к стене.

Обрубыш поймал себя на том, что от чувства страха за нее, исходило чувство вины.

Страх порождал вину.

Будто он, именно он, Иче, совершил что-то такое, от чего у Оксаны начался этот страшный приступ.

Она заметила его появление, бросившись к нему в ноги, сползла на колени. Крепко обняв, прижалась лицом к груди:.

- Помоги мне, Иче! Родной мой, спаси меня! - глухо сквозь плач прозвучал ее голос.

Оборвалось сердце, еще острее пронзило чувство вины, и вдруг на мгновение ему почудилось, что находится он в прежней квартире, и именно здесь прозвучали выстрелы, по этому полу волокли два трупа, и на этом паркете чернели пятна крови.

- Иче, помоги же мне! - Она сильнее вдавила лицо в его грудь.

- Я вызову «скорую», - он будто настоял.

Они приехали через полчаса: фельдшер с медсестрой. Запахло аптекой, от белых халатов и медицинской сумки потекло по комнате тревожное ожидание.

Фельдшер, коренастый мужчина в белом колпаке, больше походил на мясника в лавке, и его пятерне, казалось, больше подходила не резиновая груша тонометра, а засаленное топориче.

Замерив давление, он пробубнил, что «здесь» все в порядке, сделал болеутоляющий укол и нацарапал направление к невропатологу.

Они ушли, приступ, ударив новой сильной волной, стал ослабевать, через полчаса затих. Оксана, поджав под себя ноги, измотанная болью, заснула.

Набросив на нее свой пиджак, обрубьш, осторожно, выставляя вперед короткие кривые ноги, вышел на кухню.

На столике лежала распечатанная пачка сигарет. Иче долго непослушными пальцами вылавливал одну, задымил в открытое окно.

Ему не нужно было склоняться над подоконником, чтобы удобно сложить на нем локти, и он налег на руки, словно сидел за большим столом.

Из окна своего третьего этажа он не видел, что делалось сейчас там, на земле, но даже если б сейчас там началась самая страшная война, кого бы это могло удивить.

Жизнь и есть огромное побоище, где властвует одно - страх.

Страх любить и ненавидеть, страх быть верным и предавать, страх смеяться и быть осмеянным, страх дать новую жизнь и убивать.

С земли неожиданно ударил громкий, в чем-то знакомый смех. Иче отпрянул от подоконника, но поймав себя на таком испуге, свесился из окна.

«Влас», - узнал он. Тот тыкал в сторону прохожих, закатываясь от смеха, словно принял сильнодействующий наркотик.

Обрубьш испугался за Оксану, плотно прикрыл окно, тихо заглянул в комнату.

Оксана спала, сложив обе ладошки под щеку. Иче легко вздохнул.

Утром о прошедшем приступе Оксана вспоминала уже с улыбкой.

Они влезли на диван, и обрубьпп, вытянувшись, положил голову на ее ноги.

- Ты меня вчера просто спас, - она с нежностью гладила ему голову, словно устроившегося на ее коленях щенка. - А то аж на стенку лезла! - Она улыбалась.

Иче лежал, с закрытыми глазами, казалось, не слушал ее, а был занят своими мыслями, на улыбку ее ничем не ответил.

- О чем мы думаем? - Она пальцем легко нажала на кончик, носа, как на кнопку.

- Вчера у меня был самый страшный день. Я никогда не чувствовал себя таким винова тым... Суеверным стал. Ведь в этой жизни как: Бог наказывает не того, кто совершил преступление, а его самого близкого. Зло возвращается. Рано или поздно зло возвращается. А человеку не узнает откуда его ударит. Только и будет что плакать: за что, Боже? А, значит, было за что или за кого. Но люди этого не понимают. Думают, что все сходит с рук. Вот и я думал, что Бог наказывает тебя за то, что я совершил ...

- Но ведь ты меня спас! Ты меня от такого спас! Я бы после этого не жила ...

Он, открыл глаза, приложил палец к ее губам, будто запретил говорить.

Через несколько дней, они, кажется уже и не помнили об этом разговоре, но вечером приступ снова настиг Оксану, и теперь боль, казалось, вдвое сильнее. Ночью вызвали «скорую», снова сделали болеутоляющий укол, к утру, разбитая и уставшая, Оксана уснула, но через: несколько часов приступ начался снова. Боль находила

волнами, распирала череп, отдавалась в глазу, слепила его.

Приступ длился три дня.

Иче звонил актеру, тот подъезжал на машине, Оксану показывали лучшим докторам, но каждый ставил свой диагноз. Сходились лишь в одном: такие приступы имеют свою продолжительность (у каждого больного своя) и проходят сами, разумеется, не без помощи медицины.

На четвертый вечер он действительно, спал, Оксана ходила счастливая, заснула улыбаясь.

Но Иче глаз не сомкнул. Ходил по затихшей ночной квартире, останавливаясь у телефона, долго стоял над ним привалившись плечом к стенке.

Телефон черной лягушкой восседал на резной высокой подставке, словно затаился в ожидании первого звонка.

Иче включил свет на кухне, раскрыл холодильник: бутылка шампанского, припасенная на всякий случай, стояла на месте, в боковом отсеке.

Иче достал ее. Холод от горлышка, обернутого серебристой фольгой, растекся от руки по всему телу, словно отрезвило.

Обрубыш поставил бутылку на стол. На завтра. Он представил, как проведет завтрашнее утро, как откроет шампанское и они с Оксаной будут пить и смеяться, а потом она раскинет постель, и они будут любить друг друга, как никогда раньше, как в последний раз, и потом снова поднимут бокалы, а черная лягушка на резной подставке, будет усмехаться и ждать - поднимет он трубку или нет, а если и поднимет, то найдет ли мужества набрать нужный номер и во всем признаться.

Думая о завтрашнем дне, обрубьш, кажется, видел все до мелочей. Вот после признания он звонит актеру, прощается с ним. Вскоре приезжает милиция, на его руках защелкиваются наручники, плачет Оксана, а его сажают в машину меж двух каких-нибудь крепьпей. Потом они едут на заброшенный двор, Иче показывает засыпанный колодец, и вызванный экскаватор выкапывает трупы.

Вокруг какие-то люди, лица, наверное, актер, старик и Оксана.

Иче курил в ночное окно, высотный дом напротив горел, несколькими окнами, как укрытый в тумане корабль.

Да и сам он, обрубьш, казалось, теперь уходит в какую-то туманную зыбкую даль.

Иче отшвырнул выкуренную почти до фильтра сигарету, она крошечным угольком пыхнула в густой ночи и сорвалась вниз к земле, оставив за собой тонкий след, как мизерная комета.

Иче сел за стол, продвинул к стене шампанское.

«Дед! Шампанского!» - вспомнился давний-вечер, разговор с актером у старика Наума: «Религия исчерпанного человека. Только она может спасти людей. Исчерпать в одной любви любовь всех самых красивых женщин. Не испив и одной капли, испить всю разлитую в мире сладость и наслаждение. Короче, не имея - иметь. Не возвращаясь - вернуться. Не испытав ничего - пережить все! Не убивая - убить!».

Толкнуло в сердце. «Не убивая - убить!» И снова до самых мелких деталей он увидел завтрашний день.

Таким он и оказался.

Оксана поднялась счастливая, оттого что проснулась не от приступа, а выспавшись, но не смела говорить о прошедших днях, словно боясь вернуть весь ад прошедшего.

Она принялась было готовить завтрак, коря себя за то, что провалялась в постели до одиннадцати, но Иче усадил ее за стол в комнате, включил телевизор, принес шампанского и заготовленную с утра закуску.

- У нас какое-то торжество? - Оксана с улыбкой и любопытством наблюдала за этим неожиданным сюрпризом.

- Торжество. - Но он улыбнулся, как при расставании. - Человеку некогда быть несчастливым.

Стол находился вплотную у окна, в которое было видно осеннее прозрачное небо - чистое и легкое, как подсиненная шаль.

Наверное, Оксана своим женским чутьем почувствовала в улыбке Иче знак тревоги и сама теперь улыбалась чуть, потерянно, убеждаясь, что все неспроста: и это шампанское, и то, что Иче накрывал на стол сам, и та его скользнувшая вдаль улыбка.

Но, затаив тревогу, молчаливо ждала, пока Иче расскажет все сам.

И он предупредил: положив ладонь на ее руку, легко пожал:

- Это в честь тебя? Чтобы ты больше никогда не болела!

После этих слов, кажется, все изменилось. Открывали шампанское с озорством. Она хлопала в ладоши, смеялась, припомнив, как это было еще совсем недавно в первый раз. Звонко сдвинули бокалы, и сладким оказалось вино.

Все увиденное обрубьшем в прошедшую ночь сбывалось.

Захмелев, наладили «свой» куплет, который пели, в тот первый после ее побега: день, и как тогда же, выпив шампанского, ударили об пол свои бокалы,

Она разбросала постель ...

... Он выкрикнул ее, имя, и оно, сплелось с ее тонким стоном ...

... Последним бокалом были ее ладони, сведенные в пиалу, как напоминание об их первой ночи.

Он испивал с ее рук последние капли, как неожиданно ударил телефонный звонок.

Переглянулись.

Иче оттер лицо рукавом рубахи.

Почти, все время он думал о предстоящем признании, и вот телефон, казалось, сам подстегивал к развязке.

Ударило сердце, словно это был не телефонный, а звонок в дверь, и уже пришли за ним, и через минутую другую для него все закончится. Зона.

Оксана, увидев перемену в глазах Иче, словно пришла на выручку:

- Может, это актер?

Обрубьш кивнул, снял трубку.

Звонил помощник режиссера, приглашал подписать какие-то договорные бумаги.

- Я играть не смогу, - после долгой паузы отказался Иче, краем глаза увидев, как обмерла в дверях Оксана.

- Как не сможете? - на другом конце провода, словно оборвался он, установилось вязкое молчание, и потом оно разорвалось на какие-то беспорядочные фразы, угрозы и уговоры.

- Марк вам все объяснит, - Иче прервал разговор, припал спиной к стене.

Оксана по-прежнему выжидающе стояла в дверях, и они долго смотрели друг другу в глаза.

Потом он увел взгляд в сторону и, казалось, надолго уйдя в себя, забыл об Оксане. Но он думал о ней, вспоминал, как в приступе боли, она металась по комнате, как волокли они со стариком по ночному двору два трупа, и со дна колодца ударил глухой стук.

Обрубывш поймал себя на том, что никогда еще не ощущал так присутствие предмета, как сейчас телефон.

Этот черный аппарат на высокой резной подставке имел над ним власть живого существа.

В комнате были трое: Оксана, он - Иче - и телефон.

Настороженная тишина окольцевала их в один замкнутый: круг.

Обрубывшу снова увиделось искаженное от боли лицо Оксаны и в какую-то секунду неожиданно для себя он снял трубку, набрал 02.

Он признался во всем и в первую секунду с глуповатой улыбкой посмотрел на поникшую в дверях Оксану.

- Ну вот ...

И вдруг толкнуло в сердце, и весь мир утонул в слякотной тоске.

Потом, много позже, находясь в зоне, если он возвращался к прошедшему, то именно к этому: минуты до звонка, признание и ожидание стука в дверь ... А со временем он, кажется, уже начинал любить эти самые непростые минуты в своей жизни.

...Почти все предвиденное Иче сбылось, но он не предугадал, да и не мог предугадать две вещи, два собы-

тия, может быть, на первый взгляд, случайные, а, может, и закономерные.

Но хотя, наверное, закономерность делает закономерностью случайность.

Обрубьша уже привезли на заброшенный двор, он показывал оперативникам место колодца, и уже экскаватор выбросил первые ковши рыхлой земли, как во дворе появился Влас.

В изодранной одежде, с грязными спутанными волосами, он держал на весу стеклянную банку, закрытую капроновой крышкой. В банке ползала муха.

Влас держал свою склянку двумя руками, как ценную вещь, предлагая то одному, то другому оперативнику купить ее.

Власа гнали, но через некоторое время он возникал снова. Подошел он и к обрубьшу:

- Из нее человек вырастет! Большой человек! Купи!

Иче внутренне содрогнулся: зная Власа, он не узнавал его. Перед ним стоял другой человек со сверкающими глазами гнойно-желтого цвета.

- Купишь? - Влас поднес к лицу Иче своего «будущего человека» в банке.

Стоящий рядом с обрубьшем милиционер, словно путая дворнягу, притопнул на Власа:

- Пшел!

Тот, вздрогнув, отбежал, будто и вправду шавка, поджавшая хвост.

Во двор, не обращая внимания на окрики оперативников, просочилась толпа зевак. Издали наблюдали за работой экскаватора.

Над землею уже высился внушительный холм рыжей комкастой, земли.

Постепенно место колодца стало походить не на микро-карьер, а скорее, на глубокий след какого-то огромного колеса. И чем больше становился он, тем глубже тонул в нем и сам экскаватор.

Машинист работал настороженно, подавшись плечами вперед, словно откапывал мину: чтобы не прозевать и не повредить трупы.

Обрубывш в окружении оперативников стоял над краем, отвечал на вопросы милицейского начальства.

В толпе мелькнули лица Ильи, актера и Оксаны. Актер пробрался вперед, но стоявший с дубинкой, милиционер, преградил ему путь. Актер что-то долго объяснял, горячо жестикулировал, но его оттеснили назад.

Рядом с ним стояла Оксана. Обрубывш подметил: ее припухшие глаза, отвел взгляд; но теперь уже все время чувствовал на себе их молчаливое отчаяние.

В какой-то момент над толпой у ворот вдруг возник возбужденный шум, и следом навалилась тяжелая тишина: десятки глаз из толпы жадно следили за ковшом экскаватора, который медленно поднялся из ямы, поплыл над землей. С зубьев ковша, как из пасти акулы, свисала облепленная землей нога трупа.

Ковш опустился к подножью холма, ударившись о землю влип в нее. Нога мертвеца дернулась из стороны в сторону и снова замерла, как на зубах хищницы.

Несколько милиционеров уже стояли на месте. Порассуждав, дали команду экскаваторщику, и тот, подняв ковш, вывалил труп на смятую рыжую траву. Туловище мертвеца с измазанными глиной руками;

ногами, почерневшей головой выпало, как обсыпанное землей корневище.

Иче отвел глаза.

Машинист в своей кабине, откинувшись на сиденье, оттер лоб рукой, выразительно глянул на Иче.

Обрубыш отвернулся.

Второй труп подняли с обломком доски.

«Кусок лестницы», - узнал Иче.

... Когда «работа» уже была закончена, и экскаватор стал подниматься, в котлован сбежал Влас. Стоявшие, наверху не, обратили на это внимания, но, возглас Власа развернул их. Он стоял в центре ямы на коленях и что-то пригоршнями подбрасывал над собой. Словно песок.

Присмотревшись, оцепенели: из земли бил ключ. Влас разбрызгивал воду в центре, колодца и, хохоча, поднимал к небу желтые сверкающие глаза.

Потом вдруг вспомнив о своей банке, лежавшей подле колен, открыл и подставил под струю. Вода, попав на муху, смыла ее на дно.

Влас, захлопнув крыпку удобнее устроился на пятках и стал наблюдать: воды в банке оказалось: немного, пальца на два. Обмокшая муха, забив крыльями лапками, доплыла до стенки, выкарабкалась на стекло и по нему стала ползти вверх к крыпке. Влас наклонил банку, и вода смыла муху на дно. Она снова забарахталась, забила крыльями, дотянув до «берега», выползла на стенку и снова стала ползти к горлышку. Влас еще раз наклонив банку, смыл муху.

И она снова заметалась в воде.

Подняв глаза на стоявшего над краем ямы обрубыша, он вскинул банку над головой и захохотал.

Из котлована бил дикий хохот обезумевшего, но чем-то наслаждающегося человека.

Иче вдруг вспомнил, как много раз он видел себя мечущимся на дне какой-то ямы, над которой рвался смех. Хохот небес. И этот смех походил на гоготанье сошедшего с ума существа с гнойно-желтыми глазами. Словно это он - обезумевший Влас, как некий Творец, дико гоготал над созданной им же игрушкой: над этой склянкой, в которой отчаянно, стараясь спастись, билась ничтожная букашка.

Седовласый старец вдруг напомнил себе своей спокойной ускользящей вдаль улыбкой. И, кажется, Иче впервые приблизился к разгадке ее.

Оперативник ткнул его кулаком в спину:

- Давай, двигай!

Обрубьш в последний раз бросил взгляд в яму, на дне которой подле ключа, хохотал безумный Влас, и ему почудилось, что смотрит на это не он, а тот старец или превратившийся в эти мгновенья в старца сам Иче.

Толкнуло в сердце, все вокруг показалось несколько иным, более зримым, предметным, словно все это можно было взвесить в руке.

- В первый раз видишь, что ли?! – милиционер сильней толкнул Иче., '

- В первый раз, - больше для себя повторил обрубьш, машинально забросив, руки за спину, своей медвежье-цирковой походкой пошел к воротам.

Он топал не поднимая лица на затаившуюся толпу, словно избегал десятков прицельно бьющих в него глаз. Но не этой пошущукивающей массы боялся он - за цепью милиционеров рядом с актером и стариком стояла Оксана.

Расстояние между ними сокращалось. Иче вдруг поднял глаза, и взгляд его вырвал из толпы плачущее лицо Оксаны.

- Иче! - она бросилась было к нему, но тут же оперативник вцепился в ее локоть, вернул назад, словно прилепил к толпе. Актер обнял ее за плечи.

- Тебя оправдают! - вдруг выкрикнул он. - Слышишь, оправдают!

Иче едва заметно кивнул и вошел в коридор из расступившейся перед ним толпы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МАТРЕШКА

Еще и не начался путь Иче к «своей» колонии, а незримые эковские провода донесли в зону всю его подноготную: родился в тюрьме, родители бывшие эки, скитался по детдомам, «сделал» двоих - сторожа и воспитателя, и, пожалуй, самое любопытное, кинозвезда.

Поджидали.

И хотя «послушной» список должен был внушить доверие, все же блатные устроили проверочку: постелили в дверях вместо половой тряпки чистое, белоснежное полотенце: если входя поднимет, значит, холуй, и тогда шестерить ему, пока не загнется, если отфутболит - мужик свой.

Обрубыш открыл дверь казармы. Полотенце сразу ударило в глаза, как белая полоска перед прыжковой ямой. Впрочем, и на деле ему предстояло что-то вроде прыжка: заступишь за линию, поднимешь полотенце - штрафник, оттолкнешься нормально - может, и повезет.

Иче успел смекнуть, что неспроста подстелена ему под ножки эта белоснежная вещичка, и не нагнулся, но и не отфутболил, а прошелся по ней, как будто по дорожке. И каждой клеткой, всем нутром ощущал сверлящие глаза блатарей.

Обрубыш скользнул по лицам: вот они, его «собратья», подав под себя ноги, как ханы, уселись в углу на койках и пялятся, как на спектакле.

Смотрят, словно что-то выдавливают из тебя, будто ты тюбик зубной пасты или сапожного крема, ждут

каким словом, каким жестом вывернешь перед ними свое нутро: трясутся поджилки или нет.

- Здесь твоя койка, - обрубьша сопровождал, крепьш сержант. - Разбирайся, - повернул к дверям, небрежно впечатывая шаг в деревянные полы.

Обрубьш отсутствующе укладывал свои вещи в тумбочку на двоих, стоявшую меж, двух кроватей, ни, на кого не оглядываясь и ничего не спрашивал.

Навязываться на знакомство-разговоры ни к чему. Здесь свои законы. Впрочем, что и на воле: как с самого начала поставишь себя, так и будут к тебе относиться.

Тишина зависла в казарме, как падающая скала, лишь скрипнула под кем-то койка, да задвинул-выдвинул обрубьш свободно ходивший ящичек тумбочки.

- Эзоп! - вдруг опустилось в этой вязкой тишине. Тут же покати́л хохот.

Обрубьш сидел на койке спиной к хохотавшим, на секунду замер: в смехе пока не было какой-то неприязни или издевки, но кличку ему, кажется, налепи́ли наверняка. Эзоп. Но в общем-то даже хорошо. В любом случае не жопа.

А потом он услышал, как из-за спины стали приближаться медленные шаги.

В проходе меж кроватей, сунув руки в карманы, в распахнутой рубашке стал сухощавый тип лет сорока.

Иче повернул к нему, голову. Глаза в глаза. Подоспешший, казалось, не смотрел, а что-то поедал в душе.

Волчий взгляд.

Но это длилось секунду, в следующее мгновение тот уже садился на койку напротив, к нему подсели еще двое, и рядом с Иче примостился четвертый.

Потихоньку раскрутился разговор: «кто-откуда», «сколько», «когда» и прочие разные разности.

В разговоре сухощавый на секунду уперся о колени ладонями, и на его кистях Иче заметил по наколке. На левой во всю ширину большими печатными буквами, как на транспаранте, красовалось: «Не падай духом», на второй - «Не слишком радуйся».

Сухощавый, назвавшийся Виталием, родсек взгляд Иче, и, кивнув на свои «транспоранты», хитро подобросил:

- Хороши, Эзоп? - И тут же под хохот остальных шутовски раскинул руками: - Смотрю, заходит, голова, как арбузина, громадная! Верняк, думаю, ума палата! Эзо-оп!

Иче улыбнулся. А с той поры так и поехало: Эзоп да Эзоп.

2

Первый шаг по зоне, первые знакомства, первый день и первая ночь. Кто-то запомнит их, а у другого выветрится из памяти, как вонь из проветренной комнаты. У каждого свое.

А зависит все от пережитого в эти первые часы, минуты, шаги, встречи.

После нескольких месяцев тюрьмы, что Иче находился под следствием, оказавшись в зоне, он не мог бы сказать себе, что здесь его что-то оглушило, опрокинуло, вывернуло душу.

Люди тюпмы везде люди тюрьмы.

Надо держаться.

Теперь оставалось только это: выстоять и выйти отсюда незапачканным ... Ворочался Иче в свою первую ночь на зоне. Бессонно глядел в окно, за которым, как черные больные легкие каторжника, нависло тяжелое мартовское небо.

... Вышки. Колочая в несколько рядов проволока над глухим каменным забором.

Заперт. Замурован на долгие годы.

Подумалось об Оксане. и толкнуло, нестерпимо заныло сердце, словно обмотали его в эту колючую проволоку.

И отчего так на земле: просишь, когда имеешь; теряешь, когда обретишь, и ценишь, когда потеряешь ...

3

Все здесь имело свои клички, какие-то шифры, двойные имена: и заключенные, и надзиратели, начальник колонии и сама колония.

Начальника, подполковника Толстых, величали Баринном, а его колонию «Ясная Поляна». Наверное, все пошло от фамилии, так схожей с фамилией великого классика, но и сам подполковник - крупный, с широкими усами, жил, как помещик, считал себя безраздельным хозяином людей, выпек, зданий, дорог и поселка, который находился в полукилометре от зоны, и жил, в основном, за счет самой колонии.

К своей вотчине Толстых причислял туфовый карьер за поселком и лес, раскинувшийся от зоны на десятки километров на запад.

Стоило кому-то произнести «Барин» - и все эти владения, все это огромное хозяйство непроизвольно вставало перед глазами.

Барин имел самый хороший в поселке дом: огромный, на два этажа, с большой бильярдной и камином, отдельной сауной и ухоженным садом.

Многое было сделано в расчете на гостей, в основном на высокое начальство из столицы, которое любило наезжать к нему поохотиться, побаловаться с девицами в лесном, специально для этого срубленном домике.

Гордостью Барина был и хозяйственный участок на самой зоне: различные мастерские, а главное, большая теплица и меховой цех.

Пошить дубленку из выделанной здесь же овчинки: шапку из ондатры, воротничок лисий - пожалуйста: спецы имелись самые классные.

И ни один столичный начальник уходил отсюда с презентом.

К Барину заезжать любили.

Помещику не хватало лишь одного: театра. Собственного театра. Какая-то самодеятельность, конечно, была, но чтоб театра, чтоб играли пьесу да не одну ... А какой: помещик без театра ...

Но, как говорится, Бог милостив, внял мольбам, и когда в колонию привезли кинозвезду, Иче, Барин почувствовал, что час театра, его театра, подполковника Толстых, пробил.

Барин дал команду, чтоб недельку прибывшая кинозвезда попахала как следует на туфкарьере (будет знать цену остальному), и потом вызвал Иче на беседу.

Обрубьш вошел в кабинет, сминая в руке снятую еще перед дверьми казенную шапку.

Барин, откинувшись в кресле, курил «Мальборо». Раскрытая пачка лежала на столе возле белого телефона.

С минуту щурясь то ли от дыма, то ли будто от дыма, вглядывался в Иче.

Тот, уже зная, что лучше не выдерживать взгляда начальника, увел глаза кверху на висевший, за его спиной портрет «железного» Феликса.

Справа от Барина в углу стояли два мощных сейфа, окрашенных «под дуб» - цвет кабинетной мебели.

На двух зарешеченных окнах вились горшечные цветы. Между окон уместился книжный шкаф. Взгляд привлекла стоявшая за стеклом большая матрешка Ленин. Такую обрубьш видел в столице. Внутри нее, Ленина, должны были быть еще вожди. Словно каждый вождь был беременен последующим вождем: Ленин беременен Сталиным, Сталин - Хрущевым, Хрущев брюхат Брежневым, Брежнев - Андроповым, и другие беременности.

Все это увиделось в пару затяжек Барина.

- Проходи, садись, - наконец, кивнул он на стулья за т-образным столом.

Иче выдвинул стул с краю: из четырех ближний к себе.

- Садись ближе. Я глаза люблю. Болезнь у меня такая, в глаза обожаю смотреть, - он как будто о чем-то предупреждал.

Иче пересел ближе к столу подполковника.

- Ну, рассказывай, Эзоп! - покуривал Барин.

Иче бросил в него вопросительным взглядом.

- Знаю, конечно. Я про тебя все знаю. Даже то, чего ты сам о себе не знаешь.

Иче сложил на столе квадратные ладони, взгляд снова попал на матрешку Ленина: лысая сверкающая макушка, борода, галстук.

- Про самого Эзопа-то слышал, наверное... - голос у начальника был низкий, прокуренный.

- Видел кино ...

- Да... Он хоть и был толковый, да ущербный, видать. Из-за какой-то мнимой свободы в море-океане топиться ... А, Эзоп?..

Иче отчего-то вспомнилась ночь на кухне, пущенный газ. Барин с любопытством осмотрел его:

- Чего замолчал-то?

Обрубыш пожал плечами.

За решетками окон замелькали головы в зимних шапках: куда-то повели строй заключенных.

Подполковник, улыбаясь, вкусно курил.

- Ну, как карьер? - вдруг в упор спросил он.

- Не мед, - откровенно взглянул Иче.

- Молодец, Эзоп! За откровенность хвалю. Если мы и дальше так поладим, будешь жить нормально, - Он как-то по особенному заглянул в глаза, сцепил на столе руки: - Я вот что хочу тебе поручить, - он произнес это так, словно объявлял амнистию, - раз уж ты кинозвезда да к тому же, как оказывается, еще и Эзоп, то и карты тебе в руки. - Он сделал паузу, и из нее расползлось по кабинету напряженное ожидание:

- Театр потянешь? - он пристально взглянул. Обрубыш не знал, что именно имелось в виду, но теперь, после туфового карьера, он, кажется, мог бы потянуть что угодно.

И все же спросил:

- А что именно?

- Пьеску нужно поставить. Осилишь?

- Я могу подумать? - Иче вспомнил свои «смотрины» в театре Марка, киносюжет об истощенном человеке.

- Это мне нравится. Скажу прямо: если бы ты с налету сказал «да», я бы тебе не поверил. Ну ладно, иди. Работать будешь в меховом цехе.

Камни туфового карьера свалились с плеч ...

Иче подходил к дверям, протянул было руку, чтоб открыть их; но вопрос в спину остановил его:

- Эзоп, а ты в Бога веришь?

Иче повернулся не сразу, стоял, опустив большую голову.

Потом, смяв в руках шапку, словно, хотел отжать ее, повернулся:

- Я не могу точно сказать ...

- Ну вот ...

- Бога нет. Но он был. Он создал мир из себя. Он разрушил себя, чтоб создать, мир. Это как плод, который попал в землю, разрушается, но дает жизнь сотням побегам. Бог первоначально был Творцом, а потом стал самым творением. Он дал жизнь, он создал все для жизни и как Бог ушел.

Бога нет, но есть память о нем. Кто хранит ее, тот и приближается к нему. Память о Боге и есть Бог. - Он выронил это на одном дыхании и внутренне дрогнул сам: ведь он раньше не, знал этой мысли, не подозревал, что она может быть, что она могла жить в его мозгу. И вот он произнес ее так, как будто она жила в нем всегда.

От этого нового знания на мгновение он ощутил в себе какой-то прилив энергии, радостную легкость.

- Идите, - подполковник отчего-то вдруг перешел на «вы» и уткнулся в бумаги на столе.

5

Как собаки чуют зарытую в земле кость. Василий со своим дружкой почувствовали: побег.

Они не знали, как именно и когда, но весть о том, что Иче поручили театр, казалось, уже сама о себе таила эту будоражащую надежду - бежать.

Они думали о побеге давно и кое-что (а, в общем, самое основное - карту и компас) уже раздобыли и ждали удобного момента.

И вот, кажется, он наступал. Нужно было только записаться в артисты, терпеливо ждать, а, главное, всегда быть наготове.

С собой решили угнать и самого Иче: если надолго окажутся без харчей и воды, вышить его кровь, и использовать мясо.

Разумеется; о побеге ему ни слова.

Все должно было идти своим чередом.

6

Это неожиданное задание – театр, ему, Иче, казалось счастливой возможностью выстоять в этой грязи, сохранить в себе что-то человеческое. Но что играть? Как? Единственный его киношный опыт - «смотрины», в театре Марка были не самой надежной опорой. Но они как раз и помогли: обрубыш решил придумать пьесу сам,

а, в общем, она, можно сказать, была готова: его история.

И обрубыш в кабинете Барина выложил свои замыслы, хотя насчет того, что эта пьеска о его жизни, умолчал.

Подполковник одобрил эту идею:

- Это хорошо, что и про тюрьму. В воспитательных целях: вот-де, человек, который убил своего ближнего, попав в колонию, сознает весь ужас: совершенного, раскаивается, становится на праведный путь! - Он поразмыслил и вдохновенно добавил: - И пусть приходит к Богу! Да, именно в колонии и к Богу! А? Каково? - Он даже взволнованно закурил и, наверное, в эти мгновения ощущал себя, по меньшей мере, автором «Горя от ума».

- Да-а, - в раздумье продолжил он, - надо бы и заправду какого-нибудь попару завести да в поселке храмик построить. Это, так сказать, в русле современности! - и - он что-то чиркнул карандашом на листке перекидного календаря.

Матрешка Ленин за стеклом книжного шкафа снова привлекла внимание Иче. Подполковник это заметил:

- Это тоже в русле времени. Так сказать, свобода мыслей, демократизация и всякая прочая хреновина, - он пощелкал зажигалкой и вдруг в упор глянул:

- О побеге уже мечтал, Эзоп? Говори честно.

Обрубыш на этот раз глаз не отвел:

- Я не побегу.

- Знаю, мол, это я так просто, - ткнул подполковник.

- Куда? И зачем? Мир, гражданин начальник, как эта матрешка: тюрьма в тюрьме, неволя в неволе, - наро-

чито обреченно расставил Иче. - Те, кто на гражданке думают, что они свободны. А наш голубой шарик уже и есть зона. Закрытая зона. Закупоренная наглухо. Я бы даже так сказал: колония для особо опасных. А внутри колонии еще другие подобные заведения: психушки, тюрьмы, а в этих заведениях сам человек тоже маленькая тюрьма.

- Но у человека душа! - Барин наставительно вскинул палец.

Иче по своей привычке держал ладони на краю стола.

Задумавшись, непроизвольно завозил пальцами правой руки по темно-коричневой полировке, словно стирал пятно:

- Душа потому и безгранична, что заперта.

- Запомню я тебя... - Барин произнес это с еле заметной улыбкой.

Иче промолчал...

Барин вышел из-за стола, став у окна спиной к обрубьшу, о чем-то молчал.

- Гражданин начальник, - с улыбкой обратился Иче.

- Ну, - не обернулся тот.

- У меня небольшая такая идея ... Пусть на следующих матрешках ваш художник номера нарисует. Как у эков были. На лбу, на спине, на животе. Вот это, действительно, будет в русле времени. Если партию таких изготовить, нарасхват пойдут. Матрешка Ленин с тюремными номерами. Открывают ее, а там Сталин снова с тюремными номерами на лбу, на спине... Не матрешки, а кайф!

Барин сочным низким голосом расхохотался:

- Ну ты даешь, Эзоп! Ну, и угостил! - и подойдя к шкафу, достал матрешку со сверкающей лысиной и бородкой, открыл - и через секунду, видно, представив что-то, заржал своим звучным гортанным смехом.

Рассмеялся и Иче.

Возвращая матрешку на место, Барин отсутствующим тоном вдруг спросил:

- Эзоп, у тебя твоя, кто она там тебе, подруга или жена, хороша?

- Наверное.

- Значит, хороша, - Барин продолжал стоять лицом к шкафу, задвигая стекло: - Давай поскорей делай свой спектакль, и мы пригласим ее. Разрешу тебе свидание.

Иче метнул в его широкий затылок пристальным взглядом: с чего бы это. Кольнуло в сердце. Обрубыш слышал о кутежах начальника, поговаривали, что он тайно содержит чуть лине целый гарем.

Так и вышел из его кабинета с тяжелым предчувствием.

7

Северное майское солнце еще не очень греет, но если постоять на нем, чувствуешь его тепло, словно ласкает тебя девичья рука.

Но и вместе с тем на душе разливается пьянящая грусть, грусть в тебе, грусть вокруг тебя. Наверное, от того, что в такой ясный день твое небо наколото на проволоку и выпки часовых и отмерено, как скупая лагерная пайка.

И есть слово «невозможность». Иче думает об этом, выйдя из мехового цеха на короткий пятиминутный перерыв.

Сигарета. Майское солнышко. И острее воспринимается это, наверное, самое страшное, самое печальное понятие - невозможность: невозможность вернуть упущенное, невозможность использовать настоящее, невозможность уберечься от боли будущего.

С тревогой подумалось об Оксане и отчего-то вспомнился тот далекий теперь, словно из какого-то туманного мира, магазин с колокольчиком на дверях и высокий красавчик с ключами от автомашины.

Ревниво заныло сердце, а не забыла ли о нем его Оксана. Расставание есть расставание, тем более на такой срок. И тем более, она так молода и красива.

Но не могла. Не должна была. Во всяком случае, во всех письмах были строчки о том, что она ждет и будет ждать сколько угодно, что бы там ни случилось.

И то, что Марк с женой на время взяли ее к себе, тоже наверное, хорошо. Но сколько времени еще придется ждать!

Из цеха вышел начальник, коренастый молодой мужчина, Антон, тоже стал у стены на солнышке, закурил из пачки Иче.

У дверей цеха маячила унылая фигура надзирателя.

Антон «залетел» за кожу. Умудрился «пихнуть налево» крупную партию фабричного шевро. Дали семь лет. Здесь он устроился неплохо: в работе был ас. Да и он, Иче, за эти несколько месяцев в колонии стал настоящим профи в выделке и покраске мехов и кожи.

Иче поднес сигарету ко рту, от руки остро понесло запахом кислоты. Но, через несколько часов он снимет эти резиновые сапоги, эту провонявшую кожей и кислотами рабочую одежду и – в клуб. За пьесу...

Это было любимое здесь время, хотя и очень непростой оказалась эта штукавина - сочинительство. На первый взгляд, простое (что вроде бы проще, чем рассказывать свою жизнь), на деле оно имело миллион своих ловушек.

Основная хитрость заключалась в действии: как передать, допустим, его ночную поездку за Оксаной? Вернее, как показать это в крохотном пространстве клубной сцены, где не только прокатиться, колесо от машины поставить негде.

Эту задачку не удавалось расщелкать не один день и неделю. Но все-таки решение нашлось. Пусть все вышло не по пьесным правилам, но дело все-таки сдвинулось: где-то на краю сцены должен был стать ведущий, который вроде бы вспоминал свою жизнь, а сам потихоньку пояснял все «уехали», «приехали», «бежали», «проводжали».

Иногда нравилось и самому. Не Шекспир, но все же приятно. И он втихомолку порой гордился.

«Артистам» тоже нравилось. Особенно Виталию и его дружку Ноздре. Эти почти напросились на главные роли. И чего он, Иче, не ожидал, со старанием зубрили написанное. Может быть, и в школе так не учили, а тут усердствовали.

А кроме всего, взяли над ним что-то вроде шефства. Если поначалу кто-то и мог оскорбить, унижить, то сейчас его не трогали. Боялись.

Он знал: Ноздря сделал предупреждение: кто тронет Эзопа, дело будет иметь лично с ним, Ноздрей и Виталием.

В общем-то, за это, конечно, спасибо.

И вот теперь оставалось досочинить концовку пьесы, как того хотел Барин: герой, попав в колонию, исправляется.

8

После того давнего разговора с Бариним в его кабинете, когда Иче, словно нечаянно выронил неожиданную и для себя мысль о Боге, она стала одной из любимых, над которой ему нравилось размышлять.

... Бога нет. Но он был. Он создал мир из себя. Он разрушил себя, чтобы создать мир. Бог первоначально был Творцом, а потом сам стал творением. Бога нет, но есть память о нем. Память о Боге и есть Бог...

Эта мысль, как и всякая другая, в конечном итоге, упиралась в безответный вопрос, что-то смешивала, но и многое теперь могла объяснить. Хотя бы Смерть и Жестокость. Если Бог отдал свою жизнь, чтобы были мы, то имеем ли мы тогда право плакаться о своей смертности?

Бог становился неподсудным.

Эта мысль, что-то высветляя в душе, одновременно приносила острое ощущение одиночества. И покинутости. Ты оставался одиноким, выброшенным в черный хаос мира, в эту мерзлую бездну.

И он, Иче, никогда не признававший Бога, теперь желал обрести его.

Самое заветное слово заключенного - воля. Ни к чему более так не, тянется его мысль, как к ней.

Он раздвоен, разодран: телом находится здесь, за глухим забором, а душой, перелетев на сотни километров, вершит на свободе какие-то свои оставленные дела: кто-то готовится к будущей мести, другой крадет ценности, третий любит и строит новую жизнь.

Всякому свое.

Но мысль о свободе живет в нем, как неутихающая бесконечная боль. И тем дороже всякая связь с той, отсеченной от тебя жизни.

А если тебе пишут, кажется, и время проходит легче: в ожидании от письма к письму. Как вехи на незримом этапе отмеренного тебе срока.

Радостно и больно получать письма в неволе. В первые минуты, когда видишь знакомый тебе почерк, охватывает тебя ликование, но когда оно прочитано, и несколько раз, настигает тоска: ты здесь, а близкий тебе человек далеко, вы разделены.

Обрубьпп жил в этом измерении времени: от одного письма Оксаны к другому.

Но полученное несколько дней назад изменило многое. Оксана писала, что она беременна, наверное, скоро родит. А не сообщала об этом потому, что боялась, что он, Иче, запретит иметь ребенка. Марк водил ее к какому-то известному врачу, у нее взяли анализы и сказали, что ребенок родится безо всяких отклонений, и скоро Иче станет отцом «хорошенького мальчишки». А то, что «мальчишка», показал аппарат.

Дочитывал он письмо с подрагивающими пальцами: он, обрубьш - отец!

Первой мыслью было с кем-то поделиться этой радостной новостью, но с кем? Виталием и Ноздрей? Бариным?

И он уже, кажется, неся к Виталию, держа в кармане руку с письмом, но поостыл, решив, что пусть пока никто не знает: ведь кому известно, сколько здесь придется перенести унижений, а отцу, пусть ребенок еще и совсем крошка, не подобает позорить его. Те унижения, которые могут выпасть на него, обрубьша, долю, недолжны пачкать чистое имя младенца.

И вспоминался последний прощальный день с Оксаной: он пьет шампанское с ее рук, а потом была раскидана постель, жаркое тело и красивое лицо, их одновременный вскрик, как знак гармонии слившихся тел.

Думая об этом, обрубьш знал: Оксана забеременела в тот день, когда все у них произошло одновременно.

Отец!...

В первые часы и в первые дни ему еще не верилось в это, он казался и сам себе ребенком.

Мысль об отцовстве забавляла, невольно высвечивая на лице непослушную улыбку.

И было множество вопросов: как назвать малыша, на кого он будет больше похож, каким, вырастет...

Но как бы там ни было, он вырастет, имея родителей, свой дом, хотя судьба его ребенка в чем-то повторяет его судьбу, сын вырастет свободным человеком.

Но ощутимей становилась боль от невозможности быть сейчас рядом с Оксаной.

В ожидании новых весточек из дома, в череде тревожных трудных лагерных дней накатило время первого спектакля. Колония, казалось, гудела, как далекая лавина: премьера!

Вечером клуб, одноэтажное здание, похожее на старинный длинный барак, набился шумливым, однообразно одетым людом.

Нетерпеливые взгляды тянулись к закрытому красному полотнищу занавеса. Заметное возбуждение делало эту коротко стриженную массу похожей на муравьиный копошащийся ком.

В переднем ряду важно расселось начальство, у стен и двери выстроились надзиратели.

- Шайбу! – кто-то выкрикнул из полутемного зала, и по рядам покатиł ершистый хохот.

- Ноздря, покажись! – возник еще один насмешливый выкрик.

Но вот по низким деревянным ступенькам на освещенную сцену поднялся сам Барин, стал перед едва заметно колышущимся занавесом, сцепив перед собой руки, щурясь от света, вгляделся в длинное нутро клуба.

Притихли.

Лишь в разных концах нервно скрипнули стулья.

- Сегодня у нас радостный день! - звучно начал подполковник, словно выступал на каком-то митинге красных. - У нас, здесь, в лесной северной глуши начинает жить наш собственный театр! - и он сам, артистично, приподнял раскрытые ладони.

Зал загромыхал. Брошенная кверху рука подполковника разом оборвала аплодисменты, крики «ура».

Барин заправски выдержал паузу и стал говорить красивые слова про искусство, воспитание, а, в общем, получилась ода в свой адрес.

Но вот он вернулся на свое место в центре первого ряда, через минуту медленно, гремя кольцами, раздвинулся занавес, и на сцене появился обрубьш.

- Даешь, Эзоп! - пытался кто-то подвеселить ряды, но на него тут же шикнули.

Пьеса пошла ...

Успех, казалось, больше всех достался женоподобному Ваське, который, переодетым в женское платье играл главную героиню.

Самая глубокая тишина стояла в сценке суда, когда Виталию, игравшему главную роль, то есть обрубьша, «суд» предоставил последнее слово.

Все было продумано так, словно и был настоящий зал суда. В глубине сцены за длинным столом расположились три судьи, впереди слева разместился прокурор, а сам заключенный, как полагается, сидел на скамье справа.

Зрители невольно становились соучастниками судебного заседания.

Виталий поднялся со своей длинной скамьи, красивый, с сильным голосом, он невольно вызывал симпатии.

С первых слов он заарканил поджавшийся, неподдельно сопереживающий зал:

- Меня обвиняют в убийстве воспитателя детского дома и спрашивают: признаю ли я свою вину, - он опустил голову, помолчал и снова поднял глаза: - В этой жизни одни люди наделены душой врача, другие - прокурора, третьи - палача и осведомителя.

Но в этой жизни часто все перевернуто: прокурор по профессии в душе вор, учитель - развратник, а врач - человеконенавистник и палач! - «подсудимый» снова выдержал паузу.

Зал в эти секунды походил на один полутемный приоткрытый рот, жадно ловивший слова Виталия:

- Сожалею ли я об убийстве этого воспитателя?.. Но воспитатель ли он или убийца, развративший не одну детскую душу?!

- Мужик, Виталька! - с жаром выкрикнули из задних рядов.

А «Виталька», кажется, вошел во вкус:

- Да, я сожалею о том, что мною пролита кровь! Но в том, что я уничтожил эту гадину, я не виню себя!

По рядам пошло нервное напряжение. И тут «подсудимый», стоявший до этого в профиль, развернулся к залу:

- Горько и другое! Преступника можно уничтожить, но зло уничтожить нельзя. Зло не уничтожимо! Оно, как воздух! - И тут в мертвенной тишине он негромко выдохнул: - Жаль!

Стояла долгая пауза: молчали и на сцене, затихли коротко стриженные и в полутемном зале.

И вдруг словно стала сходить лавина, громко, в азарте забили десятки ладоней, посыпались крики:

- Молодец, Виталька!

- Правду говорит!

- Ура Эзопу!

Досматривали пьесу с улыбками: здесь уже были знакомые картинки из жизни зоны, родное и узнаваемое, а тем более, и артисты сами точно играли свою жизнь.

Премьера, кажется, удалась. Доволен был и Барин: главный герой, честно отсидев, вышел на свободу обновленным человеком.

Под аплодисменты артисты выстроились на сцене, с краю, смущенно улыбаясь, стоял Иче. Впереди этой шеренги, как некий маэстро, выдавал свою заключительную речь подполковник Толстых.

Выждав, когда он закончит, Виталий ткнул в бок стоявшую рядом «главную героиню» Ваську: давай, мол, начинай.

Когда закончили хлопать Барину, Васька, выйдя на шаг из шеренги, кокетливо поправил на голове платочек:

- Гражданин начальник ... - зал загоготал.

Барин обернулся.

Васька нарочито стыдливо одернул платье:

- Вы сказали, что мы артисты. Так?

- Так, - посмеивался Толстых.

- А можно нам в поселковом клубе выступить?

Зал притих.

Барин на секунду задумался.

- Посмотрим, - коротко бросил он, но все поняли, что в «гастролях», по крайней мере не отказано.

Ноздря сжал кисть Виталию.

- Еще подожди, - тот едва заметно шевельнул губами.

- Все на, мази, - шепнул Ноздря. - Все на мази, братуха!

11

Барин не мог отказать своему тщеславию - блеснуть перед миром своим новым достижением, тем более

уже все в поселке, да и далеко вокруг слышали о эзковском театре подполковника Толстых.

Решено было дать спектакль в поселке. Виталий и Ноздря потихоньку торжествовали.

За день до выступления подбили, подремонтировали обувь. Можно было, бы раздобыть и новые башмаки, но решили лучше в старых, во всяком случае ноги, как в новых, не разобьешь.

А какой побег с разбитыми ногами?

Перед отбоем вместе с обрубьшем выкурили по сигарете.

- Ну как, на «гастроли»? - Ноздря свойски обнял коротыша за плечи и незаметно с усмешкой подмигнул Виталию.

- Гастроли... – с улыбкой кивнул Иче, не подозревая на какие, гастроли намекал Ноздря.

На следующий день после обеда к клубу подали грузовичок.

С шутками-прибаутками погрузили немудреный реквизит:

За всем наблюдали три конвоира с автоматами. Смотрели каждый ящик, прощупывали самую засухудалую, тряпицу.

Машина выехала из зоны и осталась ждать за воротами. Десятерых «артистов» еще раз прощупали на вахте и под автоматами тех же троих конвоиров они влезли в кузов грузовика. Сидели кто где: на ящиках, тряпках, скамейке.

Один из автоматчиков сел в кабину с шофером из вольнонаемных, и двое конвоиров разместились на длинной от борта к борту доске, заменявшей скамью.

Сидели автоматами к заключенным, спиной к кабине.

Синее июльское небо подрагивало над громыхавшим по укатанной дороге грузовиком. Первые минуты молчали, словно онемевшие от свободы, от бескрайней синевы, которая сейчас не была опутана колючей проволокой.

Хотя и под автоматами, но все-таки для десятерых одетых в черную «форменку» заключенных, это был пьянящий глоток свободы.

В полукилометре справа, за нескошенным лугом темнела глухая стена леса.

Кусок воли.

Хотя и раньше были эти дороги на туфовый карьер и на лесоповал, все же эта поездка особенная.

- Что, мужики пригорюнились? - возбужденно блеснули глаза Виталия. - Эзоп, а может, песенку наладим? Нашенскую, родимую, а? - И громко затянул есенинское: «Письмо к матери».

«Артисты» заулыбались и один за другим подхватили знакомую мелодию:

... Пишут мне, что ты тая тревогу,

Загрустила шибко обо мне,

Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне ...

Конвоиры - молодые еще парни - с улыбкой переглянулись.

А дружный хор, словно желая перекрыть натужный рев громыхающего по дороге грузовика, звучал все громче.

Пели, будто опьяненные.

Иче, подрагивая на ящике с реквизитом, тоже во всю силу горланил старую знакомую песню, старательно вытягивая высокие нотки, видел прощальный день с Оксаной, замирало сердце, словно сейчас билось под ним ее, жаркое тело и рядом вставала другая, тоже хмелящая мысль: он скоро - отец! И ощутимей казался конверт с письмом, лежавший в нагрудном кармане.

Ворота колонии словно долго бежали следом по пыльной дороге, будто пытались настичь и проглотить неумолимо убегавший грузовик. Но вместе с тем они заметно таяли.

В одно из мгновений Ноздря подмигнул Виталию: пора, и, достав сигареты, издалека предложил солдатам:

- Братухи! Угощаю!

Конвоиры отсутствующе молчали.

- Мои лучше! - приподнялся сидевший рядом Виталий.

- Да курите, ребятки! - вдруг неожиданно для всех с протянутыми сигаретами Ноздря пошел на конвоира.

- Сидеть! - Тот пригрозил автоматом, но через мгновенье оказался накрытым навалившимся на него заключенным.

Второй солдат кинулся было на выручку товарищу, но был сбит подскочившим Виталием. Автомат оказался у - Виталия в руках:

- Лежать! Лежать, падла! - процедил он. Солдат вытянулся на дне подрагивающего кузова. Второго конвоира бросили рядом.

Теперь у заключенных было по автомату.

Ноздря припал вперед к борту и сильно забил прикладом по крыше кабины.

Грузовик остановился. Открылась дверца со стороны конвоира, но тут же он вывалился из кабины оглушенный прикладом. Через секунду уже выпрыгнув из кузова, Ноздря стоял над распластавшимся на земле солдатом. Стащил с него автомат.

В кузове под командой Виталия пятеро заключенных, навалившись на конвоиров, вязали их.

Иче, словно не осознавал случившегося, потерянно стоял в конце кузова.

Связали и перетащили в кузов и третьего конвоира. Все произошло быстро, без единого выстрела.

Вдали тонкой, еле заметной полосой виднелся забор колонии. С вышек заметить все это не могли.

Пригрозив водителю, приказали ему продолжить езду не раньше, чем через час. Отобрали деньги, сняв с него гражданскую одежду.

В трусах и майке тот забился в угол кабины.

Выпотрошили карманы и у других.

Иче сидел за своим ящичке, обхватив руками свою большую голову.

Остальные заключенные, сбившись в кучку, вопрошающе стояли у борта, будто в ожидании команды Ноздри и Виталия.

Те их, кажется, уже и не замечали.

Ноздря стал над Обрубешем, толкнул дулом автомата в плечо.

Иче с ненавистью посмотрел на него.

Ноздря усмехнулся, кивнул в сторону заднего борта:

- Поднимайся. У нас будут свои «гастроли».

Иче отвел дуло автомата:

- Я не пойду.

- Не валяй дурака, Эзоп! - Ноздря снова ткнул в него автоматом:

- Давай, Эзоп, давай, если что, то ты все равно с нами повязан. Как сообщник. Ну! -Ноздря нарочито дружелюбно приподнял Иче за подмышки, столкнул к заднему борту.

Они бежали к лесу друг за другом: впереди Виталий, следом Иче и замыкал их Ноздря с автоматом напелес, нацеленным в спину обрубьппа.

Шелестела, цеплялась за, ноги высокая луговая трава затрудняла бег, словно так старалась удержать беглецов. Топали, временами оглядываясь, словно проверяя: есть ли уже погоня, или нет.

Но вот - первые белые стволы березняка, а через минуту лес полностью поглотил их фигуры.

Еще несколько минут, огибая деревья, они бежали в глубину, и, когда уже не стало за спиной просвета и лес плотно обступил со всех сторон, остановились перевести дух.

Обрубьпп, припав к стволу спиной, сполз к земле. Виталий и Ноздря сидели на завалившейся старой лиственнице, упершись руками о колени, тяжело дышали.

Три автомата с петлями ремней лежали в ногах. Ноздря повернулся лицом к Виталию. Долго, словно в чем-то объясняясь, смотрели друг другу в глаза.

И через мгновение по лесу покати́л резкий длинный крик: Ноздря, прыгнув со ствола, вскинув кверху кулак, бил им по воздуху, словно только что одолел заклётого, врага:

- Я-я-а!

А потом, чуть пригнув коленки, сотворив руками «хрен», ткнул вышяченным кулаком в ту сторону, откуда

они бежали и где сейчас на вышках стояли облапошенные вертухаи.

- А-а-а! - тыкал он скрещенными руками.

Виталий протянул к нему кисть, на которой справа налево черной змейкой пролегла наколка: «Не слишком радуйся!»

- Херня, братуха! - подпрыгивал от счастья Ноздря, и трещали под его ногами сухие сучья.

- Свобода! Свобода! - Они вдвоем вдруг посмотрели на сидевшего в основании дерева Иче. Облокотившись спиной о ствол, он привалился к нему головой. Лицо с закрытыми глазами казалось маской усталого, заснувшего человека. Ноздря с усмешкой подмигнул Виталию и для Иче бросил: .

- Не унывай, Эзоп!

- А у меня должен был сын родиться! - почему-то в прошедшем времени проронил Обрубьпп.

Подняв глаза, долгим взглядом смотрел куда-то сквозь глуповатую улыбку Ноздри. Свобода!

Виталий в упор взглянул на него со своего ствола, и они оба полевали друг друга открытыми взглядами.

Виталий прихлопнул себя по коленкам: - Ну харэ. - Достал из кармана карту и похожую на черную компактную пудру школьный компас.

Развернув вчетверо сложенную размерами с газетный лист карту, долго рассматривал ее. Пока он намечал направление, Ноздря опустился на землю рядом с Обрубьппем, боком к стволу. Их головы оказались рядом.

- Виталь, а надоть человека в курс дела ввести - окликнул он.

«Виталь», скользнув по их лицам невидящими глазами, будто и не слышал.

Ноздря хлопнул по вытянутой на земле ноге Иче:

- Эзопу доверить можно все! Он у нас, как могила, будет молчать! Да, Эзоп? - И он рассмеялся Иче в лицо, гоготал дико, с откровенной издевкой.

Обрубьши внутренне содрогнулся. От ударившей, хотя и неясной догадки, по хребту пополз животный страх.

Иче невольно поднялся.

- Ну все, двигаем в западном направлении! - как-то профессионально произнес Виталий, бросив ладонью вправо от себя.

Подхватили автоматы и - в прежнем порядке: впереди Виталий, за ним Иче и сзади Ноздря двинули по хмурому лесу.

12

Ноздря «доверил» Иче весь их с Виталием план. Это был дерзкий замысел ...

Виталий до колонии служил в ВВС, летал на бомбардировщиках. Жена его путалась с комполка, и однажды Виталий застал их.

В ярости он нанес ей больше десяти ножевых ран. Она умерла. Комполка успел уйти.

Виталий пошел на побег ради мести. Цель была добраться до своего бывшего аэродрома, захватив самолет, угнать его за кордон.

Ноздря бежал, чтобы просто бежать.

Вылжив это, он свойски хлопнул обрубьша по плечу:

- А тебя мы специально выбрали. Ты маленький ... может понадобится где-то пролезть ... А как самолет

возьмем - пожалуйста, возвращайся... Так что, не бойсь. А то ты, я гляжу, ты ни жив ни мертв. Держи хвост пистолетом. Эзоп! - и он хитро подмигнул ...

13

Без еды и питья они пробирались сквозь лес уже сутки.

Со страхом и надеждой одновременно оглядывались на малейший шорох: боялись погони, людского глаза и мечтали подстрелить хоть какую-нибудь зверушку.

Прежнего строя не придерживались, шли как выходило, и, хотя Иче уже не чувствовал за спиной дуло автомата, он знал: теперь он в двойной ловушке, ведь ему раскрыли весь план, и если бы он вдруг попробовал бежать, его бы просто-напросто пристрелили.

Придуманное Ноздрей, что его взяли на «вдруг понадобится» было шито белыми нитками.

Но тогда зачем? Зачем понадобился он, Иче? И холодела душа от слышанного на зоне: беглецы, если долго не могли найти еду, убивали одного из товарищей, пили его кровь и поедали.

Во вторую ночь он понял, что за ним все же следят.

Виталий и Ноздря спали по очереди, словно сменяли на посту один другого.

Теперь на него пала двойная нагрузка: не было еды, и он боялся заснуть.

Утром еле поднялся. Голова туманная, во рту сухо, распирает сильное нервное раздражение. Ему теперь тяжелее, чем этим двоим.

Но в кармане письмо от Оксаны ... «Отцом хорошего мальчишки» ...

Выжить! Он должен выжить!

Мысль о самоубийстве была отмечена, увиделось, как эти двое режут и жрут его мясо...

Стоять до последнего!

Но где взять силы? Если б только без еды. Но ведь и без сна.

Прошедшая ночь была, наверное, самой тяжелой. и страшной в его жизни, утро, казалось, не наступит никогда.

Все время хочется пить.

Мозг стал похож на какой-то аппарат, который проигрывает кассету с одними и теми же беспорядочно записанными фразами, обрывками фраз.

Перед глазами маячат две фигуры в черной робе. Ноздря и Виталий.

Ремни цепляются за кусты, какие-то сучья, и снова авкуют по земле. На старой сгнившей листве от прикладов остается след.

Ремни цепляются за кусты, какие-то сучья, и снова автоматы свисают с плеч.

Один из троих автоматов выброшен. Но почему его не дали ему, Иче?

... Какой смысл держаться до последнего? Все равно убьют ... Религия истощенного человека. А это могло бы помочь. Не испытай ничего, пережить все. И тогда уже ничего не страшно ... Испытать счастье отцовства не увидев сына, все то, что в человеческом понятии не имеет смерти, сильнее человека.

В ногах все большая слабость, и сковывает животный страх. Но нужно идти.

Он видит, как оборачивается на него Ноздря и что-то выразительно говорит Виталию. Тот качнул головой.

... Беглецы...

Человека нельзя освобождать внешне больше, чем он свободен внутренне.

Вот эти двое... Ноздря... Разве был он когда-нибудь свободен? Виталий, наверное, был...

Пошли четвертые сутки. Без еды и сна! Все! Нет сил! Надо привалиться к стволу. Хотя бы на минуту. Отдохнуть.

Вот тело припало к шершавой лиственнице, на секунду стало хорошо, словно с плеч свалилась тяжесть. Но сразу же свои лапища раскрыл сон.

Пусть убивают! Пусть рвут на куски его мясо, но дальше он уже не пойдет.

Иче сел на землю, привалился к стволу дерева. Закрыв глаза. Очнулся от боли в голове: Ноздря, вцепившись в его волосы, несколько раз рванул на себя:

- Сдох что ли, Эзо-оп? - и криво усмехнулся.

Сели напротив. Впивались в глаза. Но теперь ему, казалось, уже ничего не страшно.

- Слышь, профессор, - вдруг начал Ноздря с ухмылкой. - А что это за словечки, которые весь мир могут трахнуть?

«Я знаю мысль, которая всех человеков сразу делает смехотворными шутами. Всех. Но эту мысль говорить вслух нельзя... Это страшная мысль... Если человек заговорит об этом вслух, мир за одну секунду утонет в грязи. Захлебнутся в этой мысли, как в блевотине... » - вспомнилось Иче.

Он посмотрел на Ноздю, который, казалось, посмеивался над ним, но на самом деле ждал откровенного ответа.

- Маленьким нельзя... - в тон ему с ухмылкой ответил обрубьш.

- А если я тебя сейчас пришью?! - Тот ткнул дулом автомата в его горло.

Иче равнодушно отвел от себя прохладный ствол, глаза убежали вдаль. И потом, будто вместо ответа, достал из кармана сложенный пополам конверт, раскрыл двойной тетрадный листок, нашел строчки о том, что у него родится «хороший мальчишка», улыбнулся.

И ему вдруг показалось, что его улыбка сейчас походила на улыбку седобородого старца.

Ноздря затормошил Иче за плечо:

- Эй ты! - Но тот, словно потеряв сознание, ничего не слышал, лишь ниже сполз по стволу к земле.

- Выключился сука, - Ноздря стоял перед ним на одной коленке.

Макушки деревьев сходилисьверху, словно заглядывая вниз, рассматривали трех беглецов.

Ноздря пристально глянул на Виталия:

- Надо кончать!

Тот ничего не ответил, поднялся.

Ноздря посмотрел на обрубьша: заросшее щетиной ЛИЦО было усталым, но спокойным.

Ноздря вытащил из кармана складной нож. Блеснуло лезвие.

Снизу, с коленки, посмотрел на Виталия вверх:

- Запороть или сразу по венам?

Виталий долго всматривался в лицо Иче, тот по-прежнему сидел на земле, привалившись головой к стволу, с клонувшим в грудь подбородком.

Вопроса Ноздри как будто не слышал.

Тот вытер о свой рукав лезвие ножа, опустившись на обе коленки, удобнее устроился возле руки Иче.

Виталий сверху наблюдал за ним: вот Ноздря перехватил руку Обрубьша повыше запястья, приподнял ее. Письмо, оставшись в ней, свисло белым лоскутом. Вот Ноздря поелозил устраиваясь поудобней, вот он занес над запястьем Иче нож, а письмо свисало с руки.

Ноздря сбросил его в сторону, оно, скользнув, легло в ногах Виталия; и вот он снова чуть склонился над рукой обрубьша, снова занес нож и уже готов был полоснуть по венам, но в то же мгновение клацнул затвор, и по лесу раскатился сухой треск короткой автоматной очереди.

Ноздря завалился на бок, скрючившись, застыл.

14

Иче не знал, сколько времени проспал он, а проснулся от укусов комаров и страха от мысли, что он убит, и его тело разорвали на куски.

Потом он не раз вспоминал это страшное и странное чувство: живому тебе вдруг кажется, что тебя убили.

Приподнявшись, он вдруг почувствовал, что уперся ладонью о чью-то голову. Рядом лежал Ноздря. Виталия не было. Сразу же мелькнуло: уходить.

Иче быстро отнял руку, голова Ноздри чуть заметно качнулась и осталась в прежней позе: одной половиной лица кверху, другой прижатой к земле. И

только, минуту спустя по неподвижному профилю и остекленевшим глазам Иче вдруг понял: Ноздря мертв.

На робе зияли рваные окровавленные дыры.

Рядом с Ноздрей валялся автомат. Иче снова поискал глазами, всматривался в стволы деревьев, но Виталия не было. Вокруг стоял немой покинутый лес.

Радостно толкнуло в сердце: уходить!

Подобрав письмо, он припомнил направление откуда они шли и с внезапно появившимися силами стал уходить в сторону колонии. И боялся радоваться. Свобода!

Но скоро это ликование приглушилось, исчезло вовсе, и его место заняли жажда и голод.

Но теперь он должен был выжить во что бы то ни стало. Ради его будущего малыша, ради Оксаны.

И он снова шел, делая небольшие переходы, валился на землю.

В какие-то мгновенья, словно вспышка света, ясно, и, казалось, как никогда раньше, работало сознание. Мысль текла зримо, словно обретя плоть, скользила, как лодка по морю.

Что была его жизнь? Покинутость? Неудачи? Отчаяние? Потеря свободы?

Но свобода - в сознании.

Свобода ничто иное как противостояние злу.

Выжить!

За все время: не было ни капли дождя. Летнее небо виднелось сквозь густые кроны синими осколками. Словно расколота чаша.

Хотя бы глоток воды ...

И, кажется, исчерпаны последние силы. Падая, Иче казалось, что уж не поднимется никогда, но снова поднимался и пробирался сквозь враждебный лес.

Он, кажется, забыл, как звучит человеческий голос и сам бы не смог выговорить и слова; пересох рот и одеревенел язык.

Но надо выжить!

Первые просветы показались фантомами. И еще долгие, метры ему не верилось, что лес позади.

Вышел он прямо колонию. Если вышки часовых, когда бежали они, были далеко в стороне, то теперь они высились в полукилометре напротив.

Только спелый луг отделял его от заборов с колючей проволокой.

Возвращение.

Ему вдруг увиделись руки врача, поднявшие только что родившегося младенца и отчего-то вспомнился безумный хохот Власа.

Бессильно опустившись на колени, Иче долго смотрел на вышки часовых, к которым так долго шел и, кажется, впервые в жизни заплакал...

... Наверное, он был счастлив...

Ц А Р И Ц А И З Р А И Л Ь С К А Я

(роман)

ПЕЧАТЬ САТАНЫ.

/часть первая/

...Ури вышел из медитации. Крепкий старец, похожий на древнееврейского пророка, единым взглядом увидел всю комнату. Как и всегда, после выхода из получасового погружения, все казалось более чистым, хорошо выписанным, словно по-новому освещенным.

Дом старца, выложенный из камня, состоял из одной большой комнаты, обставленной самым необходимым: прямоугольный дубовый стол и несколько стульев, низкая деревянная кровать, шкаф, две полки на стене. На одной из них стояло три-четыре книги, одна пухлая тетрадь, на второй-лампадка с двумя-тремя маленькими склянками, и меж двух ее светлых окон сушилась трава для разных снадобий.

В торцевую стену был встроен большой, всегда готовый к огню, камин... И в дальнем от камина углу стоял деревянный сундучок, покрытый белым покрывалом. Над сундуком висело ружье.

На одной из стен висела картина-самая большая ценность Ури. Она была небольшой, но лучилась необычным серебристым цветом от Дерева в центре ее.

...Ури поднялся с низкой табуретки, подправив борта опоясанного кожаным ремнем хитона, легко пошел к двери. Под его мягким шагом едва слышно скрипнули выдраенные до блеска половицы.

Ури вышел на крыльцо. Вечерний горизонт полыхал ярко-алым закатом.

Старец глубоко вдохнул, в легкие потекла расслабляющая свежесть: в нескольких шагах от дома тихо плескалась в зеленых берегах спокойная река Змейка.

По ту сторону реки, до самого горизонта, раскинулась долина с большими золотистыми полянами и сочным лесом: владения Ури- Долина Призванного.

Старец прошел в сад, взглядом довольного хозяина осмотрел его: пять-шесть молодых яблонь донашивали свои налитые соком плоды, по обеим сторонам извилистой, выложенной камнями дорожки разбежались невысокие черешни, в глубине-молодой орешник раскидал по сторонам упругие ветви.

На душе уютно. Старец поднял к небу спокойные черные глаза: все то же закатное солнце горело под легкой синевой, одинокий ястреб, высмотрев добычу, стремительно сорвался вниз. Везде шла жизнь: и в небесах, и под землей, как наверное, сейчас под его башмаком, в земле, шевелится какой-нибудь червь. Всегда и везде жизнь.

За спиной мягко зашуршала трава. Повиливая хвостом, в ноги Ури ткнулся ягуар- величественная кошка с ярко-желтой, с черными пятнами, шерстью.

...Старец подобрал его, когда тот был еще совсем котенком, заботливо выходил, и теперь это была преданная ему, царственная кошка-Гром.

Ури с любовью легко потрепал ее ворсистое ухо. Ягуар тут же заурчал и попытался поймать на клыки руку хозяина. Старец позволил эту игру, крепкие пальцы заплясали меж острых клыков в теплой и влажной пасти.

-Ну что, солдат, думал - старый Ури ушел в медитацию и заснул... Да вот не заснул. Крепок твой старикан.- Он пригладил кошку. Ягуар, прикрыв глаза, блаженно урчал под ласковой рукой хозяина.

-Ладно пошли...-Ури вышел на каменистую тропинку. Рядом, степенно повиливая хвостом, мягко вышагивал Гром...

...Много неизвестного таила в себе Долина Призванного, и самой желанной была тайна Дерева Струящейся Воды.

Ури немногих посвящал в нее, но кому доверил, тот мог видеть завораживающую картину: высокий стройный ствол из струящейся воды, выходя из земли, достигал самых небес, и там его крона растекалась по сторонам, как огромное прозрачное облако.

И где бы ты ни был, стоило тебе вызвать ее - перед тобой открывалась эта захватывающая картина: середине мира искрилось прозрачное величественное Дерево.

А испив из него несколько божественных капель, ты мог познать Таинство Возможного...

...Ури стал перед домом, повернулся лицом к Стране Храма. В руках - медная сверкающая ступа, наполненная водой. Старец веером-вверх выплеснул всю воду, начертил в воздухе невидимый знак, негромко пропел несколько слов, и перед ним, как в центре мира, заискрилось величественное Дерево Струящейся Воды.

...Старик бросил руками к небесам, глаза его замерли на огромной Струящейся Кроне, и в тишину Долины вступил его молитвенно-властный голос:

-О Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарен и да будет неизбывна сила Твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными
Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Созна-
ния!

Пусть явится твое знамение, Господи!

...В какое-то мгновение на огромном прозрачном
Стволе, как на экране, возник силуэт девятнадцатилетней
девушки. В белых легких одеждах она завораживающе-
мягко переходила от движения к движению. Вот плечо
плавно пошло в сторону, руки медленно растеклись в
полукруг. Древний воинский танец одновременно и
захватывал, и успокаивал... На груди девушки горела
золотая цепочка с шестиконечной звездой... и вдруг в ее
руке возник сверкающий меч...

«...Хаймалка!-посльппалось имя старцу.-Хай-
малка!»

Через мгновение силуэт растворился в Сверкаю-
щем Стволе, Дерево расстало в воздухе.

Старик на секунду прикрыл глаза, глубоко выдох-
нул.

Стоявший у ноги ягуар, словно подавая знак о себе,
ткнулся мордой в колено.

Ури похлопал по мягкому загривку кошки:

-Примем гостью, Гром?

Тот помел по траве пушистым длинным хвостом.

-Значит примем...- в раздумье произнес старец.- В
Долине Вражды грядут перемены...

...Исток-Улыбка-Знак-Предвосхищенье
Непостижимых Таинств Красоты...
Мистическая Тайна Превращений
Бессмысленной Великой Пустоты...

...Год две тысячи Z...

Город Большого Камня был довольно большим и сам походил на степенного горожанина, который прочно стоит на своих двух, имеет стабильный бизнес, добропорядочных соседей и хорошую крепкую семью.

Говорили, что свое название он получил от самой старой городской синагоги – Бэт-Эль/Дом Бога/, а вернее – от огромного камня, ставшего в ее основании.

Еще пару столетий назад, когда евреи осваивали эти места, первые поселенцы решили поставить в этом месте свою первую синагогу.

Поначалу камень попробовали выкорчевать, но он не поддавался, подступались и так, и сяк, но не смогли даже сдвинуть с места. Тогда евреи загадали - на счастье сделать валун углом фундамента: как бы Богом подаренное прочное основание.

Синагогу построили, а про камень со временем позабыли. Но название все же прилепилось, и так и пошло: Большой Камень, Город Большого Камня...

Другой его легендой был местный Университет.

Поговаривали, что здесь проводились какие-то тайные опыты, а каждый уважающий себя горожанин, как некий пароль, приберегал про себя уважительные понятия -«биоэнергоинформатика» «психотронное оружие»!

Даром, что с год назад здесь проводилась мировая, наделавшая много шума, конференция.

Некоторое время после нее горожане чувствовали себя членами некоей тайной секты и с особой заботой

рассуждали об ужасном количестве «зомбированных психотронными генераторами».

Но через месяц-другой страшные подозрения позабылись, и город снова зажил своей степенной жизнью: «генераторы-генераторами», но, кроме них, существовало кое-что и еще...

Правда, никто не отменял и университетской жизни: занятия, «тайные опыты», конференции.

На этот раз нагрянул Съезд молодых лидеров.

Страстная надежда планеты жаждала власти, чтоб, наконец, освободившись от оков старой цивилизации, воцарить на троне Мир и Благоденствие!

Гостей и участников собралось более ста человек. Будущие творцы человеческих судеб светскими львами прохаживались по огромному холлу конференц-зала, роскошно одетая прислуга подавала разнообразные напитки и фрукты, щелкали фотоаппараты, поблескивали голодные глаза телекамер.

Лица будущих премьер-министров, госсекретарей, президентов излучали вселенскую любовь.

В какой-то момент над головами вдруг взвился транспарант «Израиль агрессор» и враз изменившаяся толпа, словно услышав магическое заклинание, на мгновение замерла и вдруг закипела дружным негодованием:

-Агрессор!

-Агрессор!

Особенным рвением истекала группа из молодых людей в кипах и по-особенному злобно горели их «человеколюбивые» глаза.

Дружно заработали телекамеры. Одна из них «наехала» на мужчину лет сорока пяти в черном джинсовом костюме:

Репортер: Мы беседуем с известным журналистом Хадисом Хараном...(журналисту): Ваши первые впечатления?..

Хадис: То, что я и предполагал. Посмотрите, как этот, заплескавшийся над головами будущих царей и их гостей транспарант, из торжественных, полных вселенской любви лиц в долю секунды сотворил жадную до ненависти толпу!

Но более всего ужасает отношение ко всему этому сытой еврейской либеральной молодежи!-и он кивнул на парней в кипах.- Еще более отвратительно отношение ко всему этому еврейского самодовольного истэблшмента, позабывшего страшные ужасы концлагерей и озабоченного только одним- своим благополучием.

Сегодня, когда Израиль залит кровью ни в чем не повинных детей, на деньги холеных еврейских буржуа содержатся университеты, где нагло ведется юдофобская пропаганда.

Репортер (торопливо): Спасибо... А сейчас я хотела бы представить наших новых героев: это- профессор Университета, известный в нашей стране биофизик и его студенты.

Репортер: представьтесь, пожалуйста.

Студентка: Меня зовут Джульетта. Я еврейка, но считаю себя гражданкой мира. Я учусь в этом Университете. Мечтаю стать преподавателем.... (улыбаясь, посмотрела на стоявшего рядом парня) Мы с Абасом-друзья.

Студент: - Я-Абас...-и усмехнулся.-Я не еврей. Я с Джульетой –хороший друг. Это ничего, что она еврейка. Она зато левая, либералка. А еврейские либералы, как и весь мир, тоже наши друзья. Они все всегда говорят, что Израиль агрессор.

Профессор: Я счастлив, что мне довелось преподавать в этом прекрасном учебном заведении. У нас дружная многонациональная семья, и этим можно только погордиться! В свою очередь я считаю, что это подарок судьбы, что я учу детей многих национальностей.

Репортер (Абасу и Джульетте): Вы собираетесь в дальнейшем связать свою судьбу?

Абас (насмешливо-удивленно): Вы что, хотите, чтоб Абас женился на еврейке?!

Джульета (как ни в чем не бывало): Да нет, мы просто однокурсники...

Репортер (профессору): А как бы Вы посмотрели на брак своей дочери с иноверцем, если бы встал об этом вопрос? Кстати, ваша дочь-тоже студентка вашего Университета?

Профессор: Апостол Павел, которого вы, конечно же, знаете, сказал: «Нет ни иудея, ни римлянина...». Мы все –дети одной земли... Какая разница, еврей ты или мусульманин, или христианин?... Я не скрываю, что я еврей, но я- либерал, космополит... Что касается моей дочери, я, надеюсь, что всегда смогу уважать ее выбор. Хотя, честно сказать, у нее несколько иные взгляды...- профессор посмотрел поверх голов и, видно, найдя того, кого искал, зазывающе помахал рукой:-Хаймалка! –и пока она подходила, продолжил:-Хаймалка по духу патриотка еврейства. Мы заметили одну вещь: когда ей было всего года два, стоило ей увидеть древне-еврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное. А вот и она (профессор нежно обнял дочь).

Репортер (с улыбкой): Здравствуйте, Хаймалка, а про Вас мы уже кое-что знаем...

Хаймалка: Я могу добавить и еще кое-что...

Репортер: Вот и отлично. Скажите, как влияют на ваши с отцом отношения различные ваши позиции.

Хаймалка (с улыбкой глянув на отца и вдруг посерьезнев): Я считаю, что при такой звериной ненависти всего мира к одному маленькому еврейскому народу самая большая угроза для евреев исходит именно от еврейских левых-либералов... Но мой папа, хотя и говорит, что он либерал, он просто очень добрый и не хочет видеть негативных, как он говорит, вещей...

Репортер (кивнув глазами на цепочку с шестиконечной звездой на груди Хаймалки): Нужно ли иметь мужество, чтоб носить этот еврейский символ?

Хаймалка: Да, нужно. Сегодня почти все университеты Запада захлестнула ненависть к евреям. А сами студенты-евреи, как во времена фашистов, боятся показать, что они евреи, боятся заступиться за себя. Руди Джулиани как-то сказал: «Быть евреем и быть другом евреев, значит быть мужественным...». И я горжусь, что у евреев есть такие друзья и что судьба мне подарила самый огромный подарок-возможность быть еврейкой.-Хаймалка безлично скользнула по лицам Джульетты и Абаса.

Репортер: Я вижу, что участники стекаются в зал. Спасибо за беседу. Надеюсь, мы продолжим наш разговор. Удачи!..

Конференция проходила деловито и страстно: молодость планеты жаждала, чтоб «взрослые» отстранились от всех дел и дали новоявленным королям возможность решать, что есть ценность, а что-нет.

И все время в воздухе витало некое... ожидание.

И вот сбылось: к микрофону подошел студент-израильтянин. И снова, еще секунду назад любвеобильный зал в мгновение превратился в закипевшую злобную массу. В зале поднялся шум, посыпались насмешки, нервные выкрики. Израильтянину не давали говорить, захлопывали.

Отец Хаймалки, сидевший в президиуме, вдруг резко поднявшись, гневно посмотрел на затравленного израильтянина и с пафосом швырнул ему:

- А ты хотел бы, чтобы тебя вышвырнули из твоего дома?!

Поднялась новая волна злобных выкриков, а кто-то ринулся на сцену стаскивать израильтянина с трибуны.

Через какое-то время появились неторопливо выпшагивавшие полицейские, самозванцев успокоили, но взбунтовавшийся зал все еще кипел от ненависти, и чем больше эта масса осознавала, что ее внутренняя жажда расправы сейчас не выполнима, тем больше она распалялась.

Тогда, неожиданно для всех, по ступенькам на сцену вбежал Хадис. Подойдя к потерявшемуся совсем у микрофона студенту-израильтянину, дружески похлопал его по плечу, поднял ладонь.

Отчего-то: то ли шокированный и не ожидавший такого исхода, а вернее противодействия к себе, озверевший зал затих.

- Меня зовут Хадис Харан,- в наступившей тишине отчетливо прозвучал его голос .-Я журналист. Я-араб. Я такой же, как вы любите говорить, гражданин Вселенной. Я хотел бы понять боль любого человека земли. Но больше всего я хотел бы понять боль еврейских матерей, чьи дети разорваны изуверами-террористами.

В зале стал подниматься шум.

-Я не еврей, но мне противна эта зверино-исступленная ненависть всего мира к одному маленькому народу.

Шум в зале перерос в выкрики и угрозы:

- Долой!

- Продажная шкура!

- Убрать его!

Председательствующий подошел к Хадису, отвел от него микрофон.

- Я внесен в списки выступающих! Вы не имеете права срывать мое выступление!-Хадис повернул микрофон к себе, но на сцену уже поднялись полицейские. Увидев, как за их спинами засветился глаз кинокамеры, Хадис оставил трибуну и пошел на камеру:

Конфликт между израильтянами и арабами сводят к вопросу о земле. Но мусульманский мир занимает территории в тысячи раз превышающие территорию крохотного Израиля! Вдумайтесь- в тысячи раз! Это вопрос земли?! Нет-это вопрос ненависти! А этот, надуманный, «палестинский народ», которого никогда в истории не существовало-это новое оружие, которое, так называемая «мировая общественность», придумала для уничтожения Израиля.

В то время, когда евреи дают работу так называемым, «палестинцам», а в еврейских университетах на равных учатся «палестинские» юноши и девушки, в «палестинских» же домах с молоком матери прививают настоящую звериную ненависть к тем, кто кормит их и обучает!

Хадис медленно шел вдоль стены мимо надвинувшегося на него зала:

- Арабо-израильский конфликт есть только конфликт двух цивилизаций... Люди и звериная ненависть: вот истоки этого конфликта!

Сегодня даже каждый начинающий психолог знает: этот конфликт не разрешим! И он будет длиться до тех пор, пока одна из сторон не истечет кровью и не погибнет!

- Израильская шестерка!-студент в кипе плеснул было в лицо Хадису какой-то жидкостью, но сбоку оказалась Хаймалка и сбила стакан на пол.

- Бей жидовку!-бросил кто-то в разгоряченную толпу.

Произошедшее дальше оказалось тем финалом, которого так внутренне жаждала агрессивная толпа: Хадис был сбит с ног, женская рука сорвала с Хаймалки цепочку со шестиконечной звездой и швырнула ее под чьи-то сапоги.

Страшное месиво озверевшей толпы в мгновение взяло Хаймалку в плотное кольцо, сбilo на пол...

...Вместо любви-ненависть...

Вместо мира – война...

Вместо любви-проклятье...

Вместо Храма – Счтена...

..По комнате растекался мягкий свет ночника, заботливо стараясь быть в стороне от кровати Хаймалки, словно боясь коснуться ее подраненного тела.

Из госпиталя, почти к полуночи, ее привезли домой и теперь, после всевозможных блокад, она спала, положив поверх подушек уставшую, подернутую синяками, руку.

...В приоткрытую дверь заглянула мать. Лия всматривалась в осунувшееся лицо дочери, пытаясь вслушаться в ее дыхание.

С трудом сдержав рвущийся из горла плач, вернулась в зал. Приглушенный свет ночника выхватывал из полумрака сгорбленную фигуру отца Хаймалки-пятидесятилетнего профессора.

Майкл сидел на краю дивана, опершись локтями о колени и подперев кулаками лицо.

Лия села рядом, неслышно плача, утерла глаза. Сжала кулак, из которого вытекла золотая цепочка с шестиконечной звездой.

Они долго молчали-две затихшие на диване фигуры.

Конец золотой цепочки, вытекшей из руки Лии смутно блеснул в полумраке.

Лия перевела глаза на стоявший напротив сервант: за стеклом, на одной из полок, в каком-то немом ожидании, замерли серебряный семисвечник и рядом небольшая, с ладонь, икона. За ними темнели корешки нескольких книг. Среди них были сувенирные издания Библии и Корана.

Лия, зажав ладонью рот, сопротивляясь накатившей волне плача, словно продираясь сквозь удушье, с каким-то упреком и ненавистью, проговорила:

- Это ты все сделал! Ты и такие же трусливые евреи, как ты! Где они, ваши так называемые ценности?! Где?! Либералы поганые! Это все –вы! Вместо того,

чтобы уничтожать эту мразь, вы обучаете их, оплачиваете их университеты! А вместо благодарности- кровь моей дочери?! Вам не ценности нужны! Вы просто трусы! Вы покупаете свое благополучие, свою поганую безопасность ценой детской еврейской крови!

- Замолчи!-едва сдерживаясь, выдавил Майкл.

- Это я должна молчать?! Ты подставляешь звериной толпе единственную дочь, а я должна молчать? Убираться! Я не хочу тебя видеть! Вон отсюда!.. Сопливое ничтожество! Убирайся!

Майкл, словно обмякнув, опустил плечи, бросил к полу глаза.

Мгновение, другое... он поднялся и выпел из зала.

Лия в безмолвном плаче ткнулась лицом в ладони. Меж пальцев стекла золотая цепочка и шестиконечная звездочка.

...Это был обыкновенный домик, каких тысячи на улицах Большого Камня, плотно прилепившийся к соседнему, похожий на скворечник, с круглым окошком под самой крышей. Он ничем бы не выделялся среди других, если б в часы намаза из его окон не вырывалось неожиданное и чуждое для западных горожан, протяжное «...аллах акбар...».

И только тогда глаза прохожего невольно находили черную вывеску с белой паутиной арабского шрифта, да у входа, тут же на ступеньках, выстроенный ряд «разношерстной» обуви.

Эта была одна из десятков мечетей, разбросанных по всему Большому Камню.

Молебный зал ее начинался сразу от дверей-это было свободное от всякой мебели пространство с рядами разноцветных ковриков на полу...

...Шло время дневного намаза. Имам Идрис, мужчина сорока пяти лет, в чалме, с аккуратно-стриженной бородой, в черном сверкающем халате, вел молитву. Гор-танный звук его голоса, медленно повышаясь, обрывался и накатывал снова, подобно долгой укачивающей волне.

Глаза Идриса, обращенные вглубь себя, казалось, не видевшие ничего вокруг, на самом деле замечали каждый поклон, каждое лишнее движение: разные люди посещали мечеть, каждый приносил в эти стены свое, но главное, они все были его преданными последователями, его, пусть, пока еще маленьким войском, но которому в скором времени суждено перерасти в оромные армии. Перерасти и захватить мир. А точнее, привести этот гряз-ный людской мир под знамена новой великой идеологии-неоисламизма.

Единый мир-единая религия! А он, Идрис, начина-тель этого нового мировоззрения, за которым пойдет все это мировое ничтожное людье.

Главное-знать это самое людье. Но и в этом отно-шении у него, имама Идриса, как раз все в порядке: за плечами- лучшие западные школы психологии и психо-терапии.

С чего начался этот интерес он, кажется, уже и не помнил, но это было, как наваждение: если психология по-настоящему затопила все твое существо и у тебя есть деньги, тебя закрутит по всему белу свету: только бы по-настоящему соприкоснуться с той Божественной тайной, что называется СОЗНАНИЕ и МОЗГ. Именно она, эта тайна, как ничто другое, манила к себе, порою, как каза-

лось, подпускала к себе настолько близко, что чудилось: вот-вот нечто взорвется, разлетится на миллион кусков и перед тобой, как храм, откроется эта единственная вещь, ради чего стоит жить: тайна сознания и мозга...

Так Идрис оказался в Большом Камне, приобрел дом, открыл в нем частную практику врача-психотерапевта.

Через какое-то время соседи стали продавать свой дом; что-то подсказало Идрису купить его и перестроить под мечеть..

Так и сделал. Как-то быстро сколотилась небольшая община (может, потому, что он был врачом, но, может, отчего-то и еще) но люди пошли, и это было началом.

....Закончив молебен, Идрис прошел к себе в дом, в который он мог войти прямо из мечети: благо здания стояли стена к стене.

На Идрисе великолепный темный халат. Лениво вытянув ноги, он сидит на диване в своем доме.

Перед ним на низком квадратном столике-голубая пиалка и заварной фаянсовый чайник с зеленым чаем.

Идрис, смакуя, потягивает чай, закатывая вверх маслянистые глаза. Появились мысли о приближавшемся еврейском празднике Дарения Торы. Затянула жажда увидеть его затопленным в крови.

...Ненависть к евреям... Он поймал себя на этом, но по давней привычке не отступать ни перед какой мыслью, занялся ею. Эта была странная и, кажется, необ-

ходимая ненависть. Имело ли значение, откуда она? Она жила в нем и все!

Она была такой же неотъемлемой частью его существа, как сердце, мозг, руки. А что питало ее-какое это имело значение?!

Она могла быть привита с самого рождения, могла просто течь по его жилам еще в материнской утробе, могла стекать еще с времен праотцев. Но все же в глубине души он знал, что эта была неистребимая ревность к тому, что евреи обладали той тайной Божественного, которая так манила его к себе всю жизнь.

Что-то случилось в горах древней Палестины-Мория и Синае. Именно там, в том пространстве свершился какой-то прорыв к надчеловеческому, и там нить контакта с Божественным залегла в иудейское существо.

Но почему именно они-эти евреи?! Эта мысль, возникнув много лет назад, раздавила душу, как каменная глыба может раздавить человеческую плоть.

Еврейский мозг, продираясь сквозь злобу времени, затаил в себе знание трансцендентного, и Бог являет тайну через них-евреев.

Но если человек может Все, то, значит, и можно вырвать эту тайну из бесовской еврейской души!.. Только надо знать, как говорить с Богом... надо знать язык, на котором говорит Творец! Нужно уметь заинтересовать Всемогущего! А это возможно! И он фанатично верил: Всевышнего можно заинтересовать! Только нужно и можно научиться этому! Хоть у самого Сатаны, но научиться!

Идрису услышалось, как отчетливо прозвучало в мозгу «Сатана», но может, он невольно произнес его вслух...

...Идрис сидит перед зеркалами: истинный эмир! На нем атласный королевский халат, на пальцах массивные сверкающие перстни. Вокруг Идриса суетится прислуга: полуобнаженные наложницы, повиливая ладно сбитыми бедрами, выются вокруг, примеряя то одну, то другую чалму. Наконец, выбрана темно-коричневая, и те же темноокие гурии усаживают Идриса на королевский трон, услужливо подправляя полы его халата.

Но вот в какой-то момент чьи-то руки столкнули к трону черную мохнатую фигуру, и у его подножия упал на колени Дьявол. Он медленно поднял от пола козлиную губастую морду, вопросительно снизу-вверх посмотрел на Идриса и, поднявшись, отвесил глубокий поклон:

- К твоим услугам, о Великий!..

- Разве я тебя звал?!-с полугрозой спросил Идрис.

- Я умею быть с теми, кому нужна помощь...- уклончиво ответил Дьявол.

- ...Мне нужна помощь Сатаны?!...-Идрис подпустил в голос гнева.

- Помощь Знающего...

- Ты –знающий?!-усмехнулся Идрис.

- Я- тот Единственный, кто говорит «Нет!», когда Бог говорит-«Да!». Я -тот Единственный, который говорит «Должен!», когда Бог говорит-«Не смей!». Я- тот Единственный, который говорит «Жизнь!», когда Бог говорит-«Смерть!»

- Не слишком ли... для обыкновенного... рогатого...

- Все может быть... Но только, чтоб заинтересовать Бога, прежде нужно заинтересовать Дьявола!

Идрис посмотрел на него длинным, пристальным взглядом.

Сатана присел на ступеньку перед троном и уже тоном торгаша продолжил:

- Если ты решил покопаться в тайне еврея, то мы можем на короткий срок подружиться!

- А почему на короткий?-усмехнулся Идрис.

- Ну, ты же знаешь, Светлейший: если я скажу на «длинный», то и получится на... короткий...

- Ты ко всему еще и наглец!.. Но говори: чего ты хочешь взамен?

- Но я тебе это уже сказал... Минуту назад...

Идрис на секунду задумался.

«Если Бога нужно познавать через Дьявола...»-внутренне усмехнулся он и вслух поддел:

-Ну что ж, «...умеющий быть...»- «...на короткий... так на короткий...».

Сатана, словно давно уже знал итоги этой сделки, в секунду оказался сбоку Идриса, острым длинным когтем надорвал над его плечом халат и прижал к оголившемуся плечу раскаленную печать.

Кожа задымила, Идрис, закричав от боли, обнажил выросшие в секунду клыки, и бросился на Сатану, но на его месте оказалась пустая клетка, железные прутья которой тут же с грохотом опустились.

Идрис знал, что теперь он крыса и разъяренно впился в решетку.

Откуда-то на золотой трон полилась нефть, Сатана поднял над рогатой головой зажженный факел и швырнул на залитый нефтью трон. Вспыхнувшее пламя, подобно красной тигрице, метнулось в лицо крысы. Та издала мерзкий дьявольский визг, вжалась в стенку клетки, но языки огня уже пожирали ее...

...Идрис открыл глаза: жена его, Фатима, склонившись, боязливо толкала в плечо. Идрис решил, что это был сон и сейчас он просто сидит на своем диване, в своей квартире.

Придя в себя, он оттер взмокший подбородок. Ему стало легко, будто мимо прошла страшная беда.

А вспомнив «сон», и всякую в нем чертовщину, громко и, как бы с иронией к себе, рассмеялся. Все бы хорошо, но вид озабоченной Фатимы насторожил: она, словно чего-то боялась, и не решалась об этом сказать. Взгляд жены скользнул в сторону локтя и только теперь Идрис увидел, что халат над его плечом разорван.

На секунду оцепенев и вспомнив «сон», острый коготь Дьявола, он вдруг с силой вlepил ладонью в плечо. Ладонь медленно поползла вниз, складки халата вокруг разреза разошлись и обнажили похожую на наколку маленькую фигурку зайца. Печать Дьявола!

Идрис в упор посмотрел на жену. Она упала на колени и сбивчиво заговорила:

- Идрис, клянусь Аллахом, не знаю... пощади меня! Я ничего не слышала!- вдруг сорвав с плеча платок, все так же на коленях, стала лихорадочно оттирать пол.

И только сейчас Идрис заметил темноватые следы копыт.

«Дьявол!»-Идрис оцепенело наблюдал за ползавшей на коленях и испуганно причитавшей женой.

Следы вели к лестнице в полуподвал. Идрис шаг за шагом пошел по ним.

Фатима бросилась ему в ноги, обхватив их, стала молить:

-Идрис, не ходи! Мне страшно! Идрис! Ради своих двух сыновей! Остановись!

Тот отпихнул ее каблуком, осторожно ступил на лестницу.

Следы копыт были на каждой ступеньке. Озираясь по сторонам, Идрис спустился вниз. Следы мелкого семенища шага повернули к стенке.

Красная дверь! Цвет Дьявола!

Идрис остолбенел: в этой боковой стене никакого выхода никогда не было!

...Идрис оттер взмокший от страха лоб, нерешительно взялся за красную ручку. Гулко било сердце. Сжав сильнее ручку, он вдруг рванул ее на себя и невольно отпрянул перед открывшейся перед ним картиной.

Он шагнул вовнутрь.

С лестницы осторожно спускалась Фатима.

-Идрис!-она бросилась к нему, но было поздно: протяжно взвизгнув, дверь закрылась.

Фатима схватилась за ручку, иступленно крича, стала рвать на себя, но дверь не поддавалась.

-Нет! Я не хочу!-пронзительный крик Фатимы забился в низких стенках полуподвала.

Она растрепала волосы, стала их рвать на себе, крича и плача, бессильно опустилась на пол.

Но вдруг за стенкой что-то заскрежетало, Фатима испуганно отползла, дверь стала медленно отходить, и из нее вышел Идрис.

Халат на нем был по-прежнему с надорванным левым рукавом, но цвет поменялся на красный.

Фатима бросилась ему в ноги, целовала ступни, подняла к нему голову. Глаза Идриса сияли, словно он получил нечто долгожданное.

Артистичным движением он схватился за порванный рукав и одним сильным движением сорвал его с себя.

Маленький красный заяц на предплечье показался более отчетливым.

Идрис легко, словно пушинку, отшвырнул ногой Фатиму и неспешной, королевской поступью пошел к лестнице из полуподвала.

Фатима, отброшенная на пол, онемело смотрела вслед поднимавшегося по ступенькам мужа и потом перевела глаза на красную дверь. Та, взвизгнув, остановилась, оставив небольшой черный проем.

...После того, как в его жизнь ворвался Дьявол, Идрис передал управление мечетью своему близкому другу, до минимального сократил лечебную практику, забросил семью и, кажется, напрочь забыл о сыновьях. Все свое время он проводил за красной, пробитой Сатаной, дверью: там, за нею, распахивалось огромное пространство со своим светом и небом, землей и деревьями, множеством лабораторий и темниц, людьми и животными.

И только один единственный вход вел в этот не постижимый мир.

«Заинтересовать Бога!»-эта жажда затопила все существо Идриса. А «заинтересовать Бога»-значило совершить неповторимый, грандиозный ритуал:

«...культовое действие, будь то жертвоприношение, состязание или представление, понуждает богов допустить желательное космическое событие, если оно пред-

ставлено в ритуале...»-Идрис всей своей сущностью верил в эту древнюю идею: она таила в себе слово «матрица»...

И то, что задумал он, должно было стать самым Великим Жертвоприношением, какое когда-либо знала человеческая цивилизация.

И, кажется, к нему- к этому величайшему жертвоприношению было все уже готово: до этого, поистине Космического Вселенского чуда, которого ожидал Идрис, оставались считанные дни.

И теперь, откинувшись на высокую кожаную спинку кресла и забросив ноги на стол, он сидел в своем НОВОМ «офисе», или, как он называл его, «Пульте Запуска».

На столе стоял большой монитор, начищенные до блеска красные туфли Идриса касались его корпуса.

Слева от Идриса распахнулась дверь - на Пулте появилось чудовище с головой вампира, человеческим туловищем.

Крепкой мохнатой рукой легко, словно игрушку, вампир держал за шею мужчину лет пятидесяти: им оказался пятидесятилетний профессор Майкл.

У вампира были огромные гнойно-желтые уши, острый , как у носорога, нарост, круглые, злобно сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались и казалось, он вот-вот набросится на свою жертву, срежет острыми резцами с нее кожу и, как это делают вампиры, углубит языком рану и начнет лакать кровь. Как жаждущие псы лакают воду, так вампиры лакают кровь.

- Ваше приказание выполнено, Светлейший!-глухим механическим голосом отчитался вампир.

Идрис церемонно осмотрел сжавшуюся от страха фигуру профессора, повернулся к вампиру:

- Ты умница, Халиф...-Идрис небрежно бросил рукой в угол.-Там есть стул.

Вампир водрузил профессора на деревянный табурет, отошел к закрывшейся двери.

Идрис с заброшенными на стол ногами выждал минуту, затем повернулся вместе со спинкой кресла:

- С прибытием, господин профессор... Как добирались?

Майкл, вжавшись в угол, подрагивающей рукой массировал шею, и как из двух норок, из его глаз выглядывало два страха.

- Надеюсь, Халиф не очень утомил Вас?

- Как вы смеете?!- возмущился профессор.

- А, может быть, пригласим вашего эд-во-кэтэ?- расхохотался Идрис, но, как бы повинившись, оборвал смех.-И вправду, профессор, извините за причиненные неудобства...- он нажал на кнопку монитора. На экране возникла блондинка с большими синими глазами:

- Слушаю вас , Светлейший...

- Джина, коньячку, пожалуйста...

- Слушаю, Светлейший!...

- Как вам моя секретарша?-Идрис насмешливо посмотрел на Майкла.

- Где моя семья?!-как бы пригрозил профессор.

- Прошу вас, расслабьтесь... Ваша семья на своем месте.

В комнату вошла Джина- девушка лет девятнадцати, стройная, в короткой юбке. Она поднесла Идрису серебряный поднос с бутылкой марочного коньяка и двумя бокалами.

- Спасибо, моя девочка...

- Рада служить вам, Светлейший,-она поставила коньяк на стол, наполнила бокалы и один из них на подносе поднесла Майклу.

Тот, вопросительно глянув снизу-вверх, взял бокал и залпом выпил.

- Будем здоровы, профессор!-Идрис сделал легкий глоток, поднявшись, сел на край стола.

Джина вышла.

- Что подделаешь...-нарочито-благодарно начал Идрис.-Таков мир. А мир наш- война...-и с пафосом поднял бокал:

-Война давно объявлена! Государство воюет с государством, народ с народом, религия с религией, человек с человеком и человек с самим собой же!-и как бы дружески поделился.-Разве не так, профессор?.. А все эти науки, искусства-вся эта надуманная культура-все это лишь способы и состояния войны. Все - есть война и ее символы... И скоро в войну вступим мы-неоисламисты!

Майкл держал бокал, не зная куда его деть.

- Халиф, обслужи господина профессора, возьми у него бокал,-дружелюбно попросил Идрис.

Вампир выбросил бокал в мусорный ящик.

Идрис развел руками:

-Робот есть робот, какой бы он совершенный ни был! Хотя, он может многие вещи... Увеличиться в раз-мере, например...-и тут же нарочито спохватился.- О, да, это Вам уже было продемонстрировано. А вообще, как он вам? Нравится? Уникальнейшая машина! Аналогов еще нет. Но ничего, у Вас еще будет возможность удивиться его возможностям...

Профессор пристально посмотрел на вампира, но не выдержав свирепого взгляда черных круглых глаз, отвел глаза...

Идрис усмехнулся:

- Впрочем, профессор, мы имеем и еще кое-что...
Одну секунду, к о л л е г а...-он повернулся к пульту управления, нажал несколько кнопок и на стене напротив открылся большой экран. Через мгновение на нем появились кадры с какой-то огромной комнатой или залом. Скорее, это походило на казарму: два длинных ряда коек были строго заправлены черными одеялами и на каждой кровати, словно окаменелые, скрестив ноги, сидели бритоголовые мужчины.

«Камера» наехала ближе, и Майкл невольно содрогнулся: они были безбровы и походили на одинаково сработанных зомби.

Идрис, сидя на столе, слегка подался вперед и громко, в сторону экрана, бросил:

- О, мои великие воины!

Безбровые, секунду выждав и, узнав голос хозяина, разом сошли со своих коек и вытянулись:

- Слушаем, Светлейший!

Идрис с усмешкой посмотрел на Майкла:

- Что, профессор, коленки затряслись?!-и снова бросил к экрану:

- Отдыхайте, мои преданные солдаты.

В ту же секунду безбровое воинство вновь, скрестив ноги, замерло на своих койках.

Идрис выключил экран, с превосходством посмотрел на Майкла:

- Вот это и есть первые солдаты моей будущей великой армии.! Мы спасем мир от неверных! Мы спасем мир от всякой нечисти!

Идрис сделал глоток коньяку, в нарочитом раздумье произнес:

«...время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру...»- и вздохнул:

- Пророки тоже ошибаются... Я бы сказал по-другому: Не было на земле и дня без ненависти! Не было часа без кровопролития! И не было мгновения без войны!

Майкл исподлобья посмотрел на него:

- Что с моей семьей?!

- Ладно...-вроде бы с чем-то согласился Идрис.- Начну со второго вопроса: «...что с моей семьей...». Но на этот вопрос я вам уже отвечал... Так что на первый вопрос: «...что вам надо...» отвечаю... Я Вас... пригласил потому, что меня интересует иудаизм. Да, да, не удивляйтесь... Я, наверное, один из немногих арабов, тем более палестинцев, которые интересуются этим. Правда, самый первый, кого заинтересовал, я бы даже сказал, захватил иудаизм, это был Великий Мухаммад! Да благословит его Аллах и приветствует! Как известно, этот интерес перерос в новую веру. Так что, как видите, мой интерес не случаен.

- Вы глубоко ошиблись... В этой области я не могу быть даже вашим собеседником... Так что «ошибаются» не только пророки.

Идрис рассмеялся:

- У Вас чувство юмора... Но мне Вы и не нужны-ни как собеседник, ни как сотрудник... если честно сказать...-и он посмотрел на реакцию Майкла.

Тот вопросительно глянул.

Идрис взял со стола газету, прихлопнув по странице костяшками пальцев, расправил ее и процитировал:

«Профессор рассказал одну любопытную деталь из своего раннего детства. Когда ему не было даже года, он своеобразно реагировал на древнееврейский шрифт. Стоило родителям показать его, годовалый малыш/(будущая звезда биофизики) улыбался еврейским письменам, словно узнавал нечто близкое... Ну, вероятно, так можно улыбаться матери...»-Идрис сбросил газету на стол.- Узнаете? Репортаж с вашей, так нашумевшей, конференции.

Профессор это интервью помнил. Но то, как Хаймалка реагировала на древнееврейский шрифт, журналист ошибочно приписал ему.

- Это не я...- начал было он, но вдруг, отчего-то насторожившись, оборвал окончание фразы.

- Что...- не Вы?-в свою очередь в упор глянул Идрис.

- Извините...

- Идрис...Мое имя Идрис... –быстро ответил он.- Так что... «это не Вы»?..

- Я хотел сказать, что газете я никакого интервью не давал.

- А кому давали?

- Это было телевидение...

Идрис на мгновение задумался, подойдя к Майклу, резко приподнял его подбородок и в упор посмотрел ему в глаза.

Профессор попытался дернуть головой, но подбородок был зажат крепкими пальцами.

- Смотри, собака еврейская, я не переношу обмана!-и он оттолкнул его голову.- Халиф, правильно я говорю?-он посмотрел в сторону двери, которую охраняло огромное чудовище.

- Вы говорите правильно!-механическим голосом ответил вампир.

- Ладно... Приступим к делу!-Идрис стал у огромного на всю стену окна и пальцем поманил Майкла.

Тот послушно подошел и, глянув, остолбенел: там, за стеклом, распахнулось огромное пространство, которое точь- в -точь, хотя в меньших размерах, но повторяло площадь у Стены Плача и саму Стену. Словно каким-то образом сейчас, за этим окном, оказался кусок Иерусалима. Площадь была пуста, лишь несколько человеческих фигур, что-то сооружая, копошились в центре ее.

- Теперь, надеюсь, Вы видите, как интересен иудаизм арабу...

- Это невозможно!-оцепенело глядел Майкл.

- Ну, что вы... Разве может профессор биофизики произносить такую фразу!.. Все возможно! Все! Ибо во всем пребывает Бог! А может... Дьявол!

- Чего вы ищете?- в ноги Идрису спросил Майкл.

- Мо-ти-вация!-заерничал Идрис, но, выждав паузу, вдруг возбужденно выпалил:

- Язык Бога! Язык, на котором говорит Бог! Вот высшая тайна! Все эти ваши психотронные бредни и остальная чушь- это все детские игрушки, которые бросает вам Творец для потех!.. Язык Бога-вот что нужно понять! А именно еврейский мозг затаил в себе эту тайну-ТАЙНУ ЯЗЫКА ТВОРЦА! И потому даже годовалый еврейский ребенок, еще хорошо не осознавая, что стоит перед его глазами, так смеется, так радуется, когда

видит какой-нибудь кусок Торы! И это были Вы! Мозг этого ребенка знает эту тайну! А, значит, знает тайну Ковчега!

Майкл, опустив голову, снова вспомнил телеинтервью:

«Хаймалка по духу патриотка еврейства,-говорил он женщине-репортеру: «... стоило ей увидеть древнееврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, какая это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное...»

Майкл взглянул на лежавшую на столе газету.

«Грубая и странная ошибка... –подумалось ему.- Впрочем, журналисты могут так перевернуть... А, может, это воля Господа Бога...»

- Эй, профессор!-резко позвал Идрис.

Майкл вскинул голову:

- Да, я слушаю, Вы говорили... ковчег.

- Да, ковчег! А Вы знаете, чем на самом деле был Ковчег Завета?

- Да, есть мнение, что Ковчег Завета был генератором энергетических полей.

- Не только... Через Ковчег Творец говорил с евреями... Дьявол Гитлер неспроста искал его... А он понимал в таких вещах...

Профессор длинно посмотрел на Идриса:

- Если суммировать: «шрифт»... «Ковчег Завета»... и... подсознание «ребенка» хранит об этом информацию...-профессор вдруг насмешливо взглянул.- Вы хотите заглянуть в мое подсознание...

- Я понимаю, что Вы обладаете еврейской иронией. Вы, евреи, так млеете от своей ироничности, но на самом деле за этой вашей ироничностью стоит лишь ваш веч-

ный страх: вы не хотите и не можете постоять за себя. Да и вся ваша культура отсюда: от страха! И все так называемые ваши еврейские либеральные ценности!..- и он желчно передернул:

«...и корова будет пастись с медведицей и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол будет есть солому...»-глаза Идриса загорелись ненавистью.-Когда шакал знает, что он шакал, он хочет чтоб и лев солому жрал... Но Бог с ним!.. А насчет подсознания, Вы оказались правы. Я хочу заглянуть в него. Даже не заглянуть, а вывернуть его, как старую шляпу...

...Майкл настороженно взглянул, а Идрис расхохотался:

- Да, мой дорогой профессор, испытать кое-что Вам придется. Я бы даже сказал-пережить... Но Вы ведь тоже опыты проводите... Бедные крысы!.. А ведь как они похожи на людей!... Еще коньячку? Да вы садитесь, Майкл, присядьте...

Профессор сел на прежнее место в углу и глухо спросил:

- Чего вы хотите?

- Ну вот... Знакомый вопрос.... –и вдруг проникновенно открыл.- Запуск! Вам нравится это слово-ЗАПУСК?! А я обожаю его! Запустить подсознание! Как говорил Великий Тим- «вступить в контакт с клеточной мудростью»!.. Знаете?- тантра, суфизм, танцы, пост... Но еще-самоистязание, электрошок, секс!.. А еще болезненные физические процессы: например, делать на теле надрезы! Или еще лучше подпиливать зубы!

- Ты не посмеешь, Дьявол!

Идрис метнулся к нему и, чуть пригнувшись, задышал почти у самого лица Майкла:

- Для того, кто ищет Бога, не существует таких соплей! –и передернул.-«...не посмею...».Посмею! Тут и сметь нечего! Просто мне нужно было то, что нужно было. Ритуал! –он подошел к окну.-А теперь у меня есть все!- и он показал пальцем на Майкла.-Еврейский мозг, который меня устраивает, живой человеческий материал и пространство, где я совершу Великое Жертвоприношение!.. Заинтересовать Бога! Вот что главное! Сотворить нужную матрицу!-и он кивнул на «площадь» у «Стены Плача».

Идрис взял недопитый бокал и как бы опомнился:

- О пардон, профессор!-достав из бара свежий бокал, плеснул в него коньяку и поднес Майклу:

- Сатана! Дьявол! Сатана!-Тот наотмашь ударил по нему торцом ладони, бокал отлетел в сторону и раскрошился о стенку.

В ту же секунду возле Майкла оказался Халиф, заломил ему кисть, профессор закричал, на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, увидел Идриса: тот сидел на краю стола с бокалом в руке. Вампир стоял у двери.

- С возвращением!-Идрис приподнял бокал.-Как самочувствие?.. Но ведь нельзя же так обращаться с таким божественным напитком...

Майкл с ненавистью отвел глаза в сторону.

- Ну хорошо, профессор, на сегодня, пожалуй, достаточно! Через несколько минут Вы сможете отдохнуть, а сейчас я обязан поделиться с Вами Моим планом Великого Ритуала! Великого Жертвоприношения!

И он исподволь стал открывать ему задуманное. Скоро, говорил он, весь мир станет под знамена неоисламизма! Вся нечисть будет сметена с лица земли. Скоро

будут освобождены все великие города и в первую очередь-Иерусалим, который и станет его великой столицей!- он церемонно бросил рукой в окно, за которым распахнулось пространство-копия Стены Плача.-Иудейское племя, наконец, будет сброшено в море. Все ваши так называемые святыни, вся память о вас будет начисто искоренена и стерта с лица Земли. И в честь этого на Святой Земле, у Камней Истины (так будет называться Бывшая Стена Плача) будет устроено Великое Жертвоприношение: тысячи людей соберутся у площади Камней Истины. Мальчики и девочки будут ликовать со своими родителями и сотнями других людей: ведь происходит долгожданное зрелище, последние выродки этого иудейского племени перед Великим Жертвоприношением сожгут свои последние поганые писания! Для этого на площадь будут пригнаны два-три их десятка, оставленные для этого Великого Ритуала. Они будут одеты так, как столетие назад мы, мусульмане, повелевали им одеваться! На них будут напялены высокие шутовские колпаки, на шее каждого тяжелые гири, перепоясаны они будут желтыми ремнями, а женщины их будут обуты в разноцветные башмаки: на одной ноге черный, на другой красный. Так мы, мусульмане, повелевали им одеваться, чтоб отличимы были они от нас- правоверных! И так они одевались! Эти ряженные будут волоочь по земле мешки со своими последними книгами. А впереди них будет идти их раввин и читать книгу-эти раввины любят вести свое стадо на закляние с открытой книжкой. Но никогда еще Всевышний не был с ними. Чуть позади этого раввина будет идти связанная по рукам Жертва. Так пройдут они семь кругов, потом снесут свои мешки в центр площади к жертвенному камню, вывалят их нутро. Тогда зажжется

факел истины, и они сами начнут сжигать свои книги. И потом сами эти шуты будут отданы в руки ликующей толпы: пусть народ потешается над их шутовским видом и рвет их на части. И потом настанет самый Великий час: связанную жертву положат на жертвенный камень, и самый доблестный мой воин сотворит самое великое в истории жертвоприношение. И это будет великий миг : вся память об этом рабском иудейском племени будет стерта с лица Земли...

Но не успел Идрис закончить, как на «Пульте» взорвался громкий и болезненный смех: Майкл, закатив голову, истерично хохотал и хлопал ладонями по обеим коленкам.

Идрис глуповато улыбнулся, но тут же, приняв насмешливый вид, сделал вампиру знак рукой: убраться!

Халиф схватил профессора за шею, сорвал со стула и поволол к двери.

- Урод! Ты больной! Маньяк!-вырываясь из клешни вампира, захлебываясь, закричал Майкл.- Маньяк! Маньяк!

Он пытался сорвать с шеи мохнатую руку чудовища, но тот, приподняв его над полом и понес легко, словно пойманного за холку кролика.

- А есть и еще кое- какие способы «запуска»! Например, сильная душевная травма...-вслед ему зло рассмеялся Идрис.-Хотя бы лицезреть смерть самого дорогого существа!.. А лучше-не одного!...

- Ты не посмеешь, мразь!-рванулся Майкл, но вампир уже протащил его сквозь дверь и поволол по длинным тускло освещенным коридорам.

- «...по-сме-ешь...не посмеешь...»- вслед профессору, насмехаясь, передернул Идрис и когда закрылась

дверь, повернулся к окну, за которым завершалась подготовка к «Великому Жертвоприношению».

Идрис наполеоновски скрестил на груди руки, глаза его надменно замерли, словно он видел огромные толпы, суеверно падающие к его ногам.

Но вдруг ему подумалось о жене, вспомнились далекие с ней ночи, горячее, страстное тело Фатимы, ее вскрики. Кажется, это было в каком-то далеком, давным-давно отлетевшем прошлом: в последнее время он и вправду как будто забыл о ней... Ему представилось, как он мог бы сейчас сорвать с нее одежды, завладеть ею, ему увиделись ее твердеющие в любви розовые соски-виноградины. Тело затопила жаркая волна.

В дверях появился вампир. Идрис, кивнув ему: за мной, выпел из-под подполья в полуподвал своего дома и легко, словно в нем проснулся двадцатилетний юноша, вбежал по ступенькам в гостиную. Фатимы там не оказалось, не было ее ни в кухне, и ни в ванной.

Идрис вопросительно посмотрел на вампира.

- Надо смотреть наверху...- заученно ответил Халиф.

Идрис стал медленно подниматься на второй этаж и у самой лестничной клетки оцепенел: из одной из спален доносился тающий голосок жены и воркующие мужские голоса.

Глаза Идриса зло полыхнули, обеими руками он вцепился в деревянные перила, белые от напряжения пальцы, казалось, сжимали не эти деревянные поручни, а душили кипевшую внутри ярость.

Но вот, словно пересилив себя, он посмотрел на вампира, стоявшего двумя ступеньками ниже:

- Ее можешь взять, остальных в темницу... К евреям!-спустившись в полуподвал, он поставил напротив красной двери кресло и, развалившись в нем, стал ждать.

Сверху донесся женский визг и мужские крики. А через минуту к ногам его скатились с лестницы двое мужчин. Безбровые. Следом, держа за шею трепыхавшуюся Фатиму, спустился к Идрису вампир.

- Ты сам во всем виноват! Ты Сатана! Ты продан Сатане!-кричала Фатима.

Безбровые умоляюще ползали в ногах Идриса, тянулись целовать его ноги:

- Не губи, Светлейший!

- Пощади! Ради детей пощади!

- Она сама нас затащила!..

- Она угрожала нам!

Идрис безгласно отпихнул их ногой и махнул вампиру. Тот рванул на Фатиме легкую блузку. Она стала отбиваться, кричать, угрожать, что расскажет всем про красную дверь, но вампир, сбросив ее на ступеньки, разорвал на ней надорванную прозрачную блузу, наклонившись к ней, передними резцами срезал на груди кожу, углубив языком рану, стал лакать кровь.

Хлюпающий звук жутко стегал тишину полуподвала. Фатима неподвижно лежала под Халифом, закатив к потолку неподвижные застекленевшие глаза.

Двое безбровых оцепенело отползали в сторону.

Идрис открыл красную дверь и скрылся в слабо освещенном проходе.

...Темница, в которую вампир втокнул двух мутантов-бездыханых, скорее походила на пещеру. Под ее низким куполом висел всего один фонарь, тускло освещавший каменистое чрево. Здесь не было лежанок, пол был забросан соломой.

Обитатели полумрака, сверкая глазами, словно волки, насторожились в своих углах.

За мутантами закрылась дверь-решетка из металлических прутьев.

Глаз, привыкший к этому полумраку, мог различить сидевшие вдоль стен несколько групп. В глубине, в тесной кучке, затаилось человек пятнадцать в черных кафтанах и шляпах-сектанты из Нетурей карто.*

С ними, хотя чуть поодаль, сидела еврейка в черном платке и косынке. Руфь.

В пещере находилось еще три пленника: мужчина, лет сорока, Соломон, и недалеко от него две женщины. Одна, лет восемнадцати,- она сидела, положив голову на плечо матери. Хаймалка и Лия.

*Нетурей карто - реакционная иудейская община резко выступающая против существования Израиля. В арабо-израильском конфликте занимает проарабскую сторону, поддерживает тесные контакты с экстремистскими юдофобскими организациями.

Мутанты злобными глазами прошлись по фигурам сокамерникам, уставились в лица натурейцев.

-Натурей карто! Мы Натурей карто! Мы против сионистов! Смерть Тзраилло! Вся власть арабам! – один из группы встал на колени.

-Дерьмо! – сплюнул мутант.

Соломон, внимательно следивший за этой сценой, длинно выдохнул:

Эй, натурей-катурей, не скажете, сколько еще времени евреи будут служить своим врагам?! А?! Мало нашей, еврейской, крови пролито за то, что б у нас наконец-то возродился наш дом, наш очаг? Мессию хотите?! А может Мессия и есть та кровь, которая пролита за то, что бы евреи смогли, наконец-то жить в своей возрожденной стране?! Не приходило ли вам в ваши вражеские мозги, что Пролитая Еврейская Кровь, которая вызывает к защите Израиля и есть вызывающий к нашим сердцам Мессия?! А?! Вы, уроды, думаете, что арабы пожалеют вас?! Они вас первыми и прикончат! Запомните-первыми!

Соломон, глянув на затихших вокруг «соседей», невольно протянул:

- Ну и компашка подобралась!

С десяток глаз уперлось в него.

.. Мутанты сели в метрах трех от Руфи. Один из них, в упор рассмотрев ее, с ухмылкой кивнул второму и на четвереньках пополз к ней.

-Я давно такую хотел!-перебирая коленями и руками, все больше распаляя себя, отшвыривая из-под рук пучки соломы, он подобрался к заслонившейся руками женщине.

Хаймалка дернулась было броситься к ней на помощь, но в памяти невольно возникла звероподобная толпа, обезумевшие глаза... жаждавшие ее крови, удары ног...

Хаймалка ткнулась матери в грудь, плотнее прижалась к ней. Лия обняла ее, наклонившись над ней, словно хотела защитить от надвигавшегося насилия.

Кто-то из группы что-то пролепетал, но его тут же осадил голос второго безбрового:

- Сиди, собака, пока тебя самого не трахнули.

Первый, приободренный этой поддержкой, подполз к женщине.

- Стоять! Стоять, мразь!- вдруг крикнул Соломон, но тот, уже рванув на ее груди платье, навалился на нее.

- Нет!-она пыталась отбиться, безбровый замахнулся было ударить ее, но Соломон успел перехватить его руку. Переломив ее в запястье, схватил мутанта за загривок, сорвав с колен.

Тот взвыл и стал изворачиваться.

В руке второго блеснул нож. Евреянка, увидев поднышающую фигуру второго, прижимая к груди оборванный лоскут платья, стала на колени. Мутант выставил перед собой мерцающее в полумраке лезвие, шагнул к спине Соломона, замахнулся, но напряженное нутро сумрачной пещеры разорвал пронзительный женский крик:

- Не-ет!-Руфь, словно волчица, бросилась на него и двумя руками стала удерживать рвущуюся к спине Соломона руку мутанта.

Соломон успел отшвырнуть первого, обернулся, перехватив руку второго, ударил его в пах и вырвал из его руки нож.

Тот, взвыв, отлетел к стенке.

Соломон и еврейка оказались лицом к лицу. Долгую минуту в свете тусклого фонаря они смотрели глаза в глаза, словно что-то узнавая друг в друге.

Она попыталась сдержать слезы, но, не устояв перед рвущейся волной отчаяния, прильнула к груди Соломона и, уже не сдерживаясь, отпустила плач.

Одна рука Соломона, с ножом, осторожно прилегла к ее поддрагивающей спине, и он отвел от нее лезвие, словно боясь невзначай поранить:

- Ш-ш-ш! Все позади! Все уже позади!.. Милая моя! Родная! Спасибо тебе!

Сунув нож за пояс, он взял в ладони ее лицо. В свете тусклой лампы к ее припухшим и так поманившим губам сбежали две дорожки-слезы. В первые секунды она стояла с закрытыми глазами, словно не решалась посмотреть, и обеими руками прижимала к груди лоскут изодранного платья.

Но вот ее затененные веки открылись, и из-под мягко изогнутых бровей на Соломона взглянули большие преданные глаза.

Долгое мгновение они стояли близко, лицо к лицу, и, казалось, даже полумрак этой душной пещеры не мог затенить засветившейся в их глазах любви.

Сектанты из Нетурей карто брезгливо косились на Руфь. Та, которая еще минуту назад всецело принадлежала их клану, теперь вот так бесстыдно отдалась рукам гоа. Разом изменившись к ней, как черные вороны, зло нацелились на нее. Но вот кто-то, видно самый целомудренный, сорвавшись со своего угла, за руку оторвал ее от Соломона и увлек на прежнее место- к стенке.

Подобрав под себя пятки, она ткнулась лицом в колени.

Соломон стоял в центре этой душной пещеры почти под самой лампой, и ее желтоватый свет вылепил его сникшую фигуру с опущенной головой.

И какая-то едкая тишина нацелилась на него.

Хаймалка вопросительно глянула на мать, та, поняв боль и стыд в глазах дочери, обняв ее за плечи, прижала к себе...

...Человек-это встречи-каждую секунду, каждый миг.

Встречи, озаряющие откровением и отбрасывающие во тьму.

Встречи с любовью и ненавистью, встречи с водой и камнем.

...Встречи быстры, как молния, и могут оставить черный след.

Ты выходишь в мир, что бы встречаться, и возвращаешься ради встреч.

...Тысячи лет наши встречи кровь и смерть.

Пришелец поднимал на копье отнятого у матери младенца. Изгнанник любил песни о чужой земли, тоскуя о камнях далекой Родины.

Поработивший искал истину у раба.

Был отнят хлеб у своего ребенка, чтоб прокормить чужого.

Сын предавал свою Землю, а иноверец отдавал за нее жизнь.

Чужестранец был мудрым учителем, а соплеменник ослеплял и сжигал святые книги Отчизны.

Но мы не знаем, не помним и не хотим понять...

...Двое конвоиров в черной камуфляжной форме вели профессора Майкла по тусклым бетонным коридорам подземелья. Вдоль стен было встроено несколько дверей. Сквозь одну из них прорвался исступленный мужской крик: словно кого-то пытали.

Профессор болезненно сощурился, словно пытался упрятаться от этого истошного голоса. Он мельком осмотрел своих конвоиров: безличные зомби. Это были из тех бритоголовых и безбровых существ из казармы, которую Идрис показал ему на стенном экране.

Наконец, за поворотом они остановились у черной двери. Безбровый прижал Майкла к стене лицом, и только после этого второй из них набрал на панели код, и профессора втолкнули в открывшуюся, уже знакомую Майклу, комнату: «Пульт Запуска».

Идрис стоял над мужчиной, который что-то быстро печатал на компьютере.

- А, вот и профессор!- и нарочито-радостно раскрыл руки.

Мужчина за компьютером обернулся: он был обросшим, неухоженной, с проседью, бородой и ниспадающими на плечи длинными, прямыми волосами.

- Не узнаете, профессор?-благодушно спросил Идрис.-Все та же конференция... Журналист, который героически защищал Израиль... Вспомнили?- он церемонно повел рукой в сторону бородача.-Знаменитый на весь мир-Хадис Харан! -и едко подкинул.-Но теперь уже бывший... А сейчас этот правдолюбец стряпает «Новые протоколы сионистских мудрецов». Раньше он поливал грязью всех юдофобов, а теперь вот разоблачает евреев. Жить-то... хочется!.. Но самое интересное, что мир снова поверит в эти «протоколы». И даже с самым превеликим

удовольствием. Ведь то, что направлено против евреев, так называемая «мировая общественность» сожрет, как деликатес. Только подавай!-и повел ладонью в сторону Майкла.-А это наш знаменитый биофизик, профессор, у которого в голове есть кое-какие догадки.

Бородач и Майкл молчаливо всмотрелись друг в друга.

- Ну, хорошо...Идрис глянул на журналиста.-Дай мне распечатку этих двух «матерьяльчиков».-он с особенным удовольствием прознес «матерьяльчиков».

Бородач вернулся к компьютеру.

- Вы присаживайтесь...-Идрис показал Майклу на прежнее место в углу, где стоял все тот же деревянный стул.

- Кстати, сегодня ведь хороший еврейский праздник-Рош –Гашана! Как там...-и он, как бы поднапрягши память, процитировал:

«...кто будет жить, и кто умрет, кто прожил предел своих лет, и кто нет, кто погибнет в огне и в воде...-и тут он поднял палец и продолжил.-кто будет жить в мире, а кого будут терзать...»... Красиво сказано!.. Хотите вышить в честь праздника?

- Спасибо... -глухо отрезал Майкл.

Моноotonно заработал принт, бородач подал Идрису два листа с плотно напечатанным текстом.

- Можешь идти...-Идрис взял бумаги.

Бородач пошел к двери, где стояли конвоиры Майкла, пристально глянул на сидевшего в углу профессора.

Тот проводил его убегающими вдаль глазами, словно пытался что-то понять, потом посмотрел на широкое, во всю стенку окно, за которым скрывалось огромное сатанинское пространство.

Бородач вышел с одним из охранников, второй остался у двери.

Идрис сбросил листы к компьютеру, по своей любимой привычке, сел на край стола:

- В прошлый раз, помнится, я обещал Вам показать возможности моего Халифа. Помните Халифа?-будничным тоном спросил он.

- Что с моей семьей?! Где моя дочь, мразь?!-приподнялся профессор.

От двери шагнул конвоир. Идрис сделал ему знак рукой и тот отошел на место.

- Слышишь, еврейский пес!-Идрис повернулся к Майклу.- будешь говорить нехорошие слова, попадешь за ту дверь: ты только что проходил мимо нее... там... еще кто-то очень громко разговаривал... Очень громко... Вы ведь не могли не услышать этого...-он с нарочито-великодушным укором распахнул руки.

Майклу припомнились пронзительные крики, прорывавшиеся сквозь одну из дверей тоннеля, он потерянно свесил голову.

- Ладно... –Идрис взглянул на часы.-Самое время. Скоро в синагогах начнут трубить в шофар,-он нажал на одну из кнопок сбоку стола, и на боковой стене засветился большой экран.

«...кто будет жить в мире, а кого будут терзать...»- как бы для себя проговорил Идрис, и на экране возникла, парившая в небе фигура вампира.

- Смотри, еврей!-вдруг возбудился он, бросив рукой в экран.-Это начало того, о чем столько мечтал весь праведный мир, чего не мог добиться никто, даже Великий Гитлер-стереть с лица Земли ваше грязное иудейское племя! Но это совершу я!

Я уничтожу и сотру память о вас с лица многострадальной Земли! Я-Идрис! Я-палестинец! И весь мир, наслаждаясь, будет купаться в вашей крови!.. С праздником, последний еврей!..

...Халиф опустился посредине широкой запруженной автомашинами улице.

В несколько мгновений вампир превратился в огромное семиметровое чудовище. Он поднял двухметровую ступню и ударил по проезжавшему мимо автомобилю.

Машина превратилась в смятую консервную банку, за ней расхлестали воздух завизжавшие тормоза десятка машин, некоторые из них оказались на встречной полосе - в пару минут широкая улица превратилась в беспорядочную массу столкнувшихся, перевернутых автомобилей.

Крича от ужаса, сбивая друг друга с ног, по сторонам разбегались обезумевшие от страха люди.

Завыли сирены пожарных, «скорых» и полицейских машин.

Вампир, подхватив одну из человеческих фигур, лакал из его разорванного горла кровь.

Отбросив мертвое тело, как насытившийся хищник, Халиф осмотрел взорванный под ногами человеческий улей, разбросал по сторонам огромные руки и вытянув кверху черную вампирскую морду, издал громкий ликующий крик, крик счастливого существа, познавшего всю свою мощь.

Упоенный своей силой, Халиф расшвырял замершие под ногами автомобили, которые отлетали по сторонам, как легкие спичечные коробки.

В небе закружили вертолеты. Чудовище, легко спружинив, взмыло в синеву. Его красная пасть распахнулась в сатанинском ликующем крике и из нее выби-
вался острый багровый язык.

Полицейские вертолеты на расстоянии закружили вокруг чудовища, которое, упиваясь полетом, купалось в небесной выси. В какой-то момент оно нырнуло вниз, подхватив с земли автомобиль, вознеслось с ним в небо, зашвырнув его, подхватило еще машину, и тогда кружившие вокруг вертолеты ударили по нему длинными пу-
летными очередями.

Пули прошли его тело, но вампир, угрожающе раскрыв пасть, нырнул к одной из «стрекоз» и ударил по ней огромным кулаком. Машина переломилась, как спичка, и рухнула на замерший в страхе и любопытстве город.

Халиф увидел, как второй вертолет идет прямо на него, понесся навстречу сам, вытянув вперед обе руки. Перед самым, уже казавшимся неизбежным, столкновением, «стрекоза» вдруг попыталась вывернуть вверх, но вытянутые руки вампира, вонзившись в ее «брюхо», рас-
секли ее надвое.

Вспыхнувшие куски металла рухнули на груды столкнувшихся на дороге автомобилей.

В небе появились истребители, но вампир уже не обращал внимание на эти машины, словно они потеряли для него всякий интерес.

Он нырнул к земле, мягко спружинив на огромных ногах, оказался напротив старинной синагоги.

В Бэт-Эль шло празднование Рош-Гашана. Подходило время выноса свитка. Возбужденно молились мужчины, покрытые светлыми талитами, а на небольшом балконе благоговейно щебетали женщины.

Это праздничное небольшое пространство больше всего украшала девочка лет четырех. В светлой рубашке, длинной синей юбчонке, с ниспадающими на хрупкие плечи каштановыми мягкими локонами, она, как солнечный зайчик, беззаботно бегала меж молящихся мужчин, что-то радостно щебетала и , как старушечка, смешно держась за поручни, поднималась на балкон к матери.

Ее мать, молодая женщина лет двадцати пяти, в длинной одежде еврейки, что-то шепотом пожурих, поймала девочку за руку, но солнечный зайчонок выскользнув из ее руки, снова засеменял к лестнице вниз.

Раввин возвысил в молитве голос, Свиток, качнувшись в руках одного из мужчин, поплыл по залу.

Вдруг с улицы раздались истошные крики. В синагоге на мгновение все замерло, а за ее стенами продолжали рваться пронзительные крики мужчин и женщин.

Мать девочки бросилась к лестнице.

Начавшуюся было суматоху остановила брошенная кверху рука раввина:

- Шэма Исраэль!-как бы приказал он и, громко читая молитву, направился к двери.

- Шэма Исраэль!-зашептали десятки дрожащих губ.

- Шэма Исраэль!-люди в растерянности боялись смотреть в глаза друг другу.

Раввин, подойдя к двери, распахнул ее, увидев шагнувшее к синагоге чудовище, на мгновенье оцепенел, но в доли секунды в его воспламенившемся мозгу промель-

кнула страстная раввинская мечта: вот властная рука с ножом занеслась над жертвенником, на котором лежал связанный по рукам и ногам юноша, вот нож уже готов был, ринувшись вниз, пустить жертвенную кровь, но громовой голос отвел мужественную, не дрогнувшую руку...

Глаза раввина полыхнули фанатичным огнем, он закрыл дверь, пророчески оглядев испуганные сникшие тела и вымаливающие надежду глаза, снова величественно поднял руку:

- Шэма Исраэль!

Девочка уже была на руках своей молодой мамы, и они замерли у стены за спиной раввина.

На улице все стихло, но от какого-то сильного удара была снесена крыша, и над головой верующих возникло кровожадно раскрывшаяся пасть чудовища.

Рванулись к небу женские крики, но тут же возникла оцепенелая, тишина, люди стали жаться друг к другу, собираясь в единый затравленный страхом ком.

С балкона снова ударили женские крики, вампир новым ударом вмял в пол, забившиеся в судороге, женские тела.

Женщина прикрыла глаза девочки рукой, припав лопатками к стене, стала медленно скользить к выходу.

Малышка стала капризничать, пытаясь оторвать от глаз ладонь матери.

Чудовище занесло руку, и от нового удара приплюснулись к стене мужские искаженные лица. Деревянная стена с окровавленным месивом человеческой плоти затрещала и рухнула.

Халиф подхватил и смял в кулаке прикрывавшегося свитком мужчину, и на обезумевших людей упало разорванное надвое туловище, следом от пасти вампира

размотавшись, скатилась вниз пергаментная лента Свитка. Исписанная черным шрифтом, она медленно поползла вверх, исчезая в пожирившей ее пасти.

Из открытой ниши для свитков выпали два, еще остававшиеся в ней. Железная дверца ниши, покачнувшись, замерла.

Женщина, крепче прижав ребенка к груди, бросилась было к выходу, но в ту же секунду чудовище, разорвав ленту Свитка, отбросило ее на рухнувшие стены и вырвало ребенка из рук матери.

- Нет!-она бросилась руками к дочери, но вампир снова увидел замершую дверцу ниши и с размаху бросил ребенка на ее железную дверцу. Тело девочки, напорвшись на острый угол, переломилось и рухнуло на пол. Мягкие каштановые локоны накрыли лицо девочки, но сквозь них ударили в небо застекленевшие детские глаза.

Мать девочки, пронзительно крича, забилась у стены.

Чудовище, вытянув от блаженства морду, придавило ее огромной ступней, из-под которой вырвался багровый пузырь из окровавленной женской рубашки.

Вытягивая от блаженства окровавленную морду, вминая в руины останки людей, Халиф шагнул к стене с пустой нишей для Свитков, влил по ней ступней, стена, раскрошившись, рухнула. Огромная пята Халифа поднялась над валявшимися на полу свитками и, ударив по ним, проломила пол.

Свитки исчезли под обломками гнилых досок и кусками обрушенной стены...

...Бесполезно кружили в небе новые вертолеты и беспомощно выглядывали из-за машин полицейские с автоматами.

... Древняя Бэт-Эль, полная светлого праздника, в несколько мгновений превратилась в руины, из-под которых доносились стоны еще рвущихся к жизни, изуродованных человеческих тел.

Под полом рухнувшего балкона возникло страшное копошение, за ним потянулся протяжный затухающий зов, и меж обломков вытекла и жадно потянулась кверху окровавленная рука.

Халиф блаженно- дико загоготал, подцепив ногой странно скорченное тело, швырнул его к этой выбившейся из руин молящей о помощи руке. Безжизненное туловище, перевернувшись в воздухе, напоролось на торчавшее рядом с рукой острое поломанной доски. Руины под трупом опустились, окровавленная рука, последний раз дернувшись, безжизненно замерла.

Над всеми этими руинами возвышался лишь небольшой кусок как-то выстоявшего правого угла Бэт-Эль.

Халиф, ступая по трупам, по еще живым, шевелившимся телам, в несколько шагов достал до этого уцелевшего угла, огромными лапами сорвал его и зашвырнул далеко на улицу.

Разлетевшиеся доски обнажили посеревший, похотливый на застывшего бегемота, большой камень. От него начинался город Большого камня.

Халиф ударил по нему ступней, но валун не дрогнул. Он ударил еще сильнее, но камень не поддавался.

Оторопевшее чудовище дико взвыло и с новой силой влепило ступню в серый бок валуна.

На этот раз камень шевельнулся и приподнялся кверху одним углом.

Халиф ударил еще раз, угол валуна приподнялся еще больше, и вдруг из-под его потревоженного бока выступила вода...

Халиф, раскинув огромные лапы, в диком восторге загоготал, распахнутая красная пасть обнажила острые передние резцы...

...Экран погас... По комнате расползлась выжидающая тишина. Идрис, наполеоновски скрестив руки на груди, свысока смотрел на Майкла. Профессор сидел неподвижно; сгорбленный, с поникшими плечами, безлично ткнулся глазами в пол.

Но вдруг, обхватив руками голову, потерянно застонал:

- Безумцы! Уроды!.. Господи, где же ты?!-он показывался из стороны в сторону, как после тяжелого плача.

Идрис вытянулся в кресле и заерничал:

- О Боженьке вспомнил, товарищ еврейский либерал!.. и он издевательски расхохотался.-Елбай!

Майкл с ненавистью посмотрел:

- Ненавижу! Презираю!

Но слова профессора только подзадорили сытое гоготанье Идриса.

- Ничего удивительного...-перестав смеяться, отметил тот.- Ненависть для еврейского левого или как вы там сейчас «перекрашиваетесь»-либерала, одним словом, елбая, ненависть-это ваша левацкая натура!

- Не вашим фашистским душонкам рассуждать о нас!-крикнул профессор.

- Да я и не рассуждаю, я говорю сейчас, как врач-психотерапевт... Вот из-за таких, как вы, и страдает ваш народ... Если еврей принялся за какое-то начинание, но при этом он объявил себя левым-либералом, то жди беды, даже не беды, а катастрофы: самый лютый фашист перед этим еврейским левым окажется просто ангелом!.. А посмотрите, как сегодня ваши левые уничтожают Израиль! Вооружать своих врагов, расстреливать корабли, на которых находятся свои же соплеменники... Вы слышали про «Альталену»?.. Нет?.. Ну тогда послушайте! Любопытная еврейская история. В 1948 году еврейские левые расстреляли корабль, на котором прибыли в Израиль евреи для защиты вашего же сионистского государства. А на корабле находились бедолаги, которые чудом выжили в фашистских концлагерях. Гитлер их не достал, а зато ваши левые их и ухлопали. А ведь на «Альталене» еще было огромное количество оружия. Бедняги везли это все через моря-оке-йя-ны, чтоб помочь в борьбе против арабов, но не довели. У самого Тель-Авива свои же и разбомбили. Такое преступление против своего народа способны совершать только левые-коммуняги!

- А чего это у «отца неоисламизма» так вдруг за Израиль душа разболелась?-подбросил профессор.

- Бросьте, профессор! Какая чушь! У меня не «душа разболелась»... а чтоб ни одной еврейской души не осталось... и не только в Израиле... А мой, я бы сказал, анатомический интерес к евреям в этой ситуации просто неизбежен... Так вот, что касается, еврейских либералов... Любопытная теория здесь выстраивается... –Идрис мельком глянул на Майкла. Тот отворотил нос, как фыркнувшая институтка.

- Вот и прекрасно... Ваша реакция, как раз говорит об обратном: зацепило вас, мой дорогой профессор!- и он нарочито-великодушно похвалил.-Ученый! Сразу видно! А для настоящего ученого теория дороже родной матери... Так что выслушать меня вы выслушаете.. - Идрис достал из бара коньяк, плеснул в два бокала.

- Нашей взаимной любви это не помешает...-благодушно заметил он, протянув Майклу коньяк.

Тот, поколебавшись, как бы нехотя взял, но уже через мгновение, залпом осушил бокал.

...Идрис чувствовал себя профессором на кафедре, забросив руки за спину, расхаживал по комнате. Подойдя к стоявшему у двери конвоиру, смахнул с его плеча пылинку, вернулся к своему столу:

- Что такое еврейский левый, или либерал, нельзя понять, не приведя отличий его от другого, к примеру, любого либерала -не еврея... А ведь они отличаются! И очень отличаются! Я бы с удовольствием прикончил и того и другого, но, куда деваться, к сожалению, пока существует и тот и другой.

Идрис достал из нагрудного кармана рубашки маленький, с крохотную таблетку, фоночип, демонстративно осмотрев, сунул назад и как бы, опомнился:

- Ну так вот... Хорошо известно, что наличие чувства собственного достоинства- одна из самых основных потребностей человека. Одной из ее опор является осознание своей принадлежности к чему-то или кому-то. «Принадлежать!» - вот жажда человека. Еврейский левый, или либерал, полон страха от того, что он рожден евреем, и полон чувства вины за то, что он еврей. Самые большие враги для него, это слово еврей, еврейская внешность, еврейские символы, словом, все то, что

может выдать в нем его еврейское происхождение. Отсюда и начинается его конфликт... «Левый невроз»... А как я это придумал, а?!-просмаковал он.-Но продолжим... Великий психолог Перлз... тоже еврей, конечно, говорил.-Идрис скрестил руки на груди и на память процитировал:

«Заразная природа невроза основывается на сложном процессе, в котором, во-первых, присутствует чувство вины и страха оказаться изгоем, и, во-вторых, желание установить контакт, даже если это будет и псевдоконтакт.»

«Принадлежать!» Если для левого-не еврея это действительно жажда принадлежать своему народу, какой-то группе, своим ценностям, то для еврейского левого, или либерала, за жаждой «Принадлежать!» затаился его всемирный вопль «Не принадлежать!»

«Я- гражданин мира!»-вопит он, чтоб скрыть, что он еврей! «Я принадлежу к мировой цивилизации!»-орет он на всех углах, чтоб только скрыть свою принадлежность к еврейству.

- Я принадлежу! Я принадлежу! Я принадлежу человечеству! – и едко усмехнулся.-Но ведь нельзя принадлежать одновременно и человечеству, и евреям. Мир сегодня уже и не скрывает своей ненависти к вам и своего желания уничтожить вас! Да хотя бы возьмите последнюю ноябрьскую резолюцию ООН. Арабы подали резолюцию «В защиту палестинских детей», и ее приняли на одном дыхании! Но стоило только Израиллю подать такую же резолюцию в «В защиту израильских детей», так ее тут же, на том самом одном дыхании, и отвергли. По сути- именно этот день стал крахом вашей, как вы хвалитесь, «белой цивилизации.» Ведь если вду-

маться в то, что произошло: защищать жизни одних детей и отказать в праве на жизнь другим детям?!... Кто вы тогда, вы, «белая либерная цивилизация?!»... А? Лицемеры и шакалы!.. Но вернемся к нашим еврейским левым. ..Бедные ребята! Они ведь чувствуют эту агрессию против себя, они ведь чувствуют, как изуродовано их чувство собственного достоинства, но так хочется жить полнокровной жизнью, так хочется счастья, денег, славы, власти! Душа левака переполняется злобой! А агрессия, как известно, требует выхода! Но выход в этой ситуации один-борьба. А это значит: ты должен сделать выбор, кому ты принадлежишь! Что означает: ты или со своим народом противостоишь мировой агрессии, или же, переметнувшись ко всему миру, выступить против своего народа. И тогда еврейский либерал и вопит о своем мировом гражданстве, но это на самом деле другое:

«Я не принадлежу! Я не принадлежу! Я не принадлежу евреям! —сотворив паузу, Идрис с деланным пафосом процитировал:

«Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать.»... -и как будто бы нашелся:- Самое интересное, я бы даже сказал, самое потрясающее в том, что эта надпись висит на здании ООН. Та самая ООН, которая отказала в праве на жизнь еврейским детям. Но главное ведь еще в том, что ООН надпись из еврейского пророка, или кто он там, использовала, а имя автора этих соплей поставить и постеснялась. КАК БЫ И БЕЗ ЕВРЕЯ НЕ ОБОЙДЕШЬСЯ, НО И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ, ЧТОБЫ ЕВРЕЙ И БЫЛ!...-и он насмешливо развел руками.-Да! У меня тут есть еще один... елбаевский экземпляр. Мурло. Реинкарнация про-

рока, как он сам говорит. Вам еще доведется увидеть его. Но это еще тот коммуняга!

Еврейский левый- это презренный шакал, который боится быть шакалом и хочет затесаться в стае волков. Но как бы он ни затирался среди волков, сколько бы он ни набрасывался с волками на своих соплеменников, все равно он останется презренным шакалом. И чем больше он пытается отрицать свою принадлежность, чем больше он с волчьей стаей набрасывается на своих соплеменников, тем больше волки и презирают его!

Но еврейский либерал замучен неврозом, ненависть и агрессия внутри него разрывают его существо, агрессия требует выхода, но еврейский левый труслив, он шакал, он во что бы то ни стало хочет уцелеть, но уцелеть, воюя против волков, шансов мало, волки сильны, их много, и потому он хочет затереться среди сильных: среди сильных безопасней освободиться от своей агрессии! Так еврейский левый становится врагом своего народа.

Посмотрите, с каким остервенением еврейские либералы участвуют в антиизраильских демонстрациях! С какими осатанелыми лицами они набрасывались на забор безопасности, который строил Израиль! Но когда я вижу это, когда я вижу эти злобные ваши лица, которые шествуют в поддержку каких-нибудь зулусцев, камбоджийцев, да кого угодно, в то время, когда их страна истекает кровью, я, как никогда остро, вижу всю эту фальшь, весь этот ваш левацкий страх: «Не принадлежать! Не принадлежать! Не принадлежать своему народу!»

А отказываться от своего народа, это все равно, что отказываться от матери, которая вскормила и воспитала тебя! А это противно! Это противно всем! Потому, что

это противно человеческой душе! И я ненавижу вас еще больше!

Самое мерзкое, самое низкое, что можно было придумать- это еврейский либерализм! Эта жажда принадлежать кому и чему угодно, лишь бы это была огромная масса! Толпа, в которой, как им кажется, легче всего уцелеть. Но волки видят шакалов! И пока шакалы им нужны, они не тронут их, они используют их, но неизбежно наступит миг, когда семенящий в волчьей стае шакал будет разорван волками на куски!

...Профессор сидел сгорбившись, ткнувшись глазами в пол.

Идрис с презрением посмотрел на него:

- И последнее, профессор,- он нарочито-обреченно развел руками:

- Снова Федерик Перлз:

«Пациент должен научиться обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира, применять их в соответствии с требованием ситуации, говорить «нет», когда это надо сказать».

Но поскольку еврейские либералы не хотят понять своей паранойи, поскольку они не способны «обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира», они обрушивают их вовнутрь, то есть против своего же народа.

И если левые и способны сказать «нет», то это только:

Нет!-еврейским ценностям!

Нет!-еврейскому народу!

Нет!-еврейскому государству!

Нет!-«Альталене!»

А кто любит предателей, космополит вы мой драгоценный?!...-мол, сам виноват, Идрис пожал плечами.

Майкл насмешливо посмотрел на него:

- Надо понимать, Вы диагностировали мне паранойю...

- Разве лично Вам?.. Хотя сами посудите... Вспомните, как на той же конференции вы обрушились на своего соплеменника. Бедный израильтянин! Но зато какой у вас был праведный, я бы сказал, истинно-левацкий гнев! —и он с нарочитым пафосом передернул слова Майкла:

«...а вы бы хотели, чтоб вас выпшвырнули из своего дома!...» О, Господи! Вам -то что до этих зулусцев-камбоджийцев?! Чего вы так из шкуры лезете?.. Какое вам дело, что будет или не будет с ними! Чего вы так больше всех печетесь о «страданиях бедного человечества»?! Чего вам больше всех надо, когда то же самое человечество с сатанинским упорством хочет уничтожить ваш народ?! Куда вы все время лезете, шакалы?! А все это ваше левацкое —«Принадлежать!», а точнее —«Не принадлежать!» означает лишь одно: еврейские либералы всеми правдами и неправдами хотят влезть в волчью стаю!.. А ведь если признаться, тот араб прав: «...тот конфликт, а это знает любой психолог, неразрешим!...» К тому же никто и не хочет его разрешать. Арабские лидеры готовы уничтожить миллионы своих мусульман, но только чтоб уничтожить еврейское государство. Мир жаждет одного-смерти Израиля!.. Этого хочу и я! И я это -сделаю! Я-Идрис! Я-основатель неоисламизма!

- Ваше откровение, наверное, нужно понимать, как приговор... мне?

- Ну, почему же приговор?! Вы еще поживете... Правда, света белого вам больше не увидеть, но здесь вы еще поживете... Вы мне пока еще нужны... Я бы, конечно, по возможности не беспокоил Вас, но ведь... крысы, какими бы они лабораторными не были, они все равно не знают древнееврейского...- и он расхохотался своим сытым, с издевкой, смехом.

Профессор длинно посмотрел на закинутую сверху готавшую голову, резко поднявшись, ударил ногой по стулу.

В то же мгновение охранник скрутил ему руки за спину.

- Ничего у вас не выйдет!-громко запротестовал профессор.

Это, казалось, еще больше рассмешило Идриса: сидя на краю стола, он от удовольствия прихлопнул рукой по колену.

Оставь!..-хохоча махнул он охраннику, и тот, оттолкнув профессора в угол, поднял опрокинутый стул и тычком в грудь толкнул Майкла на табуретку.

- Да-а!..-сытно вздохнул Идрис.-Давно так меня не смешили!-и во второй раз достал из кармана фоночип. Демонстративно повертев его в руках, он как бы для себя проговорил:

- Получится-хорошо... Не получится... пойдем дальше... Ведь... Язык Бога! Ковчег Завета!-и он деланно-спокойно посмотрел на профессора:

- Знаете что это такое?-он показал фоночип.

Тот напряженно подался плечами вперед.

- Эта «крошка», если ее вживить в мозг, умеет считывать нужную информацию... И не только считывать!.. Нас ждет великий Ритуал.

Майкл вдруг съехал со стула и умоляюще пополз на коленях к Идрису:

- Светлейший, прошу Вас, не трогайте меня! Прошу Вас! Ради всего святого! Не трогайте!-и закричал.- Умоляю!

Он осел на пятки, упав головой к полу, заплакал.

Фигура безбрового в камуфляжной форме висела над ним.

Профессор вдруг поднял залитое слезами лицо и бросился в ноги Идрису:

- Прошу тебя, не трогай!

Тот, брезгливо оттолкнув его, быстро выпшел в красную дверь. На пульте появились люди в белых масках и синих халатах. Один из них держал шприц.

... Игла вошла в руку профессора.

...Профессор, с чисто выбритой головой, лежал на операционном столе, в большой, современно оборудованной «Операционной».

Пять-шесть человек в спецодежде, в масках, выжидающе смотрели на сидевшего поодаль Идриса. Он тоже был в спецодежде. Долгая пауза. Наконец, он встал, повернувшись к стене, молитвенно поднес ладони к глазам и через минуту коротко бросил:

- Начинаем!

В руках хирурга блеснул скальпель...Красная кровавая нить обегала вокруг обритой неподвижной головы профессора... Хирург вскрыл череп, обнажив слизистый живой мозг.

...Обитатели пещеры сидели каждый по своим углам.

Затаенная сумрачная тишина.

Соломон глянул на Руфь. Ткнувшись лицом в колени, она сидела чуть поодаль от скучковавшихся соплеменников Натурей карто. Почувствовав взгляд, она подняла голову.

Две пары глаз в сумрачном подземелье, на расстоянии, всмотрелись друг в друга.

Соломон поднялся, отряхнув штаны, церемонно потрусил ладони и пошел к ней. Десятки, сверкающих в полумраке глаз, уперлись в него.

- Эй, мракобесы, чего нахохлились?!-и съязвил. На-ту-р-яйцы! Вместо того, что бы свою честь защищать, врагам нашим задницы лижете! Думаете они вас пожалеют?! В первую очередь вас же и сожрут! Потому что никто не любит предателей!-и он, точно отсекая Руфь, сел между нею и ее соплеменниками, пододвинулся ближе:

- Красивая, как тебя зовут?

Не отнимая лица от колен, она посмотрела на него, и в свете лампы в ее глазах мелькнула легкая улыбка.

- Ладно...-вздыхнул Соломон.-Но ты ведь все равно не молчишь! Знаешь, что ты говоришь? Ты говоришь: какого мужика я спасла!

Она утопила в коленях смех. Приободренный этим, Соломон придвинулся еще ближе, успев чертыхнуться, что под ним так громко зашуршала солома. Но его щеки коснулась прядь ее шелковистых волос, и ему показалось, что он умер...

- Я знаю, как тебя зовут...-ожил он.-Мне сказали твое имя, когда я и своего еще не знал...

Она с улыбкой посмотрела на него:

- Тебе, наверное, сказали, что меня зовут Руфь...

- Ничего себе!-восхищенно пропел Соломон.-А как ты узнала об этом?

О чем-то загудели натурейцы.

- Смелчаки!-нарочито вздохнул Соломон и посмотрел на соседку:

- Спасительница, скажи, а тебя и вправду зовут Руфь?

Она с улыбкой кивнула, но отчего-то глаза ее затопила печаль.

- Руфь, я спасу тебя! Вот увидишь... родная!..-Соломон почувствовал, как в груди свихнулось сердце, он невольно потянулся рукой к ее щеке, но у самых его дрогнувших пальцев лицо Руфи отплыло в сторону.

В это мгновение, задребезжав, отошла решетка, и в пещеру втокнули высоколобого, в европейском костюме, мужчину.

Едва не съехав на соломе на пол, он неловко выпрямился. Попривыкнув к полумраку, сел недалеко от безбровых. Один из них пристально глянул на него.

- Мэрло!-дипломатично представился он.

- Ишак!-оценил его мутант.

- Коммунист...-тактично подбросил тот.-Ерейская левая организация «Марэло»...

Безбровый вопросительно глянул.

- Маркс-Энгельс-Ленин...-прежним тоном расшифровал новоприбывший.

- Так и бы и сказал... Мурло...-нарочито вздохнул Соломон.

В группе сектантов вдруг что-то взволнованно застрекотали, повернулись лицами в центр образовавшегося меж ними круга.

С каждым мгновением возня стала перерастать в суматоху.

Став на колени, они склонились над чем-то, возбужденно затараторили и потом из расступившейся кучки поволокли к решетке пожилого седобородого соплеменника. Пятки его туфель цеплялись за солому, один башмак спал и замер подошвой вверх.

Один из тащивших затарахтел решеткой и стал звать на помощь. Темное нутро коридора отвечало глухим молчанием.

Кто-то распахнул старику рубашку, приник ухом к груди и через минуту обреченно сел на пятки, бросив глаза к полу.

Второй из тащивших снова затарахтел решеткой, стал рвать ее на себя, но туннели бункера были глухи.

Сидевший над стариком закрыл брошенные в потолок, застывшие глаза старика.

Те двое вернулись к своим, и теперь они все вместе, перебивая друг друга, стали спорить, как правильное поступить.

- Замолчите!-громко крикнул кто-то из них, и в пещеру упала жуткая тишина.

Тусклый свет фонаря стекал по бледно-мертвенному лицу трупа.

Хаймалка прижалась к матери.

В навалившейся тишине вдруг послышалось какое-то шуршание, и рядом с мутантом, из-под соломы, выбрались две огромные крысы.

Поблескивая маленькими хищными глазками, словно безраздельные хозяева этого полумрака, они деловито подбежали к опрокинутой туфле, обнюхав ее, шурша по соломе длинными хвостами, подбежали к труп.

Руфь, вскрикнув, ткнулась лицом в плечо Соломона.

Пещера оцепела.

Крысы взобрались на грудь старика, и, почти слившись с его черным кафтаном, подобрались к желтому лицу.

Кто-то из сектантов стал подбираться к башмаку, метнул было в крыс пучком соломы, но одна из них тут же угрожающе ощерилась, сатанински взвизгнув, казалось, вот-вот была готова броситься ему в лицо.

Тот испуганно отпрянул назад и, прикрывшись рукой, влип в каменистую стену.

Откуда-то, сбоку от Мурло, выскользнула третья крыса и так же хозяйски-неторопливо волоча за собой длинный, скользкий по соломе хвост, подбежала к голове старика, взобралась на нее, растрепав его седые волосы.

Первые две крысы, уже вонзившие зубы в веки мертвеца, почувствовав запах чужака, мгновенно ошенились, угрожающе присев на задние лапы, бросились на непрошенного сородича, сбросив его с головы трупа.

Сатанинский визг сцепившихся в смертной схватке крыс растерзал затаившуюся тишину сумрачной пещеры.

В яростно завертевшемся клубке дьявольски горели маленькие, злобно горящие глазки; острые хищные зубы, отрываясь, снова вонзались в черную мягкую плоть дерущегося насмерть противника.

Крыса-чужак яростно отбивалась, но через минуту была разорвана сородичами и валялась с выпавшими слизистыми внутренностями.

Разделавшись с врагом, победительницы, с мокрыми окровавленными мордами, отфыркиваясь, вновь взобрались на старика, метя по желтому его лицу длинными хвостами.

Обитатели пещеры оцепенело впились глазами в жуткое шевеление на желтом неподвижном лице трупа. В холодящей тишине возникло отчетливое мелкое почмокивание, исходившее от крысиных пирующих морд.

Соломон, вдруг стащив с себя туфли, остервенело, одна за одной, ударил по хищникам. Те, сатанински завизжав, отскочили в сторону. Соломон подхватил башмак старика и швырнул его в них. Следом, точно по договору, ударил крик безбровых, в крыс полетело что-то еще, и они удрали сквозь решетку, не выдержав этого натиска.

Лия, обхватив голову, мелко дрожала. Рядом, став на колени, утешала ее Хаймалка.

Соломон вытащил из-под спины старика полы черного кафтана и накрыл его искусанное лицо.

В молчаливом подземелье настаивалась безысходность...

..День, которого столько ждал Идрис, вдруг оказался у самого порога.

Завтра!

Завтра –начнется его победный путь, его и его великого движения, и завтра же он положит начало тому, чего столько тысячелетий жаждал мир- получить тайну Завета и уничтожить иудейское племя!

...Но если даже что-то не состоится, все равно, в любом случае, это будет шагом на пути к его Великой цели, а путь этот не прост и требует времени!

Но когда-нибудь он поднимет победно руку: язык Бога познан и мир очищен от скверны!

«Прежде, чем заинтересовать Бога, нужно заинтересовать Дьявола!»-вспомнились ему слова Сатаны.

«...но не только заинтересовать...»- подумалось Идрису и он суеверно подавил конец возникшей мысли: «...обмануть Сатану...»

... Он взял со стола пару листов, отпечатанных журналистом-Хадисом. Сейчас ему нужно было решить, когда именно показать эти тексты профессору: сегодня или за несколько минут до начала Ритуала.

Идрис закинул ноги на стол, откинулся на спинку кресла.

Оба варианта имели свои плюсы, но в случае неудачи возникали новые проблемы с « подбором нового человеческого материала».

Идрис решил вызвать своих консультантов, бывших преподавателей, профессоров экспериментальной психологии.

А тексты были таковы.

Текст первый.

Еврейский погром, совершенный мусульманами окраины Российской империи. Из архивов России.

«Кавказ. 1816 год. Аул Ханабади. Здесь найден труп зверски убитого семилетнего мальчика. Ребенок-сын местного муллы.

Мальчику было нанесено несколько колотых ран, горло перерезано.

Расследование российских властей, которое проводилось под контролем генерала Ермолова, показало, что в убийстве замешана одна из жен муллы, которую мальчик застал в объятьях чужого мужчины. Последний был мусульманином. Побоявшись огласки, он решил избавиться от опасного свидетеля-семилетнего ребенка. Ни в чем не повинный ребенок был казнен. Мусульманин пролил мусульманскую кровь.

Дальнейшая трагедия разыгралась молниеносно. В убийстве ребенка по навету местной мусульманки обвинили трех горских евреев из соседнего аула.

По приказу хана Исмаила евреи были подвергнуты ужасным пыткам: им выломали руки, били дубинками, отрезали носы, уши. Человеческие тела, под иступленные крики обезумевших зверей, были превращены в кровавое месиво. Под изуверскими пытками у троих евреев были выбиты «имена преступников»: тридцать евреев из соседнего села Варташен подверглись пыткам. Наверное, в этих пытках принимал участие и истинный убийца семилетнего ребенка. Но правда еще должна была быть выяснена. А пока издевательства продолжались. Евреям предлагали или сознаться в убийстве или принять ислам. Молодой парень, не выдержав пыток, решил принять его и показал, что мальчика «убили» двое из тридцати евреев. Но ни принятие ислама, ни его «признания» не спасли ни его, ни всех тридцати евреев Варташена. Хан Исмаил приказал разделаться со всеми, а в само село, в

квартал горских евреев ворвался большой вооруженный отряд.

Грабили дома, убивали, насиловали женщин. Еврейский квартал был полностью разграблен и разгромлен. Был убит раввин Авраам, от которого требовали перейти самому и привести в ислам оставшихся в живых евреев Варташена. Евреи ислам принять отказались, погром продолжился до полного уничтожения еврейского квартала...».

История эта напомнила Идрису о предательстве жены, и все это вместе: и ее измена, и упоминание мусульманского «зверства» доводило до бешенства, но перед ним были исторические свидетельства, которые уже никак переделать было нельзя, да и сейчас они были нужны именно такими, как и были...

...Измена жены...

Идрис с пренебрежением сбросил лист на стол..

На «Пульт», в сопровождении вампира, вошли двое пожилых мужчин в черной робе обитателей подземелья.

Идрис, оставив их стоять у дверей, повернулся к ним на своем вращающемся кресле:

-Мне нужно... окончательное мнение по поводу предстоящего эксперимента... Мы много и детально обсуждали этот вопрос, но цена его велика и потому риск должен быть сведен до минимума. Вы -ученые и вас не может не интересовать судьба этого, я бы сказал, нашего общего дела. Вероятно, вы не раз возвращались к проблеме после нашего последнего обсуждения. Я хочу знать: изменились ваши позиции или остались прежними. А именно: нужно ли усилить эффект ожидания или же оставить его на прежнем уровне... – он посмотрел на одного из них.-Жюваль?

Тот секунду помедлил, взглянув на Идриса, бросил глаза к лежавшим на столе бумагам:

- Для того, чтоб изменить мнение, как вы сами знаете, Светлейший, нужно обладать соответствующей информацией. Мой опыт работы психотерапевта говорит об одном: чем больше сопротивляется одна из расколотых частей психики, тем больше она усиливает противоположную.

Идрис, опустив голову, скрестил руки на груди. На «Пульт» змеино заползла тишина.

Идрис посмотрел на второго ученого:

- Франсуа?..

- Да, мы говорили об этом с Жювалем... Наши позиции сходны.

Идрис, забросив руки за спину, прошелся по комнате, подошел к вампиру, стоявшему чуть поодаль от двоих ученых, похлопал Халифа по черной мохнатой щеке:

- Все в этой жизни-мотивация и выбор...- он отчески посмотрел на вампира.-Ты согласен со мной, мой друг?

- Я с Вами согласен, Светлейший...-ответил тот, глядя куда-то вперед неподвижными круглыми глазами.

- Хорошо...-энергично бросил Идрис.-Ознакомьте с... этим профессора...-он подал Жювалю листы с отпечатанными текстами.-Идите!

...Идрис остался один... Глянув на огромное окно, за которым уже совсем скоро должно было состояться его великое действо, подошел к нему и наполеновски скрестил руки...

Он оглядел распахнувшееся за стеклом пространство. Все здесь создавало впечатление огромной пло-

щади, подготовленной для грандиозного жертвоприношения: и ряды для почетных зрителей по бокам, и по центру, возле самой «Стены Плача» – жертвенный камень, поднимающийся над землей на три метра, и неподалеку-Трибуна Правителя с роскошным тронном.

- Дьявол!-Идрис с восторгом влепил торцами кулаков в окно.-Сатана!-он словно восторгался собой.

И вдруг в центре площади возник сам Дьявол.

На нем был красный плащ, из-под которого торчала рукоять серпа. Он походил на рогатую красную фигуру в центре огромной шахматной доски.

- Эй, Светлейший!- Сатана скрестил копыта.-Снизойди до слуги своего!

Идрис с едкой усмешкой посмотрел на него и через пару минут по винтовой лестнице выпел на пространство площади.

- Да сбудутся все твои планы!-Дьявол приветственно поднял руки.

- «...наши...» -ты хотел сказать...-степенно подходил к нему Идрис.-Ну что ж, получить благословение от такой культовой, как Сатана... личности - великое дело!

- Вот именно!.. Благословение Сатаны покруче Божественного! Ибо и в нем пребывает Господь!.. А потому-Я-личность!

Он вдруг распахнул свой красный плащ, выхватил из-за пояса сверкающий серп и задекламировал:

Мир сотворен в желании и страхе!

Желание и страх-мой хлеб и мой чертог!

Все тайны мира-на кровавой плахе:

Чем злобней Дьявол, тем желанней Бог!

...Как род людской страдает без войны!

Как сладострастно жаждет Сатаны!

...Закончив декламировать, Дьявол артистично цокнул копытцем и, припав на козлиную коленку, укрыл себя своим красным плащом.

В огромное пространство проникла пристальная тишина.

- Мо-ло-дец...-нарочито поаплодировал Идрис.-А теперь исчезни... если не хочешь, чтоб я разорвал договор.

Сатана высунулся из-под плаща, пристально, снизу-вверх, посмотрел на него и, взлетев к трибунам для почетных гостей, исчез под скамейками.

Идрис еще долгую минуту смотрел в сторону, где растворился красный плащ Дьявола.

...Все было расставлено по местам.

И это пространство Идриса походило на светлый-Божий мир: Ад должен быть привлекателен и даже похож на Рай...

Пространство у «Стены Плача» ждало своего нового героя, свою Великую и последнюю надежду: трибуны, заполненные почетными гостями, их детьми, в ожидании замерли.

И вот, наконец, наступил момент выхода героя: под звуки труб и бой барабанов на площадь «Стены Плача» на белом коне выезжает Идрис. Он статно сидит в седле; решительный, с красным выющимся за спиной плащом и открытой на левой руке печатью: красный заяц.

Коня под уздцы ведет самое преданное Идрису существо-вампир Халиф.

На мгновение замерли от восхищения и вдруг взорвались, завизжали в восторге все трибуны.

Но герой словно и не замечает этих приветственных возгласов: он величественно на своем скакуне гарцует по еще пустой площади, но на которой уже совсем скоро должен быть уничтожен последний еврей и сожжена последняя память о нем.

Герой скачет по красной ковровой дорожке туда- к своему постаменту, который высоко возвышается над камнями площади. А на постаменте его королевский трон, Трон всемирной исламской империи и он же-трон правителя Иерусалима-единой столицы этого мирового неоисламского халифата.

Слева от трона на небольшом отдалении-трибуны почетных гостей, справа -жертвенник, на котором и будет принесена в жертву последняя еврейская душа.

На постаменте, в метрах двух от трона, возвышается столб, к которому будет прикован отец жертвы, отец девочки. И он будет прикован так, что будет видеть, как принесут в жертву его дочь, и как там, внизу, надругаются над его женой и будет уничтожена вся оставшаяся последняя кучка иудейского племени: все, как было во все времена, как уничтожали их в веках, как уничтожали их в тысячелетиях, но как этого уже не будет во веки веков!

..Но вот герой подскакал к лестнице, которая должна привести его и весь мир к желанной славе. Вампир помог спешиться своему хозяину. Появившиеся слуги взяли поводья, отвели коня в сторону, Идрис шагнул на лестницу и следом вступил на нее Халиф....

И все пространство у «Стены Плача» возопило и залилось в новом и еще никогда не виданном прежде восторге!.. Дети веселились и кричали!

Жизнь догорит, как поминальная свеча,
Что человек, что зверь-невелика потеря.
Мир смотрит на меня глазами палача,
И ждет в ответ мое-Великодушье Зверя!

....Утренние небеса, словно в молитве, накинуд на себя светлые талиты, склонились над восходящим солнцем, как над своим Вечным Золотым Свитком.

Долина Призванного погрузилась в эту чистую рассветную медитацию...

...Ури стал перед домом, окликнул ягуара. Властная кошка, приминая мягкими лапами траву, вынырнула из-за дома и легко затрусила к хозяину.

- Готов, солдат?!- дружески и в то же время требовательно спросил старец. Ягуар преданно потерся мордой о ногу Ури.

Старец повернулся лицом к Стороне Храма. В руках его медная ступа, наполненная водой. Старец всею вышпелснул по воздуху воду, начертил в воздухе невидимый знак, пропел несколько слов, и перед ним, как в центре мира, подобно величественной миноре, заискрилось Великое Дерево Струющейся Воды.

К его царственной кроне потек молитвенно-властный голос старца:

- О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая! Непостижима
Сила Твоя! Ты явила Невыразимое и одарила нас Вели-
ким Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарен и да будет
благословенна и неизбывна Сила Твоя!

О, Великая Пустота!

Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами
Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть вернется Честь и Сила к унижающему СЕБЯ
в веках народу Израиля!

Пусть свершится Великая Тайна Воды - Великая
Тайна Жажды-Великая Тайна Израиля!

О, Великая Пустота!

Обращаюсь к Слову Твоему и пусть настанет Его
Праведный час!

В яростной злобе враги Завета сеют на Святой
земле ненависть и смерть!

И никогда еще не была так осквернена и поругана
кровь человеческая!

О, Великая Пустота!

Спаси мир от ужаса!

Вижу Праведный гнев Посланницы Твоей и вижу
Праведный Меч в руке Ее!

Пусть окрепнет дух Призванной Тобой Девы и
отмстится невинно пролитая кровь еврейского Народа!

Будь благословенна, о, Великая Пустота!

...Несколько мгновений Ури смотрел на струя-
щийся к небесам прозрачный ствол Дерева. Коснувшись
чуткого загривка ягуара, старец словно благословил:

-Пора Гром!

Ягуар обвел мордой вокруг опущенной руки хозяина, легко затрусил, в несколько мощных прыжков вознесся к стволу и, став такой же прозрачной волной, слился с ним.

Ури долго смотрел вслед расставшему в воздухе Великому Дереву...

Над Долиной Призванного восходило Спелое Солнце...

..Но во, под рев трибун, Идрис поднялся на свою площадку с тронem. Повернувшись лицом к ликующему и славящему его человеческому роду, приподнятыми ладонями, по- королевски снисходительно отвечал на это всемирное приветствие.

Несколько минут он позволял себе насладиться этим триумфом, признанием его титанической работы, и затем поднял руку.

Толпа тотчас повиновалась и затихла.

Идрис окатил ее паузой презрения, и потом, над всем этим огромным пространством, заклокотал его властительный голос:

- Исполнилось! Наконец исполнилось то, о чем тысячелетиями мечтали наши отцы и праотцы, наши далекие и недалекие предки: сегодня, наконец, мы сотворим Величайшее Жертвоприношение!

Идрис дал вволю излиться восторгам исстрадавшихся по этому празднику душ и резко бросив кверху руку, бросил:

-Начинаем!

Все на мгновение затихло, и на площадь втокнули обритого наголо пятидесятилетнего мужчину. Это был профессор Майкл. Ноги и руки его были закованы в длинные цепи, которые, волочась по камням площади, отчетливо звенели в затаившейся тишине.

Толпа затаила дыхание.

Двое безбровых время от времени толкали Майкла в спину, тот, едва удерживаясь на ногах, пробегал вперед.

Вдруг вязкую тишину разорвал чей-то острый крик:

- Смерть евреям!

- Смерть евреям!-взорвались трибуны.

Толпа стала походить на единую, со сверкающими глазами, злобную массу.

Охранники снова толкнули пленника в спину, на этот раз, бросившись плечом вперед, он не устоял и упал, завалившись на бок.

Безбровые подняли его, дали дойти до ступенек- к трону великого вождя.

Толпа ревела, а пленник, волоча цепи, поднялся на постамент. Майкла подвели к Идрису. Долгую минуту стояли- глаза в глаза и орала зверевшая с каждой минутой толпа.

- Сегодня Ваш день, профессор!-Идрис расхохотался ему в лицо и сделал знак охранникам: действуйте.

Профессор обернулся на него, Идрис увидел, как в глазах Майкла мелькнула, изничтожила все его нутро быстрая, как клинок, усмешка.

- К столбу!- заорал Идрис, его пронзительный крик, казалось, прорвался сквозь вопли орущей толпы.

Пленника заковали к столбу.

Трибуны ликовали.

Идрис, приложив руку к сердцу, легко поклонился им, поднял руку. Рев смолк.

- Братья и сестры!-гордо бросил он.-Мы продолжим наше священнодействие! Через минуту-другую мы получим всю ту радость, все то счастье, которого мы жаждали столько тысячелетий! Мы уничтожим последнюю нечисть-иудейскую собаку! Смотрите же!- и он вдруг жестом колдуна бросил рукой в противоположную сторону- к воротам, в которых возникли фигуры в странных одеяниях: человек тридцать мужчин и женщин.

На них были напялены высокие шутовские колпаки, на шее каждого подвешены железные гири, перепо-ясаны они были желтыми ремнями, женщины были обуты в разноцветные башмаки: на одной ноге черный, на другой-красный. Многие из них волокли по земле тяжелые мешки.

В этом понуром шутовском шествии выделялась девушка лет девятнадцати. Она шла впереди этой колонны, закованная в длинные цепи, с заведенными за спину руками. Хаймалка.

Среди них можно было узнать обитателей пещеры: Соломон и Руфь, двое безбровых, группа сектантов Натурей карто.

Почетные гости на трибунах с любопытством подались телами вперед.

- Смотрите на этих свиней!-бросил Идрис.- Вот так столетиями мы, правоверные, заставляли одеваться этих иудейских собак! Веселитесь же!

Трибуны с представителями мирового сообщества загоготали.

Тыча руками в понурое шествие, почетные гости хохотали: был Звездный час мировой общественности...

Майкл, привязанный плотно к столбу, вдруг узнал в закованной девушке Хаймалку, а в толпе пленников-свою жену.

Идрис подбежал к нему и шутовски приблизился к лицу:

- Узнал свою доченьку, профессор?! А ты беспокоился: «где моя дочь?! Где моя дочь?»... Так вот она!.. Узнал?.. А там дальше... узнаешь?... – и заерничал.- Чья это супруга, а, товарищ еврейский либерал?!

Толпа визжала и гоготала. А из ворот, растекаясь в две стороны, стали выбегать десятки безбровых, одетых в черные камуфляжные одежды. Кто-то из них держал наготове саблю, кто-то цепь, у других в руках были плети...

- Но не торопитесь!- продолжал ерничать в лицо Майклу Идрис.-Ритуал еще только начинается... А вон туда посмотрите...- и он кивнул на жертвенник.-Знаете кого ждет это Великое ложе?

- Нет...-вдруг потерянно зашептал профессор.-Нет.. Нет..- и, желая вырваться из железного кольца, напряг шею и закричал:

-Не-ет!..

-Да!-в ответ вкрадчиво протянул Идрис.

Лия, словно услышав сквозь гогот и лай толпы, голос мужа, вдруг взглянула наверх. В первые мгновения, не веря себе, она замерла, вгляделась... Колпак сле-тел с ее головы.

В ту же секунду безбровый нанес ей в спину удар плетью, и послышался окрик.

Лия выгнулась, но выстояла.

Группа евреев подошла к центру площади, десятки безбровых взяли ее в тройной круг. Они закружили вокруг пленников в ритуальном накручивающем ярость ритме. Рассекали воздух сабли, звенели цепи, свистели плетки.

Вдруг из растерянной группы евреев, вокруг которых все больше и больше смыкалось кольцо звереющего воинства, вырвался высоколобый мужчина. Мурло.

Он прорвался сквозь кружившие ряды, бросился к подножью трона Идриса, упал на колени:

- Светлейший, не убивай! Умоляю тебя! Это я, Мурло!.. «...и перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы...». Ты же помнишь? Библия!-валялся в ногах трона высоколобый.-Я еврейский левый! Либерал!-и вдруг завопил:

- Не убивай!.. Все для тебя сделаю! Все, что скажешь! Только прикажи!

- Значит... все... говоришь, Елбай?!- свысока с усмешкой смотрел на него Идрис.

А трибуны раскалялись все больше и больше.

- Все-все! - обрадованно закивал Мурло.

- Да.-хмыкнул Идрис и повернулся на вампира, стоявшего у трона.-Интересное дополнение в сценарий... Неожиданное... Не правда ли, Халиф?

- Правда, ваша Светлость! Неожиданное дополнение в сценарий...-заученно ответил тот, сверкая круглыми черными глазами.

- Ну что ж...-усмехнулся Идрис.-...Дадим ему шанс... Так значит дать тебе шанс?

- Дай! Дай!

- Тогда убей ее!-Идрис показал на Лию.

Елбай, глянув на нее, вдруг суетливо поискал глазами вокруг себя:

- А чем, Светлейший? Я пустой...-и он покрутил ладонями.

- Сатана ! Эй, Сатана!-вдруг крикнул Идрис и в то же мгновение рядом с Мурло возник Дьявол.

- Эй, коммуняга! Дай этому герою его оружие!-приказал Идрис Дьяволу.

Сатана оглядел того с головы до ног:

- Значит, говоришь: «... мечи на орала...копья на серпы...»?...

- Серпы-серпы, коллега... .

- Ну тогда, держи!-Сатана выхватил из-за пояса серп и бросил ему.

Тот, все еще оставаясь на коленях, подхватил его, сжав рукоять, снизу- вверх посмотрел на Идриса:

- Спасибо, Светлейший... Век благодарить буду!... Мы левые...

- Пш-шел!-брезгливо бросил Идрис.

Елбай тут же вскочил с колен, вскинув руку с серпом, шагнул было исполнять приказ, но Сатана остановил его:

- Эй, конь с серпом!-Дьявол, неспешно поцокивая копытцами, подъюлил к нему.-А ну-ка, подставь свой лобешник!

Тот услужливо подставил свой высокий лоб, Сатана тут же залепил в него зашплевшей печатью:

- Вот так!-отняв руку, с наслаждением художника осмотрел свою работу.

Елбай стоял все также пригнувшись, но уже с красным зайцем посредине лба.

-Вот теперь ты, точно, Елбай!-Сатана копытцем пнул его под зад.-Пошел!

Тот услужливо выпрямился:

- Есть!-и снова над его головой засверкал серп.

Тройной круг безбровых, пританцовывая, смыкался больше и больше. Елбай, держа на глазу лицо Лии, точно на прицеле, шел на нее. Идрис метнулся к Майклу:

- А теперь смотри! Вон на того смотри!-он зло схватил Майкла за подбородок, повернув его лицо в сторону Лии.

Елбай, пробравшийся сквозь круги безбровых, захваченный их ритмом, подергивая серпом, стал приближаться к Лие и Хаймалке.

Группа сбившихся в кучу Нетурей карто, на мгновение забыв об угрожающе смыкавшемся круге, об озверевшей на трибунах толпе, видела только находившего на них с серпом Елбаю.

Кто-то должен был стать его жертвой. В какое-то мгновение, почувствовав, кто-именно, группа рассеклась, и Лия осталась с Хаймалкой. Та сильнее прижалась к матери, но вдруг Лия, оторвав ее от себя, оттолкнула в сторону, шагнула к надвигавшемуся на нее Мурло.

- Мама!-рванулась было Хаймалка, но двое бритоголовых схватили ее под руки и оттащили от матери.

...Елбай, выпагивая в ритм безбрового воинства, чуть приподнял серп.

Двое пленников-мутантов вдруг, словно сговорившись, прижимая к груди гири, бросились к смыкавшемуся кругу:

- Мы не евреи!-они умоляюще заглядывали в закрытые масками лица.

Я –Исмаил!

Я-Махмуд!-они вцеплялись в рукава выпшагивающих в ритм безбровых.

Но те только безгласно отталкивали их.

Вдруг Исмаил упал на колени и пронзительно завопил:

- Я не еврей! –он бросил руки к возвышавшемуся на тронной площадке Идрису.-Не убивай!

Тут же на колени упал и Махмуд:

- Не убивай!

Идрис с высоты своего трона заметил эти орудия на коленях две фигуры и только безгласно сплюнул.

...Елбай уже высоко занес над головой остро сверкающий серп и был от Лии в нескольких шагах.

Лия оглянулась: Хаймалка, пытаясь вырваться, беспомощно билась в руках двоих убийц. Глаз Лии, сорвавшись с кричащей дочери, наткнулся на Соломона, стоявшего рядом с Руфью. Секундный, но бесконечный взгляд: глаза в глаза.

Соломон посмотрел на Руфь, сбросив с шеи гири и, сорвав с головы шутовской колпак, шагнул к Лии. Он уже был в шаге от занесшего серп убийцы, как на него со спины, прижимая гири к груди, с пляшущими на головах колпаками, набросились Махмуд и Исмаил, и завалили его на землю.

Идрис, скрестив на груди руки, с наслаждением смотрел со своего тронного места.

Кольцо безбровых угрожающе смыкалось.

Майкл потерянно пытался вырваться из цепей. И память, словно решив отомстить ему, подставила картины... колледжа: бешеная толпа... десятки ног, бьющих в опрокинутую на пол дочь.. А потом увиделся гнев

жены: «Это все ты сделал! Ты и такие же трусливые евреи, как ты!.. Вместо того, чтобы уничтожить эту мразь, вы обучаете их, оплачиваете их университеты!.. А в благодарность-кровь моей дочери?!»...

- Нет!..-профессор не смог смотреть на дочь. -Нет!..- потерянно стонал он и снова закричал.-Не-ет!

Тройное кольцо все больше зверевших безбровых было уже совсем близко.

Соломон пытался вырваться из-под налегавших на него Исмаила и Хадиса, Руфь бросилась было к ним, но чьи-то руки удержали ее!

Она пронзительно закричала, но ее крик потонул в визге ликующих трибун. Озверевшие зрители стали рвать на себе одежды, чьи-то голые тела забились в сатанинском совокуплении, и все это стало походить на какой-то дьявольский ритуальный танец.

... Убийца уже был в двух шагах от Лии. Она стала отступать.

Убийца занес серп , шагнул вперед.

Вдруг кто-то от ворот, сбросив, раскатал свиток Торы. Лента пергамента пролегла между Лией и находившим на нее Мурло.

Хаймалка, видя, как убийца приблизился к ее матери, забилась в руках охранников.

- Мама! Мама! Нет!...

- Смотри! Смотри! Еврейская собака!-кричал Майклу Идрис, держа его за подбородок.-Открой глаза! Открой глаза, космополит поганый!..-он пальцами силой пытался открыть веки Майкла...

Елбай ступил на ленту свитка, занес над головой Лии серп. Лия попыталась заслониться от сверкнувшего

лезвия ладонями, но острые серпа, резко сорвавшись, вонзилось ей в грудь.

Лия схватилась за лезвие, ударив по убийце остановившимися глазами, осела на пергаментную, исписанную черным шрифтом, ленту Торы.

Убийца вырвал острые серпа из разорванной груди Лии, она упала на ленту свитка, обогрив ее кровью.

Увидев первую кровь, три кольца накрученных до зверства безбровых, как по сигналу, набросились на горстку визжавших от страха Нетурей карто:

- Мы Нетурей карто! Смерть Израилю!

- «Купайтесь в крови» врага!»-в ответ закричал Идрис, словно подстегивая и без того озверевшее воинство.

- «Купайтесь в крови» врага!»-ответил ему ликующий гул обезумевших трибун.

Елбай, вскинув окровавленный серп, смотрел наверх-туда, где Идрис царственно приветствовал орущие трибуны.

Безбровое воинство, не трогая Елбая, обтекали его фигуру, тот шел к трону Идриса, высоко держа над собой окровавленный серп, и кричал:

- Смотри! Разве я не доказал?!... Смотри, Светлейший! Я доказал!..

А за его спиной, под крики осатаневших трибун, шла резня.

Мутанты топтали расстеленный свиток Торы, насиловали на нем женщин, резали мужчин.

Вдруг с осатаневших трибун бросились к площади почетные гости, чтоб видеть поближе евреев, плавающих в собственной крови, без ушей, рук. Видеть не издали, с

близки, как обнаженных женщин добивало цепями доблестное безбровое воинство .

И над трибунами шел неистовый вопль:

- Смерть евреям!

- Смерть Израилю!

Исмаил, Идрис удерживали бьющееся в смертной судороге окровавленное тело Соломона. Соломон приподнял голову и увидел, как по лицу Руфи хлестала цепь, в это же мгновение удар сабли рассек его надвое.

Идрис подал знак безбровым, державшим в руках обмякшее тело Хаймалки и вцепился в лицо Майкла:

- А теперь смотри, кто взойдет на Великое Жертвенное ложе!-кричал он.-Смотри, кому предоставлена такая Великая честь лечь на него! Смотри! Ты не можешь не смотреть! Это твоя дочь!

Майкл приоткрыл заплывшие глаза: двое безбровых выпустили Хаймалку из рук, и она упала на колени.

Безбровые окружили ее новым ритмично зашедшимся кругом.

Кто-то ударил цепью рядом с ее сникшим телом. Хаймалка испуганно отползла. Новый удар железного прута, отбросив ее, поднял на ноги.

Убийцы шли по кругу, и одновременно круг приближался к лестнице, ведущей к жертвенному камню.

Снова и снова то с одной, то с другой стороны хлестали цепи и рассекали воздух железные прутья. Уворачиваясь от них, Хаймалка металась меж опьяненных ритмом убийц, как захваченный в круг, затравленный зверь.

Но вдруг круг разомкнулся, и она оказалась у самых ступенек, ведущих к жертвеннику.

Она оглянулась и увидела бьющегося в цепях отца.

И продолжали безумствовать трибуны.

Хаймалка вдруг почувствовала всю беспомощность перед накатывающей на нее этой злобной силой, этой звероподобной неутолимой жадой раздавить ее, и какое-то знакомое чувство возникло в ней, будто это чувство жило в ней тысячи лет и теперь снова открылось. Всем своим существом, остро, как никогда прежде, Хаймалка вдруг поняла, что она бессильна перед этой огромной сатанинской энергией злобы и жажды ее смерти, которая все равно неизбежно обрушится на нее и раздавит.

И ОНА УСЛЫШАЛА В СЕБЕ, ЧТО ПОКОРИЛАСЬ ЭТОЙ САТАНИНСКОЙ ЭНЕРГИИ И СОГЛАСНА БЫТЬ ЖЕРТВОЙ.

Хаймалка не знала, куда ведет открывшаяся перед ней лестница, но в ней уже не было желаний и вопросов, она теперь просто покорно шла.

Бросив к ступенькам опустошенные глаза, она стала медленно подниматься: будто ее охватил какой-то сон безразличия.

Двое безбровых столкнули ее на жертвенный камень.

Идрис, повернувшись к трибунам, властно бросил ладонями кверху. Через минуту-другую толпа затихла.

- Братья и сестры!-крикнул он.-А сейчас наступает тот великий миг, ради которого мы все собрались! Это именно тот час, над которым мы все-все мировое сообщество трудилось столько тысячелетий, час, в который мы вложили столько сил и надежд! Но вот он настал! Сейчас мы пустим в прах последнюю еврейскую кровь! Вот оно-величайшее в мире жертвоприношение!

Толпа ликующе загудела.

Идрис снова вскинул руку и в наступившей тишине повернулся к безбровым, стоявшим в лужах человеческой крови, среди изувеченной человеческой плоти, разрубленных рук, тел, отсеченных голов:

- О, мои храбрые воины ! Вы сегодня сделали большую работу! Великую работу! И потому каждый из вас достоин сотворить это праведное жертвоприношение!- Идрис бросил рукой в сторону жертвенника, на котором, закованная в цепи, лежала Хаймалка.-Но я не могу и не хочу выбирать среди вас! А потому-пусть выбор падет на того, на кого падет выбор моего преданного Халифа!

Идрис обернулся на вампира, тот уже стоял наготове: обеими лапами держа перед собой кривой нож.

- Иди, мой верный слуга!-торжественно произнес Идрис.

Халиф медленным ритуальным шагом сошел с площадки на площадь, повернувшись в сторону затаившихся в ожидании бритоголовых, двинул к ним. Четко размеренный шаг вампира еще больше подчеркивал его мерзкий вид: огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые, злобно сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и, казалось он вот-вот набросится на какую-то свою жертву.

Не изменяя хода, Халиф приблизился к уже толкавшейся пред ним группе безбровых: каждый хотел заполнить этот драгоценный нож, и каждый отталкивал другого в сторону.

Наконец, вытянутые руки Халифа указали счастливицу, и тот, приняв нож, поцеловал лезвие.

Трибуны снова загудели. Владелец ножа вскинул его над головой и, пританцовывая, двинул к жертвеннику.

Плясали на «Стене Плача» счастливые «палестинки» и раздавали сладости.

Пританцовывающий палач в маске приблизился к лестнице, ведущей к жертвенному камню, ступил на первую ступеньку, и вдруг трибуны, словно по чьей-то незримой команде, стали выкрикивать в ритм:

- Смерть евреям!

- Смерть!

- Смерть!

Безбровый с ножом приблизился к жертвенному камню, вскинув его над собой, повернулся к орущим трибунам, стал в изголовье Хаймалки, схватив за волосы, обнажил ее шею. Обмякшее тело девушки было послушно.

-Нет!-закричал Майкл, видя, как рука убийцы замахнулась для удара.

А а со своих трибун мировое сообщество неистовей выкрикивало ритм:

- Смерть!

- Смерть!

- Смерть!

Но вдруг, от самой «Стены Плача» разлилось непостижимое сияние и звериное пространство в испуге затаилось: к жертвеннику подплыло величественное Струящееся Дерево.

В какое-то мгновение от него отделился силуэт стремительной сильной кошки. Ягуар прыгнул на безбрового и смял его. В сторону, дико крича, отлетели охранники.

Идрис упрятался за черной косматой спиной вампира.

Ягуар подхватил клыками лежавшую на жертвеннике Хаймалку и новым мощным прыжком унес ее в величественный ствол струящегося Древа.

Майкл устало прикрыл глаза.

Все пространство вокруг, оторопев, замерло. Безбровые оцепенело жались к стенам.

По всей площади были разбросаны изрубленные, превращенные в кровавое месиво человеческие тела. Свиток Торы был залит загустевшей человеческой кровью.

Елбай, держа в руках сверкающий серп, стоял у подножья лестницы, ведущей на трон, искал глаза Идриса.

Трибуны замерли.

И вдруг Идрис, оттолкнув вампира, метнулся к Майклу и стал рвать его за грудь:

- Что это было? А? Что это было, мразь?!-и вдруг остановившись, пристально взглянул на профессора:

- Я зна-ал!-как бы для себя, ошарашенно выговорил он.-Я знал-еврейский мозг держит тайну!... Я найду эту девчонку!-и вдруг завопил:

- Я приведу правоверных к победе! Тайна есть!.. Я найду эту девчонку! Тайна есть!

И, снова глянув на профессора, как бы что-то подзревая, стал медленно ходить перед ним из стороны в сторону.

И вдруг вытащил из-за пояса саблю:

- Как это говорится, профессор? «Отработанный материал?» А? Так это у вас говорится?

Майкл не открывал глаз.

- Что? Не хочешь признавать? Да?!- заорал Идрис, занес саблю над головой Майкла и ударил по ней.

Брызги крови ударили ему в лицо. Утираясь ладонью, он впился глазами в стекавший по шее окровавленный мозг. Вложив пальцы в вскрытый череп, пошарил в этом месиве, глаза его вдруг полыхнули злорадным блеском и он ликующе поднял руку с окровавленным фоночипом.

Трибуны снова одобрительно заликовали.

- Коня!-крикнул Идрис вампиру и, когда у подножья лестницы стал его белый скакун, легко сбежал вниз и оседлал его.

Конь заржал, приподнялся на дыбы и на глазах окрасился в багово-красный цвет.

Седок, в красном плаще за спиной, словно слившись с конем, превратился в какое-то единое кровавое чудовище.

Идрис осадил коня, к нему метнулся Мурло:

- Светлейший,-вскинул он голову.- Вроде бы... все... Я вроде бы... доказал... Кому эту вещь вернуть?- он показывал серп.

- Не «вроде бы»!.. Ты по-настоящему доказал! Молодец елбай!..-насмешливо крикнул Идрис.-А эта «вещица» теперь твоя! На веки вечные- твоя елбайская сабля!- расхохотавшись ему в лицо, он пустил коня вскачь.

Красный седок на кровавом коне загарцевал по площади к воротам-к выходу с площади «Стены Плача».

Коня под уздцы вел вампир....

ДОЛИНА ПРИЗВАННОГО.

/часть вторая/

Мы в странную игру вовлечены,
Где даже в счастье кроется тревога.
Цветущий сад – печаль и боль весны,
И Бог в себе зачеркивает Бога...

1

..Сентябрьский вечер мягко затенял Долину При-
званного. Солнце, огромной цыганской серьгой закати-
лось за дальние леса, и лишь край его ободка посвечивал
успокоенным золотом.

..По домику Ури растекалась тишина, заботливая и
оберегающая: в углу, на кровати старца, прикрытая лег-
ким одеялом, спала Хаймалка.

Старик, боясь лишнего нечаянного скрипа, словно
ягуар, мягко ступал по чутким половицам.

В руках - медная ступка с пестиком.

Гром лежит на своем любимом месте- в двух шагах
от двери.

Ури выпел из дома. Под окошком стоял невысокий
срубленный пенёк. Старец сел на него, бережливо при-
строил на коленке ступку, на дне которой, под пестиком,
поблескивали красно-белые кристаллы.

Прежде чем начать толочь, Ури посмотрел на едва
приоткрытую дверь дома, прислушался.

Покой.

В красивой пыльной бороде старца молитвенно
шевельнулась ниточка губ.

Ури, осторожно, боясь потерять самую кроху, стал толочь порошок...

...За домом бил холодный родник.

Старец наполнил ступку, начищенным до блеска медным пестиком, медленными кругами, размешал раствор, начертил над ним невидимый знак и негромко проговорил:

- Великая Тайна Воды- Великая Тайна Жажды- Великая Тайна Израиля!..

...Ури вернулся в дом, поставил стакан с раствором на стул у изголовья Хаймалки, слегка наклонившись, поднес к ее лицу расправленные ладони, они теплой полусферой зависли над бледным лбом девушки.

Хаймалка глубоко вздохнула, приоткрыла большие, как бабочки, веки.

Ури тепло обьял и мягко утопил в своем взгляде испуганные глаза девушки: будто цыпленка подобрали большие добрые руки.

- Где я?-девушка надвинула одеяло к подбородку.

- Там, где тебя любят, Хаймалка...-Старец бережливо провел по влажному лбу девушки и обернулся к двери:

- Гром, а ну, не ленись...

Ягуар, лежавший в дверях, легко поднялся и, казалось, с какой-то охотой, будто только этого и ждал, затрусил к ним.

Хаймалка, приподнявшись, испуганно отодвинулась к стенке и натянула на грудь одеяло: словно заслонилась от нападения.

- Не бойся, доченька!-мягко улыбнулся старик.- Это-Гром. Он твой друг, моя девочка! Твой верный друг! Он добрый парень... знаешь!...

Кошка опустила голову.

- Эй, солдат, ты что, засмутился?.. Ну и дела! А ну-ка, познакомься с гостьей!-дружески пригрозил старец.

Ягуар ткнулся носом в колени Хаймалки, затих.

- Не бойся, девочка моя...-Ури кивком пригласил погладить кошку.

Хаймалка несмело выудила из-под пледа руку, сначала боязливо, а потом все ласковей, пригладила плюшевую морду кошки, почесала за ухом. Ягуар замер под нежной девичьей рукой. Ури с улыбкой наблюдал за ними.

- Ну, вот и хорошо... А сейчас выпей этой настойки. – старик протянул стакан.-Отдохни. А когда высоко взойдет луна, я покажу тебе нашу Долину. Твою долину...

Хаймалка коснулась было стакана, но в ту же секунду ей вспомнилась резня на свитке Торы, перекопанные в ужасе лица, ей увиделось, как дергались искромсанные тела. Она увидела, как в грудь матери вонзилось острое серпа...

Хаймалка, пытаясь удержать рвущийся плач, прижала к губам ладони, но дрогнувшие плечи, словно выбросили из ее сердца крик:

- Мама!

Старик поставил стакан на стул, присев на край кровати, обнял Хаймалку, но она вырвалась из его рук, крича, била кулачками по своим коленкам.

Заметался возле кровати ягуар.

- Посмотри-там свет...-Ури кивнул на висевшую на стене картину.

Хаймалка невольно метнула в нее взглядом, но тут же, словно отказавшись и от нее, и от всего того, что могло бы принести ей облегчение, оборвала взгляд.

Но вот плач стал затихать, старец привлек ее к себе, ласково пригладил голову:

- Ш-ш-ш!.. Ш-ш-ш!

И когда она полностью доверилась его теплу, Ури дал ей настойку. Хаймалка вышла, последним взглядом задержалась на светившемся в центре картины Дереве, и это нежное сияние, мягко окутав ее, увлекло в светлый покой.

...Ушел в свою ночлежку День. Скинув столетние истоптанные башмаки, вытянулся на одинокой койке и, накрывшись разодранным одеялом бездомного, заглянул в свою опустошенную душу.

Зачем все?!..

День зевнул, повернулся на бок. Зачесалась борода-сто лет, как не брился. Да и зачем бриться-все равно завтра будет то же самое: с утра пораньше придется заглядывать в глаза богачей и мусорные баки, видеть злобные души усталых женщин и мужчин. Проклинать и молиться, стучаться и просить, спрашивать и не понимать, требовать и заклинать. Знать ожидание и затаенную в нем неудачу. И снова идти...

А в итоге пустота и голод...

...День ненасытен и глуп...

Но великолепна ночь!

Ночь, как сочная женщина, обнажит твою душу и вырвет из нее долгий стон блаженства!

Только ночь затаила в себе семя, которое взойдет жадной жизнью!

Ночь хохочет и танцует, разметаив над затаившимся миром свой душистый и бархатный волос евреянки!

Ночь манит и колдует!

Ночь-это тайна. А тайна-это все! Ибо если нет тайны-нет и Бога!

...Долина Призванного. Ночь. Все затаенно и все явлено. Будто сам Господь, погружившись в медитацию, увидел Свою беспокойную Душу.

...Ури вывел на крыльцо Хаймалку. Стройная, в светлом платье, она чуть прильнула к его боку и замерла перед распахнувшимся перед ней лунным миром.

- Посмотри...-негромко проговорил старик, кивнув в сторону реки. Над поблескивающими водами Змейки зависла легкая дымка. Но вот она заметно пришла в движение, и в лунном свете вылепилась фигура белой, как снег, девы. Она, казалось, лежала на пуховых постелях и, вдруг увидев Хаймалку, приподняла голову.

- Узнаешь?.. Воздушная дева...-тихо проговорил старик.-Она очень красива, но так же и коварна. Будь осторожна с ней.

Они сошли с крыльца.

Из приоткрытой двери выскользнул Гром. Его ярко-желтая, с черными пятнами, шерсть горела в ночи золотистыми блестками.

Хаймалка прошла вперед, и вдруг неожиданно со стороны, мелькнув в воздухе, что-то быстрое пронеслось мимо нее.

Она отпрянула. Старик обнял ее:

- Не бойся... Теперь уже не бойся.- Ури как будто бы и сам вздохнул.- Это белокаменная куница. С ней лучше не встречаться. Хотя она приносит и добро. Если проскользнет меж ног-жди беды. А если пронеслась рядом-значит, к удаче.

Видишь, значит, у тебя все будет хорошо.- Ури мягко, за плечи, повернул ее к себе и заглянул в глаза:

- Ты станешь великой женщиной! Ты – Царица Израильская!

- Я?!-она мальшкой глянула на старца.

- Да, моя девочка, ты! Но не будем спешить,-он улыбнулся ей.-А сейчас хочешь прокатиться?.. –и он повернулся к кошке.-Гром!

Ягуар находился недалеко перед ними. Он как будто не слышал зова старика: припав к земле, затаился и, вдруг прыгнув, видно поймал и лапой прижал к земле добычу.

- Эй, парень, брось это! Покажи Хаймалке Долину!

Ягуар, будто важничая, что его отрывают от самого, что ни на есть, важного дела, напоследок приоткрыв лапу, снова прижал ее к земле, и, оставив свою добычу, легко затрусил к Ури и Хаймалке.

- Прокати девчонку! Прокатишь?

Кошка от удовольствия завиляла хвостом.

- Ну и отлично!-старик усадил девушку на ее упругую спину.- Не бойся! Держись за загривок...-и приказал.- Гром, смотри, помогай Хаймалке!

Ури мягко взял ее плечо.

-Порядок?

Она ребячески кивнула.

-Прекрасно!-старик легко хлопнул по боку кошки.-
Гром, вперед!

Ягуар сделал несколько медленных кругов: словно на лунных каруселях, каталась девушка в белом.

Чистый свет луны зажег сияющие с восторженным страхом глаза Хаймалки.

Гром побежал по кругу быстрее. Хаймалка вскрикнула, и в крике смешались и радость, и тот же восторженный страх.

Ягуар на секунду встал, повернувшись к реке, замер и, сначала медленно, а потом быстрее помчал к Змейке, легко оттолкнувшись, взлетел над ней, над вскинувшей голову Воздушной девой.

Старик затаил дыхание и потом, легко выдохнув, улыбнулся вслед парившей над рекой лунной всадницей.

- Я верю в тебя, девочка...- невольно выдохнул он...

Луна позолотила светлую улыбку старца.

ЦЕНА и ЦЕННОСТЬ-суд твоего пути.

Мир недарован человеку безвозмездно:

Чем выше цель, которой жаждешь ты,

Тем больше связаны твоя СУДЬБА и БЕЗДНА!

... Хаймалка проспала почти до полудня.

Первые мгновения после сна вопросительно смотрела на старика. Тот сидел за столом, улыбался ей сквозь седую бороду.

- Проснулась, доченька...- полувопросом спросил старик.-Вот и хорошо... Хочешь-сбегай к реке, умойся. Вода сейчас приятная... А потом и поешь...-он кивнул перед собой, на завтрак, накрытый белой скатеркой, и обернулся на лежавшую в дверях кошку:

- Гром, поздоровайся с Хаймалкой!

Ягуар легко затрусил к ее постели. Девушка теперь уже смело протянула руку, и тот лизнул ее быстрым теплым языком.

Хаймалка, сев, молчаливо пригладила голову кошки, но с каждой секундой, заметил старик, девушка уходила от своих ласкающих движений: руки машинально скользили по мягкой шерсти ягуара, а душа перенеслась в другой -страшный мир.

И, вдруг, взявшись за голову, она вжалась в стенку. Мелко, словно в холодном ознобе, задрожала: -Мама.... нет... не хочу... мама...

Старик достал из шкафа заготовленный заранее раствор, подсел к Хаймалке на край постели, прижал к себе:

- Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!

Секунду-другую, почувствовав заботливое тепло стариковской груди, прижалась к старцу и заплакала.

Плач сильнее и сильнее захватывал ее. Хаймалка разрыдалась, захлебываясь слезами, рвано заговорила:

-Мне страшно! Ури! Мне страшно! Они убьют всех! Весь мир хочет убить евреев!.. Они все равно нас уничтожат! Разве ты не видишь, как весь мир хочет унич-

тожить нас?! Где Бог?! Где еврейский Бог, Ури?! –и вдруг подняла голову кверху:

-Нет больше Бога!

Старик сильнее прижал ее к себе, словно пытаясь погасить этот гнев, но Хаймалка вырвалась из его рук, метнувшись с кровати, бросилась из дома и, сходя с крыльца, снова бросила к небесам приклинающие кулачки:

- Где ты, Господи?! Нет тебя!.. Тебя же нет!.. Пусть будет проклят этот кровавый мир! Пусть будет проклят!- согнувшись, она снова сжала руками голову, словно пытаясь уйти от криков и виденной крови . Но чем больше она жаждала задушить этот ужас, тем больше топили сознание кровавые картины, устроенной мусульманами, резни.

Хаймалка раненым олененком завертелась по осенней траве, сильнее сжимала голову, но снова и снова перед глазами опадала на колени истекающая кровью мать, распирали мозг истошные крики, и нелюдь рубила ползающие в крови тела, превращая их в кровавое месиво.

В какой-то момент сознание, казалось, готово было взорваться, Хаймалка сжала руками голову, и по Долине пронесся ее отчаянный крик:

- Не-ет!

Она упала на колени, молитвенно покачнулась из стороны в сторону, и в какое-то мгновение опустошенно сникла.

Она долго сидела с закрытыми глазами, потом медленно подняла лицо к небесам. Безбрежная прозрачная синева выжидающе молчала.

Хаймалка поднялась и обернулась на стоявшего у крыльца Ури.

Старец пораженно замер: перед ним была не та, еще несколько мгновений назад проклиная небеса девчонка, не та задиристая лунная всадница, а повзрослевшая еврейская женщина, с глубокими, захватывающими глазами.

- Хаймалка!- невольно выдохнул старец.

Она подошла к нему, стала напротив:

- Я хочу мести!-она пристально посмотрела на Ури.- И ты мне поможешь, старик!

Долгую минуту они стояли-глаза в глаза.

-Ты хочешь вступить на Путь Воина. –глухо заговорил старик.- А это Великая Игра! А Игру понимает только тот, кто отдает свою судьбу во власть Бога! И это опасная игра.

- Я хочу вступить на путь, Ури!

Старец пристально глянул и едва заметно кивнул:

- Хорошо, моя Царица...

...На «Пульте»-Идрис и журналист-бородач Хадис Харан. Возле дверей, неподвижно глядя в одну точку, стоит вампир Халиф.

Бородач, что-то печатая на компьютере, время от времени поглядывал на Идриса.

На приборах связи, замигала красная лампочка, раздался отрывистый зуммер. Идрис на мгновение замер, потом, склонившись к столу, быстрым движением включил пульт управления:

- Я слушаю!-в голос Идриса прокралось нетерпение.

- Это Жюльен... Светлейший, мы расшифровали фоночип. Есть картинка. Довольно любопытная.

Идрис медленно выпрямился, пересиливая себя, помедлил с ответом и в своей любимой позе-наполеоновски скрестил на груди руки:

- Что ж, поздравляю, профессор...-просмаковал свою выдержку он.-Я жду вас.

Бородач продолжил было печатать, но Идрис нарочито-любезно остановил его:

- Светлейший, давайте отложим «писания»-наследет чудо...

- Я должен остаться? - спросил Хадис.

- На ваше усмотрение, господин журналист...

На «Пульт», в черной робе обитателя подземелья, в сопровождении двух конвоиров вошел профессор Жюльен.

- Показывайте!-коротко скомандовал Идрис и пренебрежительно столкнул журналиста с кресла монитора.

Профессор вставил в компьютер маленький диск, через несколько мгновений экран монитора потемнел, и на нем пошли вспышки света, словно молнией прорывало черную бумажную ленту.

И вдруг на экране возникла картинка: в ночи горел костер, свет его выхватывал из темноты две фигуры: одна старика, вторая девушки. Старик показывал какие-то движения ритуального танца, и девушка повторяла за ним.

- Это она!- воскликнул Идрис.-Это дочь Майкла!

Девушка на экране перешла на быстрый ритм и, казалось, стала невидимой в отблеске пламени ночного костра.

Картинка резко оборвалась, и снова пошли резкие всполохи на темном фоне.

- Это все?!-Идрис обернулся на Жюльена.

- Все...

Идрис на секунду задумался и, как бы для себя, выговорил:

- Найти! Я должен найти эту девчонку!.. И я найду ее!-он взглянул на Жюльена невидящими глазами, и потом, словно разом прозрев, распахнул перед профессором руки:

- Прекрасная работа, Жюльен! Поздравляю!-он легко обнял его и тотчас включил селектор.

- Слушаю вас, Светлейший!-ответил женский голос.

- Джульетта, Жюльен попросил чернооких гурий...- и он взглянул на профессора.-Или вы любите блондинок?

- Я люблю красивых женщин...-джентельменски ответил тот.

- Джульетта, красивых женщин Жюльену и Франсуа! И все, что к ним положено!-улыбаясь, скомандовал Идрис.

- Принято, Светлейший!

- Все свободны!-скомандовал Идрис, когда остался один, в раздумье заходил по комнате.

- Дьявол! Мне нужен Сатана!- и, приложив ладонь к левой руке, где была печать Дьявола, громко крикнул:

- Эй, коммуняга! Где ты?!

В то же мгновение напротив него выросла рогатая, козлиномордая фигура Дьявола.

- Хорошо выглядишь, рогатый!-усмехнулся Идрис.
- Так у кого на службе!...-в тон ему парировал Сатана, скрестив копыта:
- Чем могу быть полезен?
- Мне нужна эта девчонка! Я должен знать о ней все! Понял, нотариус?!
- Вы мне льстите, Светлейший!..
- Ладно, без болтовни!
- Слушаю, Светлейший!-Сатана прикрылся было своим красным плащом, но Идрис остановил его.-А, может, нужно просто проследить за ней? –и как будто что-то открыл для себя.-Может, послать своих людей?.. Я своих сыновей не пожалею... ради этого!..
- Я все узнаю, мой повелитель!-Сатана льстиво поклонился и укутавшись плащом, растворился в воздухе.

...Эта небольшая книжная полка с пятью-шестью книгами стала манить Хаймалку с самых первых дней. Книги, одетые в строгий черный переплет, таили в себе притягивающую тайну.

... Хаймалка легко заскользила пальцем по черным корешкам, остановилась на золотом тиснении- «Тора».

Она устроилась на кровати, скрестив ноги, стала листать ее.

В какую-то секунду Хаймалка опустила книгу на колени. Что за тайна скрывалась за строгим ивритским шрифтом? Буквы что-то подсказывали и таинственно

звучали. Она вслушалась в это звучание, и вслед за ним в сознание втекла мольба:

«Господи, если ты есть, дай знак! Дай какой-нибудь знак!»-она устало повела головой в правую сторону, и вдруг в мозгу вспыхнул яркий свет, и по внутреннему экрану слева направо пошла полоса непостижимого сияния.

И в этой сияющей полосе возникли бегущие знаки: они походили на треугольники, а соединенные вместе могли образовать царственную корону.

Это длилось секунд пять, и сияние погасло.

Хаймалка потрясенно открыла глаза: что это было?! Бог?..

Она спрыгнула с постели: надо сказать Ури.

Тот сидел на дворе, под окном, что-то мастерил.

- Старик! –еще с крыльца крикнула она.-Я видела свет!

Он пристально глянул: ее глаза возбужденно горели.

- Ури...Такая яркая вспышка! Сияющая полоса! А на ней разные знаки!

Старик поднялся:

- Нарисовать сможешь?

- Наверное...-она пожала плечами.

Они зашли в дом, Ури дал ей лист бумаги, карандаш.

Хаймалка стала чертить. Старик взял лист, рассматривая его, задумался.

- Я сидела на кровати и смотрела Тору,- она нашла нужную страницу.

Ури поставил ей стул в торце стола-как главе дома. Девушка вопросительно глянула.

- Садись, девочка моя!.. Это место- твоё.

Помедлив, Хаймалка села.

Старик сел сбоку:

- Хаймалка, тебе открывается Бог!.. Тебе было послано видение венца- ты видела Царственный Венец Великой Пустоты! Древнееврейский шрифт дарит тебе свои тайны!-старец посмотрел на картину Струящегося Древа и в раздумье продолжил:

- Истинно! Бог готовит великие перемены!

- Ури, а что было в Начале?-неожиданно спросила Хаймалка.

Старик сложил на столе спокойные ладони, долго смотрел в них.

- Когда-то я получил видение,-неспешно начал он.- Я не знаю, что это было, но это походило на то, о чем ты спрашиваешь. НАЧАЛО.-Ури прикрыл глаза, неторопливо и негромко начал:

- Начало не было словом. Оно не было ни мягким, ни твердым, но превосходило мягкое. Не имеющее глаз, оно прозрело Мир. Не имеющее слуха, оно предвосхитило Дыхание. Не имеющее формы, оно явило Присутствие. Превосходящее улыбку, оно излучало ее. Превосходящее слово, поведало о Желании. Превосходящее Движение-сотворило Тайну. Но возникшая Тайна породила Страх и Мир наполнился Страданием. То, что исполнено страдания, ищет Смысла. Но Великое Начало не знало Смысла, ибо Смысл-жалок.

Имя Великому Началу-Великое Предвосхищение. Кому откроется оно, тот познает самую Высшую Тайну-Тайну Превращений! Тайна Превращений и есть Преодоление Вечности, Смысла и Страдания!-старик посмотрел

на Хаймалку, мягко улыбнулся ее замороженному взгляду:

- Девочка моя, невозможно высказать Невыразимое, но это единственный путь дарить людям Тайну Сокрытого.

- Как бы я хотела это все понять!-выдохнула Хаймалка.

- Все к тебе придет! Я верю в тебя!-он смолк, по комнате растеклась вязкая тишина. Старик положил руку на ее ладонь:

- Праведный Свиток! Праведный Меч! И это твой Праведный Путь! Бэт-Эль восстанет из руин!...

А под одним из окон уже давно стояла рогатая фигура Дьявола в красном плаще. Он воровато оглянулся по сторонам, укутавшись плащом, превратился в воробья и сел в открытую форточку. Птица повернулась в сторону сидевших за столом Хаймалки и Ури.

Ягуар насторожился, поднявшись, угрожающе зарычал и в несколько прыжков достал окна. Воробей, испуганно зачирикав, сорвался с форточки.

Старик вопросительно посмотрел на кошку, которая, поднявшись на задние лапы, угрожающе рычала в окно.

- Гром?-вопросительно позвал старик.

Кошка оглянулась на него и, хищно раздув ноздри, легко ударила по окну изогнутыми острыми когтями.

Ури настороженно подошел к нему, посмотрел в окно и снова на растревоженную кошку.

- Кто-то был чужой?-спросил старик.

Ягуар, словно в подтверждение, зарычал и поскреб по окну лапой.

Старик в раздумье пригладил бороду. Долгую минуту он стоял, бросив глаза к полу, потом снял с полки книгу, вернулся за стол, положил перед собой черный томик: «УЧИТЕЛЯ»:

- Девочка моя,- неторопливо начал Ури,- Я хочу чтоб ты знала культуру и других народов. Одна из самых величайших культур, одна из древнейших-это культура Индии. Она дала миру великих учителей и пророков. Среди них- Шри Ауробиндо. – он открыл книгу, ладони его тепло накрыли открытые страницы, и он по памяти прочитал:

«Я становлюсь тем, что я прозреваю в себе. Я смогу сделать все, что внушает мне мысль; могу стать всем, что мысль открывает во мне. Это должно стать непоколебимой верой человека в себя, ибо Бог пребывает в нем»-Ури посмотрел на Хаймалку.-Это пророчество высветило твое сознание. Ты должна помнить и думать об этом всегда! Это должно заполнить все твое существо! И тогда настанет день, когда ты воскликнешь: я понимаю, я чувствую это! А это и есть приближение к тайне. Ты будешь истинной царицей и воином!

Хаймалка мягко положила руку на ладонь Ури:

- Спасибо, старик...

- Хорошо, моя девочка... Но ведь воину нужна своя одежда...-он озорно подмигнул.- Пойдем-ка!

Хаймалка была босиком, ее шаги были неслышны и легки.

Старик снял с сундука светлую накидку, передал ей и поднял коричневую, из орешника, крышку.

Не заглядывая в него достал небольшую стопку, протянул девушке.

- Ури!- Хаймалка на мгновение превратилась в озорную восхищенную девчонку.-Спасибо тебе!-и легко поцеловала старика в висок.

- Ты мне очень дорога, девочка моя...-старик бережно заглянул ей в глаза.-Ну, ты переоденься, а мы с Громом подождем тебя у крыльца.

...Оставшись одна, Хаймалка положила одежду на сундук, как живое существо, пригладила ее.

В ожидании девушки Ури присел на пенек под окном, на минуту другую погрузился в медитацию.

Но вот открылась дверь дома, вышла Хаймалка. Старик, залюбовавшись ею, невольно поднялся: на ступеньках крыльца, будто на боевой колеснице, стояла прекрасная воин-израильтянка. Темный бархатный волос ниспадал к высокой груди, обтянутой синей блузкой, коричневая, чуть повыше колен, кожаная юбка подчеркивала красивые тугие бедра, на стройных ногах ладно сидели кожаные коричневые сапожки.

И подпоясана была она кожаным шнуром.

Подходя к Хаймалке, Ури легко бросил к ней открытыми ладонями:

- Вот Царица! Только правой руке- Праведный меч, и левой- Праведный свиток! Сила! Мудрость! Красота! Вот что должно быть символом Израиля! Вот о чем говорил Господь через пророка Иеремию! Вот что должно вернуться на Святую Землю: Царица Израильская с Праведным мечом и Праведным свитком в руках! Сила! Мудрость! Красота!

Хаймалка не смогла скрыть улыбку, и, почудилось, вся Долина осветилась ею.

И вдруг, неожиданно и для себя, она бросила к небесам раскрытые ладони, и по Долине прокатило эхо ее красивого голоса:

- Сила! Мудрость! Красота! Я буду царицей!

Старик с улыбкой любовался ею. Ягуар смотрел на нее большими преданными глазами.

Хаймалка глянула на старца и рассмеялась.

Сбежав с крыльца, она отвела волосы за спину.

Ури еще раз осмотрел ее: - Кажется все хорошо... Но может что-то в одежде стесняет?

Она скользнула взглядом от груди к ногам:

- Спасибо, Ури! Я себя действительно чувствую воином! - она легко оттянула кожаный, на бедрах, шнур: - Это я правильно... надела?

- Правильно, девочка моя... Но это не просто поясок... - старик сделал паузу и посмотрел ей прямо в глаза. - Слушай меня внимательно! Никогда не надевай поясок без моего разрешения! Ты запомнила?

- Запомнила, старик - никогда не надевать поясок без твоего разрешения!

Ури еще раз пристально посмотрел на нее, протянул руку:

- А теперь развяжи его...

Ури взял из ее рук шнур, зазмеил им по воздуху, и вдруг, вышрямившись, поясок замер в его руке подобно тонкой трости. Секунда-другая, старик поддел нижний конец, и поясок застыл в воздухе вопросительным знаком, еще движение, и он кольцами упал на его раскрытую ладонь. Ури снова свесил его к земле и посмотрел на Хаймалку и показал в сторону реки. - Подойдем к воде...

Долгую минуту шли молча. Но вот старик приостановился:

- Хаймалка, я верю, ты по -настоящему постигнешь магию... Древние евреи были величайшими магами... Что касается этого.- Ури показал на шнур, свисавший с его руки.-Древние евреи в совершенстве владели магией лечебного танца. Его называли по-разному. Одно из названий: «Танец сорока девяти петель». .. Многое из магического еврейского ритуала исчезло из-за ненависти к евреям тех народов, среди которых евреи жили. Утеряна Великая тайна. Лечебный танец еще долгое время сохраняли племена горских евреев. Но и они со временем утратили его.

Многое из еврейской магии: прорицания, знаки, символы взяли себе маги Запада. Но я знаю-истинная еврейская магия возродится! Это язык Бога!.. А евреи знали его, и он еще откроется им! И это будет через тебя, моя девочка! Я верю в это!

Они стали у самой воды.

- Я очень благодарна тебе, Ури! - Хаймалка посмотрела ему в глаза.

- Я только исполняю волю Господа Бога... А сейчас небольшой урок. Будь внимательна.-Старец расправил плечи, на секунду замер, руки расслабленно повисли вдоль тела. Кожаный шнур, свисавший с его правой руки, касался пожелтевшей травы. Ури закрыл глаза, глубоко выдохнул и, ударив по воздуху пояском, осторожными фиксирующими движениями начал танец. В несколько мгновений ушел в быстрые околдовывающие движения.

Ягуар замер возле Хаймалки, и она стала походить на стройную женщину-воина, у ноги которой стоял преданный ей зверь.

Последним движением Ури запустил шнуром в лежавший у воды, величиной с кулак, камень. Шнур растянулся в несколько раз, окольцевав камень, сорвал его с места и через мгновение оказался в руке старца.

Хаймалка, не скрывая восхищения, смотрела на старца. Потом вдруг сняла с его руки камень, попробовала на вес.

Пристально глянув на старца, бросила камень к его прежнему месту, взяла шнур, повторяя движения старца, расправила плечи, глубоко выдохнула, рассекла шнуром воздух и сначала медленными, но потом все ускоряющимися движениями попыталась повторить танец Ури.

В какое-то мгновение ее ноги сплелись, и она упала на траву.

Припав на руки, посмотрела на старика, и они оба, словно сговорившись, рассмеялись.

В памяти Хаймалки возник маленький спортивный зал: человек семь еврейских парней, и среди них одна девушка-она.

Учитель Шломо, мужчина пятидесяти лет, объясняет принципы кунфу.

А потом мелькнули картинки ее поединка с двумя парнями...

Ури негромко позвал ее:

- Хаймалка, что –нибудь не так?

- Да нет...-она поднялась.-Просто своего учителя вспомнила... по кунфу.

- Наверное, это был хороший учитель...-старик стал напротив.

- Да. Но нам от него доставалось...

Старик улыбнулся:

- Ну что ж...Учиться -так учиться. От меня тебе, пожалуй, тоже достанется... Сегодня ты узнаешь одну тайну...Сегодня у нас будет костер... Ты любишь костры?

- Старик, правда?!-воскликнула она.-Я так люблю смотреть на огонь.

- Да... огонь-тайна... – о чем-то поразмыслив, он посмотрел в небо, как будто исследовал его:

- Погода, как будто, измениться не должна... Ну что ж, пойдем собирать хворост?

- Конечно, Ури!-живо блеснули черные большие глаза Хаймалки.

Он ушел за топором, и потом они дружной компанией направились к лесу: старик, Хаймалка и справа от нее-величественная кошка...

Они выбрали удобную полянку, нанесли хвороста. Свою лепту внес и ягуар: в каждую ходку он тащил в зубах какую-нибудь сухую ветку. Горка из веток собралась внушительная: костер обещал быть настоящим-шаманским.

Присели на двух камнях в шагах десяти от «костра».

Спелые луга Долины замерли под осенними прозрачными небесами.

Свою неизменную вечернюю песню начинали сверчки. Но их стрекотание, казалось, только подчеркивало затаенную тишину мира.

Хаймалка посмотрела на Ури: седой профиль с убежавшими вдаль глазами.

Старик, почувствовав взгляд, повернулся к ней. Встретились-глаза в глаза.

- Ури, человек может быть счастлив?-она бросила взгляд в землю.

Прозрачные небеса прикрыли веки, словно вслушались в свое усталое неутоленное ожидание.

Старик положил на колени большие спокойные руки:

- Может.

- А если ты убьешь?-взгляд Хаймалки стек со сверкнувшего лезвия топора. Он лежал недалеко от ноги Ури.

Она порывисто поднялась, стала спиной.

- А если ты убьешь?-она обернулась на старца.

Тот опустил голову:

- Я знаю твой вопрос...-он помолчал.

- Ответ ты знаешь?!-как бы, полувопросом потребовала она.

- «...ответ...»-как бы, для себя повторил Ури и пристально глянул на Хаймалку:

- Я знаю только один ответ: Если война –то праведная! Если мир-то светлый! И тогда судьба-достойная!

Хаймалка на секунду замерла и потом подседа к ягуару, лениво лежавшему возле «ее» камня, ласково потрепала его пушистый загривок.

Кошка, заигрывая, тотчас попыталась поймать на клыки руку девушки.

Хаймалка, приняв эту игру, то на секунду позволяла схватить ладонь, то тут же выхватывала ее из пасти кошки.

Но вот в какое-то мгновение она поднялась и, подевичьи закуражившись, пошла на Ури.

- Так, значит... «праведная»... говоришь?!-она стала в бойцовскую стойку, словно приглашая к рукопашному бою.

- Праведная!..-улыбнулся Ури.-Очень праведная!-он стал заводится и сам и, подбрасывая полуопущенными ладонями начал кружить вокруг Хаймалки.

- Ну иди!-он поманил ее обеими ладонями.-Иди!

- Иду!-она, приблизившись ткнула рукой, но старик увернулся.

- Давай, давай...-он отступил по траве.

Хаймалка быстро приблизилась, и они, всматриваясь друг в друга, пошли по кругу.

- Иди!-теперь она поманила Ури.

Он осторожно шагнул и вдруг, в секунду приблизившись, ткнул рукой к ее плечу, она ушла от удара и тут же ответила резким выпадом.

С полминуты мелькали быстрые движения рук, Хаймалка отбросила свое тело назад и, оттолкнувшись, в ломано-вихревом движении метнулась на Ури.

Тот на секунду замешкался и в следующее мгновение опрокинулся на траву.

Хаймалка растерянно бросилась к нему:

- Ты в порядке, старик?!

Ури припал на отведенные за спину ладони, с любопытной улыбкой смотрел на нее: девушка соединила что-то из шаманского танца с приемами рукопашного боя.

- Ты где-то учила «это»?-спросил он. Хаймалка пожала плечами:

- Не знаю... как-то само получилось... ты же показывал...

Старик невольно глянул на ягуара: тот, перехватив взгляд хозяина, притворно зевнул и отвел взгляд в сторону.

Старик с улыбкой кивнул на него:

- Видишь, издевается надо мной... Бандит ведь...

Поднявшись, Ури потрусил ладони, отечески обнял Хаймалку за плечи:

- Девочка моя, я горжусь тобой! В тебе живет древняя еврейская шаманка...

...Ночь подоспела ясная, с россыпью ярких звезд в глубоких темных небесах .

Ури зажег лучину и подал ее Хаймалке. Отсвет легкого пламени отделил большие, затаившие восторг, глаза девушки.

Она отбросила волосы за спину, с глазами заговорицы взяла у старика огонь.

Ури надел на нее налобную повязку, в центре которой засветился ивритский знак «Алеф».

Хаймалка подправила волосы.

Огонь от лучины выхватил из темноты ее профиль: стремительно-изогнутые брови, изящный, с легкой волной, нос, спелые, будто слегка припухлые губы; пышные волосы темной волной стекающие на высокую грудь.

С налобной повязкой, опоясывающей волосы, в кожаной , немного выше колен, юбке, высоких сапожках, ладно облегающих стройные ноги, она и вправду походила на древнего воина-евреянку.

Горящая лучина осветила невольно залюбовавшиеся глаза старика-Хаймалка на секунду смутилась, но тут же справилась с собой, лишь повыпье подняла огонь.

- Хорошо!-произнес старик.-Ты готова?

- Да...-она ответила прямым взглядом.

- Запомни: на первом месте - ОСНОВА, за ней - ЗНАК, дальше - ЗВУК, и закрывает тоже ОСНОВА...-старик полусогнутыми пальцами ладони начертал перед лицом Хаймалки незримый знак:

- Пусть будет благословен этот путь! Аминь!- и кивнул:-Приступай!

Хаймалка отвела огонь в сторону, начертала в воздухе невидимый знак, негромко пропела несколько слов.

Неожиданный ветер, мягкой лапой, ударил по огню лучины, и язык пламени заколебался.

Хаймалка глянула на старика. Тот бросил глаза к небесам: черная тьма, поглощая звезды, прихватила край лунного диска.

Старик посмотрел на девушку и едва заметно кивнул:

- Зажигай!

Хаймалка поднесла было огонь, чтоб зажечь костер, но следующий и мощный порыв ветра вырвал лучину из ее рук и, зашвырнув, загасил где-то в засвишавшем пространстве.

Следом мелькнули рваные стрелы молний, и ударила ночная гроза.

Старик взял руку Хаймалки:

- Не бойся. Идем домой... Гром, вперед!-голос старика потонул в завихрившемся, подвывающем пространстве.

Большие редкие капли ударили по лицу Хаймалки, и уже через несколько мгновений на луга обрушился, готовый поглотить все, жадный ливень.

Ветер в несколько мгновений разрушил сложенную для костра горку хвороста.

Залитое тьмой пространство рвали порывы буйного ветра и ливня.

- Держи мою руку крепче!-крикнул старик и сам плотнее захватил ладонь Хаймалки.

Оттирая затопленные водой веки, он пристально всматривался вперед, стараясь не потерять силуэта медленно ступавшего ягуара.

Скоро, как успокоившаяся черная пантера, стихия затихла, небо просветлело, и впереди возникли темные очертания дома.

...Первым делом старик разжег камин, вскипятил чайник.

Они молчаливо пили заправленный мятой чай.

По стенам, освещенным огнем камина, скользили причудливые тени. И тишина, как назойливый призрак, воровато заглядывала в души Хаймалки и старца.

Ури посмотрел на девушку: она прятала взгляд в поблескивающие доски стола.

- Не грусти, Хаймалка...-тепло сказал старец и кивнул на сундук.-Мир так устроен, что каждый все равно обретет то, что ему дано обрести... И кто бы это ни был: человек ли, зверь, или какой-нибудь паук...

Хаймалка оглянулась на сундук, и в глазах ее засветилась улыбка:

- А для Грома там тоже что-то есть?-она перевела глаза на лежавшего возле камина ягуара. Тот вскинул морду.

- Ну раз для всех, значит и для Грома...

- Пошли?...-закуражилась Хаймалка.

- Пошли!-в тон ей ответил Ури и позвал .-Гром, заглянешь, что там для тебя припасено?...

Тот посмотрел горящими в свете камина глазами, и вслед за Хаймалкой стал у сундука.

- Ну что, открываем?-она заговорщически глянула на кошку.

Та завиляла хвостом.

Хаймалка открыла сундук, ягуар стал на задние лапы, сунул в него морду, и в клыках его оказался ошейник.

Поняв, что за подарок ему достался, он выпустил его на пол и обиженно поплелся к своему месту у камина. Ткнулся мордой в лапы.

В комнату упала вопросительная тишина.

Хаймалка пошла к шкафу, достала ножницы и, поднав ошейник, позвала:

- Гром, а мы эту гадость вот так!-и она перерезала ошейник.

Старик рассмеялся.

Ягуар, словно повеселев, схватил одну разрезанную половинку и играючи закружил перед камином.

И показалось, в доме стало светлей и уютней...

...В спальне Идриса от красного торшера растекается мягкий полумрак, обволакивающе звучит восточная мелодия. На широкой постели две обнаженные гурии обвивают Идриса. Тот, запрокинув голову, утопает в их ласках.

В какое-то мгновение он вдруг испуганно распахнул глаза и оттолкнул от себя девиц: возле торшера стоял Сатана.

Черноокие гурии, завизжав, стали вжиматься в стенку.

Идрис ошарашенно отполз к ним и вдруг суеверно отмахнулся:

- Исчезни, нечистый!-и снова повторил.-Уйди, нечисть!

- Светлейший...-успокаивающим голосом начал Дьявол.-Я, разумеется, приношу извинения за такой неожиданный визит... Хотя, вероятно, не такой он уж и неожиданный... Ибо вам грозит беда!

Девицы стали потихоньку стекать с кровати.

Идрис сел на постели, оттер рукой лицо и взглянул на Сатану:

- Ты для этого заявился?-он как бы стал приходить в себя.

- Но, Светлейший, Вы просили все разузнать, и я узнал...

- Чего ты узнал?!-вдруг закипел Идрис.-Какая беда?! А ты для чего?! Я для этого продался твоей поганой душонке, чтоб ты еще грозил мне?! Не будет с тобой договора!-Идрис сорвался с постели, накиннул на себя темный халат.

Черноокие гурии, подхватив свои одежды, шмыгнули из спальни.

- Убирайся вон!-крикнул Идрис Сатане и зло нажал на клавишу проигрывателя.

Музыка оборвалась, и спальня нагрудилась тишиной.

Идрис нервно заходил из угла в угол.

- Что ж...-начал Сатана.-Я так и знал... Но кто почувствует Сатане?-обреченно вздохнул он.-Сколько раз я уже попадался на людское коварство! Сначала: помоги, помоги! А чуть что-пошел вон, Сатана!

- Ишь ты, какая целочка!-заерничал Идрис.-А сам, небось, сколько душ-то загубил, а?! Сатанинская твоя порода!-и тут же, как бы, смягчился.-Ладно, выкладывай, что там у тебя,-но все же пригрозил.-Но если ты еще раз мой кайф обломаешь, я твою козлиную рожу суну туда...

- А мне... там нравится...-хихикнул Сатана.

- У-у, губошлеп!-Идрис скрутил нижнюю толстую губу Сатаны.

- Отпусти! -прошамкал тот.-Я ведь тоже живая тварь!

- Вот именно! Тварь!-вставил Идрис и сел на стул.-Давай, говори, что мне там «угрожает»...

Сатана, поводил лепешками губ, словно приводил их после трепки в порядок:

- Я видел «твою» эту девчонку! Она в Долине Призванного.

Она будет мстить тебе. И она должна отстроить Бэт-Эль.

- Девчонка... мстить мне?!-скривился Идрис.

- Да, девчонка! Ей обещана Великая сила! И она уже ее получает. Ты тут под ведьмами слюнями истекаешь, а она уже получает силу, Светлейший! А еще меня за губы таскаешь! Не справедливо это! Не правильно, вернее!..

Идрис в раздумье скрестил на груди руки:

- Значит... «силу»... говоришь?

- Силу, Светлейший!.. Господь через Пророка говорил с ней... Она опасна!

- Да заткнись ты!

- Послушайте... господин мой...-посуровел Дьявол.- Если Вы не перестанете говорить со мной таким тоном, я прерву с вами всякие отношения! – и теперь он сам повысил голос.-В конце-концов, Сатана я или не Сатана?!.. И мне плевать на этот Ваш договор!.. Таких как Вы, Светлейший, сегодня почти весь мир: весь мир сегодня жаждет меня! Весь мир сегодня просит помощи у Дьявола!-и, гордо вскинув рогатую голову, ткнул когтистым пальцем себе в копытца.- Цивилизация в ногах у Сатаны!- секунду-другую, постояв с задранной мордой, как бы смягчился.-Прошу учесть это...-в полумраке, круглыми черными пуговицами блеснули его глаза.

- Ладно... Не кипи, миротворец!.. Пацифистик ты, легко ранимый!- Идрис отечески пошлепал по козлиной щеке Сатаны и снова прошелся по комнате:

- Ты хочешь сказать, что я проиграл?

- Я этого пока не говорил. Я просто пришел к Вам с важной информацией... Хотя, не скрою: вас ожидают не сладкие времена. Далеко не сладкие!

- Ты перестанешь мне угрожать, наконец!- Идрис схватил Сатану за грудки. Долгую секунду в полумраке нацелились друг на друга две пары одинаково сверкающих глаз.

Идрис разжал руки и нарочито хмыкнул:

- Информатор...

- Короче! У меня нет времени!..- расставил Сатана и величественно бросил рукой. -Меня ждут массы!..

- Чего ты хочешь, зверюга?!-пристально глянул на него Идрис.

- Плечико... Всего лишь... второе плечико!..

Идрис посмотрел на левую руку, где красовалась красная метка Дьявола, и после минуты раздумья презрительно стал к нему правым боком.

В руках Сатаны появилась печать, он вцепился в правую руку Идриса и придавил к ней зашипевший металлический кружок.

Отняв его, горделиво полюбовался: на правом предплечье Идриса красовался красный заяц- второй на его теле.

Идрис дернул рукой, желая вырваться из лап Сатаны, но тот держал его мертвой хваткой. Идрис ударил по нему сверкающими злобными глазами.

- Я вас понимаю, Светлейший...-посочувствовал Сатана и, набросив на рогатую голову свой красный плащ, исчез...

...Теплое октябрьское утро босоногой женщиной, будто налитое яблоко, подняло с земли спелое осеннее солнце. Долина Ури замерла в теплых и ласковых лучах.

...Хаймалка сбежала к реке, умылась прохладной водой и вдруг почувствовала, как, выбив из сердца, растеклась по телу волна сладкой истомы.

Хаймалка осторожно осмотрелась: вокруг никого... С непонятным волнением расстегнула рубашку, отведя борта, чуткими волнующимися пальцами повела по упругим белым холмикам, стекающим к темным большим соскам.

Жадно, словно впервые, взгляделась в прозрачную белизну своих грудей и с задохнувшимся дыханием, чуть

запрокинув голову, осторожными и жадными ладонями сжала этот упругий волнующий зов.

Неожиданный и властный.

Смутный мужской образ мелькнул в закрытых глазах.

И тут же, испугавшись, что кто-то может сейчас «следить» за ней, быстро застегнулась.

Перебросив полотенце через плечо, пошла к дому...

Это утро для нее начиналось как и обычно: растяжки, река, затем -медитация, легкий завтрак...

На время медитации старик обычно оставлял ее одну: забрав с собой ягуара, уходил на луга за травами или на охоту-в лес.

На этот раз старик решил пойти посмотреть, что стало с нанесенным для костра хворостом, и забрать, оставленный во вчерашнюю грозу, топор.

Хаймалка устроилась под картиной на своем зеленом коврике, на котором она обычно проводила медитации. Стала ждать Ури. Тот что-то возился в сундуке. Закрыв его, сел напротив девушки:

- Я хочу, чтоб сегодня ты медитировала на Знак Выступа.. Всматривайся!.. И всегда помни: в этом мире все о другом! Дерево- не о дереве! Небо-не о небе! И человек-не о человеке!Знак Выступа!.. Всматривайся!.. Есть?

- Есть, старик!-легко улыбнулась она.

- Ну, тогда удачи !-он направился к двери, но выходя, оглянулся и упрятал в бороде довольную улыбку: Хаймалка сидела расслабленно, и он видел, что медитация ей стала открываться.

Осторожно притворив за собой дверь, позвал ягуара. Тот бегал у реки, но тут же отозвался на его зов.

Старик уходил от дома, и рядом с ним легко трусила величавая кошка с ярко-желтой шерстью.

Их силуэты уже стали сливаться с лугами, как из-за угла дома выглянула козлиная морда Дьявола.

Сатана долго смотрел им вслед.

...После пяти-семи минут медитации Хаймалка открыла глаза, попробовала вернуться к ней, но снова прервалась: неожиданный зову реки властно сбивал внимание.

Некоторое время она сидела в раздумье.

Но вот поднялась, отодвинула к стене стол и, став в центре образовавшегося пространства, прикрыла на мгновение веки и начала танец с кожаным пояском.

Сначала медленно, а потом быстрее, она стала ускорять движения, и вот по сверкающим половицам замелькали ее быстрые босые ноги.

Силуэт Хаймалки, зашедшейся в вихревом ритме ритуального танца, казалось, растворился в воздухе.

...Сатана, пригнувшись, подкрался к окну, принял вид старца, заглянул в него.

...Погруженная в танец, Хаймалка не заметила его.

Обогнув угол дома, «старик» уверенно вошел, плотно закрыл за собою дверь.

Хаймалка оборвала танец:

- Ты уже вернулся?-она удивленно смотрела на «Ури».-Все в порядке?

- Да, все в порядке.. Просто... нужно поговорить... «старик» прошелся по дому, стал у картины Священного Дерева, но тут же отошел от нее.

Хаймалка молчаливо ждала.

Наконец, он посмотрел на нее:

- Возьми стул, присядь... Это серьезный разговор.

Хаймалка вернула стол на прежнее место, сев, по заведенному правилу, в торце, сложила на коленях красивые властные руки.

«Ури» отошел к окну, долгую минуту стоял спиной к девушке. И медленно обернулся:

- Хаймалка, у тебя не возникало сомнений?

- Каких, Ури?

- В том, что тебе предстоит...

Она опустила голову и потом открытым взглядом посмотрела на «Ури»:

- Да... Я много об этом думала и думаю постоянно...-и вдруг перебила себя.-Ты ведь имеешь в виду... Иеремию?

- Да.«Праведный Свиток! Праведный Меч! Праведная Мсть!»... Это сила, которая может изменить жизнь твоего народа.

- Да, я сомневалась, сомневаюсь, наверное и сейчас... То, что я испытала ТАМ, это не уходит от меня... Я теперь знаю, что я- жертва, потому, что я еврейка, и мне порою кажется, что это изменить невозможно-я буду жертвой всегда... Невозможно изменить эту звериную ненависть к евреям. Все эти их звериные демонстрации. Эти миллионы озверевших мутантов! Как горят их обезумевшие от злобы глаза! И весь этот озверевший мир уже даже не скрывает эту омерзительную жажду уничтожить меня, уничтожить весь еврейский народ!

- Да...-вдохнул «старик».- Эта животная ненависть к Израилю, ко всему еврейскому вызывает уже даже не ответную ненависть, а омерзение... Это разве что можно

сравнить с гадюшником, по которому ползают тысячи эти скользких гадливых тварей. Весь мир в своей ненависти к евреям превратился в этот злобно- шипящий, омерзительный гадюшник.

«Старик» опустил голову, хотел было что-то продолжить, но Хаймалка перебила его:

- Скажи тогда, Ури, как одолеть это гадливое омерзение?! «Ури» подошел к сидевшей на табурете девушке, став сзади, за плечи привлек к себе, и она доверчиво припала к нему спиной.

Руки «старика» скользнули к ее плечам, задрожавшие пальцы, казалось, вот-вот жадно стекут к поднимавшимся под рубашкой упругим холмикам, но в последний момент Хаймалка вдруг резко встала и испуганно попятилась от «Ури» вдоль стола.

Тот бросился к ее ногам, умоляюще посмотрел на нее:

- Прости меня, Хаймалка! Я просто устал! Я очень устал от этого вечного одиночества! И все эти волшебства, которые я могу делать, все эти тайны, которые открыл мне Бог, они ничего не стоят, если ты одинок! Прости, Хаймалка!-«старец», сидя на коленках, безвольно свесил голову.

Хаймалка замерла. Страх и удивление в ее глазах сменились жалостью. Она невольно взяла плечи «старика»:

- Что ты, Ури... встань! Не надо извиняться! Я так благодарна за все, что ты для меня сделал! Ты ведь меня столькому научил! Вставай!-она мягко приподняла его за плечи.

«Старик», опустив голову, ушел к окну.

- Спасибо, девочка моя! Я всегда верил тебе! И потому не могу больше скрывать от тебя мою тайну...-он поднял на нее глаза:

- Когда-то и я, как сейчас ты, был взят сюда. И мне говорили: ты должен спасти свой народ! Но на самом деле из меня сделали одинокого охранника этой проклятой Долины. Но я не хочу, чтоб эта участь постигла и тебя! Не хочу! Потому что ты дорога мне!.. А потому слушай всю правду: и о нашем народе, и о нашем Боге! Но если что-то захочешь спросить, не бойся-перебивай меня! Договорились?

Хаймалка молчаливо кивнула.

«Ури», казалось, сделал над собой последнее усилие, глубоко выдохнул:

- Наш Бог болен манией величия! Он придумал для себя одну игру и наслаждается ею!...«НАЙДИ БОГА!»- вот его игра! Ибо самый любимый вопрос Бога:

«ГДЕ ТЫ, БОГ?!»

И он жаждет только одного: чтоб отовсюду, со всех сторон, из всех глаз, из всех орущих ртов слышалось только одно:

«Где ты, Бог?! Где ты Великий Боже?!»

И это самый страшный вопрос из тех, какие только могут быть!.. А знаешь, почему именно этот вопрос?-он уперся взглядом в Хаймалку. Девушка, припав бедром к краю стола, казалось, была полностью заморожена: большие загоревшиеся глаза вопрошающе смотрели на «старца».

Он сделал мастерскую паузу и повторил:

- Так знаешь, почему именно этот вопрос-самый любимый вопрос Бога?.. Потому что лишь только после него возможны и все остальные вопросы! И только в

этом: «ГДЕ ТЫ, БОГ?»-возможен смысл творения! А там, где человеком обретается смысл, там рождается и благодарность. А потому Бог придумал игру, в которой он обретает благодарность себе! Это его царский трон! А люди-игрушки в этой его игре!

Отсюда, от этих игрушек все и начинается! Ибо он создал игрушки разными: они большие и маленькие, глупые и не очень... Эти игрушки белые и черные. Он сделал их добрыми и злыми, он поделил их на одни народы и другие.

И тогда ты неизбежно знаешь, что ты отличен от другого! Ты всегда- игрушка Бога! Но что такое еврей в игре Творца? То есть, чем эта игрушка-другая?.. Внешность? Да! Обычай? Да! Душа? Да!..Но это все другое для одной цели: кто ты в этой игре?! Потому что игра Бога-это игра в войну! Бог хочет быть познанным через войну! Его любимый вопрос-«ГДЕ ТЫ, ВЕЛИКИЙ БОЖЕ?!» нигде так не раскрывается, как в войне! И только в войне затаена высшая благодарность Творцу! «...время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру...»... Ты знаешь эти слова пророка. Но это ложь! Потому что не было на земле и часа без ненависти! Не было минуты без кровопролития! И не было и нет мгновения без войны!

«Ури» подошел к Хаймалке, мягко пожав ей плечо, заглянул в глаза. Она молчаливо опустила голову.

«Старец» прошелся по дому. Скрипнули под его ногами половицы.

- Тяжело об этом говорить, но это и есть человеческая действительность.-«Ури» вернулся к окну, посмотрел по сторонам и повернулся к Хаймалке:

- Но война- это фигуры преследователя и жертвы. Война для Бога- это еще и его Божественная охота. А охота-не только преследование жертвы, а и согласие Жертвы быть жертвой! Вот что самое удивительное! И в этом одна из тайн Бога!

Бог любит символы! Есть символы преследователя и есть символы жертвы...Авраам! Вот на ком кровавый камень страданий его народа! Хотя и Авраам же сделал свой народ бессмертным! А знаешь, почему, Хаймалка?- Сатана с ликованием отметил, что душа девушки распахнута его словам, как распахнутое окно.

- Авраам принял от Бога роль быть жертвой. Ведь то, что произошло на горе Мориа было не жертвоприношением, а ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕМ! А жертва и есть самая любимая игрушка Бога! Ибо если кто и может быть истинно преданным, то только жертва! И если есть истинная благодарность, то это благодарность жертвы! Благодарность жертвы-выпте благодарности охотника и преследователя: ибо если охотник благодарит за добычу, жертва благодарна за жизнь! Никто так не знает цену жизни, как знает это жертва! А жертва знает -жизнь сотворена Богом. И потому никто так не знает цену Богу, как знает цену Богу-жертва! Благодарная слеза жертвы высшая благодарность для Творца! И потому Жертва всегда ближе к Богу! И потому евреи стали любимой игрушкой Бога! И потому им дарована жизнь в веках и в тысячелетиях! А теперь слушай внимательно! Но как только евреи перестанут быть жертвой, они исчезнут с лица Земли! Исчезнут и забудутся, как исчезали и забывались даже самые великие народы и великие завоеватели! Но Господь любит свою игрушку и делает ВСЕ, чтоб евреи оставались..

- Жертвой!...-невольно, со смешанными чувствами, выдохнула Хаймалка.

- Его любимой игрушкой...-едва заметно усмехнулся «Ури».

А что это-«...все...»?-холодно спросила она.

«Старец», как бы в раздумье скрестил руки, опустил голову и потом пристально взглянул на нее:

- «...все...»-это то, что народ-жертву и делает народом-жертвой!

- Говори, старик!-потребовала Хаймалка.

«Ури» нарочито, словно ему было очень тяжело сказать то, что требовали от него сказать, помедлил и, припав спиной к стене, впечатал в нее ладони:

- Народ-жертва не может быть большим, и потому из века в век льется еврейская кровь!

Народ -жертва не может быть сплоченным, и потому из века в век не иссякает в еврейских душах беспричинная ненависть друг к другу!

«Каждый усиливает каждого, и оба живут во всей полноте!»-вот закон сильного народа! Но евреи живут по закону, где каждый ослабляет каждого, и потому-ослаблены все!

Свой истинный пророк будет сброшен в грязь, а лжепророк инородца будет посажен на трон-это закон народа-жертвы!

Уничтожить талант соплеменника и возвысить бездарность инородца-это закон народа-жертвы!

Убить своего воина и отдать меч врагу-это закон народа-жертвы!

Сильный народ на агрессию врага отвечает ответной агрессией! Но еврейская агрессия-это агрессия против себя!

Видеть в себе жертву, позволять другим видеть в себе жертву, и в итоге согласиться быть жертвой-это еврейское!

- Старик!-вдруг перебила Хаймалка, но тот не дал ей договорить:

- Ты хочешь сказать, что и в других народах есть и ненависть, и зависть, и подлость... Но другие народы в тяжелые дни сплачиваются под своими символами! Евреи же в дни беды разрознены еще больше! И это тоже признак народа-жертвы! Ты посмотри, как одинаково начинаются и одинаково завершаются эти, так называемые ИСХОДЫ! Посмотри, Хаймалка! Изгнанные из одной страны, евреи начинают осваивать новое пространство, обживают его, начинают обретать ценности. Освоив это новое пространство, становятся богатыми, но чем больше богатеют, тем больше боятся, что кто-то из них станет богаче, и начинают предавать и ослаблять друг друга! В итоге все накопленные ценности оказываются незащищенными! А что так еще хорошо видно, как незащищенная ценность?! И что еще так манит человека, как незащищенная ценность?! И разве это не тот момент, когда открывается враг?! И разве это не момент извечной катастрофы?!..

Все построено Богом так, чтоб еврейский народ оставался народом –жертвой, тем самым оставаясь ЕГО любимой игрушкой. Но, являясь народом-жертвой, евреи объявляются народом-заговорщиком и народом преследователем-но это и есть верный признак жертвы. Ибо это ни что иное, как призыв к новым преследованиям, новым грабегам и новому пролитию еврейской крови!

Но, переживая каждую катастрофу, залитые кровью, чудом выжившие, евреи снова поднимают к небесам

благодарные глаза, чтоб благословить Того, кто удерживает их в такой страшной судьбе! И снова они наивно ищут тысячи и тысячи оправданий Хозяину и Создателю своей жертвенной судьбы! Ты знаешь-ТЕОДИЦИЯ!..

Но если Бог оправдан, то это уже не Бог! Он-Сатана!-«старец» выдержал паузу и вдруг, метнувшись к Хаймалке, взял ее за плечи и вкрадчиво заговорил:

- Обрушить на человека предельный Ад-вот замысел! Чтоб, обрушив на человека непостижимые страдания, потом увидеть, как из-под обломков и грязи, отчаяния и крови тянутся к Нему благословляющие Его истерзанные человеческие руки и души! И это руки и души евреев!

Цена и ценность! Вот самый еврейский вопрос!

Цена и ценность-это и есть еврейское непреодолимое! Евреи будут сохранены, евреи останутся любимой игрушкой Бога, но только лишь в том случае, если евреи останутся народом-жертвой! Вот условие Бога! И тогда Творец снова и снова будет хранить с евреями Свой Завет и, как это было раньше, отмечать евреев своими благостями: через евреев открывается Бог, через евреев Бог посылает в мир тайну, через евреев Бог наполняет мир-ДУШОЙ! Ибо евреи-преданная Ему жертва! А жертва ведь всегда ближе к Богу! И ведь истинной благодарностью может быть лишь благодарность жертвы!

И евреи приняли это. Оставаться жертвой, но всегда быть самым близким к Своему Создателю!-вот что затаено в еврейской душе!

Даже вечный зов Мессии-это вечное призывание беды! Ибо всякий раз дорога Мессии-это новое кровопролитие!

Оставаться жертвой- вот что на самом деле спря-
тано за жаждой привести Спасителя!

И потому все происходит, как происходит!

И тысячелетиями на еврейской крови восходит
сила других народов!

Цена и ценность!

- Но Бог заключит Новый Союз со своим наро-
дом!-вбросила Хаймалка, вспомнив Иеремию.

- «Новый Союз»?-не поняв, задумался Сатана.-Я
знаю-Новый Завет...

- Нет... Новый Союз...

- «Новый Союз»-это значит перестать быть жер-
твой.-нашелся Сатана.- А перестать быть жертвой, зна-
чит, изменить судьбу и значит остановить игру! А это не
что иное, как исчезнуть народу навсегда! И евреи-
НАРОД-ЖЕРТВА, КОТОРАЯ БОИТСЯ ПЕРЕСТАТЬ
БЫТЬ ЖЕРТВОЙ!

«Ури» смолк. В дом ворвалась вопросительная
тишина.

- Что я должна делать?-холодно спросила Хай-
малка.

- Девочка моя!-«Ури» бросился к ней, взял ее руки,
и как бы переступив через себя, попросил:

- Оставь все! Оставь все, как есть!.. Если ты хочешь
сохранить свой народ, оставь все, как есть! Пусть Бэт-
Эль останется в своих руинах. Пусть останется как
память. А что лучше благодарной памяти! Не ищи силы!
Та сила уничтожит твой народ! Не в мече бессмертие
еврейского народа, а в Великой жертвенной покорности!
И вот что я тебе еще скажу:

Перестав быть жертвой, вы и станете жертвой пол-
ной!

Хаймалка опустила голову и потом пристально посмотрела на него:

- А как же то, чему ты меня учил?.. Столько труда, души...

- Не Меч, а Жертвенная Покорность!- жестко повторил «старец».

Хаймалка пристально посмотрела, высвободив ладони из его рук, отошла в угол, к сундуку, зачем-то поправила накидку на нем и вдруг спросила:

- Старик, а еще что-нибудь здесь есть для меня?

«Ури» посмотрел на сундук и пожал плечами:

- Ты можешь посмотреть...

Хаймалка, быстро глянув на него, открыла сундук и достала небольшой, размером с кулак, колокол. Улыбнувшись, зазвонила в него

Звон колокола, казалось, что-то сотворил со «стариком»:

- Убери!- истошно завопил он.- Убери!- он стал отмахиваться от звона и вдруг, поросячьи завизжав, вернулся в свой сатанинский облик и вырвался из дома.

Хамалка испуганно отбросила колокол, оцепенело прижалась к стене.

Колокол качнулся из стороны в сторону, язычок его, скользнув по внутреннему ободку, замер и затих.

Дьявол сбежал с крыльца, оглянувшись по сторонам, бросился к окну и застучал в него когтистыми черными пальцами.

- Хаймалка!- крикнул он.- Не трогай колокол и выйди ко мне!

Хаймалка! Я знаю, что ты слышишь меня! Да! Это я - Сатана!

Но –я, именно я, твой настоящий друг! Я сейчас уйду, если ты захочешь! Но лучше выслушай меня напоследок! Выходи! Не бойся!

- А я тебя и не боюсь...-как бы для себя, негромко расставила она, подняла колокол и пошла к двери.

- Хаймалка! Я знаю-ты меня слышишь!

- Я тебя слышу!-она стала на крыльце.

Сатана, увидев в ее руке колокол, испуганно попятился, на ходу отмахиваясь от него, словно от чумы:

- Не звони! Только не звони!

Но Хаймалка вскинула колокол над собой:

- Так значит-«Не Меч- а Жертвенная Покорность?!-закуражилась она.

Сатана вдруг упал на колени и умоляюще поднял к ней козлиную черную морду:

- Подожди! Всего лишь минуту! Ты же видишь, что я не опасен тебе!

- Хорошо!-она опустила колокол.-Говори, что надумал! Но-быстро!

Сатана поднялся.

Секунду молчаливо смотрел в землю и потом, оглядывая пространство вокруг себя, проговорил:

- Когда Бог создал все эти вещи: и эту речку, и эти леса, это синее небо, эту желтую траву... тебя, Хаймалка, он понял, что он должен создать сущность, которая могла бы стать равной ему по силе! Хотя бы равной!.. Богу нужен был –Я-Сатана! Если я нужен был Богу, то человеку я необходим вдвойне! Лишь тот обретает истинную силу, кто не боится впустить в свою душу Дьявола!

Слушай меня, Хаймалка, и если вдруг я понадобится тебе, позови- и я тут же появлюсь перед тобой, как твой самый верный раб!

...Артистично резанув воздух рукой, Сатана поклонился, потом шагнул было к Хаймалке, но та подняла колокол. Дьявол тут же укрылся плащом и исчез.

И только над Долиной прокатило эхо его голоса:

-Еврей-жертва, которая боится перестать быть жертвой!..

Хаймалка опустилась на ступеньку крыльца, поставила меж босых ступней колокол и долго смотрела в землю, на желтую замершую траву.

...Идрис посмотрел на экран «Системы слежения»: в своей камере бородач-журналист что-то печатал на компьютере. В какой-то момент, словно почувствовав, что за ним ведут наблюдение, глянул в сторону вделанного в потолок глазка.

Показалось, что смотрит прямо в глаза Идрису.

- Работай, работай ...-негромко, как бы для себя, бросил тот и переключил экран на пещеру, где по своим углам, точно дикие подземельные существа, затаились двое мутантов

Идрис нажал на клавишу «Вход» - в пещере вспыхнул и затопил ее ослепительный свет. Оба обитателя, мгновенно заслонившись руками, ткнулись лицами в пол.

С особенным удовольствием Идрис нажал и задержал палец на клавише «гамма» - в ту же секунду тонкий, похожий на свист, звук стал проникать в пещеру.

Двое безбровых с гримасами ужаса зазмеились по полу. Беспомощно пытаясь спастись от нестерпимо про-

никающего в мозг света и пронзительно-тонкого звука, судорожно обхватывали головы, жались к стенам.

Идрис глянул на часы, отключил свет и звук. Обитатели, вытянувшись на полу, затихли.

Идрис нажал клавишу «Ввод». В пещере возник механически-ровный мужской голос: «Знак. Голос. Взрыв.»- и повторился еще несколько раз: «Знак. Голос. Взрыв»...

Идрис отключил «Систему», прошелся по комнате. В дверях, в своей неподвижной стойке, стоял вампир.

- Ну, что, мой верный Халиф, добудем мы эту «царицу»?-он стал напротив.

- Вы правы, Светлейший! «Царицу добудем»..

- Добу-удем!-как бы больше для себя, заверил Идрис и стал у широкого окна, за которым распахнулось пространство со «Стеной Плача».

- Я дойду до конца!-он вплеп ладонями в толстое стекло.-Я узнаю их тайну! И я сотру с лица Земли память о них!-он вдруг подошел к компьютеру, быстро и зло напечатал:

«Я сотру память о них!»- и, словно захваченный этой злобой, напечатал еще раз: «Я сотру память о них!!!»-он поставил третий восклицательный знак, отошел было полюбоваться со стороны, но вдруг его надпись исчезла, компьютер тут же перешел на автономный режим, чьи-то невидимые пальцы забегали по клавиатуре, и на экране вспыхнула яркая пульсирующая надпись:

«ПАМЯТЬ!»

Она исчезла и через секунду возникла вновь, как некая экстренная команда:

«ПАМЯТЬ!»

Идрис с суеверным страхом отошел назад, но чьи-то невидимые пальцы вновь с огромной скоростью прошлись по клавишам, которые, словно заведенные, сами опускались и поднимались.

На экране возникло изображение недавней кровавой бойни у «Стены Плача».

Идрис метнулся к компьютеру, попытался стереть картинку, но компьютер не подчинился.

Идрис растерянно взглянул на Халифа, тот по-прежнему безучастно смотрел перед собой.

Идрис оцепенело впился глазами в отключенный компьютер, с которого не исчезали «картинки» резни.

Идрис суетливо затарабанил по клавишам, но осталось, как и прежде:

«Ритуал!»-все те же кровавые сцены у «Стены Плача», словно кто-то заснял их на пленку

Идрис суетливо включил пульт связи, но тут же выключил.

Он почувствовал дрожь в руках, коленках, потерянно опустился на стул. Лоб пробило холодным потом.

- Водки!...-подрагивающими губами попросил он.

Халиф достал из бара нераспечатанную матовую бутылку, свернул крышку.

- В стакан...-бросил Идрис.

Протянутая мохнатая рука вампира вызвала ярость, едва справившись с собой, трясущимися пальцами Идрис взял стакан и с трудом вышел.

Автономно работавшая клавиатура вызывала безотчетный страх.

Вдруг, вскипев, Идрис схватил ее, занес над собой, чтоб раскрошить о край стола, но в последнюю секунду, вывернувшись, он ударил углом доски по светящемуся

экрану, экран осыпался мелкими кусками, но нутро монитора по-прежнему было ярко освещено, а изображение из плоского превратилось в объемное-словно живая копия пространства, где безбровые показывали миру свои красные кровавые руки.

Клавиатура выпала из рук Идриса и свисла со стола на толстом белом проводе.

Но клавиатура вдруг снова заработала. Под чьими-то невидимыми пальцами клавиши быстро поднимались и опускались, и нутро монитора заполнилось «живыми» картинками резни.

Идрис оцепенело попятился к двери и вырвался в коридор. Он бежал по тусклым переходам бункера, и ему казалось, что удары сердца гулко отдаются по всему под-земелью...

...Идрис вырвался из подвала, закрылся в доме.

Перед глазами стояло разбитое нутро монитора, в котором, словно живые, убивали, насиловали женщин фигурки в камуфляжной форме. ..

Идрис загнанным зверем закружил по комнате. Навалилась гнетущая тишина. Идрис включил телевизор, бросил свое тело в кресло напротив.

Но снова резко поднялся, метнулся к холодильнику. Как многие ассимилированные мусульмане, он держал в доме спиртное.

Идрис плеснул полстакана и, давя дергавшееся горло, выпил всю водку.

Вторая, после «Пульта», порция алкоголя быстро заволокла сознание, Идрис вернулся к своему креслу, хотел было сесть, но взгляд напоролся на висевшую на ковре саблю. Он вытянул ее из ножен, облокотив о кресло, утопил в нем свое тело.

...Очнулся он в полутемной комнате, освещенной лишь экраном работавшего телевизора.

От непривычно-большой дозы алкоголя раскальвалась голова. Застонав, он обхватил ее.

Мгновение-другое, скрючившись, он покачивался из стороны в сторону, точно пытался успокоить боль, но та цепкими тисками давила подбородок. И сквозь эту боль, еще больше травя сознание, была с экрана человеческая речь.

В какое-то мгновение Идрис на секунду замер, словно, забыв обо всем, вопросительными глазами уткнулся в телевизор. Шла новостная программа, в которой звучали слова «сенсация», «Израиль», «миражи»...

Было прямое включение Иерусалима. Стена Плача...

Идрис потрясенно подался плечами вперед: то, что было на экране, повторяло кадры с его компьютера!

Идрис поднялся и, словно что-то переборов в себе, бросился из квартиры в подвал.

Он ворвался на «Пульт»: нутро монитора по-прежнему светилось, и в нем «действовали» маленькие живые фигуры. Идрис включил селекторную связь:

- Мне нужен большой экран.

- Включаю, Светлейший...-ответил женский голос.

Через пару мгновений занавеска на стене напротив отъехала и, на открывшемся широком экране пошла сводка новостей. И это тоже было прямое включение Иерусалима- Стена Плача.

Идрис ошалело приподнялся, перевел взгляд на монитор компьютера, снова взглянул на экран и еще раз бросил глазами на монитор: ошибки не было!

События, происходившие у настоящей Стены Плача каким-то непостижимым образом были связаны с «картинкой» на его компьютере: словно экран монитора служил матрицей, и все происходившее в Иерусалиме было копией того, что показывал сейчас монитор с разбитым и «ожившим» нутром.

Идрис стал смотреть новости других каналов. Но все они вели прямые репортажи об ЭТОМ! Весь мир казался всполошившимся, как перед какой-то глобальной катастрофой. Десятки делегаций ученых из многих стран мира летели в Израиль. Казалось, весь мир был прикован к Иерусалиму. Главным событием оставалась сенсация с площади у Стены Плача. Реальной Стены Плача.

В считанные часы планета наполнилась всевозможными слухами:

«Наступает конец света!»

«Мессия посылает свой знак!»

«Бог начал мстить за невинно пролитую кровь своего народа!»

Телекомпании всего мира показывали одни и те же кадры: Гигантский фантом, возникший у Стены Плача. Площадь, прежде заполненная туристами, сейчас была пуста. Люди в страхе бежали с нее, а на самой площади развернулся гигантский фантом, который непостижимым образом копировал «ритуал» Идриса: на площади колыхалось фантастическое видение: безбровые мутанты в камуфляжной форме творили ужасную резню.

На призрачных почетных трибунах сидели призраки-почетные гости, и над всем пространством разносились их озверелые призывы:

«Смерть Израилю!»

«Смерть евреям!»

Идрис ошалелыми глазами увидел свой призрак: вот он занес над головой прикованного к столбу профессора саблю и рассек его череп надвое.

Идрис лихорадочно перевел глаза на монитор: освещенное нутро показывало ту же самую резню.

Суеверный страх и одновременно кураж смешались в его сознании: сработала какая-то незримая Сила!

«...Сатана?!»-мелькнула мысль. Он взволнованно поднялся, подошел к широкому окну и потрясенно замер: там-внизу у «Стены Плача», прикрывшись красным плащом, стоял Сатана....

Качнулся маятник, мигнув лукаво веком-
Не зная начал, предугадать конца.
И таинство ошибок человека-
Как утверждение замысла Творца...

...Хаймалка подняла колокол, вошла в дом. Первое, на что посмотрела, сундук в дальнем углу.

Она открыла его, чтоб вернуть колокол на место, но тот зазвенел в ее поднявшейся руке и словно остановил ее. Подумав, она закрыла сундук, поправив на крышке светлую накидку, поставила на нее колокол. Медные литые бока его загорелись золотым светом. Хаймалка присела на корточки и всмотрелась в него. Колокол подставил ее искаженное отображение. Хаймалка поднялась, наткнулась глазами на подаренную стариком одежду. Она сбросила с себя платье. Свет с окна, задох-

нувшись, пьяно обволокло большие темные соски, ладно сбитые бедра девушки...

Хаймалка надела кожаную юбку, блузку, коричневые высокие сапожки, секунду подумав, повязала над бедрами кожаный пояс. Надела налобную повязку. Она помнила о запрете старца, но в эту секунду слова Ури казались какими-то забытыми, приглушенными, и ведь, наверное, уже завтра, с легкостью думалось ей, она покинет эту Долину.

Походив по дому, Хаймалка вернулась к брошенному на кровать своему платью, решила было переодеться снова, но, будто захваченная каким-то властным зовом, вышла на крыльцо.

Долина нежилась под невысоким осенним солнцем, лес вдалеке стоял багрово-желтой стеной.

Хаймалка долго смотрела вдаль, ожидая, что вот-вот, за лугами, появятся фигуры старика и ягуара. Но их не было.

Она легко сбежала с крыльца, приминая сапожками порыжелую траву, пошла к лесу.

И время от времени смотрела в ту сторону, где так и не был разожжен костер.

В прозрачных синих небесах, расправив крылья, парил орел. Круг за кругом он опускался ниже, и вдруг в какой-то момент, сложив крылья, резко сорвался вниз у самой кромки леса.

Вынырнувший сбоку ветерок прижал подол юбки к стройной девичьей ноге.

В шаге от себя Хаймалка увидела пушистую головку одуванчика, нагнулась - сорвать ее, но, увидев, как по тонкому молочно-зеленому стеблю поползла

вверх крошечная, с игольное ушко, мошка, присела на корточки.

Хаймалка легко коснулась пальцем стебля, но мошка, нырнув под него, одолела эту неожиданную прегладу и вновь появилась, но уже повыпше пальца.

И вдруг что-то вспыхнуло в мозгу, и она, как никогда раньше, ощутила: мир есть!

Хаймалка невольно поднялась. В раздумье отвела волосы за спину: это крохотное существо словно что-то запустило в ее сознании и она как-будто впервые услышала это распирающее мозг слово-реальность!

Бог открывается в малом! И, может быть, для Него эта мошка ценнее, чем громадный по сравнению с ней человек.

А, может быть, Бог и Сам затаен в непостижимо мизерной точке?

И снова- словно толкнуло в сердце: Бог сотворяет мир от необъятного к непостижимо малому и тут же из этой невидимой точки ускользает к непостижимо безграничному!

Она закрыла глаза и увидела фиолетовый знак. Это была ивритская буква Алеф. Такая, как на повязке на лбу.

Волнение захватило Хаймалку.

Неожиданно для себя она развязала пояс, закрыла глаза, расслабленно бросила плечами вниз, и от затылка по всему телу заструились токи расслабляющей энергии. Она увидела границы пространства, которые быстро расширились, в одно мгновение распахнулись в БЕЗГРАНИЧНОЕ, и в нем маленьким светящимся мотыльком возник фиолетовый силуэт танцующей девушки.

Хамалка открыла глаза, взмахнула пояском и начала танец. Движения ее, то ломано медленные, переходя в быстрые и вихревые, снова нисходили к ломано-фиксирующим, словно ее гибкое тело и руки рисовали невидимые магические знаки и заклинания. Поясок в руке то змеился, то резко рассекал воздух и брошенным окольцованным концом что-то выхватывал из невидимого пространства.

Казалось, из глубины тысячелетий была выкрадена молодая шаманка-евреянка, и сейчас она колдовала на осенней, захваченной ее танцем, поляне.

В какое-то мгновение в шагах десяти от себя Хаймалка подметила одинокий стебелек желтой ромашки, бросила в него концом пояса, тот, стремительно растянувшись, окольцевал стебелек, и в ту же секунду сорванный цветок оказался в ее руке.

Девушка на мгновение замерла, словно только осознав, что сейчас, в этой неожиданной импровизации, она поняла танец Ури и смогла завершить его броском растянувшегося кожаного пояса.

Долгую минуту она ошеломленно смотрела на руки, в одной из которых был тонкий шнур, свернувшийся в длину пояса, и в другой - срезанная им ромашка.

Хаймалка невольно поискала дорогу старца, но до самого горизонта растеклись безлюдные луга, и впереди, уже совсем рядом, густой темной стеной манил осенний таинственный лес. Она снова глянула на пояс, но, решив не опоясываться им, легко набросила на шею, и его оба конца тонкими змейками поверх блузки стеклись в ложбинку между грудей. Подумав, она завязала ремешок бантом.

Она прошла небольшую полянку, и взгляд уже мог проникать в густо заросшую лесную глубину.

Хаймалка легко вошла в лес, и лишь приглушенно, в какой-то глубине сознания, мелькнули отдаленные образы оставшегося позади домика старика, самого Ури, ягуара и разбросанного хвороста так и не состоявшегося костра...

Земля, покрытая настилом истлевших листьев и мха, мягко пружинила под ладными сапожками.

Лес был нетронутым, густо заросший, Хаймалке то и дело приходилось отводить от лица гибкие упругие ветви. Одна из них, сорвавшись из-под ладони, тонким острым лезвием хлестнула по щеке.

Девушка приложила ладонь, и на ней остался след крови.

Легкий испуг клюнул в сердце. Хаймалка обернулась-лес за спиной сомкнулся и теперь уже со всех сторон окружал ее плотной, пристально следящей стеной.

Она шагнула было назад, но где-то рядом раздался пронзительный, как у щенка, визг. Хаймалка прислушалась.

В визг вмешивалось шуршание листьев. Она осторожно раздвинула ветки и невольно замерла: в шагах пяти на нее уставилась огромная, похожая на собаку, россомаха. Но у нее были кошачьи пристальные глаза, длинноволосое бурое тело, пышный, как у лисы, но более короткий хвост.

Под когтистой сильной лапой зверя визжал и беспомощно дергался волчонок.

Росомаха угрожающе ощерилась. Хаймалка подобрала сухую ветку и запустила в нее. Та, кувыркнувшись,

отпустила щенка, но снова попыталась добраться до волчонка.

Хаймалка сорвала свисающую тонкую ветку, стегнула по воздуху и шагнула на зверя. Тот отступил.

Где-то недалеко раздался волчий вой.

Росомаха насторожилась, вновь засвистевший длинный прут в руках девушки отпугнул ее, и она скрылась в чаще.

Хаймалка подхватила на руки потрепанного волчонка, приласкала и пошла к тому месту, откуда и увидела чудовищную «собаку».

Вновь, но уже где-то совсем близко, протянулся волчий вой.

Волчонок неожиданно вывернулся из рук Хаймалки, она успела среагировать, присела, и щенок выпал из ее ладоней у самой земли.

Оказавшись на свободе, он быстро затрусил на волчий вой. Хаймалка проследила, пока он не скрылся из вида, осмотрелась.

В сердце ударил страх: она потеряла направление. Хаймалка растеряннo стала искать следы и вдруг недалеко от себя увидела зазмеившуюся по земле тропинку. Было похоже, что протоптала ее нога человека.

Хаймалка выбрала тропу.

Тропинка долго петляла меж деревьев и оборвалась так же неожиданно, как и появилась.

Девушка в раздумье остановилась и не заметила затаившееся за деревом чудовище: огромная двухголовая свинья, в метрах двадцати впереди, замерла за стволом лиственницы.

Хаймалка обернулась на убегавшую в глубь леса тропинку: нужно было или возвращаться, или искать другой путь.

Подраненную веткой щеку прожгла тонкая острая боль. Хаймалка приложила к ней осторожными пальцами, и на них остались крапинки высохшей крови.

Захотелось пить. Она невольно искала вокруг себя, словно могла найти родник или что-то еще, что могло бы утолить жажду, но кругом стоял один неприятный лес.

... Она не заметила, как впереди за деревьями спряталась двухголовая свинья. Четырьмя огромными бивнями она уперлась в ствол лиственницы.

...Хаймалка подправила висевший на шее ремешок, повернула было по тропинке в обратный путь, как за спиной раздался сильный треск падающего дерева.

Она оглянулась. Огромное дерево обрушивалось на нее. Хаймалка едва успела вырваться из-под этого гулко падающего на нее облака. Широкая крона, цепляясь и обламывая ветви соседних деревьев, у самого лица рухнула оземь.

По лесу покатил пугающий гул. Оказавшись в безопасности, Хаймалка, с ударившим сердцем, припала плечом к первому попавшемуся дереву...

... Ури взглянул на небо: по-осеннему ленивое солнце уже не пыталось подняться до зенита, а обходило землю стороной.

Старик на несколько мгновений застыл, словно вслушивался во что-то, тревожно скользнувшее в душу.

... Хаймалка...

Ягуар, пригнув морду к земле, затаился у небольшой норы.

-Гром! -позвал старик.-Уходим!

Забросив за спину небольшой мешок, пошел по заливному девственному лугу. Рядом, сбивая мощными лапами желтеющие травы, затрусила властная кошка.

...Хаймалка все еще не верящими глазами смотрела на огромную лиственницу, из под которой чудом удалось вырваться.

Отчего-то захотелось потрогать ветви, коснуться руками рухнувшего дерева, пошла было к нему, но лишь вышла из своего убежища, оцепенела: двухголовая огромная свинья, с большими загнутыми бивнями и острыми клыками на нижней челюсти, в метрах десяти, уставилась на нее. Каждая голова имела по одному круглому глазу, и это придавало чудовищу еще более уродливый вид. Вместо передних копыт у чудовища были когтистые, как у Дьявола, жилистые руки.

Чудовище встало на задние копыта, оказавшись в полтора человеческих роста.

Свинья шагнула на Хаймалку, хрюкающим голосом заговорила:

- Ну что...- Ну что...-одна голова вторила другой, и это походило на какое-то мерзкое эхо.- Глупая самоуверенная девчонка...-Глупая самоуверенная девчонка...- Попалась?!-Попалась?!- две головы блаженно зашлись

кверху, обе пасти распахнулись, обнажив красный толстый язык и желтые острые клыки.

Крючковые когти взметнулись кверху. Хаймалка попятилась.

Чудовище стало находить на нее, вминая в землю трескающиеся под копытами сухие сучья.

- Ты уже никуда не уйдешь от меня!-Ты уже никуда не уйдешь от меня!-злорадно прохрюкали головы свиньи.-Я тебя сожру!-Я тебя сожру!

Хаймалка забежала за ветки упавшего дерева.

Свинья остановилась:

- Ты не знаешь силу Великой Хуры!-Ты не знаешь силу Великой Хуры! Я достану тебя из-под земли!-Я достану тебя из-под земли!.. Но лучше договоримся!-Но лучше давай договоримся!- Ты отдашь мне свой ремешок, а я не трону тебя! А я не трону тебя!

В просвет между веток Хаймалка увидела зло пылающие, два циклопических глаза Хуры.

Хаймалка невольно взялась за висевший на шее пояс.

- Это не мой ремешок, и ты его не получишь!-крикнула она.

В то же мгновение чудовище злобно забормотало и шагнуло в поваленную крону. Затрещали ломающиеся ветки и сучья.

Хаймалка бросилась бежать наугад.

Хура вырвалась из-за кроны и уже через минуту стала настигать девушку.

Хаймалка запетляла меж деревьев, но за спиной все слышнее слышалось сопение и злобное бормотание свиньи.

Когти Хуры нависли над ее головой, она попыталась сделать рывок, но, споткнувшись об опавшую сухую ветку, сорвалась лицом к земле. Перевернулась на спину.

Хура занесла над ее головой копыто, с размаху обрушила, Хаймалка успела перекатиться, но уперлась боком в дерево.

Свинья подхватила ее за поясок, и Хаймалка оказалась как пойманная в петлю.

Хура, блаженствуя, потащила ее к себе. Хаймалка пыталась перехватить ее жилистую руку, но с каждой секундой задыхалась больше, в лицо стал бить гнилой запах распахнувшихся двух пастей, но в последний момент, гаснувшим сознанием, Хаймалка вспомнила, что поясок завязан, дернула за один конец и выскользнула из петли на землю.

Чудовище оторопело.

Хаймалка успела броситься в сторону и, уже выпрямившись, снова побежала.

Она продралась сквозь ветви и вдруг увидела вставшую в стороне волчицу.

В какую-то секунду волчица превратилась в зрелую, похожую на испанку, женщину.

А с поляны донесся громкий голос. Хаймалка оглянулась. Чудовище с наслаждением вертело над двумя головами поясок:

- Наконец-то! Вещица проклятого старика! Наконец-то! Вещица проклятого старика!-гнусавым похрюкивающим голосом злорадно бормотала свинья, и одна голова вторила другой:- Эй, глупая девчонка! Я знаю, кто ты!-Я знаю кто, ты!-два циклопических глаза глянули в сторону Хаймалки.- Но теперь ты уже не станешь, кем могла бы стать!- Но теперь ты уже не станешь, кем могла

бы стать!-Ибо ты глупа и отдала мне!-Ибо ты глупа и отдала мне! –вторила вторая голова.-То, что есть- ты! То, что есть-ты!-Ты моя рабыня!-Ты моя рабыня!- чудовище, поиграв над глазами пояском, скрылось в глубине зарослей, и только вновь прокатило по лесу торжествующее эхо:-Ра –бы-ня!

Хаймалка потерянно опустила голову и только теперь вдруг ясно услышала запрет Ури-не надевать пояса.

«Испанка» подошла к ней, сорвала с земли широкий, похожий на подорожник лист, поднесла к губам, зашептала какое-то заклинание и поманила открытой ладонью:

- Не бойся, я твой друг!

Хаймалка послушно подставила лицо. Женщина приложила лист к порезу на щеке, мягко прижала обеими ладонями, приблизилась тепло дохнувшими губами и быстро убрала руки. Лист слетел к земле, незнакомка с едва заметной улыбкой посмотрела в замершие глаза девушки.

Хаймалка невольно прижала руку к лицу: щека была гладкой, без порезов и царапин. Ладонь так и замерла.

- Я женщина-волчица Джоли, - «испанка» словно что-то открыла ей.-Ты спасла моего детеньппа... -и она показала на волчонка, который шаловливо прыгал из стороны в сторону , словно ловил какого-то мотылька.

Девушка пожала плечами: мол, может, и так...

- Росوماха очень жестока и кровожадна... Я благодарна тебе.

Хаймалка, присев, поманила к себе щенка. Волчонок охотно бросился к ней. Девушка взяла его на руки,

поднесла к лицу. Маленький красный язычок тут же стал лизать ей губы, щеки.

Джоли с улыбкой наблюдала за ними.

Ласково пожурив волчонка, Хаймалка опустила его на землю.

Женщина-волчица подала ей руку, и они снова стали друг против друга.

- Я знаю, ты потеряла поясok –подарок Хозяина Долины.Двухголовая свинья Хура стала на твоём пути.- Джоли мягко взяла её плечо.- Хура свирепа и безжалостна! Она властительница Черного Ожидания...

- Я не знаю, что делать...- Хаймалка вдруг почувствовала, что полностью доверяет Джоли.-Как я буду смотреть в глаза старику!... Он столько сделал для меня! И он предупреждал меня...

Женщина-волчица взяла её руки в свои теплые ладони, заглянула в глаза:

- Великий учитель не знает злобы... Все образуется... Дорога же твоя трудна! Твой путь лежит к Лестнице Ледяных Костей.

Джоли смолкла.

Хаймалка глянула на неё:

- Сестра моя, как я могу найти дорогу к ней?

- Я отведу тебя к старой лиственнице. От неё расходятся две дороги: одна- от которой начинается дорога к Горе, другая-по ней ты можешь вернуться в свой город. Там у тебя ещё есть друзья, родные, остался твой дом...

- А Ури?-перебила её Хаймалка.

Джоли пожала плечами:

- Как распорядится его Судьба... А сейчас пойдем... я проведу тебя к старой лиственнице...

... Ури с тревогой вошел в дом: никого.

Первым делом старец взглянул на картину Древа Струящейся Воды. Сияние его меркло и через минуту прежде светлая большая комната стала мрачной и уютной.

Картина погасла.

Старик обессилено опустился на табурет. В ногах его тревожно заскулил ягуар.

А на сундуке лежал колокол...

...В местах, где деревья стояли плотно друг к другу, Джоли, раздвигая упругие ветви, выходила вперед Хай-малки.

Шаловливо бегал вокруг волчонок. Джоли взглянула на спутницу:

-Тебе предстоит непростая судьба, но тем ты и будешь возвышена!.. Ты моя великая сестра! Я женщина-волчица, ты женщина-ягуар! И в нас обеих живет Первозданная Дикая Женщина. Слушай, что я тебе скажу...-она остановилась, на мгновение прикрыла большие веки:-В первозданных диких лесах живет великая наша сестра, мудрая женщина-волчица Эстес. Поистине велики слова ее:

«...Днем и ночью за нашей спиной таится тень Первозданной Дикой Женщины. Где бы мы ни ступали, эта тень крадется следом и-определенно-опирается на четыре лапы...

И именно первозданная Дикая Женщина в нужный момент приходит на помощь...

Если мир вокруг враждебен, жертва должна и обязана держаться, стоять до конца, цвести и творить вопреки тем, кто ее преследовал.

ЭТО И ЕСТЬ НАСТОЙЧИВОСТЬ, КОТОРАЯ ВОПРЕКИ ВСЕМУ ПРИНИМАЕТСЯ!

...Когда на Волков устраивают облаву, они не говорят, сколько можно?

Они прыгают, увертываются, притворяются мертвыми, вцепляются в глотку-врагу, делают все, что бы уцелеть!...»-женщина-волчица глянула на Хаймалку.- Мне сейчас показалось, что эти слова были рождены именно для тебя, для преследуемой этим злобным миром еврейки. Ты должна выстоять! Но запомни еще! Самые злобные враги твоего народа- в твоём народе!-и она снова прикрыла глаза.- Я вижу символ паука! Пауки оплетают сердце твоего народа! Я вижу -они подписывают тайные бумаги с врагами твоего народа!

Пауки вооружают врагов, и убивают лучших воинов твоего народа! Святая Земля в опасности!.. –женщина-волчица пристально глянула на Хаймалку.-Твой народ должен вытравить из своего сердца это паучье племя!..

- Что это за знак паука?-спросила Хаймалка.-И что это за племя?

Женщина- волчица бросила взгляд к ногам и как бы переступила через что-то хрупкое:

- Это принесет тебе боль... Но ты должна знать этот символ - зловещий символ паучьего племени. Это два сведенных вместе серпа.

Память сбросила Хаймалку в ужас кровавой резни: будто снова она оказалась у жертвенного камня и снова Исайя занес над матерью серп и вонзил острие в ее грудь...

...Хаймалка сцепила зубы, и только с глаз сбежали две мокрые дорожки.

Вдруг она расчистила сапогом землю, подняла ветку и подала ее женщине-волчице.

Та двумя движениями начертила сведенные «спинами» два серпа.

- Я буду помнить!-Хаймалка порывисто шагнула...

...Широкий экран на стене «Пульта» весь день показывал новостные передачи. Идрис не выходил из комнаты, жадно следил за новостями.

Миражи, возникшие у Стены Плача, приковали к себе весь мир: подобно фантастическому вирусу, они стали возникать в разных точках планеты.

Действие миражей было устрашающим: те, кто попадал в его зону, превращались в звероподобных безумцев.

Возникло мнение, что, действительно, это мог быть вирус. Но если это было так, то это были ли «управляемый вирус», или имеющий собственное сознание. Казалось, прежде, чем нанести удар, он тщательно выбирал своих жертв: объектом атаки становились юдофобские звероподобные демонстрации, группы погромщиков и террористов.

Но юдофобы, казалось, получили свой долгожданный час, на планете не затихала волна еврейских погромов.

«Евреи создали новое психотронное оружие!»- орали кровожадные толпы.

«Евреи хотят уничтожить мир!»- обезумевшие мутанты поджигали синагоги, оскверняли еврейские кладбища.

Обезумевшие толпы шествовали по разгромленным улицам и требовали только одного: еврейской крови!

Идрис посмотрел на стоявшего в дверях вампира:
- Журналиста сюда!..

...Через несколько минут бородач Хадис открыл двери «Пульта».

- Проходи, дорогой соплеменник! Садись!

Халиф прикрыл дверь и остался на своем неизменном месте охранника.

Журналист сел в углу на стуле.

- Смотри, писатель!- ухмыльнулся Идрис, глядя на экран, на котором шествовали озверелые юдофобские толпы.

Хадис молчаливо пригладил черную, с проседью, бороду.

- Что замолчал?-Идрис повернулся к нему на кресле.

- Я не знаю, что это!...-глухо ответил Хадис и пристально глянул на Идриса:

- Но в любом случае этот мир уже не может существовать, как существовал еще недавно... Он будет или уничтожен, или повернется к Богу...

- А разве это не само Провидение посылает знаки: скоро весь мир и Святой Город склонят колени перед знаменами ислама! А, иудейская шестерка?!

- Я никогда не был и не буду ничьей шестеркой! А что касается Святой Земли, то она принадлежит только тем, кто и сделал ее Святой Землей!

- И кому же?-нарочито усмехнулся Идрис.

- Святая Земля принадлежит евреям. Они сделали ее святой... Только в их руках она расцветает! Евреев изгнали с их земли, и цветущая Палестина превратилась

в заброшенную выгоревшую пустыню! Теперь, когда евреи снова вернулись и Святая Земля из сожженной пустыни стала снова превращаться в цветущий сад, но вы, озлобленные и завистливые существа, вновь хотите изгнать евреев с их земли и вновь превратить эту землю в бесплодную пустыню!

- Вот смотрю на тебя и думаю...-Идрис нарочито благодушно откинулся на кресле.-Откуда такая паскуда, как ты взялась среди арабов?!.. Ну, у евреев, это понятно... У них испокон веков рождались эти Исайи, Марксы, в общем те, которые будто и рождались, чтобы предавать свой народ...-и тут он, словно войдя во вкус, бросил глаза в потолок, и с каким-то нутряным наслаждением, периначивая пророка, заерничал: «...и козленок будет мычать как волчонок.. и лев будет жрать солому, как овечка... и крокодил пососет...» -и нарочито вздохнул.-Но это евреи. Они всю жизнь были битые. А битые всегда в страхе... -и, уже с смакуя, ткнул:

- Когда шакал знает, что он шакал, ему хочется, чтоб и лев жрал солому!.. Но это-шакалы!..

Идрис сотворил насмехающуюся паузу и снова благодушно откинулся на спинку кресла:

- У тебя ведь не это должно быть в крови-«... и козленок... у слоненка...»! У тебя должно быть другое: то, что араб впитывает в себя еще в материнской утробе!-он вдруг выпрямился, впился в журналиста пристальным взглядом и заговорил, будто расставлял каждое слово, как увесистый камень:

«...Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру»...Коран!- и вдруг усмехнулся.-Да, я и забыл ты же не мусульманин!..

- Да, я не мусульманин. Но и ты хочешь все разрушить, прикрываясь исламом. Тебе нужен только-трон! И ты готов ради этого разрушить и свой мусульманский мир! Но помни: того, кто поднимал руку на евреев, неизбежно карала рука Творца! Но дело даже не в этом... И христиане, и мусульмане перед евреями в долгу.

- Мусульмане... в долгу?..-вскипел Идрис.-Перед кем?!

- Перед теми, кто были первыми учителями Мухаммеда-перед евреями.

Идрис угрожающе поднялся, но в следующую секунду экран на стене невольно захватил обоих: «Новости» передавали репортаж с многотысячного шествия:

«Смерть Израилю!»-орали обезумевшие от злобы фанатики.

«Смерть евреям!»-исступленно распахнутые рты, безумно-пылающие глаза превращали эти животное дергающиеся массы в толпы каких-то новых человекоподобных мутантов.

В какое-то мгновение фантом кровавой бойни у «Стены Плача» завис над орущими толпами, мгновение-другое, поколыхавшись над ними, в секунду стал громад-

ным и бросился вниз, на вдруг оцепеневшие от страха тысячи голов.

Тысячи рук бросились в воздух, прикрываясь от налетевшего на них фантома. Толпы смешались.

Фантом кровавой резни прошелся по смешавшейся обезумевшей массе, в несколько мгновений превратив ее в скопище безумцев, которые стали пожирать друг-друга.

Идрис с запылавшим сознанием глянул на журналиста. Тот сидел, бросив глаза к полу:

- Я тебе уже говорил Бог будет мстить за евреев!- глухо проговорил бородач.-Если мусульманский мир не перестанет преследовать евреев, мусульманский мир падет!

- Мусульманский мир падет?-нарочито презрительно протянул Идрис.-Да ты совсем уже мозги растерял! Нас миллионы! Мусульман сотни и сотни миллионов!

- А что для Бога цифра?!... Какая бы она великая ни была, для Творца она всего лишь цифра!-и тут же добавил.-И дело не в том, что юдофобский мир убивает евреев, уничтожает их храмы, оскверняет их могилы, а в том, что этот самый юдофобский мир мешает идти народу к Богу! А это и есть сатанизм-стать на пути идущего к Богу!.

- Что ты сказал?!-взорвался Идрис. Вцепившись в борта его рубашки, рванул на себя и с яростью оттолкнул его на стоявшего в дверях вампира:

- В камеру его! В камеру эту мразь!

-Запомни!-крикнул Хадис.-ЕВРОПА УНИЧТОЖИЛА ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ И ВМЕСТО НИХ ПОЛУЧИЛА ШЕСТДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ МУСУЛЬМАН! Запомни урод!..

Вампир, уже схватив бородача за волосы, выволок из комнаты.

Идрис бросился к столу, выключил экран, но вдруг, осознав, что тут же рядом, на столе, светится монитор с «живым изображением», схватил его со стола и с размаху бросил в широкое окно.

Монитор протаранил вдребезги осыпавшееся стекло и оказавшись в пространстве «Ритуала», упал и скатился по бетонным ступенькам вниз.

Идрис, сломанный непреодолимым зовом, метнулся к окну:

Монитор лежал на краю «площади», глядя вверх подсвеченным, шевелящимся нутром.

И вдруг ему показалось, что мозг стал затапливать чей-то гулкий голос:

- Если человек вдруг осознает, что он включен в Космическую игру, он перестает бояться смерти. Такой человек может быть или Великим или Опасным. Если в нем светлое начало-он может стать Богом, если темное, он превращается в Сатану!...

Идрис судорожно схватился за голову, и над всем пространством подземелья разнесся его истошный вопль...

... Этот вопль прорвался в сумрачные тоннели переходов, проник в многочисленные темницы и лаборатории.

Безбровые, которые еще недавно творили резню на площади у «Стены Плача», услышав в своей казарме пронзительный вопль, вскинули головы: точно пытались уловить какой-то зов...

...Лес впереди стал заметно редеть, и скоро Хаймалка с Джоли оказались на небольшой полянке, в центре которой стояла старая величественная лиственница.

Волчонок, словно зная дорогу, бойко засеменял к ней. Женщины, глядя на него, рассмеялись.

Осеннее солнце зависло над самым лесом.

Уже издали Хаймалка невольно стала искать обещанные Джоли две дороги.

- Они так не видны... - женщина-волчица словно угадала мысли своей спутницы.

- Их может открыть только Солнце. И только в определенное время. Когда Солнце входит в Точку Тропы, тень от лиственницы покажет путь: если пойдешь по ее направлению, это твоя дорога домой. Если выберешь дорогу в противоположном направлении, это путь к Лестнице Ледяных Костей... Начало его тебе укажет Великий Павлин... Только это страшный путь, но лишь он может вернуть тебе силу старика. И должна быть отгадана загадка двухголовой Хуры.

Хаймалка, отбросив волосы за плечи, взглянула на нее.

- Пойдем...-пригласила Джоли.- Там под лиственницей бьет маленький ключ.

Родничок бил из-под треугольного плоского камня.

- Если ты выберешь путь домой, ты не должна пить из родника: тень лиственницы сама перенесет тебя в твой город. Но если ты выбрала дорогу к Лестнице, ты должна испить из этого ключа.

Хаймалка в раздумье коснулась шероховатой коры лиственницы.

- У тебя есть еще несколько секунд...-предупредила Джоли.

Хаймалка подошла к роднику, словно в последний раз, посмотрела на нее, опустилась на колени, удобней устроилась...

- Решай! - воскликнула Джоли.- Солнце входит в Точку Тропы.

Хаймалка, оставаясь на коленях, увидела, как едва заметно дрогнул и, сдвинувшись, замер серебряный дымящий диск Солнца; тень от лиственницы отплыла в сторону и удлинилась.

Не раздумывая, она наклонилась к роднику, сделала глоток, и еще, и вдруг в ту же секунду поднялся сильный ветер, и над лесом взметнулось облако из потревоженного каркавшего воронья. Оно заметалось над поляной, темной тучей нырнуло вниз, растрепав верхушку лиственницы, снова возбужденно-кричащим вихрем закружило в небе.

Хаймалка вдруг почувствовала, как мощная энергия схватила ее тело, заставила развести руки, и стало мощным дыхание.

Осознавая это, она увидела, как из леса, в противоположной от нее и Джоли стороне, вырвалась звероподобная свора полулюдей-полужверей:-Убейте евреянку!

Мощное дыхание переполняло Хаймалку, она почувствовала, как стал дрожать отвисший подбородок, и негаснущим сознанием поняла: это когти страха.

Она отпустила подбородок и с каждой секундой чувствовала как разжимает свои когти страх. Мощная энергия стала вырывать ее из тела, и, казалось через секунду вырвавшись из ребер, она взметнется к небесам. Вдруг чьи-то мощные лапы, вцепившись в ребра, стали

удерживать ее. Но каждый миг она высвобождалась из этих цепких лап, и в какое-то мгновение ее выбросило из тела, и она увидела грозного Иеремию, и сознание затопил его густой мощный голос:

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской; Тот завет мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь.

Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь; вложу закон мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его и буду им Богом, а они будут моим народом...

Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати твое сердце на дорогу, на путь, по которому ты шла; возвращайся, дева Израилева, возвращайся в сии города твои.

Долго ли тебе скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа.»

В это мгновение на нее сорвался с неба двухголовый орел, одна из голов которого была сатанински рогатой.

- Убейте евреянку! - орел раскрыл огромный клюв, но Хаймалка, вырвавшись из тела, превратилась в молодую самку ягуара и, угрожающе зарывав, встала на задние лапы. Двухголовое чудовище, ускользнув от ее ударивших сильных лап, взмыло вверх и запарило над подступавшей к Хаймалке своре полулюдей-полузверей.

- Убейте евреянку! - кричали мутанты, полулюди - полузвери.

Мощная энергия вырвала Хаймалку из тела разъяренной кошки, и она начала свой священный танец- в своем воинском одеянии, и с налобной повязкой, на которой сиял ивритский знак «Алеф»!

На мгновение звероподобная свора оцепенела, но с новой злобой двинулась на нее:

-Убейте евреянку!

Но Хаймалка с новой силой зашла в колдовском танце, кружила и, видя надвигающуюся свору шакалоподобных, теперь знала, что в этом тысячелетнем крике озверевшего мира таился неодолимый страх этой нелюди перед ней –евреянкой! Страх перед Великой еврейской женщиной, познавшей и рожающей истинных пророков! Страх и жажда излиться в нее и воплотиться в мире своими сатанинскими историями.

Ей увиделись тысячелетние унижения еврейской женщины, погромы и изгнания, ее кричащее тело под шакалоподобной нелюдью, их жадные сатанински -орущие глаза:

«Я- расскажу! Я -расскажу!».

Но насилие не открыло ее души , лишь сделало ее выжженной пустыней: древнюю цветущую Палестину жаждущая крови шакаля свора превратила в бесплодное лоно.

«...Ибо Господь сотворит на Земле нечто новое: жена спасет мужа...»

И она увидела образ того единственного, кто сможет рассказать ей настоящую красивую историю, чье семяоживит ее иссушенное лоно.

И это был тот, кто знал истинную историю о Творце, мог говорить с ним, боготворил кровь человече-

скую, а не исходил в сатанинской жажде- купаться в крови человека!

Хаймалка оглянулась на Джоли. Женщина волчица начертала в ее сторону знак благословения.

Свора шакалов, уже приблизившись, окружила танцующую девушку. Двухголовый орел снова ринулся на нее, но в это мгновение, словно рожденный Солнцем, Великий Павлин возник из прозрачных небес. Грозный крик Царственной Птицы угрожающе разнесся над испуганно- оцепеневшим зверьем. Великий Павлин подхватил Хаймалку и вместе с нею взмыл в небеса, оставив на земле злобно заоравшую свору, с бессильно заклокотавшим двухголово- сатанинским орлом.

Джоли, глянув вслед взлетевшей над миром Хаймалкой, превратилась в волчицу и вместе со своим детенышем скрылась в лесу...

...Великий Павлин, распластав огненные крылья, в своих сильных лапах нес Хаймалку над золоченым осенним лесом.

Восторг и мощная энергия переполняли все ее существо, и прозрачные небеса, наполняясь фиолетовым сиянием, сменялись на цвета розового сада.

Розовый сад перетек в сияющую алую комнату, и в ней возник неглубокий прямоугольный колодец.

Колодец был окружен золотыми перилами. Хаймалка заглянула в него и увидела сияющее дно, которое походило на сияющий огромный лист.

Вдруг, по обе стороны от Хаймалки, возникло два, похожих на дьявола, существа. Плотоядно улыбаясь, они твердили свои имена и заглядывали в дно колодца. И тогда она поняла, что эти дьяволоподобные хотят заронить в ее душу эти свои мерзкие имена, чтоб потом, через ее сердце, они воплотились в сияющем свете колодца.

Но Хаймалка знала, что в душе ее взойдет имя лишь того, кто знает голос Бога и кто строит Богу храмы на освященных камнях, а не на оскверненных чужих могилах...

...Великий Павлин мягко опустился на землю, и это был маленький оазис с тремя пальмами, маленькой речкой, за которой до самого горизонта раскинулась безжизненная пустыня.

В тени одного из деревьев Великий Павлин сложил крылья и превратился в человека.

Хаймалка стояла разбросав руки по сторонам, глубоко дышала. Когда дыхание успокоилось, она увидела оазис и сидевшего под пальмой незнакомца: мужчина лет сорока, привалившись к стволу спиной, забросив ногу на ногу, беззаботно играл на дудочке.

- Привет тебе, Царица!-он на секунду оторвался от своего занятия.

- Я-не Царица!..-она стала в шагах пяти от него.- Кто ты?- она с почтением посмотрела на незнакомца.

- Я?- незнакомец, весело перебрав пальцами, как заправский музыкант, вскинул дудочку кверху, что-то проиграл и глянул на Хаймалку:

- Я-Познавший Жажду...-и снова что-то наиграл.

Хаймалка сдержала смех: незнакомец или не умел играть или притворялся.

- А еще говоришь, что я не умею играть... Раз смеялась-значит умею...

- Я, вообще-то, ничего такого не говорила...-посопротивлялась она.-Да и не смеялась...

- Говорила... Все говорят... И все смеются... Хотя я и вправду не умею играть на этой славной «вещице»...

Это слово будто унесло Хаймалку в лес, и она услышала злорадное похрюкивание двухголовой свиньи Хуры:

«Вещица проклятого старика! Наконец-то!»

- Ты потеряла поясок старца?...незнакомец словно читал ее мысли.-Вообще для древних евреев пояс означал очень многое,-он поднялся и приблизился к ней.

Хаймалке показалось, что глаза его проникли в самую глубину сердца.

- Древние евреи носили широкие одежды. И быть подпоясанным значило быть готовым к Пути. Если пояс был завязан слабо, значит человек был бессилен. Если пояс завязан был туго, значит, ты тверд и дерзок, значит, ты одолеешь Путь. Но в поясе еще хранили деньги, разные послания и к поясу привешивали оружие. Потерять пояс означало потерять все. Но я верю-ты вернешь поясок Ури. И я верю-ты победишь двухголовую Хуру!

- Я хочу сделать это!-Хаймалка вспомнила о старце.

- Думай об Ури только хорошее!- он снова прочитал ее мысли.

- Мне кажется, что я уже вообще боюсь думать...

- Не бойся. Я уже выпел...-прежним тоном ответил он и показал на место в тени:

- Ну да ладно... Присаживайся.-и он сунул дудочку в руки Хаймалки.-Играй, если хочешь, а я тебе что-

нибудь поесть соображу.-он исчез в спрятавшемся в кустах маленьком шалаше.

Хаймалка повертела дудкой, поднесла ее было к губам, но в последнюю секунду передумала: чего дурочкой выглядеть?!.. И пожала плечами: мол, что за причуда...

А незнакомец, уже вернувшись, расстелил перед ней полотенце с едой: хлеб, кусочек рыбы, помидор...

- Это пока оставь... Ешь...-он взял из рук ее дудочку, его пальцы легко коснулись ее руки, и она невольно мельком глянула на него.

В долю секунды память оживила утро у реки, властный зов, заставивший ее сдавить груди, и смутно мелькнувший тогда образ мужчины. Память, все так же хозяйски, попыталась сравнить его с внешним обликом сидевшего рядом с ней хозяина этого оазиса.

Она стащила с головы налобную повязку, броском головы разметала волосы по спине.

Он налил из бурдюка полстакана воды.

Хаймалка с любопытством следила за ним.

-Скажи, а что значит Познавший Жажду?-спросила она.

Он подал ей стакан:

-Познавший Жажду-это Познавший Утоление...

Она хотела было что-то спросить, но он перебил ее:

- Поешь, отдохни с часок...-он кивнул на шалаш.- Вечером поговорим... И ничего не бойся: я всегда рядом...-он пошел к речке.

Хаймалка долгое мгновение смотрела ему вслед и вдруг громко позвала:

- Познавший Жажду! Так все-таки как зовут тебя?

Он на секунду замер и, обернувшись, пристально посмотрел на нее:

- А как бы ты меня назвала?

Хаймалка поднялась, подошла к нему и заглянула в его глаза:

- Ты Джо! Джо, играющий на дудочке!

- «Джо, играющий на дудочке»-повторил он, словно попробовал на вкус свое новое имя.

И как бы согласился:

- Ничего... пойдет... Может быть, и похоже... А теперь иди поешь и отдохни.

Хаймалка повиновалась и направилась к пальме. Мягко захрустел под ее сапожками песок и мелкие камни.

Джо долго смотрел ей вслед.

...Осеннее солнце стороной обходило Долину Призванного, будто спешило миновать потускневший дом Ури.

Старик неподвижно сидел за столом, едва заметно поворачивая в руках стакан красного вина.

Ягуар лежал у двери, прикрыв лапой морду, казалось, дремал.

Ури глянул на картину Струящегося Дерева. Она была погасшей, словно пасмурное небо.

Старик перевел взгляд в окно: натекали сумерки.

Он сделал несколько медленных глотков и настороженно отодвинул стакан: ягуар, тревожно вскинув голову, во что-то старательно прислушивался.

И вправду, снаружи стали доноситься какие-то крики, а вот прозвучало несколько далеких выстрелов.

Старец снял со стены карабин. Ягуар уже стоял на крыльце.

Ури сбежал со ступенек, быстро перезарядил ружье: в метрах пятидесяти, за рекой, в его сторону приближался отряд всадников.

«Человек двадцать-двадцать пять...»-всмотревшись, прикинул старик.

Он поднял карабин наперевес и дал команду ягуару:

- Спокойно, Гром!

Кошка, пару раз ударив лапой о землю, выгнула гибкую спину.

Накручивая себя криками, всадники постреливали в воздух, и вот уже взорвав тихую гладь воды, переправились на берег Ури.

Фыркающие лошади выстроились в беспорядочную линию.

Безбровые.

Среди них выделялись несколько человек- бывшие обитатели подземелья: Исмаил и Махмуд, и высоколобый-Мурло. На поясе у него висел серп.

От старика до них было метров тридцать.

Всадник посредине, легко прищпорив коня, выступил вперед.

Его поджарый, коричневой масти, жеребец, учуяв дух готового к прыжку ягуара, заржав, поднялся на дыбы и едва не скинул хозяина.

Всадник, осадив коня, оглянулся назад и дал несколько команд.

Отряд, разделившись надвое, стал обходить старика с кошкой.

- Эй! Старик! Убери зверя!-крикнул вожак отряда.- Если что-распотрошим и тебя, и твою кошатину!-он угрожающе наставил ружье.

Один из всадников раскинул огромную сеть, которая свисла с крупа коня до земли.

Ягуар угрожающе залег.

Старик повел ружьем по окружавшим его всадникам.

Вдруг один из мутантов, вскинув ружье, выстрелил по кошке.

Ягуар, взбешенно заревев, в несколько прыжков достал до стрелявшего в него, мощным прыжком сорвал с коня.

Посышались беспорядочные выстрелы.

- Стойте!-закричал старик, быстрым выстрелом сбросил одного из стрелявших в кошку, который тут же отшатнулся и, выронив карабин, схватился за раненое предплечье.

А над ягуаром зависла сеть, и он забился в ней, подминая под себя сбитого им, с разорванным горлом, всадника.

Несколько безбровых, оттащили в сторону уже туго стянувшуюся сеть-Гром, обтянутый ею, беспомощно бился о землю.

- Хорошенькая гурия досталась нашему хозяину!- один из мутантов насмешливо ткнул ботинком в хребет ягуара. Те, кто были поблизости, лгисто загоготали.

Ури стоял в окружении шести-семи безбровых. Главарь банды подал знак и несколько человек скрутили старца, завязав ему руки, столкнули его на колени перед главарем.

Тот ткнул плетью старцу в горло и вскинул его подбородок.

Ури отвел голову, но тут же стоявший над ним мутант схватил его за волосы и силой задрал ее.

Ури отстраненно посмотрел на главаря. Тот, не выдержав проникающего глаза старца, бешено заорал:

- Я Абас!..

- Я вижу...-задранный сверху лицо старца усмехнулось.

Абас наотмашь стегнул плетью по лицу Ури:

- Ты у меня еще не то увидишь! Еврейский пес!-и снова ткнул плетью в горло:

- Где девчонка?!

- Я не знаю...

- Все ты знаешь, собака! И все расскажешь!-он бросил рукой к дверям дома, и двое безбровых тут же бросились к ним, осторожно вошли.

- Чисто!-через минуту высунулся один из них .

Главарь кивком приказал поднять с колен Ури и вошел за ним в дом.

Две небольшие группы остались снаружи: одна стояла над ягуаром, вторая гадала, что делать с трупом своего «собрата».

...Небо над оазисом походило на глубокий фиолетовый купол, стекаясь шатром к горизонту.

Может быть, поэтому, думалось Хаймалке, люди бескрайних степей и пустынь делают купола своих храмов похожими на эти небеса.

С реки потянуло вечерней прохладой.

Хаймалка не заметила, как над ней стал Джо.

- Ты можешь искупаться в речке, ополоснуть вещи...-он протянул ей легкое платье и полотенце.

Поднявшись, она взяла их и, молчаливо глянув на него, пошла к воде.

У самой речки обернулась: Джо сидел за пальмой спиной к ней.

Хаймалка сняла блузку. В ложбинке меж тугих грудей блеснула влажная дорожка. Прикрывшись, она оглянулась снова.

Джо по-прежнему сидел в тени дерева, едва заметно покачиваясь из стороны в сторону: будто в такт какой-то молитвенной мелодии.

Хаймалка разделась, отбросила волосы за спину. Оазис словно стал светлее от обнаженного молодого женского тела.

Она шагнула в воду. Дно было неглубоким, выложенным мелкой чистой галькой.

Она легла, и ее тело растаяло в приятной прохладной воде.

Фиолетовые небеса заструились нежной далекой мелодией флейты.

Влажной рукой Хаймалка провела по лицу, скользнула по налитым холмикам грудей к темным большим соскам, вокруг которых легко волновалась вода.

...Раздался хруст подминаемого мужским шагом песка. В воду вошел Джо. Он на секунду стал над ней. Она выжидающе смотрела. Но вот он припал на колени и

она почувствовала, как гулко ударило сердце. Он захватил пригоршню воды и легкими каплями прошелся по всему ее телу.

Приподняв ее плечи, он потянулся к ней губами... Но в эту секунду его оттолкнул другой смутный мужской образ...

Хаймалка испуганно открыла глаза. Видение исчезло. Прикрыв грудь рукой, она приподнялась: Джо, все так же едва заметно покачиваясь, сидел под пальмой спиной к ней.

Хаймалка улыбнулась себе; улыбнулась, как будто простила себе какую-то маленькую, грешную и сладкую тайну, и, ребячливо перевернувшись, окунулась лицом в приятную ласкающую прохладу воды.

Выйдя из речки, она быстро вытерлась жестковатым полотенцем, надела светлое легкое платье, под которым вылепились шишечки сосков...

...Фиолетовое небо над оазисом темнело, едва заметные звезды заплясали далекими яркими огоньками.

Хаймалка и Джо сидели возле костра. Ночь таинственно окружала оазис, отблеск костра скользил по стволам затаившихся пальм, выхватывал из темноты причудливые голые ветви кустов.

Хаймалка сидела, прильнув подбородком к коленям.

Джо, в шагах двух, изредка подбрасывал в огонь сухие трескучие ветки.

- Познавший Жажду, ты обещал рассказать...- свет костра вылепил из бархатной ночи красивое лицо евреянки.

Джо сидел, скрестив ноги, не отрываясь, следил за плясками огня.

- Космос пронизан Великой Жаждой.- он взглянул на Хаймалку.-Как путник, бредущий по бескрайним пескам, жаждет глотка живой влаги, так Творящийся Мир и Человеческая Душа жаждут утоления.

- Джо, что такое душа?

- Как мужчина и женщина рожают ребенка, так же Тело и Дух рожают душу. Потому она- светла, когда тело и дух красивы, потому она - печальна, когда болезненно тело или немощен дух. Но она должна превосходить себя... Душа-это Путь Утоления...

- Ты нашел Утоление?

- ЗАВЕРШЕННОСТЬ И УМИРОТВОРЕНИЕ!-вот истинная цель ВСЕГО.

- Но разве это не конец Пути-«завершенность»?..

- Нет. Завершенность-это обретение Бога и Пребывание в Нем. Это- Умиротворение. Евреям это было обещано...

- Тора?..

- Да. Тора... Это Великая Сила... и Великая Тайна. Кто обручен с Торой, тот обручен с тайной!..

Хаймалка выпрямила спину, и это не ускользнуло от Джо.

- Я почувствовала этот зов!-она, казалось, затаила дыхание.-Я поняла ЗОВ ТОРЫ!

Он с одобряющей улыбкой посмотрел на нее:

- Тыходишь в красивую Тайну...

- Послушай, Джо! Тысячелетиями у евреев хотели отобрать Тору. Те, кто обязан ей своим рождением-и христиане и мусульмане-сжигали ее на тысячах костров, но всякий раз каким-то чудесным образом она снова оказывалась в руках евреев. Те же, взошедшие в ее лоне, оскверняли ее насилием, но всякий раз, сияющая и святая она снова оказывалась в руках евреев! Это непостижимо!-выдохнула Хаймалка.- Это нечеловеческое усилие, чтоб униженные, гонимые, растерзанные люди могли хранить такую преданность, казалось бы, простому- Свитку! Человек не в силах вынести это, если над ним нет Высшей Силы!

Джо, те, кто удерживал и проносил в своих разрубленных руках свою Тору, они знали, что удерживают не просто нечто, а великую тайну Божественного родства! Мир-это непостижимая тайна, а Тора- символ того, что Бог открывает эту тайну перед евреями!..понимаю евреев, танцующих с Торой, обрученных с Торой, обрученных с Божественной тайной! Бог открывается евреям! Я чувствую, что во мне сокрыта Его Речь! Я хочу говорить с Ним! Я хочу говорить с Богом!-она встала, словно ее подхватила какая-то мощная невидимая энергия.-Джо, я хочу танцевать с Торой! Сейчас!-с отблеском огня в глазах Хаймалки, казалось, сияла Его сила.

Джо с легкой улыбкой одобрения смотрел на нее, но как бы нарочито поддел:

- А разве Царица не имеет Торы?

Она быстро глянула на него:

- Имеет! Все мое существо-это Тора! Вся моя энергия-это Тора! Мой код ДНК-это Тора! Ибо Бог обещан мне через Великую Тору!- Хаймалка с куражом посмотрела на него:

- Мои руки не выпускали Священную Тору!-она на секунду замерла и начала танец.

Ее движения были то порывисты и быстры, пряди волос, выбивавшиеся из-под налобной повязки, рассыпались бархатными волнами, она походила на язычок пламени, вырвавшийся из костра, и в какие-то мгновения ее руки превращались в мольбу и отчаяние, и потом она снова становилась тонкой и властной волной энергии, освещенной непостижимым таинством огня.

Царица говорила о Торе, о еврейской душе, боготворившей ее и превосходившей во имя этой тайны ужас насилия и унижений, и огонь костра отсвечивал на повязке Хаймалки - в центре лба-Божественный знак «Алеф»...

...Безбровые с бывшими обитателями пещеры «осваивались» в доме Ури.

Первым делом все бросились к сундуку, но без разрешения главаря соваться в него никто не решился.

Ури, брошенный в дальний угол с завязанными за спиной руками, полулежал, припав плечом к стене. Его правое предплечье было перевязано, и на повязке выступило загустевшее пятно крови.

Абас вперевалку подошел к сундуку, оглянувшись на старца, небрежно подал знак одному из своих. Тот бросился к Ури, рывком поднял его и толкнул в сторону главаря.

- Перед походом мой босс говорил мне о сундуке... Этот?- он как бы свысока смотрел на ставшего в стороне Ури.

- Твой босс видно все знает...- отстраненно ответил старец.

- Этот или не этот?!-взорвался тот.

- Этот...-в глазах его мелькнула усмешка.

Абас оглядел скучковавшееся за его спиной при- тихшее воинство, и его взгляд задержался на Мурло, на зайце на его лбу:

- Эй, еврейская собака!-и он брезгливо кивнул на сундук: давай, мол, пес, открывай.

Мурло услужливо приблизился, сунул руку под приоткрытую крышку и вытащил красный тряпичный сверток.

Бритоголовые одобрительно загудели.

Мурло, виновато улыбаясь, развернул свою «добычу», и ею оказалась красная майка, в которую был обернут серп- копия того, что сейчас висел у него на поясе.

Первые секунды, глядя, как Мурло растерянно вер- тит в руках свой, уже второй, серп, мутанты застыли в глуповато-улыбающихся масках, а потом вдруг раздался хохот.

- Доспехи шакала!-загоготал Абас и презрительно приказал: -Надевай, Сатана!

Мурло, угодливо посмеиваясь, суетливо влез в кра- сную майку. Безбровые на мгновение суеверно при- тихли: на груди и спине, на красном цвете, выступили два зловещих символа-два черных паука из сросшихся «спинами» серпов.

В какое-то мгновение все посмотрели на старца.

- Говори!-крикнул на него Абас.

- Знак лжепророка...-прежним тоном ответил Ури, безлично глянув на шутовски улыбавшегося Мурло.

Тот, вдруг заерничав, острием серпа снизу поддел пах старика:

- Обрезание не хочется? а, пес?!-и вдруг, сорвав с пояса второй серп, опасно зацепил им шею Ури:

- А вот так? а, собака?!

Заготовавшие было наемники оцепенели.

Тупо застывшие улыбки.

Исайя медленно потянул серп к себе и оказался близко -лицом к лицу с Ури. Долгая секунда глаза в глаза.

Мурло вдруг плюнул в лицо старца, отвел от него свое «оружие».

- Моли Бога, что не я здесь хозяин!-злобно процедил он.

- Молить Бога придется тебе!-пообещал Ури.

- Иди!-Абас ткнул в грудь Исайе плеткой.-Получил свой халат, теперь иди!

Тут же один из наемников отбросил Исайю в сторону, тот опрокинулся на пол, едва не напоровшись на отлетевшие в стороны серпы. Мурло, заползав на четвереньках, как красный шакал, подобрал свое оружие.

Абас вновь прошелся взглядом по лицам окружившего его воинства и остановил глаза на Исмаиле.

Тот выжидающе замер. Главарь молчаливо кивнул ему, и он бросился к сундуку.

Исмаил выудил изумрудный кристалл. Все затаились.

Кристалл был похож на маленький, с острыми концами, пропеллер, легко умещался на открытой ладони. Круг в центре его сиял, точно круглый изумрудный экран.

Исмаил повернул его на ладони и ошарашенно замер: экран кристалла показал танцевавшую у костра, девушку. Острие показывало-«Восток».

- Компас!-выдохнул Исмаил.-Он показывает дорогу к той девчонке!- и тут же виновато, словно что-то украл, посмотрел на главаря. Тот небрежно сорвал с его руки изумруд, уложил на своей ладони, но изображения не было. Он стал осторожно поворачивать его, но компас «молчал».

Абас злобным глазом пальнул по Исмаилу и угрожающе ткнул компас Ури:

- Можешь?

- Я здесь бессилен...-ответил старик.

- Врешь, еврейская собака!-глаз его попал на камин.-Я сожгу тебя, как последнего пса!.. Здесь –в этой твоей печке!- он кивком подал знак зажечь огонь и столкнул старца к камину:

- А пока погрейся!-он деланно загоготал, и вслед за ним в льстивом хохоте зашлось его воинство...

Огонь легко схватил сухие ветви и уже через минуту затрещал у самого лица старца, полулежавшего близко от камина.

Абас подбросил на ладони компас, с усмешкой оглядел своих наемников, остановившихся на Федоте, кивнул на сундук.

Тот открыл его и вытянул большой охотничий нож.

Сдержанно, как бы побаиваясь главаря, бросил рукой вверх.

Абас пристально глянул на старца.

- Каждый берет всего лишь то, что он берет...- ответил тот.

...Абас обвел взглядом затаившееся воинство.

Все молчаливо ждали.

Он ткнул компас Исмаилу в руки:

- Будешь у меня проводником!-нарочито-великодушно расплескал и кивнул второму обитателю пещеры-Махмуду. Тот вальяжно подошел к сундуку, неторопливо открыл его, и в ту же секунду все увидели, как в ужасе исказилось его лицо и из распахнутого рта вырвался истошный крик: крышка сундука распахнулась, и из нее высунулась огромная с кроваво-красным языком пасть. Переполненная слизью, заглотнув руку Махмуда, она затянула его голову и стала перемальвать ее.

В какое-то мгновение сундук стал трескаться, обнажая зеленое туловище чудовища.

Мутанты оцепенели.

Боковые стенки сундука разлетелись по сторонам, освободив двухметровую жабу.

В ее пенящейся красной пасти исчезало раскромсанное человеческое туловище.

Обезумевшие от страха безбровые с истошными криками, стараясь опередить один другого, бросились к двери, отталкивая друг друга, запрудили выход орущей безумной свалкой.

Ури со связанными за спиной руками, став на колени, поднялся. Жующая пасть повернулась на него.

Старик бросился к двери, у которой еще толпилось несколько человек.

Из пасти жабы свалилась перекушенная человеческая нога, и чудовище двинуло к двери.

В разбившееся окно влетел горящей факел, ударил о голову жабы. Ее шакалья пасть злобно оскалилась, и в два прыжка жаба достала было старца, но тот успел вырваться наружу и побежал вдоль стены дома.

Шакалоголовая жаба стала в проеме двери, увидев впереди рассыпающиеся по сторонам фигуры, в несколько стремительных прыжков достала до одной и схватила ее клыками.

С разных сторон посыпались автоматные очереди.

Чудовище пополам перекусило пойманную жертву и взмыло в воздух...

Ури посмотрел в сторону реки, где должен был находиться пойманный в сети ягуар и, кажется, увидел что-то, изредка бьющееся на земле. Нужно было спасти кошку, но руки старца были по-прежнему связаны за спиной.

Старец выглянул из-за угла дома: мутанты, что-то лопоча и бранясь, собирались перед домом.

Ури перебежал к задней стене и снова осторожно выглянул: здесь никого. Старик переметнулся к небольшому сараю, в котором хранились все его инструменты.

Дверь можно было открыть, лишь дотянувшись до ручки связанными за спиной руками.

Одна попытка, другая, третья...

Наконец, дверь отошла, старец нащупал на верстаке нож, перерезал веревки.

Прижимаясь к стене дома, Ури вернулся на прежнее место, выглянул из-за угла: пять-шесть безбровых шли в сторону, где лежал ягуар.

Старик осел по стене на пятки, вонзив в землю нож, опустошенно свесил голову. Сбоку послышались осторожные шаги.

Старец повернул голову.

Из-за угла дома вытекло напряженное лицо Абаса и на секунду замерло.

Ури вдруг расхохотался.

И время, показалось, перешло в другое измерение.

Старцу подумалось, что он так и запомнит в этих набегающих сумерках выглянувшее из-за угла это напряженное лицо Абаса, который, увидев его смех, окаменел еще больше.

В это развернувшееся бессмертное мгновение старец видел, как в оцепеневших глазах безбрового происходила какая-то, до невероятного, непосильная работа.

Ури, хохоча, поднялся, а это лицо все так же оцепенело выглядывало из-за угла. Абас не понимал ни смеха, не знал ни вопроса, и ни ответа.

Но вот Абас, кажется, выкарабкался из этой «комы» и воинственно вышагнул из-за угла:

- Здесь эта еврейская собака!-уже надменно крикнул он и, подождав, пока за ним появилось еще двое арабов, нарочито-вразвалочку приблизился к старцу и прикладом автомата неожиданно ударил его в бок. От боли Ури пригнулся. Абас замахнулся было для нового удара, но вдруг раздалась автоматная очередь, и он замертво рухнул на землю.

Стрелявшим был подошедший Исмаил.

Он опустил автомат и оглянулся на собравшихся полукольцом безбровых:

- Само Провидение указало на то, чтобы во главе нашего отряда был поставлен я-Исмаил!-и он вскинул руку, в которой был зажат изумрудный компас.-И мы найдем эту еврейскую змею и выполним приказ нашего Светлейшего хозяина, нашего Великого имама-Идриса!

Одетое в камуфляжную форму воинство на мгновение затихло, но вот кто-то вскинул автомат, ударил короткой очередью по воздуху, и вслед за ней посыпа-

лась беспорядочная стрельба, перемешанная со лъстивыми возгласами:-Исмаил!.. Исмаил!..

...Долина Призванного уходила в пророческую ночь: под желтым полумесяцем полыхал дом старца...

....Оазис в этой безжизненной пустыне казался центром мира.

Утреннее Солнце раскаленной колючкой зацепилось за край фиолетового неба и казалось никогда не успокоит своих острых, всепрожигающих лучей.

Джо и Хаймалка шли к речке. Он незаметно осмотрел ее: стройная воин-евреянка, с налобной повязкой, которая придавала ей еще более решительный вид. И вместе с тем она околдовывает, чарует глубинной нежностью и ожиданием любви, точно весенний воздух, наполненный теми невыразимыми соками, без которых невозможно таинство зова и слияния- зарождения новой жизни.

Джо протянул ей приготовленную на дорогу фляжку с водой, но рука так и зависла в воздухе: черные глаза Хаймалки замерли в какой-то дали.

Джо с улыбкой опустил руку, и она, заметив это, легко смутилась.

- Джо, извини, но мне показалось-я услышала какой-то...-она поискала подходящее слово.-Какой-то... новый голос... А, возможно, ощущение. «Человек может быть красивым!» ... Но это совсем не то, что обычно говорят...- она выжидающе посмотрела.

- Я тебя слушаю, Хаймалка...- легко улыбался он.

- Это как будто бы зов, какое-то разрешение. Будто кто-то в моей душе разрешил мне войти в какую-то тайну. Это так здорово, Джо! Я никогда еще так не чувствовала это: «Человек может быть красивым!» Это как будто: «Человек может быть Богом!»-и зачарованно выдохнула:

- Такая силища!

Джо с любовью рассмеялся:

- Это, правда, «силища»!.. Человек может многое! Очень многое! Но это возможно только с истинной любовью!

Это возможно только с истинным зовом души. Если душа позвала, значит, она разрешила, а, значит, она знает... Без души и маленький камень не сдвинешь, а с душой-пустыни в сады превращаются... Душа не позовет, Бог не откроется! ИБО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ СОКРЫТ ЗАПРЕТ НА ЗНАНИЕ БОГА! –и он, как бы над собой, усмехнулся.-Над этим каждый может посмеяться, но не каждому дано понять это ПРЕОДОЛЕНИЕ.

Она ответила быстрым взглядом, словно не решалась о чем-то спросить.

- Говори...-пришел он на помощь.

- Ты сказал, если душа не позовет, то ничего не возможно...-она вопросительно посмотрела.

- Да-невозможно...

- Тогда –мир просто не хочет избавиться от своей ненависти к евреям. Мир всегда будет жаждать уничтожить Израиль. И все прекрасно знают, что вопрос не в территориях! Мусульманский мир в тысячу раз больше по территории, чем маленький Израиль. Чего им не хватает? Израиль-это единственная страна в мире, которая превращает пустыни в цветущие сады.-Хаймалка кив-

нула на пески вокруг оазиса.-Весь мир уничтожает леса, убивает реки и только единственный маленький Израиль, не имея рек, не имея воды, дает мертвым землям жизнь. Мир должен стоя приветствовать эту мужественную страну, которая, окруженная такой ненавистью, имеет силу не проклинять, а благословлять жизнь!

- Это так, Хаймалка. И потому я с тобой.

- Джо, но ведь дело еще не в ненависти, а в том, что-что бы ни делал Израиль и евреи, как бы мы ни стремились к миру, тот же мир желает нам только одного-смерти! У Израиля нет другого выхода, как получить новую силу, новое оружие! И это –язык Бога! Бог явит новую тайну Своему Народу! Я верю в это, Джо! И я чувствую в себе эту тайну! Я догадываюсь, как познать язык Бога!

Они долгую минуту молчали.

Джо оглянулся на угли догоревшего в ночи костра и осторожно заглянул в глаза Хаймалки:

- Скажи, душа моя, а если бы вокруг тебя не было столько ненависти, ты искала бы Бога?

Она невольно рассмеялась, и смех ее был чистый и искренний:

- Великий старец Ури научил меня одной молитве... Я скажу ее тебе?.. И пусть это будет, как молитва перед дорогой...

- Я понимаю...

- Да...-она свела на груди ладони, посмотрела на речку перед собой, взгляд ее, скользнув по тихим водам, утек в безмолвную даль песков и поднялся к глубоким фиолетовым небесам.

Джо принял позу Хаймалки и как бы молчаливо стал вторить ее словам...

Хаймалка расставляла слова распевно, но вместе с тем твердо, как в обращении равной к равному:

- О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарна и да будет неизбывна Сила Твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть откроется мне сила Твоя, Господи, и пусть я смогу преодолеть мой Путь!

Пусть не покинет меня Твоя Любовь и Твое Великое Снисхождение и Благословение!

...Хаймалка сделала паузу и посмотрела на Джо:

- Я иду к Богу не потому что вокруг меня ненависть, а потому, что внутри меня-Любовь.-и, улыбнувшись, добавила:

- Мне интересен Бог! Я понимаю это: «...Таинство Возможного...»! Мне интересен Бог! –и, помолчав, продолжила:

- А что касается тех, кто ненавидит меня, кто днем и ночью жаждет только одного-моей смерти-смерти евреянки-то это просто не люди, это новые мутанты!

Джо улыбнулся

- Пусть ненавидят!- закуражилась Хаймалка.- Потому и ненавидят, что красива я-евреянка, а не тепереполненные злобой и ненавистью! Что Бог открывается мне-евреянке, а не тем-переполненным злобой и

ненавистью! Разве может понять мутант, что только любящий видит Бога, а не видящий-слеп!

Они помолчали, и тогда Джо неторопливо расставил:

- ЧЕЛОВЕК-ЭТО ОСТАВЛЕННЫЙ ЖИТЬ... ЛЮДИ-ЭТО ОСТАВЛЕННЫЕ ЖИТЬ... И здесь открывается то, что люди отчаиваются найти-СВОБОДА ВОЛИ. Только в этом Свобода Воли. И это Великий Дар Бога.-он мягко взял ее локоть.-Я верю-это тебе еще откроется, но прежде ты должна понять-Преодоление... А потому возьми это, - легко улыбнувшись, он протянул ей свирель.

Хаймалка вопросительно глянула.

Джо с любовью рассмеялся и как бы поддразнил:

-«...свобода воли... Дар Бога...», а тут какая-то дудочка. Так, да?..

Она пожала плечами, взяла свирель:

-Но я не умею играть...-она как будто еще чувствовала какой-то подвох.

-А тебе и не надо... То есть ты должна уметь играть на ней... не умея играть... Если это поймешь, то начнешь понимать-Преодоление, и тогда начнешь постигать Язык Бога.

Она повертела свирель в руках.

- Не торопись...-он посмотрел ей в глаза, словно в чем-то был убежден.-Все придет...

Они стали у самой кромки реки.

Хаймалка нагнулась и зачерпнула в ладонь мягкую успокаивающую воду.

Поднялась.

Знала, что сейчас не решается посмотреть Джо в глаза.

Это был не страх.

Грусть расставания.

Расставание-это грусть недосказанного.

Но вот Джо протянул ей фляжку с водой, она вспомнила, как не взяла ее в первый раз, и они оба, глядя друг другу в глаза, рассмеялись.

Там есть кармашек для свирели.-он показал на ремешок фляжки.

Хаймалка вложила свирель в продолговатый тугой кармашек, перебросила фляжку через плечо.

Они посмотрели друг другу в глаза.

- А теперь послушай внимательно! Ты должна одолеть сыпучий холм, одолеешь сыпучий холм-фиолетовый луч покажет тебе дорогу.

Хаймалка вдруг вспомнила об Ури, его величественной кошке, ту первую лунную ночь, когда, взлетая над рекой, она впервые после смерти матери рассмеялась...

Она посмотрела на Джо:

- Я не встану на обратный путь...

Она обняла Джо, глянув ему в глаза, посмотрела на раскинувшуюся за рекой бескрайнюю пустыню и вошла в чистую воду.

ЛЕСТНИЦА ЛЕДЯНЫХ КОСТЕЙ. /часть третья/

...Быть может-яд, ну, а быть может, росы...
Быть может -счастье, а быть может-Рок.
Жизнь сброшена на лезвие вопроса
И молчаливо выжидает Бог!

...Ночь на юге филистимской земли прохладна и успокаивающе тиха.

Шатер Авраама, как и положено властному вожаку, разбит посреди огромного стана. Люди его сидят у своих костров: кто после тяжелого жаркого дня просто находится в полудреме, а кто- наигрывает на маленькой лире, и звучат в чуткой ночи негромкие грустные песни.

Густое низкое небо заселено тысячами звезд- таких же бездомных кочевников, как и он сам, Авраам.

Да и весь мир, похоже, одна неуспокоенная кочующая душа:

куда-то, в поисках своих непостижимых пастбищ, стремится Великий Бог, и в поисках Его стана скитается по степям-пустыням уставший и отчаявшийся человек.

«Отчаявшийся...». Авраам сразу же попытался спрятаться от этого слова, подобно тому, как и сейчас он сидел поодаль от своего костра, словно желая уйти от взглядов своих усталых от скитаний людей.

Это, кажется, удалось, и в памяти всплыло имя- Мелхиседек.

Авраам боготворил этого Верховного Жреца Бога, посланного на землю с вестью о Едином Творце.

Мельхиседек, чтоб сохранить на земле истину о едином Боге, избрал его, Авраама, его семью. Еще в Ур Халдейский Верховный Жрец направил финикийского учителя Овида, чтобы тот поведал семье Фары учение о едином Творце.

И тогда Фара оставил свой дом, свое положение патриция и пошел в Ханаан. Свою роль в этом сыграли и притеснения могущественного вавилонского царя Хаммурапи, который стал навязывать покоренным народам веру в своего племенного бога Мардука...

Авраам, почувствовав на себе взгляд, оглянулся. Свет костра вылепил из темноты силуэт Сарры. Она пристально смотрела на него. Долгую минуту они входили глаза в глаза.

Авраам опустил голову. Чувствовал ли он перед ней вину?

Наверное, да. «В обиде моей ты виновен...»-ее слова в последнее время всплывали в памяти все чаще.

...Авраам не заметил, как из-за его шатра выглянула рогатая голова Дьявола, и черные, горящие угольки глаз Сатаны стали пристально следить за ним.

...Шелест шагов вывел Авраама из раздумий: над ним стал Исаак-единственный сын, надежда и неповторимая отцовская любовь.

Исаак протянул ему бокал, наполненный каким-то напитком. Вино. Авраам снова оглянулся на Сарру, и от него не ускользнула едва заметная улыбка, скользнувшая в ее глазах.

Она отвела глаза, успев заметить, как благодарностью засветились глазах патриарха.

Авраам принял из рук сына бокал, со скупой мужской благодарностью пожал запястье Исаака.

Но в последнюю секунду, глянув на сына, быстро отвел глаза.

Патриарх сделал глоток, снова бегло посмотрел на Исаака снизу-верх, поставил бокал на землю, тот опрокинулся, и вино черным пятном расплзлось по земле. Авраам порывисто поднялся.

- Отец...-виновато проговорил Исаак, но тот, бросив его, зашагал прочь от своего шатра.

Недавно происшедшая в его стане беда все больше стала топить его душу неотвязной страшной мыслью. И чем больше он, Авраам, старался сопротивляться ей, прятаться от нее, тем отчетливее она звучала в его душе, и патриарх снова попытался уйти от «раздвоенного сознания»...

... Дьявол черным незримым силуэтом выпел вперед патриарха и, укрывшись плащом, принял вид Мелхиседека.

Авраам, погруженный в свою боль, не заметил, как перед ним выросла освещенная огнями дальних костров внушительная фигура «Верховного Жреца Бога».

- Ты?-Авраам оцепенело сделал шаг назад.

- Я!- «Мелхиседек» слегка откинул голову.

- Ты вернулся?-Авраам, казалось, не мог поверить в столь быстрое возвращение на землю Небесного Князя.

- Я пришел, чтоб помочь тебе...

- Не достаточно ли твоей помощи?!-в ночи гневно загорелись глаза Авраама.

- Я понимаю тебя!

- Ты всегда «понимал» меня, и потому я до сих пор странник и скиталец на обещанной тобой земле! Где она эта твоя Земля Завета?! Где потомство, которое численностью, как звезды?! Я мог бы сам покорить эти земли и стать великим царем, у меня могло быть и богатство, и множество потомства, но всякий раз Твоя рука останав-

ливала меня, и сейчас я бездомен, и мою душу топит отчаяние, а в моем стане-усталость и недовольство!..

- Ты не уверовал! —«Князь света» скрестил на груди большие сильные руки.

- Я не уверовал?!

- Я хочу сказать -ты не уверовал до конца! А это и есть неверие!

- Я предан был тебе всю свою жизнь! Тебе и твоему учению о Едином! Это учение вошло в мою кровь и плоть! Но я, как и раньше, одинок и несчастлив! И где тот великий народ, который ты обещал мне?! И где та обещанная земля?!-Авраам опустил голову.

- Это не мое учение, Великий!- и «Мелхиседек» вкрадчиво повторил.-Это не мое учение, Избранный! Это учение Единого Бога, Творца всего! И ты это знаешь! И ты знаешь, что та миссия, которая возложена на тебя-тяжелая ноша, потому Бог избрал тебя. Единый Господь, тот, кто смог сотворить все эти непостижимые чудеса, весь этот необъятный мир, уверовал в тебя, а ты уже сте-наешь от того, что днем позже получишь обещанную землю... Разве это достойно Избранного Великим Еди-ным?!

«Верховный жрец», несмотря на то, что Авраам был и сам внушительного вида, казался на голову выше.

- С чем пришел ты?-патриарх глянул в горящие глаза «Мелхиседека».

Тот выждал паузу, выпрямился и медленно расста-вил:

- Настало время последнего искушения!

- Богом?..

- Да. Богом.

- Но разве может Бог... искушать?..

«Мелхиседек» вновь скрестил руки:

- Можешь называть это «проверкой». Проверкой принести в жертву самое ценное в твоей жизни?!

- Нет!-невольно вскрикнул Авраам, выставив руку перед лицом.

- Но откуда ты знаешь, о чем тебя хочет просить Единый?

Авраам опустил голову и покорно выронил:

- Говори...

И тогда в темноте мелькнула холодная усмешка «Мелхиседека»:

- Ты действительно достоин своего избранничества, Авраам!- и, сделав паузу, начал:

- «Бог сказал: возьми сына твоего единственного, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе.»

Аврааму вспомнилось, как еще несколько минут назад, Исаак подал ему бокал с вином... добрую улыбку Сарры...»

- Нет!-Авраам пристально глянул на «Мелхиседека».

- Прощай! Но у тебя есть еще время! Ночь иногда бывает равна жизни!-«Князь Света» резко развернулся и через несколько мгновений растаял в темной пасти ночи.

... «Иди по направлению восхода солнца... И запомни, что бы ни случилось, ты не должна впускать в свою душу отчаяние. Верь!»...

...Бескрайняя раскаленная пустыня превратилась в этот сплошной гулкий голос Джо:

«Иди! Запомни! Верь!»

Сколько Хаймалка уже шла по этим слепящим пескам, сквозь это густое марево, она не знала.

И с каждым шагом усиливалась жажда.

Хаймалка отвинтила было крышку фляжки, но, взболтнув ее, вернула к бедру: воды в ней скорее всего оставалось меньше половины.

Она стащила с головы налобную повязку. Чуть потускневший знак «Алеф» испытывающе, как показалось, смотрел с нее.

Хаймалка оттерла лоб и, снова надев повязку, подправила на затылке волосы.

..Впереди появился песчаный хребет. В каких-то местах он был повыше, где-то пониже. Выбрав самый подходящий доступ, Хаймалка пошла на него.

Идти с каждым шагом становилось тяжелей, ноги увязали в песке, перед самым подъемом она вскинула голову к вершине, которая возвышалась над ней метров на двадцать.

Первый шаг подъема.

Подошва под тяжестью тела съехала вниз.

Хаймалка вновь, но уже с помощью рук стала взбираться на холм. Ей удавалось вползти на несколько метров вверх, но осыпающийся песок сносил вниз.

Она пыталась остановиться хотя бы на какой-то отвоеванной высоте, вжималась грудью в сыпучее тело враждебного холма, рот и глаза забивал песок, накатывало отчаяние. Вместе с тем сквозь каждый удар отчаяния проникал голос Джо: «Верь!», и ей хотелось верить, что там, за этой испепеляющей горой, стоит только ее осилить, откроется какая-то даль, может, берег моря, и тогда она уже скоро придет к долгожданной цели.

Она пробовала вползти на холм змеей, снова соскальзывала на какое-то расстояние вниз, и снова, пытаясь как можно меньше тревожить сысучий бок

холма, медленно, сантиметр за сантиметром, бросок за броском руки, одолевала враждебный песок.

В какую-то секунду Хаймалка увидела, что до вершины осталось немного, и та будет покорена- злобная, но все же сраженная, за которой должен был открыться спасительный путь.

Но слепящее, пожигающее мозг марево растворило ее сознание, и она услышала слово «ЖАЖДА»!

И тогда, в одно мгновение Хаймалка поняла, что Космос и есть ЖАЖДА, и все устроено так, чтобы понять ЖАЖДУ! И она оказалась в Алой комнате с карточным Тузом, восседающим на золотом троне. В стороне от трона пировали короли, совокуплялись валеты, гадали дамы, вальсировали десятки и кривлялись обнаженные шестерки.

Космос был заполнен каким-то странным ритуалом, где каждый жаждал быть великой фигурой, жаждал совокупления, чтоб рассказать какую-то свою самую важную историю, жаждал Трона и короны Туза. Но никто на самом деле не был ни великой фигурой, не знал ни истинного слияния и не имел ни Трона, и ни Короны, а вместо этого души всех были переполнены страхом и ложью.

И тогда Хаймалка осознала: ЧЕЛОВЕК-ЕДИНСТВЕННОЕ В

КОСМОСЕ СУЩЕСТВО, БОЯЩЕЕСЯ ПОТЕРЯТЬ ТРОН, ТРОН, КОТОРОГО У НЕГО НИКОГДА НЕ БЫЛО И НЕТ.

И НИ У КОГО, И НИКОГДА!

Но каждый, боясь потерять то, чем никогда не обладал, Жаждал убийства, Жаждал падения другого, завидовал и отчаивался. И призывал во имя этого-Бога.

И тогда Хаймалка вновь увидела оазис и человека со свирелью...

...Человек-это Оставленный жить. Люди-это Оставленные жить. А Бога на Земле нет! Бог оставил Землю-человеку.

Бог оставил человеку право распорядиться этим миром, как пожелает. И это не Бог убивает, а человек. И это не Бог жаждет падения другого, а человек! И это не Бог ненавидит- а только человек. Человек Страха.

Нет Бога на этой земле! Творец где-то непостижимо впереди, в каких-то иных новых сотворяемых им пространствах. И может быть там с ним уже иной, измененный человек, перенесенный Им на те новые планеты и миры.

Нет Бога на этой Земле, но зато есть человек, который может привести Бога на Землю. Это и есть Свобода Выбора...

Но человек должен познать истинную Жажду! Жажду Бога, а не Сатаны, Жажду любви, а не ненависти. А жажда познается в пустыне, и истинное утоление возможно постичь только в пустыне. И только в пустыне открывается Бог!...

... И тогда Хаймалка увидела жертвенный камень, на котором лежал Исаак, и увидела нож, занесенный Авраамом над сыном.

И она поняла, что никогда не прекратятся страдания еврейского народа, и не поднимется новый Храм, и не окончится бесплодная пустыня, ибо жаждой еврейской души во все времена была непомерная Жажда собственного «Я»! Жажда трона, которого ни у кого и никогда не было и нет.

И больше всех к трону стремился Человек Страха. Ибо только Человеку Страха нужна власть. И чем больше он стремился к Трону, тем больше терял и власть, и силу.

Но трона нет! Ибо трон напуганного «Я»-бесплодный песок пустыни.

И разве долговечен Храм из песка.

И снова чьи-то сильные руки вбросили ее в Алую комнату, и она оказалась лежащей в центре - перед тронном красного Туза. Сильная жажда иссушала горло, а вокруг короли и дамы, валеты, и джокеры, наслаждаясь, пили из золотых бокалов. И угодливо согнувшиеся шестерки подносили новые напитки.

Множество рук, поддразнивая, подносили к ее лицу бокалы, и стелился насмешливый шепот искривленных губ:

- Пей Царица, пей!

Но всякий раз, как только она протягивала руку, бокалы под мерзкое гоготанье ускользали от ее пальцев.

Комнату освещало множество висевших на стенах факелов.

Причудливые пляски света лепили из гоготавших королев- шутов, из дам-ведьм, из тузов- цокающих копытцами дьяволов, из джокеров- кривлявшихся шутов.

Хохоча, они насмешливо тыкали в ее сторону руками:

- Она хочет познать язык Всемогущего!

- Она хочет познать язык Бога!

Хаймалка, все еще полулежа на полу, обхватила голову, пытаясь заслониться от этих сатанински искривленных лиц и мерзкого хохота:

- Она хочет познать язык Творца!

И тогда в ее памяти всплыл знакомый добрый голос:

«В каждом сердце есть запрет на знание Бога!».

В ту же секунду ей подумалось о свирели.

Достав ее из кармашка, точно маститый музыкант, она запрокинула голову и заиграла.

Не ожидавшие этого оцепенели короли и дамы и застыл на троне туз.

Хаймалка знала, что она не умеет играть, но тем артистичней бегала пальцами и прижимала семь отверстий дудочки.

Она увидела себя со стороны, улыбнулась этой девчонке, которая дудела с видом заправского артиста, старательно наклоняла голову из стороны в сторону, самозабвенно вскидывала голову вверх, и чем больше слышала свою неумелую игру, тем больше улыбалось ее лицо и тем больше ей нравилась эта неожиданная роль неунывающего озорного клоуна.

Алая комната покачнулась, задребезжали под потолком стекляшки люстр, заколыхались огни висевших на стенках факелов.

Туз на троне, ухватившись за ручки, вдруг истошно закричал:

-Отберите у проклятой девчонки свирель! Отберите свирель!

Шестерки, обнажив кривые сабли, двинулись в центр комнаты, где, уже встав с колена и выпрямившись, вела свою беззаботную игру Хаймалка.

Один из валетов, выхватив саблю, замахнулся, но девушка увернулась, и на глаза ей попались растревоженные огни факелов. Она сорвала со стены один из них и снова, вывернувшись от удара сабли, полоснула огнем по лицу напавшей шестерки.

Тот, истошно закричав, выронил меч, схватился за глаза.

Дьяволоподобный, подхватив выпавший меч, стал в смыкавшееся вокруг Хаймалки полукольцо.

Несколько шестерок одновременно замахнулись мечами, Хаймалка отразила один удар, увернулась от другого, метнувшись сквозь прорванный круг, сорвала со стены еще факел и вошла в свой стремительный танец огня.

Два факела молниеносными огнями бились внутри все больше размыкавшегося круга, и по полу ползали вопящие ослепленные короли и валеты. Колдовские дамы бросились из комнаты, шестерки, побросав сабли, прятались за опустевшим тронном туза.

И тогда Хаймалка метнула в трон пылающий факел. Трон в мгновение вспыхнул, превратившись в раскаленный палящий диск.

...Хаймалка поняла, что она уже осилила песчаный холм -оставалось только взойти на вершину, а раскаленный диск-это дымящее белое солнце.

И нестерпимо мучила жажда. Она взялась было за фляжку, но, побоявшись от какого-нибудь неудачного движения скатиться снова вниз, решила подождать до вершины и только легко прошла по кармашку, из которого высунулся конец свирели.

Она вспомнила свою игру в алой комнате и в ту же минуту почувствовала, как дрогнуло песчаное туловище хребта.

Она бросила рукой вперед, чтоб выползти наверх, и этим последним броском ухватила за какой-то спрятанный в песках «ствол».

Хаймалка рывком бросила свое тело на вершину и оказалась на небольшом, шириною в метров десять, плато.

Привстав на колени, оцепенела: вырастая из плато, «ствол» превращался в огромную руку, вместе с которой вырастала из песка исполинская, похожая на столетнее корневище, мохнатая голова: будто и вправду могучее вековое дерево оживало из песчаного холма.

Им оказался одноглазый великан. Бешено заревев, сотрясая над головой огромными руками, он стал на исполинские мохнатые колени и, вдруг увидев припав-

шую на спину девчонку, медленно повел на нее разломаченной великанской головой.

Единственный глаз исполина напряженно надвигался на отползавшую по песку девушку.

«...Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог...»

...Великан долгую секунду всматривался в затихшую, как мотылек, Хаймалку и вдруг серьезным тоном спросил:

- Боишься?

Хаймалка едва кивнула.

- «Алеф?»- о знаке на головной повязке спросил он.

Хаймалка снова кивнула.

- Тогда не бойся...-пообещал исполин и, сев на холме, тяжело вздохнул:-Жизнь...

- Кто ты?-спросила Хаймалка.

- Я Добрый Одноглазый... Или Одноглазый Добрый... Как тебе удобней... Мне лично Добрый Одноглазый нравится больше... — он покосился на девушку большим выжидающим глазом.

- Главное-Добрый....-осмелела Хаймалка.

- Это да-а... —согласился великан и доверительно признался:

- Хотя некоторые посмеиваются: «Добрый, но... Одноглазый... Или-«Одноглазый, но... Добрый»...

- Не обращай внимания...- Хамалка отвинтила крышку фляжки.-Хочешь?- она протянула ее вверх исполину.

- Что это?

- Вода...

- Да там тебе самой мало... Что я не понимаю, что ли... А потом-я много не пью...

- Ну смотри...- помедлила Хаймалка и сделала глоток.- Извини, Добрый... Одноглазый, я кажется тебе помешала...

- Да ничего...-он почесал в огромной волосатой груди здоровенными пальцами.-Не это страшно...

- А что, если не секрет?..

- Мучаюсь я... Страдаю...

- Что-нибудь болит?

- Болит... Душа болит... Понимаешь...- он посмотрел на нее и попросил.-Можно я тебя на руку возьму... Так добрее...

- Ну попробуй...-она поднялась.

Великан устроил ее на краю ладони, и она села, свесив ноги, как на большой кровати.

- Ну вот...-он поднес ее поближе к глазу.-Хочешь я продолжу... про свои мучения?

- Конечно...

- Вот я прожил уже пятнадцать лет, а ничего надежного так и не встретил... Так все безнадежно –ненадежно в этом мире... И это так печально... Сколько я путей-дорог исходил, в каких только пространствах не был, а надежного так нигде и не нашел... Вот и досюда добрался , и все ненадежно, как это...-он захватил огромную жмень песка и стал просыпать ее:

- Время-песок, жизнь-песок, любовь-песок... Все-песок... Ну вот думаю, и урою себя в этом самом

ненадежном... А оказывается – и самое ненадежное ненадежно...-да грустно вздохнул:

- А как хочется верить, что Бог-есть... Тебе хочется верить что Бог есть?..

- Конечно...

- Извини, а ты мудрец?- поинтересовался Добрый Одноглазый.

- Нет... Я изучала химию, биологию... еще-психологию.

- А я мудрец...-понимающе-уважительно заметил великан: –Хотя, если подумать, быть мудрецом-это тяжелая судьба! Сидишь-ищешь надежное, спишь-ищешь надежное, а в итоге до таких мыслей добираешься... Даже врагу не пожелаю быть мудрецом... Видишь до чего дошел...-но тут же его большой глаз мечтательно замер.-Но опять-таки, с другой стороны, быть мудрецом даже занятно. Мне такие важные вещи в голову приходят!.. Вот посмотри. ВО МНЕ ЖИВЕТ КТО-ТО,КОГО Я НЕ ЗНАЮ, НО КОТОРЫЙ ЗНАЕТ, ЧТО Я ЕГО НЕ ЗНАЮ И ЗНАЕТ ВСЕ ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ, НО ХОЧУ УЗНАТЬ! А?!

- Здорово!-Хаймалка поскребла в виске.

- Да...-понимающе согласился Добрый Одноглазый.-Но это только первая часть моего открытия. А вторая звучит так:

ВСЕ ЕСТЬ ВСЕГДА!-и он философски покивал.

- Ин-те-ресно...-искренне расставила Хаймалка.

- И, согласишься, просто?.. Впрочем, как и все гениальное...

- Ты и вправду чудо!-искренне восхитилась Хаймалка.

- Мне так многие говорят...-и как будто спохватился:

- А это не ты случайно играла на чем-то...

Она приложила руку к торчавшей из кармашка свирели:

- Кажется, я...

- Вот, значит, кто меня из этого песка вытащил... Тогда, если поразмышлять, ты моя спасительница... И тогда выходит...- и грустно посмотрел в сторону.-Но лучше бы не играла на своей свирели... Ведь так хочется верить, что Бог есть...

- В каждом сердце есть запрет на знание Бога. Это - есть Дьявол. Но и каждое сердце может преодолеть этот запрет.

- Легко сказать...-протянул Добрый Одноглазый.

- Я понимаю... Но вот попробуй-поиграй, и ты поймешь...-Хаймалка протянула ему дудочку.

- Никогда бы не мог подумать, что ты можешь издеваться... А я так тебе поверил... -он опустил ее на песок.-Что ж подделаешь-мудреца так легко обмануть... Особенно если он добрый и отчаянный...

- Ну что ты, Добрый Одноглазый, я и не собиралась тебя обманывать... Я сама сначала не верила... А потом сыграла и поняла: если ты не сыграешь на дудочке, на которой не умеешь играть, значит, не сможешь снять запрет на знание Бога. Поиграй и... ты поймешь. Я верю... Ну, ты же отчаянный! Но только играй как будто ты умеешь играть...

Великан призадумался, уперся локтем о колено и махнул рукой: мол, где наша не пропадала...

Он осторожно поднес свирель к губам, которая оказалась, как маленькая соломинка, и скосился вниз, на Хаймалку.

- Смотри!- вдруг нашлась та. Изображая пальцами игру на свирели, «задудела» первые попавшиеся на ум звуки.

Играла, беззаботно кивая головой из стороны в сторону, как маленькая девчонка прыгала с ноги на ногу.

Добрый Одноглазый заулыбался:

- Ладно... Но только я лучше с холма слезу...- Он стал у подножия этой песчаной высотки и стал вторить движениям Хаймалки: дудел в свирель, покачивал огромной лохматой головой и смешно переступал с лапы на лапу.

Через минуту его лицо заулыбалось, он стал кружить и «играть» и вдруг ошеломленно остановился. Какую-то секунду он стоял, не шелохнувшись, но вот победно бросил руками кверху, и над все пустыней разнесся его громовой голос:

- Понял! Я понял, как снять запрет на знание Бога. Я-Добрый Одноглазый, я-отчаянный мудрец, я –понял!...- и он снова запрыгал, как огромный клоун.

Повеселившись, он снова сел на холме, отдышался. И потом на долгую минуту его глаз замер на дальней точке горизонта.

- Знаешь...-он вдруг посмотрел на Хаймалку.

Она с улыбкой, подняв голову, смотрела на него.

Добрый Одноглазый философски поднял руку и расставил:

- В отчаянии рождается вера, как в отчаянии затаена любовь! А?-мол, каков я!- он посмотрел на Хаймалку.

- Потрясающе!

Но великан наставительно поднял палец:

- Хотя дудочка и не об этом!- и посмотрел на Хаймалку:

- Слышь, душа моя, проси, что хочешь: что достать, куда отнести-приказывай.

- Спасибо, Добрый Одноглазый. Мне бы только эту пустыню одолеть...-и она вздохнула.

- Чего загрустила? На!-и он протянул ей свирель.

Они посмотрели друга на друга и рассмеялись.

- Да нет...-посмеиваясь ответила Хаймалка. - Свирель я дарю тебе... Просто...- и тогда далеко впереди появился фиолетовый луч.

«...Одолеешь сыпучий холм, фиолетовый луч покажет тебе Дорогу...» - вспомнились ей слова Джо, и она неожиданно крикнула:

- Вон! Отчаянный Мудрец! Вон-за тем лучом! Нужно идти за тем лучом!

- Проще простого!-он осторожно взял Хаймалку на ладонь, прижал к груди и уже через секунду великанскими прыжками стал пересекать пустыню.

И впереди светил яркий фиолетовый луч.

...В этих краях пустыня больше походила на степь: непригодная для возделывания, она могла сойти за скудные пастбища, которые уходили к горизонту хребтами невысоких коричневых гор.

...Авраам, перебирая своим высоким посохом Вождя, шел впереди двух слуг и Исаака.

Трое парней казались одного возраста, единственное, что выделяло слуг от сына патриарха-их пастушеская одежда.

Рядом с ними, понуро опустив морду, брел осел, груженный дровами, бурдюком с водой.

Путники казались утомленными, но эта усталость была больше от неизвестности и угрюмого молчания седобородого старца: никто из юношей не знал, где и когда будет устроен жертвенник, и еще большей странностью казалось, что старый вождь не взял с собой жертвы всесожжения.

Но кто мог осмелиться нарушить молчаливое шествие патриарха, и кому дано право врываться в душевластного пророка.

Слуги изредка с надеждой поглядывали на Исаака: может быть, он осмелится узнать хотя бы какую-то малость, но тот шел покорно и, кажется, думать не думал подступаться к отцу с какими-то нелепыми вопросами.

И только к утру третьего дня один из слуг вдруг встревоженно бросил рукой вперед: издалека, со стороны невысокой горы, на путников быстро надвигалось нечто похожее на косматое облако пыли.

Авраам остановился, опустив голову, искоса глянул на сына и молитвенно поднял глаза к горизонту.

Исаак, вдруг увидев, как впереди надвигающегося облака возник фиолетовый луч, изумленно застыл. В следующую секунду луч ударил в посох старца, и показалось, что в руке патриарха засияла короткая стремительная молния, которая, вырвавшись из его руки, упала на землю и с металлическим звоном подпрыгнула на камнях.

Путники, которые, казалось, уже готовы были бежать, лишь оцепенело застыли: в несколько мгновений далекое облако остановилось недалеко впереди, оказавшись мохнатым одноглазым великаном.

Трое юношей, отпрянув, завалились на землю. Авраам, глянув на припавшего на руку сына, с каким-то злым весельем вскинул глаза на исполина.

Тот, по-прежнему бережливо прижимая руку к груди, поднял с земли посох Вождя, и тогда все увидели, что на ладони великана сидела девушка.

Добрый Одноглазый показал ей посох, и над пустыней растекся его гулкий голос:

- Царица моя, а фиолетовый луч исчез в этой штуковине.

Хаймалка покрутила ее в руке и подняла глаза к огромной мохнатой голове исполина:

- Добрый Одноглазый, мы кажется у цели... Могу я спуститься?..

- Запросто...-великан осторожно опустил ее на землю и сам припал на колени.

Хаймалка стала напротив патриарха, с любопытством посмотрела на него.

Трое парней, все еще полулежа, со страхом переводили глаза с мохнатого, на коленях, великана, на девушку и старца, которые долгую минуту смотрели глаза в глаза.

- Ты -Авраам...-полувопросом расставила Хаймалка и протянула ему посох Вождя.

Тот резко взял его, бросил быстрым взглядом на великана и, не оглянувшись на Исаака и двоих слуг, продолжил путь.

- Какой-то не такой...-вслед ему проворчал Добрый Одноглазый и тут же следом недовольно бросил:

- Эй, «какойтонетакой», а где твое человеческое спасибо? Тебе твой посох подали, а ты что?

Но старец, видно, не думал не только благодарить, но даже и оборачиваться.

Великан поскреб в затылке.

Трое парней, словно сговорившись, разом поднялись.

Хаймалка, словно узнав, пристально глянула на Исаака. Тот бросил в нее коротким избегающим взглядом и шагнул вслед Аврааму.

Мимо Хаймалки проходил, свесив голову.

- Смотри, не споткнись!-насмешливо окатила она парня.

Он на мгновение остановился, и тогда снова встретились их взгляды.

Небеса легко улыбнулись.

Исаак быстро зашагал за патриархом, и два пастушка пристроились вслед.

Добрый Одноглазый свесил голову и грустно вздохнул:

- Где ж ты его найдешь- это... НАДЕЖНОЕ?-но, словно что-то вспомнив, вытащил из-за уха дудочку и, так же оставаясь на коленях, задудел, как огромный мохнатый клоун.

И заулыбался.

Хаймалка рассмеялась.

- Ну вот... кажется... обошлось...-он сунул свирель за ухо.

Они помолчали.

Хаймалка посмотрела вслед уже далеко отошедшим путникам и невольно развела руками:

- Мне... пора... Спасибо тебе, Добрый мой друг!

- Ну что ты!.. Это тебе спасибо!

Снова помолчали.

- А они тебя не обидят?-он кивнул вслед Аврааму.

- Нет, конечно! У меня ведь теперь такая силища!-она легко кивнула на него.

Тот счастливо улыбнулся и следом как бы предупредил:

- Но ты смотри: если что, то я всегда с тобой! Только кликни:

«О, Великая Мудрая Доброта, помоги!»-и я-тут как тут!.. По рукам?-и протянул ей свою лапищу.

- По рукам!-куражась, она хлопнула по краю громадной ладони.

Добрый Одноглазый бережливо накрыл ее руку второй ладонью, которая показалась в его ручище крошечной хрупкой тростинкой.

- Ну, вот...-он отпустил ее и, помолчав, вдруг спросил:

- А люди стихи пишут?

- Пишут...

- А мне почему-то казалось, что не пишут...

- Ты пишешь стихи?..-она приятно удивилась.

- Пока еще- нет...-как бы с сожалением ответил он.-

Добрые Одноглазые пишут стихи в основном после восемнадцати.... У нас это-так...

- А у нас наоборот... В основном-до восемнадцати...

- А у людей- все наоборот...-как бы шутя бросил он, но тут же и спохватился:

- Нет... Я вообще-то к людям плохо не отношусь... Пускай себе пишут... Главное, чтоб стихи хорошие были...

- Прочитаешь что-нибудь?..-вдруг спросила Хаймалка.

- Я?

- Да...

Он с долгую минуту в раздумье смотрел на нее и согласился:

- Хорошо... Тебе -я почитаю... Мой дед-Добрый Одноглазый хорошие стихи писал. Он тоже, как я, мудрецом был. Правда, не любил новых встреч. Потому что-разлуки... -он опустил голову, помолчал и посмотрел на Хаймалку большим грустным глазом, и над пустыней растекся его медленный гулкий голос:

Как будто все для расставанья...

В сплетенье жадном тел и рук

И стоне жадного слиянья-

Зов и Пророчество Разлук...

- Класс!-выдохнула Хаймалка.

- Да...-коротко согласился великан, вдруг торопливо встал и сверху вниз глянул на нее:

- Не забывай Доброго Одноглазого!-громыхнул его голос.

- Ты душа моя! Ты моя сила! Как же я смогу забыть тебя?! Спасибо тебе за все!

- Да пустяки... Их догонишь?-он кивнул вслед таявшим силуэтам путников.

- Догоню!

- Прощай, моя царица!-он быстро зашагал прочь, и через какое-то время вдруг бросил к небесам огромной, ручищей и над всем безжизненным пространством пустыни снова растеклось эхо его густого голоса:

Как будто все для расставанья...

В сплетенье жадном тел и рук...

И в стоне страстного слиянья-

Зов и Пророчество Разлук..

...Вооруженный конный отряд, всадников двадцать пять, неторопливо двигался по пустыне.

Безбровые.

Впереди, мили за три, открывался вид невысокой коричневой горы.

Главарь-Исмаил вскинул руку, и всадники осадили коней. Долгую минуту всматривались вперед.

Лошадь под Исмаилом вдруг встревоженно заржала, поднялась на дыбы, но тот смог приструнить ее.

Безбровые выжидающе смотрели на главаря.

Наконец, тот достал кристалл-компас, провел по нему ладонью, и в центре его открылся круглый экран.

- Вот она, наша птичка...-блаженно протянул он, глядясь в изображение, на котором девушка в футболке, в кожаной короткой юбке и сапожках, с налобной повязкой со знаком «Алеф», обогнав седобородого патриарха, преградила ему путь.

Исмаил снова посмотрел на коричневую гору и презрительно крикнул:

- Эй, елбай!..

Из отряда отделился всадник в красной рубашке с «пауками» (сросшиеся серпы) на спине и груди... Мурло.

Он остановил коня на полкрупу от главаря.

- Узнаешь, елбай?-Исмаил кивнул на гору.

- Узнаю! Это Мориа!

Исмаил секунду помедлил и вдруг резко хлестнул по Мурло плетью:

- Как ты говоришь со мной, еврейская собака?!

- Узнаю, мой хозяин. Это гора Мориа...-тот едва удержал коня.

- То -то же... елбай!- сыто бросил Исмаил и дико расхохотался.

Следом загоготали и безбровые. Исмаил обернулся на Мурло, и тот, словно по команде, слащаво захихикал.

Исмаил бросил рукой вверх:

- Мои великие воины! Мы у цели! Вот она- Мориа! Скоро эта сладкая гурия окажется в наших сетях! Скоро мы порадуем нашего Светлейшего, нашего покровителя –Великого имама Идриса!

Он вскинул карабин, и по знойному мареву пустыни прокатило эхо беспорядочных выстрелов.

Безбровые предвкушали победу. Гарцуя на ладных скакунах, торжествуяще восклицали и стреляли по фиолетовым бездонным небесам пустыни.

Мурло, жадно ища взгляды бритоголовых, подобострастно рассекал воздух двумя серпами.

- Обходим гору с севера!-Исмаил дал команду, стегнул рысака, конь рванул с места, и по пустынной земле, поднимая облака пыли, понесся отряд безбровых мутантов...

...Хаймалка стала на пути Авраама.

До подножия Мориа оставалась минута ходьбы.

Старец остановился в шагах пяти от девушки.

Отчаянность и решительность в ней патриарху напомнили молодость его супруги. Сарра также была прекрасна, так же смела, и потому стала его верной спутницей.

Авраам оглянулся на Исаака. Тот опустил глаза.

Двое слуг стояли рядом, один из них придерживал за поводья осла.

Хаймалка сделала еще два шага к патриарху.

- Я мог бы приказать своим отрокам- и они живо бы скрутили тебя!-вдруг глухо расставил старец и тут же поймал себя на том, что как бы по-новому услыпал свой голос.

Сказанное им сейчас было первой фразой за эти несколько дней молчания.

- Еще никто не смел становиться на моем пути!-грозно предупредил старец.-Уйди с дороги, девчонка!

- Бог не может искушать!-Хаймалка только переступила с ноги на ногу.-Ты болен, старик! Больное самолюбие заселило в твоей душе сомнение! ТЫ ПРОСТО НЕ ВЕРУЕШЬ!

Глаза патриарха гневно блеснули.

Авраам угрожающе шагнул на нее. Они стали лицом к лицу.

Хаймалка почувствовала, как по щеке и шее покапали градины пота. Она невольно отступила на полшага, но тут же остановилась.

- Ты пришел сюда, чтоб доказать себе, своему больному «Я» состоятельность своей личности и судьбы!-Хаймалка удержала взгляд.- Это было так во все времена. Чтоб доказать преданность, а, значит, и правоту священной идеи, человек должен быть готов принести в жертву свою самую высшую ценность! Ты выбрал Исаака! Твоя вера фанатична! Ты фанатик, а фанатики самые неверующие! И ты- НЕ ВЕРУЕШЬ! И ты не получил обещанного Богом. И потому ты не веруешь вдвойне!

-Как ты смеешь так со мной разговаривать?! Со мной-избранным самим Мельхиседеком?!-крикнул он и обернулся на замерших от страха парней:

- Убрать с дороги!

- Твое болезненное самолюбие сделало из народа жертву.

А тот, кто чувствует себя жертвой, в свою очередь - болезненно самолюбив. Ты виновен в страданиях нашего народа! Ибо ты и сотворил из него болезненно-самолюбивую жертву! Ты и Исайя! Ты может и велик, но тот, кто сотворяет из народа жертву, тот приводит за собой лжепророков! Исайя вложил в наш народ ген рабской покорности! «...и будет левесть солону...».

- Убрать!-взорвавшийся старик гневно поднял обе руки.

Трое парней бросились к Хаймалке.

Двое слуг, оказавшись впереди Исаака, попытались с двух сторон схватить ее, но девушка, в несколько молниеносных приемов разбросала их по сторонам. Оказавшись на земле, те беспомощно смотрели то на патриарха,

то на Исаака, так и не решившегося подступить к Хаймалке.

Девушка, насмешливо улыбаясь, приблизилась к нему сама:

- Тебе сколько лет?-она едва заметно откинула голову.

- Двадцать пять...-покорно ответил тот.

- «...двадцать пять... двадцать пять!...»-вдруг язвительно передернула она.-А чего тогда позволяешь из себя жертву делать... если двадцать пять?! Ты знаешь, кого избрал твой отец для жертвы?!-и бросила в него рукой.- Эта жертва-ты!

Один из слуг, поднимаясь с земли, зажал в руке камень. Его примеру последовал второй.

Авраам, глянув на них, перевел глаза на Исаака, робко стоявшего перед девчонкой, и, пристукнув посохом, продолжил путь.

- Откажись быть жертвой!-Хаймалка близко приблизилась к Исааку.-Ибо из-за твоей рабской покорности станет жертвой целый народ!

- Все в руках Единого...-Исаак опустил голову.-Но даже если бы это была воля только одного моего отца, то и тогда я готов был бы взойти на алтарь... И потом: кто сказал, что отец мой избрал жертвой именно меня?...он смотрел себе под ноги.

Двое слуг с камнями уже подкрались к спине Хаймалки, вот один из них занес руку над ее затылком, но в последнюю секунду, молниеносно развернувшись, ударом ноги она отбросила его в сторону. Тот, истошно закричав, завалился на спину.

Второй, бросив камень, бросился к ослу и спрятался за ним.

Исаак молчаливо прошел мимо Хаймалки. Распластавшийся на земле слуга боязливо поднялся и, оглядываясь, ринулся вслед Исааку.

За ними, таща осла за стремяна, двинул и второй.

Хаймалка, глянув в спину уходившего Исаака, в сердцах топнула ногой:

- Маменькин сынок!

И вдруг, словно взорвавшись, стала бить по воздуху кулаками:

- Сопляк! Сопляк! Сопляк!

Глаза затуманило потом, Хаймалка отерлась рукой.

В знойном мареве, словно мираж, плыла фигура уходящего к Мориа – Авраама.

Хаймалка отвинтила крышку фляжки, процедила пару глотков.

Присев на корточки, долгую секунду смотрела вслед уходящим путникам и, быстро поднявшись, поспешила им вслед.

«...И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом; а я и сын пойдем туда и возвратимся к вам.

И взял Авраам дрова для всесожжения и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?

Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, свя-

зав сына своего Исаака, положил его на жертвенник
поверх дров...»

...Хаймалка, цепляясь за редкие кусты, вскарабкалась на вершину Мория. Тяжело дыша, она сейчас напрочь забыла, что едва переводит дыхание, что нестерпимая жара иссушает и сжимает мозг: Авраам стоял выпрямившись над жертвенником, на котором связанным лежал его сын. Грозная фигура патриарха, которая возвышалась на вершине горы, казалось, царила сейчас над всем этим пустынным, затаившимся миром.

Седобородый старец, обратив глаза к бездонным молчаливым небесам, творил молитву. В ногах его валялся посох.

Беззвучно шевелилась в бороде патриарха упрямая нить его синих губ.

Старик кончил молитву, на секунду седая львиная голова упала на грудь, но вот он выхватил из-за пояса нож, крепко стиснул его в руке.

Голова Исаака чуть свисла с жертвенника, обнажив натянутое горло. Синяя жилка запульсировала на нем. Авраам теперь видел только эту бьющуюся живую нить, из которой в мгновение-другое должна была хлынуть кровь. Ее биение взорвало мозг, Авраам подставил под голову сына колено, занес нож.

Хаймалка бросилась было к старцу, но занесенная для удара рука замерла над его головой, кулак вдруг разжался, и на землю с каким-то оглушающим звоном упал жертвенный нож. Голова Исаака, соскользнув с ноги отца, снова оказалась на жертвенных камнях.

Еще несколько мгновений назад властная фигура патриарха сникла, и, словно не в силах выдержать груза

враз постаревшего немощного тела, Авраам упал на колени. Голова старца безвольно опала на грудь, оказавшись рядом с головой лежавшего на жертвеннике сына.

Плечи Авраама дрогнули, и, кажется, небеса впервые увидели сломленного плачем властного пророка.

- Что есть ценность?!-едва слышно шепнул старец.-
Что есть ценность?!-он глотал слезы, словно пытался избавиться от них.

В какое-то мгновение, все так же оставаясь на коленях, он вдруг бросил к небесам затуманенные глаза, и над подоженной пустыней, над всем затаившимся миром, разорвался его отчаянный крик:

- ЧТО ЕСТЬ ЦЕННОСТЬ, ГОСПОДИ?!..

И, кажется, все вокруг Мориа поникло и оцепенело под этим отчаянием.

... Старец поднялся, на глаза попался валявшийся в ногах его посох Вождя. Патриарх лишь безлично скользнул по нему взглядом, как будто это была и ненужная, и никогда не принадлежавшая ему вещь.

Не глянув на лежавшего на жертвеннике сына, Авраам стал уходить с вершины Мориа; через минуту-другую его прежде властная фигура исчезла на спуске, словно была поглощена им.

Хаймалка подошла к Исааку, стала над ним.

- Убей меня!-вдруг глухо попросил он.

- Тебя мне еще не хватало!- поддела она.

- Я все равно не буду жить!-он отвернул голову.

- Куда ты денешься?!-она принялась распутывать веревки.

- Я убью себя!-снова глухо пообещал он.

- Ты, что ли?-она насмешливо посмотрела на него.

Он отвернул глаза.

- Тебе еще за мамину юбку держаться!...- она нагнулась вытянуть из-за его плеча веревку и в эту секунду оказалась с ним близко -глаза в глаза.

Память невольно подставила картинку, когда она лежала в речке оазиса, и ей привиделся смутный и манящий мужской образ.

Она глянула на Исаака и словно попыталась от чего-то ускользнуть.

- То же мне ... са-мо-у-бийца!..- деланно хмыкнув, она принялась за веревку.

Хаймалка успела освободить его руки, как со склонов горы вдруг послышалась беспорядочная угрожающая стрельба и крики и на вершине один за одним стали появляться бритоголовые безбровые существа в черной камуфляжной форме.

- Девчонку брать живую!-послышался крик.

Хаймалка растерянно глянула на приподнявшегося Исаака, но в это же мгновение чьи-то руки, схватив ее за волосы, оттащили от жертвенника.

Вывернувшись, она ударила напавшего в пах, и на земле растянулся мужчина в красной майке с «пауком» на груди.

Она узнала в нем убийцу матери, и в ту же секунду в ее памяти отчетливо всплыли слова женщины - волчицы Джолы: «...пауки -убийцы твоего народа...».

Отчаянно закричав, она бросилась было на Мурло, но тут же двое безбровых схватили ее за руки с двух сторон.

Она сумела вырвать правую руку, стремительным ударом ноги отбросила одного и острым кинжальным вышадом ладони в бок согнула второго.

В эти же мгновения она видела, как угрожающе стал подниматься с земли Мурло и выхватил из-за пояса серп, безбровые стали окружать ее, и с руки одного сви-

сала сеть, в ту же секунду раздался выстрел, и с расширившимися зрачками она увидела, как сник на жертвеннике Исаак.

Она бросилась было к нему, но сеть, уже зависнув над ней, обволокла ее и сбила с ног.

Она забилась в ней, словно пойманный волчонок, но чем больше пыталась освободиться, тем больше запутывалась.

Став над ней, безбровые сыто гоготали.

И только лицо «паука» дышало ненавистью.

- Подожди ты еще у меня... сучка!-он злобно рассек серпом воздух.

Главарь банды занес над ее лицом ботинок и резко ударил.

Каблук опустился рядом с виском девушки, она лишь успела отвернуть опутанное сетью лицо.

Безбровые одобряюще загоготали.

Исмаил поднял руку - тут же стало тихо.

Он взглянул на застывшего на жертвеннике юношу, снова глянул на лежавшую в его ногах Хаймалку, и вокруг с вершины этой горы распахивался величественный вид безжизненной властной пустыни.

- О мои великие воины!-воскликнул он.-Вы исполнили свой великий долг! Слава великому имаму Идрису!

- Слава!-разом подхватили безбровые, и над вершиной Мориа снова посыпались беспорядочные выстрелы.

Хаймалка попыталась приподняться, но лишь как-то неловко завалилась на бок.

Безбровые, глядя на нее, довольно хохотали.

В какую-то минуту ей вдруг вспомнился Добрый Одноглазый, и, показалось, послышался его мощный гулкий голос:

«Если что случится, только позови: «О Великая Мудрая Доброта, помоги!..»

Хаймалка снова попыталась подняться и смогла лишь припасть на колени.

- А «гурия»-ничего!-просмаковал кто-то из безбровых.

- Светлейший знал, для кого сети готовил!-подброесил второй.

Отчего-то вдруг на вершине стало тихо. Все пристально смотрели на опутанную сетями девушку.

Исмаил вдруг шагнул к ней, выхватив из-за пояса нож, опустил на колени напротив.

Жадно вглядываясь в нее, с остановившимся дыханием приблизился к губам и вдруг, деланно зарывчав, схватил зубами нить сетки и, так же рыча, стал тянуть на себя.

Безбровые жадно и одобряюще посмеивались.

Исмаил выпустил сеть, приподнял нож и остро сверкнувшим лезвием стал медленно вести им от горла вниз. Лезвие, соскальзывая с нитей сети, оказалось на груди, вмяв футболку в ложбинке, выделило холмики грудей.

На секунду Исмаил задержал острие ножа и вдруг из-под низу перерезал сеть. Еще. И еще.

Безбровые возбужденно загудели.

Еще одно движение ножа - сеть, соскользнув с головы и плеч Хаймалки, спала на землю вокруг коленок и бедер.

Исмаил снова приблизился к теперь уже освобожденному ее лицу, одной рукой приставив к горлу нож, другой потянулся к груди, но в эту секунду Хаймалка резко отвела его руку с ножом и вонзила в его горло вытянутые напряженные пальцы.

Тот захрипел, выронив нож, схватился за горло.

Хаймалка резко поднялась, ударом сапога в челюсть отбросила главаря в сторону.

Безбровые на секунду оцепенели, но тут же стали смыкаться вокруг нее угрожающим кольцом.

Хаймалка приподняла стиснутые кулаки и негромко расставила:

- Великая Мудрая Доброта, помоги!

В секунду-другую на вершине горы стала исполинская фигура одноглазого великана.

- Я здесь, моя Царица!-загромыхал под небесами его раскатистый голос.

Безбровые оцепенели со вскинутыми кверху головами.

Исполин посмотрел огромным глазом сверху вниз и, словно прощупав взглядом всю вершину горы, вдруг угрожающе шагнул на бритоголовых:

- Мою Царицу?!..

Кольцо вокруг Хаймалки стало рассыпаться.

Добрый Одноглазый пнул носком своей огромной ступни, и с горы на десятки метров отлетело несколько заоравших безбровых:

- Надежно!-довольно громыхнул великан.

Группка мутантов пыталась было сбежать, но исполин захватил их в огромную жменю и тоже зашвырнул их далеко с вершины, словно несколько легких камней:

И снова довольно громыхнул:

- Надежно!

Добрый Одноглазый разбросал по сторонам огромные руки, и над бескрайней пустыней растекся его громыхающий голос:

- НЕ ЦЕПЛЯЙСЯ ЗА ЧУЖОЕ ПРОШЛОЕ, ИБО ОНО УНИЧТОЖИТ ТВОЕ НАСТОЯЩЕЕ!

НЕ ЗАРЬСЯ НА ЧУЖУЮ ЦЕННОСТЬ, ИБО ОНА СОТВОРИТ ИЗ ТЕБЯ НИЩЕГО!

НЕ ЗАВИДУЙ ЧУЖОМУ СВЕТУ, ИБО ОН ПРЕВРАТИТ ТВОЮ ЖИЗНЬ В МРАК!..

...Мурло успел достичь края вершины, скатился вниз и спрятался за кустами под каменистым выступом.

Одноглазый великан, передал еще нескольких мутантов, оставшегося одного из них поднял на ладонь и назидательно посмотрел на него:

- Мою Царицу обижать?!-и открытой ладонью подбросил его вверх. Тот, высоко взлетев, рухнул где-то у подножия горы.

- Хотя что-то надежно!..-выдохнул великан и сел на пятки перед смеющейся Хаймалкой.

- Привет, Добрый Одноглазый!-она приподняла руку и он осторожно подставил ей огромную ладонь. Хаймалка озорно хлопнула по ней.

- Ну, ты-муж-жик!-повосторгалась она.

- Ну, ты- ба-ба!-в тон ей ответил великан и тут же спросил.-У тебя все нормально?

- Ну, теперь... слава Богу!..

- Это хорошо...-как бы согласился он и посмотрел на жертвенник:

- Царица...-полувопросом спросил Одноглазый Добрый.

Хаймалка посмотрела на свисшую руку Исаака и как бы больше для себя проронила:

- Просил, чтоб его... убили...

- Нельзя звать смерть...- понимающе произнес великан, задумчиво глядя своим большим добрым глазом.

Помолчали.

Исполин посмотрел на Хаймалку и невольно вздохнул.

- Ты загрустил, Добрый Одноглазый...-она подняла на него глаза.

- Я, вообще-то, не о том...-он отвел глаз.

Она внимательно посмотрела:

- А мне ты можешь сказать?

- Нет... Просто мне хочется поцеловать тебя, а как это сделать- в голову не приходит...

Хаймалка невольно рассмеялась и вдруг неожиданно предложила:

- Так давай я тебя поцелую!

- Правда?

- Правда!

- А я как-то и не догадался...

- Ну тогда подними меня...

Великан подставил ладонь, Хаймалка шагнула на нее и стала медленно подниматься вверх, как на каком-то теплом большом плоту.

И далеко распахнулась улыбнувшаяся пустыня.

...Мурло, увидев из своего убежища, как воцарилась над вершиной фигура Хаймалки еще больше прижался к камням.

...Исполин поднес девушку к лицу, и она, припав к нему обеими ладонями, поцеловала у виска.

Лицо Доброго Одноглазого расплылось в широкой улыбке, он опустил девушку на землю и тут же прижал ладонь к голове.

- Что-то случилось?-встревоженно крикнула Хаймалка.

- Не-ет!-довольно улыбался великан.-Я просто хочу сохранить твой поцелуй!.. Хотя бы на немного!.. Как ты думаешь-получится?

- Ты мне очень дорог, Добрый Одноглазый!-легко улыбнулась она.

- И ты мне тоже!.. Ну, я пошел!.. Не забывай меня, Хаймалка!-все еще прижимая ладонь к виску, он шагнул великанским шагом и уже через несколько мгновений растворился в знойном текучем мареве.

...Мурло выполз из-за камней и стал осторожно карабкаться вверх. На самой вершине он залег, лишь едва заметно высунув полголовы. Он увидел, как Хаймалка медленным шагом пошла к жертвеннику, вот стала над телом Исаака. Надолго замерла, вглядываясь в него.

Мурло взошел на вершину, выпрямился.

Хаймалка оглянулась. Высоколобий «паук» в красной рубашке, надменно усмехаясь, небрежно шагнул и выхватил из-пояса оба серпа:

-Двоим нам тесновато на этой вершине...-он деланно-обреченно развел руками.-Да, красotka так любовалась своим избранным, наверное ей так хотелось лечь рядом со своим избранным на этом бессмертном жертвеннике!...-он рубанул серпами по воздуху и сыто загоготал.

Хаймалка невольно поискала глазами по земле: взгляд наткнулся на карабин, влипший в месиво раздавленного тела, она увидела еще оружие, но оно валялось ближе к находившему на нее Мурло.

Хаймалка отступила к торцу жертвенника и в шаге от себя увидела брошенный Авраамом жертвенный нож.

Она быстро схватила его и выставила острым концом перед собой.

Мурло на секунду приостановился и снова деланно подбросил:

-Царица хочет уничтожить меня! Эт-то серьезно!.. Ну, тогда иди... Иди сюда!-он поманил ее серпами.

Хаймалка, в бойцовой стойке, чуть подогнув колени и выдвинув перед собой нож, шагнула в сторону.

Мурло поддел носком ботинка камень и отшвырнул его на девушку. Та увернулась и снова сделала несколько шагов в сторону, как бы обходя «паука».

Мурло приблизился и резанул серпом, едва не достав лица Хаймалки. Она снова увернулась и ударила его ногой в бок.

Тот отлетел, один серп выпал из его руки. Он припал на руку и вдруг, увидев недалеко от себя карабин, метнулся к нему.

Он навел прицел на девушку и выстрелил. Пуля рикошетом отскочила от ее самых ног.

- Сучка, брось нож! Или ты своего одноглазого... пригласишь?...

- Я тебя сама уничтожу! Елбай!- она издевательски расхохоталась.

- Посмейся-посмейся...- и вдруг, снова выстрелив ей в ноги, заорал:

- Брось нож, гадюка!

Хаймалка отшагнула, вытянула руку в сторону и выпустила нож.

- Вот так!- нарочито подбодрил он и, поигрывая серпом в одной руке и карабином в другой, шагнул на нее.

- А, может, не отправлять тебя к твоей мамочке?! А? Мы можем договориться... Все от тебя зависит... У тебя такие волнующие ножки!.. Раздвинешь их для меня и забирай своего избранного!-он кивнул на жертвенник.- Я так люблю, когда женщина раздвигает ножки! Это так волнительно! Ну, на любую жертву готов! Договоримся?

- Договоримся-договоримся...-скороговоркой ответила она.

Он сделал несколько осторожных шагов:

- Тогда опустишь на эту землю... обетованную... задери юбочку...

Она отшагнула к жертвеннику.

- Давай-давай!-он повел стволом карабина и, осмелев, стал на близком расстоянии.

Хаймалка, сделав вид, что собирается подчиниться, пригнулась, но в следующую секунду легким кувырком отлетела в сторону и, оказавшись в шаге от него, подсекла его ногу.

Он выпустил карабин, падая на бок, успел подставить руку и, вскочив, рубанул серпом. Хаймалка отпрыгнула.

Тот, увидев свой второй серп, сорвал его с земли и теперь, быстро наступая на девушку, бил серпами возле ее лица.

Отходя, она неловко оступилась о камень и, отлетев, оказалась на спине. Падая, заметила лежавший рядом посох Авраама.

Мурло быстро приблизился, став над ней, злобно процедил:

- Меня уничтожить решила?!

Хаймалка потянулась за посохом, но в эту же секунду Мурло, замахнувшись, нагнулся для удара. Хаймалка успела схватить посох и выставила его над собой.

Посох, вдруг превратившись в острую фиолетовую молнию, прошил насквозь напоровшегося на него Мурло.

Тот, широко распахнув глаз, тяжело рухнул на землю.

Хаймалка, как бы еще не осознавая, что «паук» уже мертв, с опаской глядя на его застекляневшие глаза, несколько отползла, села на пятки и вдруг, осознав происшедшее, разрыдалась.

На вершине Мориа, как на раскрытой ладони, валялись трупы безбровых, проткнутый посохом, завалился на бок Мурло, с жертвенника свисала голова и руки прошитого пулями Исаака, и в нескольких шагах от него посредине вершины выделялась одинокая и сникшая фигура девушки.

...Когда плач стоял, Хаймалка встала с колен, осмотрелась: на все стороны, до самого горизонта растекалось безжизненное раскаленное пространство.

Она посмотрела на жертвенник, и ей вдруг вспомнилась женщина-волчица Джоли, родник под лиственницей и властный голос пророка Иеремии: «...Ибо господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа...».

Она прошла к отвесному склону Мориа. От подошвы горы, как подожженная хлебная корка, раскинулась безлюдная пустыня.

Огромное белое Солнце, как седой шаман, задумалось над этим выжидающим безмолвием: пески и камни жаждущие жизни...

Хаймалке вспомнился дом Ури, картина Струящегося Древа, часы медитации под ней.

Она невольно опустила на землю, прикрыла глаза, уже скоро все вокруг растворилось, и ей увиделся сам хозяин Долины Призванного.

...Ури находился в какой-то темнице, и она узнала пещеру в подполье мечети, куда она была брошена вместе с матерью незадолго до ее убийства.

Ури, словно услышав зов девушки, вскинул седобородую голову, посмотрел на нее, и в тускло освещенной темнице зазвучал его властный голос:

- Ты, дочь древних еврейских шаманок, помни- Бог вложил в человеческое тело прочное: огонь бессилен это сжечь, вода не в силах это уничтожить, время над ЭТИМ не властно. И если властен огонь, то дать силу, если властна вода, то дать дух, если властно время, то дать воскресение! Косточка ЛУЗ!

И тогда она увидела ягуара. Кошка ходила беспоконными кругами по дну глубокой ямы...

И ей вдруг показалось, что это мечется ее плененная душа, и она ждет спасения...

Тогда ей увиделась камера в подземелье, и она слышала: «Харан». И потом снова возник образ Ури и его глаза. Но это были другие глаза, глаза проникающие и пугающие какой-то неземной силой, глаза человека и в то же время другого существа, существа из тех, которые могут являться лишь в те мгновения, когда отрешенное от мира сознание открывается для иной реальности и когда слова превращаются в нечто иное, в смутный, может быть, и в то же время более творящий ряд, чем сами слова.

«...Огонь, брошенный на жертвенник... Огонь, уничтожающий ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕ... Ибо было не жертвоприношение, а ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕ... Огонь, осветивший Новый СОЮЗ-не ЗАВЕТ БОГА С ЖЕРТВОЮ, А СОЮЗ БОГА С ВОИНОМ!

Возьми ОГОНЬ ОБНОВЛЕНИЯ и ИСПОЛНИ!...»

...Хаймалка вышла из погружения. С глубоких небес, как с трона, нацелился на жертвенник раскаленный глаз Солнца.

Она увидела, что огонь, поднятый патриархом на Мориа, еще горел на краю жертвенника.

А высоко над ним уже кружила жадно орущая стая черных птиц. Круг за кругом птицы опускались все ниже над телом Исаака.

Она неторопливо пошла к нему. Она шла по вершине, усеянной трупами врагов. Ей увиделись тысячелетия изгнаний и унижений, ей увиделось как на свитках Торы насиловали еврейских женщин, рубили животы беременных и поднимали на копыта окровавленных младенцев.

Она стала у жертвенника, глянув на прошитое пулями тело Исаака, вскинула спокойные глаза к вставшему с трона Солнцу, выхватила огонь и бросила на жертвенник.

Пламя быстро подхватило сухие поленья, бросившись к плащу Исаака, жадно захватило все его тело.

Черные птицы, уже ринувшиеся на него, лишь подпалив крылья, с дьявольскими криками разметались по сторонам и осыпались на Мориа, как черные хлопья сожженных листов.

В какую-то секунду Хаймалка испуганно отшагнула, но с каждым новым мгновением неистовая пляска огня, наполняя ее какой-то новой, незнакомой силой, завораживала больше и больше.

Хаймалка почувствовала, как невольно стали расправляться ее плечи, вдруг громко забили бубны, и сначала медленный, а потом властный зов стал увлекать ее в древний колдовской танец.

С налобной повязкой со священным знаком «Алеф», в светлой футболке, кожаной юбке, в ладных высоких сапожках, она походила на воинственную наследницу древних еврейских шаманок.

Тело Хаймалки, гибкое и быстрое, мудрое и чуткое, казалось, вслушивалось в какие-то только ей ведомые символы и само превращалось в эти тайные знаки и скрытые заклинания.

Хаймалка кружила вокруг пылающего жертвенника, и, кажется, уже не огонь, а она сама владела и повелевала этой непостижимой и неистовой силой огня.

В какие-то мгновения танец ее обрывался, но это было лишь как утверждение тех тайнств, которые рождало ее распахнувшееся сознание. И затем снова она становилась гибкой и стремительной, как молодая самка-гуар.

Камни, попадавшие под ее ногу, мягко уходили в землю Мория.

И, кажется, все добрые силы стремились оберечь таинство танца.

В какое-то мгновение ей увиделось нечто пульсирующее, наполненное животворящей жидкостью, в которой светились крохотные тельца.

«Нервная клетка! Нейрон!»-поняла Хаймалка, и тогда нейрон стал превращаться в огромный камень, на котором стали возникать каменные стены.

Бэт-Эль!-поняла Хаймалка.-Восставший из руин Бэт-Эль! Бэт-Эль строился по принципу нейрона. Если храм-это сама клетка, ядро святилище, то священные тексты-это код ДНК народа. А потому-если нет Храма, то нет и народа!

... И тогда танец ее стал похож на колдовское пламя костра. Гиены с сатанинскими головами стали взбираться к вершине, но на пути их со своей верной стаей стала волчица Джоли.

В отчаянной схватке волки сбросили гиен со склонов и, снова вернувшись, верными охранниками окружили вершину Мория.

Хаймалка знала, что она перешагнула пространство этой реальности, в то же время она видела и свой танец, видела преданную ей волчью стаю, осознавала, как день перетекал в ночь, и потом стали светлеть и гаснуть звезды.

А когда над новым утром стало подниматься свежее Солнце, она увидела, что огонь стал затихать, вот потух совсем, а в горстке пепла обнажилось что-то крохотное, похожее на маленькую жемчужину.

«Косточка Луз!»-поняла она.

Но вдруг поднялся ветер, прах и пепел стало сносить с камней жертвенника, с уже гаснущим сознанием

Хамалка знала, что нужно спасти эту жемчужину, и уже обессиленная, с подкосившимися ногами, достигла жертвенника, потянулась за ней и, рухнув на камни, прикрыла ее ладонью.

В последнюю секунду она приблизила ее к глазам и ушла в сон.

В какое-то мгновение из глаз ее на косточку скатилась слеза и обволокла ее мягкой теплой влагой.

Луч утреннего солнца коснулся ее, «жемчужина» вдруг засветилась, через минуту-другую стала крупней, увеличиваясь, походила на вихрящееся облачко, и потом, все больше поднимаясь над жертвенником, стала превращаться в фиолетовый сияющий сноп света, в котором все отчетливей проступали очертания человеческой фигуры...

... Хаймалка пробудилась от чужого пристального взгляда.

Открыв глаза, она увидела, что лежит на жертвеннике, а над ней, присев на корточках, улыбается какой-то парень.

Она узнала Исаака, но в то же время это был другой, незнакомый человек.

- Что смешного?-она недовольно села.

- Откуда ты, такая чумазая?!-он озорно спрыгнул с жертвенника и, приблизившись к ней, провел было пальцем по ее щеке, но она резко отбросила его руку:

- А без рук остаться?!...

- Красо-та-а!-просмаковал он..

- Я предупредила... Во-ин...- она с нарочитой усмешкой глянула на его камуфляжную форму, хотя и

невольно отметила, что она ладно сидела на нем, но и тут же нарочито поддела:

- Иц-хак!

- Я - Исаак.

- Ты Ицхак!-как бы скомандовала она.

Он пристально посмотрел:

- Слушай, кто ты такая?!-и не скрыл, что любитесь ею.

- Я такая, какая я есть....

- Ну, тогда ты просто «чумазая»... Но это дело поправимое...

- Послушай, а не слишком ли много для одного...«бой-ца»?

- Может... и «бойца»...

Хаймалка подставила лицо фиолетовым небесам, прикрыла насмешливые глаза и не спеша, как бы наслаждаясь, поддернула:

- «...может... и бойца», а, может, и... не бойца...

- Чумазая, твое счастье, что ты не мужик!..-снисходительно бросил Ицхак.

- А то бы ты меня уел... так, что ли?-она приоткрыла глаза.

- Уел бы не уел, а одного щелчка для тебя было бы достаточно!-и он смачно щелкнул по воздуху.

Она весело глянула, легким прыжком бросилась с жертвенника и, словно хищница, которая вынюхивает свою добычу, перешагивая через трупы безбровых, стала обходить его. Ицхак проследил за ней поворотами головы.

Хаймалка стала перед ним в шагах пяти и, куражась, поманила пальчиком:

- Ну, боец, иди, давай-давай!-и упрятала от себя вдруг ударившее волнующее чувство: это началась какая-то долгожданная сладкая игра.

Ицхак несколько мгновений с любопытством смотрел на нее, словно в его ногах путался глупый твякающий щенок.

- Ну чего закис, вояка?!-Хаймалка снова поддела его.

- Ну, ты у меня сейчас точно схлопочешь!..-он решительно шагнул к ней и, подойдя, джентльменски предупредил.-Сейчас точно по носу получишь!

- А ты попробуй!

Ицхак вдруг резко, для испуга, ткнул руку к ее животу, но Хаймалка перехватила его кисть и уже нанесла было ответный удар, но ее рука так и застыла над его головой.

Долгую секунду они стояли глаза в глаза, Хаймалка отпустила его кисть и, бросив глаза к земле, отошла.

Она не видела, как Ицхак сорвал с земли огромный камень, но только услышала его рык и, повернувшись, увидела, как, перешагивая через трупы, он подошел к краю горы и, зарывав, сбросил камень вниз. И несколько минут стоял спиной к ней.

Хаймалка, сначала пораженно, а потом с улыбкой, глянула на его широкие плечи, ткнутые в бедра руки:

- Да ладно тебе!- и уже как бы согласилась.-А ты вправду силач...Ицхак!..

Он медленно обернулся, как бы не веря своим ушам, что она так красиво произнесла его имя.

- А ты тоже, оказывается, ничего себе... «чумазая»!

- Я- Хаймалка.

Они глянули друга на друга и рассмеялись.

Уже улыбаясь, он подошел к ней и хотел было что-то сказать, но, посмотрев ей в глаза, на мгновенье замер. Она легко пожала плечами.

- Послушай, у меня такое ощущение, будто я тебя где-то видел...-он как будто пытался что-то вспомнить.

- Видел, наверное, если такое ощущение... Только, надеюсь, это было в прошлой жизни.

- Нет, мне, действительно, кажется, что все здесь мне знакомо, но только ничего не могу вспомнить... –он обернулся.-Странно... Вот и эта вещь знакома...-он кивнул на посох Авраама, пропоровший скрученный труп Исаяи.

- Это посох Вождя... –она хотела было добавить: «твоего отца», но не сказала.

- Посох Вождя...-негромко, как бы больше для себя, повторил он и подошел к трупу, в кистях которого так и остались зажатыми два серпа.

Ицхак осторожно коснулся набалдашника посоха, пригладил его и затем вырвал его из трупа.

Победно крикнув, Ицхак вскинул посохом над собой, но вдруг мертвая голова «паука» ожив, приподнялась, глаза жадно блеснули, а из синих губ пополз и растеся над горой мерзкий громкий шепот:

- Рано торжествуете! Я вас еще уничтожу!- опав на камни, голова расхохоталась и этот нарастающий злобный гогот, словно подпалил ее и труп «паука» в несколько мгновений превратившись в змеящийся дымок, унесся с вершины Моря.

Ицхак и Хаймалка переглянулись, долгую секунду вопросительно глядя глаза в глаза, вдруг рассмеялись какой-то одной своей мысли.

В какое-то мгновение, озорно глянув на Хаймалку, он запрыгнул на жертвенник:

- Я Великий патриарх!-он сверху обрушился на нее нарочито-грозным видом.

Та стояла в шагах семи и, чтоб упрятать непослушно-выширавшую улыбку, стала поправлять налобную повязку.

- Да! Я Великий вождь!-Ицхак бросил кверху широко распахнутыми руками, и ему увиделось со стороны, как стоит он на этой горе посредине этой пустыни, посредине мира, царственный и грозный-близкий к небесам и Богу.

- Я Великий пророк...-он уже величественно приударил посохом и уже должен был произнести свое имя, но, только начавшись, его имя оборвалось, и в те же мгновения над Мориа засверкали молнии, загрохотали оглушительные раскаты грома, а какая-то невидимая мощная энергия ударила изнутри жертвенника и отбросила Ицхака в сторону.

Посох, выбитый из его рук, взлетев высоко, засверкал под раскаленным солнцем пустыни и с металлическим звоном упал на камни жертвенника, которые стали осыпаться, будто там, под ними, образовалась пустота, подобно тому, как осыпаются песочные часы, но это были другие —часы камней.

Ицхак оставался лежать на земле, лишь припав на локоть и со страхом в глазах окаменело следил за своим рухнувшим «троном».

Хаймалка, чуть отпрянув, зачарованно смотрела, как сверкающий жезл Авраама вслед за осыпавшимися камнями жертвенника стал исчезать в чреве Мориа.

Долгую минуту от вершины горы растекалась по сторонам зачарованная тишина, и, показалось, в замершем бытии незримо проступило Великое Присутствие.

Затуманился раскаленный диск Солнца.

Ицхак и Хаймалка некоторое мгновение не решались взглянуть друг на друга, словно боялись обнаружить себя в этом обнажившемся мире. И лишь долгую

минуту спустя Хаймалка взглянула на Ицхака. Тот еще лежал на земле, опершись о руку.

Ей вдруг отчетливо увиделось, как «великий патриарх» величественно раскинул по сторонам руки, но вдруг сброшенный с жертвенника, растянулся на земле. Она легко улыбнулась, но, глядя на озадаченного парня, расхохоталась, и чем мрачнее становился тот, тем раскатистей становился ее чистый, красивый смех.

Но вот он улыбнулся и, откинувшись спиной на обе отставленные руки, беззаботно рассмеялся и сам, задрав к небу по-детски счастливое лицо.

Хаймалка подошла к нему и свойски подала руку:- Поднимайся, «боец»!

Он скользнул глазами от ее руки к лицу, замершим в улыбке глазам, взял теплую ладонь. Хаймалка отвела глаза к точке, где исчез посох Авраама.

Каменные часы продолжали медленно осыхать.

Ицхак, все еще держа над собой притихшую ладонь Хаймалки, хотел было подняться, но в ту же секунду какая-то новая мощная энергия ударила из-под жертвенника, взметнув к небесам тяжелый заряд камней и земли, а из чрева Мориа вырвалась огромная слизистая голова кровожадной Жабы.

Она распахнула пенящийся рот, вывалившийся красный язык обнажил ряды желтых громадных клыков, и из ее черного нутра вырвался к небесам злобный, угрожающий стон.

Жаба вырвалась на гору, ее огромные красные глаза увидели окаменевших Ицхака и Хаймалку, снова злобно застонав, трехметровое чудовище пошло на них.

Она успела подойти совсем близко, но они стояли, не шелохнувшись, словно околдованные какой-то властной силой.

И только когда распахнувшаяся пасть жабы потянулась к ним и из ее чрева ударил смрадный запах, Хаймалка отпрянула на шаг, рванула на себя руку все еще остававшегося на земле Ицхака:

- Ицхак, быстрее!

И они, не отпуская рук друг друга, побежали к краю горы. У самого склона Хаймалка споткнулась о карабин безбрового, ее ладонь выскользнула из ладони Ицхака, тот метнулся плечами вперед, успел ухватить ее за футболку, они бросились было с горы, и тут Ицхак увидел каменистый выступ.

Место, где еще недавно укрывался Мурло.

- Туда! - Ицхак легко подтолкнул Хаймалку вперед себя, и через мгновение, переметнувшись по выступу, они оказались в укрытии под каменной глыбой.

Над Мориа, над самыми их головами, рванул новый стон чудовища, а следом по склону скатилась половина туловища безбрового, оторванная рука мутанта, следом еще несколько перекушенных трупов.

Через несколько минут все стихло. Наползла долгая, гнетущая тишина, но вдруг, Ицхак и Хаймалка словно увидели себя со стороны: припав на колени, они затаились под выступом, а Хаймалка, оказавшись в объятиях Ицхака, доверчиво жалась к нему.

Ицхак это заметил первым и потому затих еще больше, она, поняв, что он заметил это первым, и теперь, замерев, всю блаженствует, резко оттолкнула его.

- Я ведь не специально!-изо всех сил шопотом старался он убедить ее.

- Ты свинья!-в тон ему, тем же шопотом ответила Хаймалка.

- Нет! Я патриарх!-снова зашептал он, раскинул было руки, но пространство убежища не дало ему размахнуться во всю мощь, и Хаймалке снова невольно при-

помнилось, как, слетев с жертвенника, он плюхнулся на землю.

Прыснув и как бы удержав новый всплеск смеха, она прижала к губам нежные, красивые пальцы.

Ицхак с улыбкой залюбовался ею.

Она сняла налобную повязку, броском головы отряхнула волосы, с любовью пригладив знак Алеф, заученным движением снова натянула повязку на лоб, и на долгую минуту ее глаза потекли в какую-то даль.

Но вот она села, скрестив ноги, поудобней устроилась, но вдруг повернувшись лицом к Ицхаку, внимательно посмотрела на него, и этот взгляд показался ему более долгим: она словно что-то оценила и доверила ему.

Он ответил лишь долгим выдохом:

- Хай-малка!..

Глаза ее застелились тишиной, она устроила на коленях успокоенные руки и, кажется, растворилась в тихом и уверенном шопоте:

- О Великая пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед тобой, благодарна, и да будет неизбывна сила твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть явится твое знамение, Господи!

...И тогда ей увиделась вершина Мориа. Она и Ицхак идут к месту разрушенного жертвенника, и на его месте разверзлась пасть тайного колодца. Каменные ступеньки, пугая и маня, сбегали в черную глубину.

В какую-то секунду с края колодца скатился и исчез в подземелье посох Авраама.

Но вдруг вещей женский голос, похожий на голос матери, окутал ее:

«Три глаза. Три ключа. Две главные тайны человека. Глаз дракон. Глаз ворон. Глаз игла... Иди!».

...Идрис быстрым шагом шел по мрачным тоннелям своего бункера. В руке его была коричневая плеть. Сзади, неся табуретку, суетливо поспевал за ним одетый в черную робу слуга.

Тоннель под прямым углом ушел вправо, и сразу за поворотом показалась решетчатая дверь.

Идрис приложил руку к стенному детектору, дверь отъехала в сторону.

Слуга шмыгнул в камеру, стал у стены в ожидании команды хозяина.

Пленником оказался бородатый старик. Ури. Он сидел в углу на подстилке из соломы, которая служила ему и кроватью.

Идрис кивком указал поставить табурет в шагах двух от старца.

Сев, он с минуту вглядывался в отрешенное лицо старика.

Ури безлично смотрел в точку перед собой, словно и не видел вошедших.

Идрис ткнул концом плети в пепельную бороду старца и поддел подбородок. Безразличный взгляд Ури потек к потолку.

- Ни -че-го!-многообещающе расставил Идрис.- Скоро девчонка будет здесь, и ты заговоришь!-и, глянув

в пол, громко бросил.-Эй, рогатый, где ты там?.. Губошлеп с копытами!..

- Я здесь, коллега!-в камеру сановито, поцокивая копытцами вошел Сатана.

- Еще одно... «коллега» и я всю твою вонючую рожу потопчу! Понял?!

- Принято, бос! «Бос»-устроит?

- Где девчонка?!

- Где ж еще-в Палестине!

- Живую или мертвую-сюда!

- Сатана не убивает!-философски заметил рогатый.-Сатана лишь искушает!

- В одном твоём искушении тысячи смертей запряжаны!.. Нацист!

- Ты мне льстишь, мой повелитель!-довольно заметил Дьявол.-Но искушение-действительно технология! Да еще ой, какая технология! Тут все учесть надо! Времечко-когда обольщать! Местечко-где обольщать! Скоростишку-как быстро нужно это сделать! Тут тебе все три измерения! Но главное пообещать! Да не просто пообещать, а чтоб пообещать самого Бога!.. Но моментишко-да! Моментишко обещания-это главное! Чтоб не до... и не после! Вот как травку для яда нарвать! Точный час нужно выгадать! А то ведь нарвать-нарвешь, а отравить-не отравишь!.. Техно-логия, мой повелитель!..

- Так, действуй, «технолог» !-Идрис для устрашения приподнял плетку.

- Не торопись, коллега... прости... мой повелитель! Только пару минуточек!.. Вот посмотри: ты ради чего воюешь с этой девчонкой?.. А все ради того же-познать Бога!

- Я с девчонками не воюю!

- Ну, хорошо-с евреями!.. Между прочим, мусульмане большую ошибку сотворяют, что убивают евреев

на Святой Земле! Чем больше они проливают еврейской крови на Святой Земле, тем прочнее она принадлежит им! Ибо ничего так не роднит человека с его землей, как пролитая за эту землю кровь...

Идрис зло глянул на Дьявола. Тот почесал когтем под лепешистой губой и пожал плечиком:

- Впрочем, это дело каждого... Пусть кто хочет воюет с кем хочет! Один воюет с Богом, второй с евреем, третий - с книгой...

- Слышь, вояка!-оборвал его Идрис.-Ты что-то на счет обещания говорил...

- Не обещания! Искушения!..

- Ну, пошел... тогда!-он стал закипать.

- Сказать тебе честно, мой повелитель?! Тяжело-вато тебе придется с девчонкой этой..

Идрис посмотрел пожигающими глазами.

- Дьявол правду любит! Может даже больше, чем Бог!-как бы искренне заметил Сатана.- Вот потому тебе и говорю-непростая эта девчонка! Непростая! Хотя бы потому, что тайну дудочки знает!

- Какой еще дудочки?!

- Обыкновенной...-на козлиной голове Сатаны появился шутовской колпак и в руках-свирель. Он поднес ее к губам и, дурачась, перепадая с копытца на копытце, шутовски задудел.

Идрис, зло вскочив, схватил табурет, из всех сил запустил его в Сатану, но тот как будто растворился в воздухе.

Ури припал спиной к стене, в его убежавших вдаль глазах блеснула едва уловимая улыбка...

Ицхак и Хаймалка подошли к месту обрушенного жертвенника, стали рядом, близко, касаясь рук друг друга.

Черная пасть колодца, с каменными ступенями, уходящими в нутро горы, открылась перед ними.

Хаймалка поддела носком сапожка круглый камень, тот, сорвавшись с края колодца, гулко запрыгал по ступеням, невольно и страшно манящим в глубокое подземелье, в распахнувшееся чрево Мориа.

Долгую минуту они заворожено смотрели в эту зовущую и одновременно пугающую глубину.

Хаймалка шагнула на ступеньку-вниз.

Потом, уже много времени спустя, она с улыбкой вспоминала, как легко сделала этот шаг в глубину, в зовущее нутро Мориа, словно кто-то властный вдохнул в ее сердце бесстрашие и поставил на этот путь...

Ицхак оглянулся: далеко кругом, до самого горизонта, растекалось застывшее, но, казалось, ожившее в этот миг древнее пространство пустыни. Фиолетовые небеса низко опустились над Мориа, словно и сами затаенно следили за шагнувшей в подземелье девушкой.

В шаге от Ицхака, на самом краю колодца, лежали два карабина. Ицхак за руку приостановил Хаймалку, поднял оружие, перезарядив, подал один карабин Хаймалке и на ступеньку ниже пошел впереди нее.

...Они опустились метров на пять, как каменная лестница стала более полой.

...Сатана взшел на Мориа.

Лихо отбросив борта красного плаща за спину, стал у края вершины, над самым каменным выступом-укрытием Ицхака и Хаймалки. Его козлиная голова на мгновение замерла, черные круглые глазки убежали к самому горизонту, где обожженная пустыня втекала в фиолетовые небеса.

Сатана оглянулся на место обрушенного жертвенника-долгую минуту всматривался в эту точку, потом, вдруг закуражившись, бросился к ней и, вскакивая на попадавшиеся на пути трупы, яростно пританцовывал на них, топочамертвенно-желтые безбровые лица раздвоенными черными копытцами.

Но вот он стал у места бывшего жертвенника, которое теперь превратилось в зияющую пасть колодца с каменными ступенями, убегавшими в глубокое подземелье.

Скрестив на груди волосатые когтистые руки и глядя в разверзшуюся бездну, Сатана в раздумье замер.

Но вот он оглянулся, что-то поискав по земле глазами, поднял пару карабинов, один из них аккуратно положил на самом краю колодца, сотворил для самого себя смачный воздушный поцелуй и лихо повернулся на одной ножке. Плащ за его спиной взвился красным флагом.

Сатана оглянулся на безбрежные пустынные просторы, мельком оглядел вершину Мориа, множество трупов, зияющую пасть колодца с оружием на краю и вдруг, торжествуя бросив к небесам руку с карабином, громко просмаковал:

«И увидел Бог все, что он сделал, и вот, хорошо весьма»!

...Края колодца над головами Ицхака и Хаймалки сошлись и, чтоб не оступиться, приходилось держаться за холодные сырые стены. Тянуло едким запахом гнили.

В какую-то секунду Ицхак взял Хаймалку за плечи, повернул к себе.

- Послушай... нужно возвращаться! Черт с ним – с этим посохом!.. Пойми ты...-и он оборвал себя

Хаймалке вспомнился старец Ури, ягуар Гром, как они готовились к ночному костру и как неожиданный ветер загасил в ее руке огонь.

Она высвободилась из рук Ицхака:

- Ты можешь вернуться...-в полумраке глухо прозвучал ее голос, но, уже опускаясь ниже, она поймала себя на том, как затаенно ждет, чтоб за спиной послышался его шаг.

Вдруг в темноте, внизу, вспыхнули две пары красных глаз, они стремительно надвинулись, неся с собой жуткое хлопанье тяжелых крыльев.

Хаймалка различила двух огромных птиц. Одна из них бросилась ей в лицо, Хаймалка закричала, ударила по ней стволом карабина, в ту же секунду над ее головой прозвучало несколько выстрелов, птицы, яростно заклокотав, метнулись из колодца к просвету.

Но мгновением раньше, уворачиваясь от когтей птицы, Хаймалка потеряла равновесие, не удержавшись, на несколько ступенек сорвалась вниз, и падая, ударилась о что-то железное, и ей показалось: дверь!

Карабин, выпав из ее рук, оказался где-то у ног.

Ицхак, подоспев, переводя дыхание, приподнял ее за плечи, подставил колено:

- Ничего не ушибла?!

- Кажется, нет!

Он помог ей подняться:

- Порядок?

- Порядок...

- Старших нужно слушаться...- уже с легкостью в голосе нарочито отчитал он.-Говорил же-вернуться надо! Вот и вышло-тупик!-и он толкнул «стенку» рукой.

- А по-моему это не «тупик» ,она нащупала большое металлическое кольцо.-Это железная дверь. Вот, смотри...-она взяла его ладонь, приблизила к кольцу.

- Черт! Кажется так!-он приударил кольцом и по стволу колодца разнесся глухой звон.

- А все же посмотрим...- он наощупь «просмотрел» возможные границы двери.-Кажется и правда дверь.

Хаймалка приударила дверь плечом. Еще:

- Ну, чего стоишь? Давай же!-отчитала она Ицхака.

- И откуда ты, такая «чумазая»?!-нарочито проворчал он, хотя оба они усльппали в этом другое: «как же я люблю тебя»!

Он сначала несильно, а потом сильнее и сильнее бил плечом дверь. Та, кажется, дрогнула, но не поддавалась. Попытались вместе, но дверь не отошла.

- Значит-не судьба...-заклочил Ицхак.

На секунду стало тихо. Хаймалка снова взялась за кольцо и несколько раз, как могла, сильно, ударила им о железо двери.

Прислушались. Тишина.

- Ладно. Пошли!-скомандовал Ицхак, шагнул на несколько ступенек вверх, как вдруг сверху ударил какой-то грохот, маленькая полоска света на мгновение закрылась, и потом с заколотившимся сердцем Ицхак увидел, как сверху срывается валун. В доли секунды он ощутил, что там внизу –Хаймалка и валун может раздавить ее.

Он метнулся вниз, прижал Хаймалку к стене. В то же мгновение огромный камень, зацепив их спины, ударил о дверь. Следом, грохоча по каменным ступенькам,

пронесся еще валун, и от обоих ударов дверь сорвалась с петель и, громокая, завалилась на землю.

Ицхак и Хаймалка осторожно отняли лица от стены колодца и на мгновение замерли: дверь вела в какое-то едва освещенное пространство. Они осторожно шагнули. Ицхак поднял карабины и подал один Хаймалке.

Они стали в проеме двери и оказались перед парящим рвом. Он был шириною с метр, но клубящаяся в нем дымка исходила, казалось, из какой-то бездны.

Дверь упавшая на ров, словно мостик, поманила Ицхака и Хаймалку перейти на другую сторону, в распахнувшуюся перед ними таинственную пещеру.

Хаймалка, попробовав «мост» ногой, уже шагнула, но Ицхак за руку приостановил ее, хотел было обойти, но она уже окатила его покровительственной усмешкой, лихим броском перехватила карабин и уверенней перешла на другую сторону.

Ицхак лишь невольно пожал плечами: что, мол, еще остается, и ступил следом.

Перейдя ров, они невольно замерли: из-за причудливых бликов, уходящих вглубь и в высоту, пещера казалась огромной.

Горящие человеческие черепа, словно какие-то гирлянды, опоясали ее внутренние стенки.

Тишина.

Глубокая испытывающая тишина.

Только таинственные блики да горящие вокруг черепа. Ицхак невольно оберегающе обнял Хаймалку за плечи.

Вдруг пещера взорвалась ярким светом, они невольно заслонились руками, но тут же какая-то невидимая сила разняла их.

Они оказались в метрах семи друг от друга в огромной зеркальной пещере. С ударившим сердцем Хаймалка

увидела: впереди, в глубокой нише на красном мраморном треугольнике, как на троне, сидела трехметровая кровожадная Жаба.

На ней было одеяние из красного и черного бархата, а со скользкой гадливо вздувавшейся шеи свисали десятки шипящих змей.

Под лапой ее лежал посох. Жезл Авраама, узнала Хаймалка.

Перед троном чудовища стояли несколько побитых зеркал, они были в высоту человеческого роста и минутами, жутковато извиваясь, выбрасывали по сторонам тонкие стеклянные руки.

Они стояли перед троном Жабы, словно какая-то охрана.

Из зеркальных стен пещеры, остро сверкая, выступали куски из битых зеркал, похожие на кривые треугольники, клинки, колотые зубцы.

Из пола пещеры тоже торчали расколотые зеркальные осколки.. И все они походили на разбитые светящиеся экраны, в которых отражались какие-то кровавые действия.

В какое-то мгновение из одной из стенок вытекла фигура огромного змея, и он, извиваясь, пополз к трону Жабы. Оказавшись по центру между Хаймалкой и Ицхаком, поднялся во весь рост, оглядел обоих: две человеческие фигуры-юная женщина с налобной повязкой с магическим символом «Алеф», в футболке, спортивной юбке, длинных кожаных сапожках, и в руках карабин. Девушка-воин.

Парень, в камуфляжной форме, похожий на крепкую лозу, и тоже с карабином в руке.

Зеркала-охрана расступились, змей прополз между ними, стал у нижней ступени трона Жабы и, развернувшись, вместе с чудовищем оглядел Хаймалку и Ицхака.

Жаба вдруг подняла к потолку распахнувшуюся слизистую пасть и дико загоготала.

Но вот так же резко остановилась, взяла перепончатой гадливой лапой посох и, поочередно ткнув им в сторону Хаймалки и Ицхака, вновь плотоядно загоготала:

-Какое лакомство!

Змей покачивался во всю двухметровую высоту и, медленно кивая головой, как бы одобрительно посмеивался. Но вот он повернул голову к Жабе:

- Моя госпожа!-солидно обратился он к ней.-Дело в том, что эти двое-оба евреи, а у мировой общественности уже давно сложилась иная практика- сначала у евреев чему-то учатся, а только потом их пожирают.

- Эй, кто ты?!-крикнула жаба Ицхаку.

- Я?!

- Не я же!

- Я человек, сдающий карты!-кажется, неожиданно и для себя бросил Ицхак.

- Что это он тут выдумывает?! Что это еще за «сдающий карты»?-Жаба требовательно посмотрела на змея.

- Я же говорил —«сначала-поучиться»...

- А ты кто?!-Жаба глянула на Хаймалку.

- Я —несущая месть!-Хаймалка прижала карабин к бедру.

- Чего?!... Месть?... -Жаба вновь загоготала и снова оборвала свой смех:

- Не верь этим евреям: пока ты будешь у них чему-то учиться, они с тобой что-нибудь и сотворят!

- Но практика как раз показывает другое, что сотворять они что-то могут только друг с другом. С другими боятся. Народ-жертва, одним словом...-мудро заверил змей.

Хаймалке невольно вспомнился дом Ури:

«Не в Мече бессмертие еврейского народа, а в Великой Жертвенной Покорности!.. Перестав быть жертвой, вы и станете жертвой настоящей!»-это был Дьявол!

- Сатана!-невольно крикнула Хаймалка.-Ты Дьявол, Я узнала тебя!

- А я и не буду скрываться!-змея принял морду козлиноголового Сатаны с красным плащом за спиной:

- А теперь слушайте меня! И ты, и ты!-тоном повелителя бросил он.-Я знаю, зачем вы спустились в это подземелье! За жезлом!- и он кивнул на посох, придавленный лапой Жабы.-Вы хотите уничтожить Идриса и восстановить Бэт-Эль! . Но зачем он вам нужен?! Ответьте! Ответьте мне как другу, ибо я ваш друг, а не Он!-и он выставил указательный палец кверху.- Зачем вам новые и новые жертвы: ведь если даже вы и восстановите свой Бэт-Эль, то тут же ваша ненависть друг к другу и уничтожит его! Отступись, Хаймалка!-и он посмотрел на Ицхака.- И только тогда «благословятся в семени твоём все народы земли...»!-он сделал паузу и, как бы откровенно, продолжил.- А потом вам предстоит такой путь, из которого никто не возвращался!.. Правда, если вы выберетесь отсюда, вам может помочь один старый еврей. Но если даже он и поможет вам, то вы должны будете еще одолеть Семиголовую паутину. Видите, я честен перед вами. Но для начала хотя бы выберитесь отсюда!

Хаймалка невольно вскинула карабин.

- Ты хочешь убить Дьявола?! Она хочет убить Дьявола!-Сатана от удовольствия запрокинул рогатую голову.-Она хочет убить Дьявола!-он забил копытцем.- Эта глупая еврейка задумала то, что неподвластно самому Господу Богу!.. – и бросил рукой в сторону Хаймалки. Тут же от стены отделилось одно зеркало и в несколько мгновений оказалось за ее спиной. Она огля-

нулась, отражение, словно ожив, вышло из зеркала, став ее точной копией.

Хаймалка испуганно замерла, но уже через несколько мгновений коснулась двойника, та тотчас повторила ее движение, а по руке Хаймалки от этой искусственной фигуры потек по телу холод.

Она отдернула пальцы, и ее копия перекопировала это движение.

- А теперь ты-Сдающий Карты!..-Сатана с ухмылкой посмотрел на Ицхака.- Вот перед тобой две твои «несущие мечь». И у тебя в руках-твое оружие! И ты хочешь вернуть жезл! И вы, евреи, жаждете восстановить свои вечно разрушенные храмы! Так вот, если ты узнаешь и расстреляешь зеркальную фигуру, ты спасешь свою царицу и ты получишь посох Вождя, и это будет означать, что ваш Бог еще с вами и что он поможет вам сотворить чудо, и Бэт-Эль будет восстановлен! Но если ты попадешь в свою царицу, то, значит, Бог против вас и вашего народа, и ты станешь моим рабом навеки!.. —и он посмотрел вверх на Жабу.-Так пускай получают своего Творца! Справедливо, моя повелительница?!

- Справедливо!-Жаба, вновь гогоча запрокинула кверху раскрытую пасть.-Полакомиться-это всегда справедливо!

- Но послушай, мудрец! А выбор-то где? Выбора ведь нет!-Ицхак начал торги, но Дьявол лишь небрежно бросил когтистыми пальцами:

- У кого? У Бога?-и мелко, с издевкой расхохотался.

Ицхак невольно обернулся-выход из пещеры все еще был свободен, и железная дверь по-прежнему лежала мостиком поперек клубящегося рва.

- Так ты будешь стрелять?-с угрозой выкрикнул Сатана.-А не то наша армия сделает то, что нужно сделать.- и тут же, глянув на зеркала-охрану, скомандовал:

- Зеркалики, вперед!

Охрана-зеркальные осколки медленно поползли в сторону Хаймалки и ее двойника. Вот они выбросили вперед острые руки-осколки и стали рассекать ими воздух.

Хаймалка отступила на шаг, ее двойник уже повторила ее движения.

Ицхак растерянно водил вскинутым карабином: то на ползущих хищных осколков, то на две фигуры.

В какой-то момент он бросился было вперед, но с потолка, точно острые кинжалы, сорвались тоже острые осколки и, преграждая ему путь, вонзились у самых его ног.

Ицхак невольно отпрянул.

Хаймалка ткнула рукой в грудь двойника и тут же получила такой же ответ. Она сделала выпад, и все повторилось. Хаймалка бросила рукой к ее лицу, и их руки скрестились. Она ускорила движения, и между ними завязался отчаянный бой.

Жаба, раскрыв пасть, сытно гоготала. Сатана стоял, горделиво скрестив руки на груди.

Зеркала-охрана все ближе подбирались к бьющимся Хаймалке и ее двойнику.

Ицхак выстрелил в хищных осколков, но и возникшие маленькие осколки превратились в свирепые движущиеся зеркала.

Ицхак снова бросился вперед, но снова с потолка обрушился кинжальный град.

На секунду застыв, он увидел, что отчаянно дравшиеся Хаймалка и ее двойник оказались прямо под грузой свисавших с потолка длинных острых осколков.

Ицхак выкрикнул имя Хаймалки и выстрелил в потолок. Хаймалка угадала нужное движение, и ее двойник оказалась под сорвавшимися осколками. Они вонзились в череп двойника, и фальшивая фигура разлетелась на мелкие осколки.

Хаймалка увидела, как хищный осколок метнулся к лицу Ицхака, тот попытался увернуться, но осколок полоснул по его лицу острым концом. Ицхак резко отшатнулся, потерял равновесие, и Хаймалка увидела, как он стал заваливаться на спину, и, падая, напоролся на длинный кинжальный осколок.

Крикнув, она бросилась было к нему, но шеренга хищных осколков стала прижимать ее к стене.

Хаймалка отступила.

Один из осколков бросился ей в лицо, выбросив острые стеклянные руки. Хаймалка увернулась, но второй, резанув вдоль ребер, пропорол футболку.

Хаймалка увернулась еще от одной атаки и в ту же секунду заметила, что в шеренге меж осколков появилась брешь.

Она в мгновение собралась, и войдя в стремительный танец, вращаясь, едва видимая, пронеслась сквозь образовавшийся проем и через несколько мгновений оказалась близко от Жабы.

«Глаз Ворон! Глаз Паук! Глаз Игла! Три глаза, Три ключа, Две главных тайны человека!»- ей вспомнилась Долина Ури, как она броском пояса сорвала цветок:

- Три Глаза, Три ключа, Две главных тайны человека. Глаз Игла!»-крикнула она, успев заметить, как истошно завопил Дьявол и, превратившись в змея, уполз куда-то за треугольный мраморный трон.

А со лба Жабы уже вырвался синий сияющий луч, превратившись в огненный вихрь, подхватил Хаймалку и

Ицхака, став почти невидимым, вонзился в точку, откуда вырвался синий луч.

И, казалось, загрохотав, разверзлись небеса, невидимая сила разорвала чудовище на тысячи клочьев, которые, разлетаясь растаяли в воздухе.

Хаймалку отбросило в сторону, и она оказалась на песке на берегу бескрайнего озера.

Через несколько мгновений, придя в себя, она быстро поднялась и тревожно огляделась.

Но вот глаза ее с надеждой блеснули, и она бросилась к огромному валуну в метрах десяти от себя, подле которого лежал человек.

Глаза Ицхака были закрыты, от виска к шее кровавой лентой протянулась рана, рубашка возле ребер набухла от крови.

Хаймалка присела на колено в его изголовье, осторожно пригладила висок.

Ицхак открыл глаза, узнав ее, улыбнулся и негромко выронил:

- Я люблю тебя, моя Хаймалка...

Она с улыбкой приложила палец ко рту:

- Ш-ш-ш.

Он счастливо прикрыл глаза, отбросил руку в сторону, и вдруг лицо его на секунду застыло: ладонь его легла на какую-то рукоятку.

Казалось, забыв о ранах, он приподнялся: в руке его был посох Вождя.

Он встретился с взволнованными глазами Хаймалки: жезл, излечив все его раны, придал силы, поставил на ноги.

Ицхак взобрался на валун и властно раскинул по сторонам руки. В одной из них был посох.

Хаймалка, отойдя на несколько шагов, с улыбкой глянула на него.

- Я-Великий Патриарх!-он сверху обрушился на нее нарочито-грозным видом.-Да! Я Великий Вождь! Я Великий Пророк!-он хотел было приударить посохом по камню, но на мгновение замешкался, и они оба поняли, что вспомнили, как еще недавно он так же стоял на жертвеннике, но какая-то невидимая энергия сбросила его в сторону, и он потерянно растянулся на земле.

Рука Ицхака с посохом так и замерла в воздухе, но уже через минуту они с Хаймалкой хохотали по-детски счастливо и беспечно.

Смеясь, Ицхак артистично все же приударил посохом у ноги, и в какую-то секунду смех Хаймалки затих, а вместо смеха лицо засветилось ласковой улыбкой. Она поспешила поправить налобную повязку, невольно пытаясь скрыть, что залюбовалась Ицхаком. В эти мгновения с раной на лице, в окровавленной рубашке, он и вправду показался ей красивым воином.

Долгую минуту они смотрели глаза в глаза, но вот он сошел с камня и, кажется, эти несколько шагов шел к ней долго, целую вечность, нескончаемую пьянящую вечность.

Не выпуская жезла, он обнял Хаймалку, заскользил жадными губами по волне волос, скользнул к шее:

- Родная... милая моя...-их губы встретились, подавив друг другу свежее волнующее дыхание.

Хаймалка вдруг соскользнула щекой к его груди и, как ребенок, затихла.

Он приподнял ее лицо:

- Я хочу любить тебя!

- Я приду к тебе, обязательно приду... Но пусть придет час...- И пусть будет хупа.-она посмотрела в сторону озера и взяла его за руку:

- Пошли. Я омою твои раны...

Они несколько шагов прошли по желтому чистому песку, как Ицхак вдруг остановился:

- Послушай... А мы ведь должны встретить одного старого еврея... Так ведь, кажется... Если этот Дьявол не врал...

- Может быть...-глаза Хаймалки убежали вдаль, и она снова вспомнила домик Ури и страшный, но, возможно, правдивый разговор с Сатаной... Народ-жертва...

- Ты загрустила...-полувопросом взглянул Ицхак.

- Да нет... Просто... Сатана, действительно, своих жертв ловит на правду... А что?

- Да нет... ничего... Только если про старого еврея это правда, то это же кайф!

Она вопросительно глянула.

- Ну, там, где старый еврей, там ведь и-хупа,- с хитрецей подобросил он.

Они посмотрели друг на друга и снова беззаботно рассмеялись.

Ицхак вдруг бросил руками вверх и прокричал улыбающимся небесам:

- Эй, старикан, где ты?!- и потом негромко, но в сердцах проронил:

- Ах, как они бывают нужны-эти старые евреи!..

Ицхак невольно развел руками: мол, что поделать, где сейчас достать это чудо.

Они повернули к реке, но через пару шагов, как по команде, разом обернулись: на валуне, где еще пять минут назад куражился Вождь-Ицхак, сидел старичок в кипе с белой красивой бородой и покрытый талитом.

- Ты кто?..- ошарашенно замер Ицхак.

- А кто меня минуту назад зазывал...-как бы невинно поддел старик.

- Ты и есть...-он?!-с надеждой расставил Ицхак.

- Ну да... Я и есть-он... Старый еврей Шломо. А ты великий вождь Ицхак. Ну, а это-Хай-малка...-мол, кто такую красавицу не знает, чуть ли не пропел старик.

- Старый еврей Шломо!.. Потрясающе! Так ты ведь нам...-он тут глянул на Хаймалку.-То есть мне... Короче - во как нужен!-и он полоснул ребром ладони по горлу.- Хупа нужна! Срочно!.. Можешь?..

- Все возможно с помощью Бога!

Ицхак снова глянул на Хаймалку и потом как-то осторожно поинтересовался:

- А если кого... надо бы обручить...-

- Ну если... «кого»,-жуликовато растянул старик.- То тут уж, конечно...

- Хаймалка!-счастливо взорвался Ицхак. -Он точно-старый еврей! Он все может!-и как бы спохватился.-А хупа?..

- Есть-нет- чего нет...-как бы беспечно забормотал старик.-Есть-нет-чего-нет...

Они не заметили, как из леса уже выползли полулюди-полужверье и стали издали окружать старика и его двух подопечных.

- Убейте еврейку!-рванули к небесам их истошные утробные крики.

- Убейте еврея!-покатило к вечереющим небесам звероподобное эхо и уже были видны их хищно сверкающие глаза.

Ицхак невольно перехватил посох и прижал к себе Хаймалку. Сошел с камня Шломо.

Звероподобное людье, возбужденно вскакивая на задние лапы, плотнее смыкало полукруг, но вдруг над берегом реки раздался крик Великого Павлина, и под вечерними небесами закружила царственная огненная птица.

На мгновение звероподобные испуганно прижались к земле, но вот снова поползли на старика и двоих молодых людей:

- Убивайте евреев!

Тогда над берегом снова раздался угрожающий павлиний крик, он опустился к земле, властно пронесся перед находящим полукругом озверевшего полулюдя, его яркие, горящие под вечерним солнцем, огненные крылья зажгли за собой огонь, старик с Ицхаком и Хаймалкой оказались защищенными огненной дугой, концы которой сбежали к реке.

Великий Павлин взмыл в небеса, сделал круг, из его огненного хвоста выпало четыре пера и, слетев на землю возле Шломо, превратились в золотистые древка.

Шломо снял с себя шелковый белый талит и подвезал его четыре конца к четырем древки.

- Хаймалка, это же хупа!-не упуская посоха, Ицхак восторженно и легко поднял ее на руки.

А ослепленное огненной дугой полулюдые вскидывало к обманувшим их небесам воюющие злобные пасти. И еще сильнее и надрывней стал их крик, когда увидели их жаждущие крови глаза, как из воды выплыло четыре льва, и затем царственной шеренгой они прошли к Шломо и, став на мощные лапы, взяли по древку.

Распахнулся древний еврейский венчальный шатер.

Великий Павлин издал прощальный крик, растворился в багровом вечернем солнце.

Ицхак, взяв Хаймалку за руку, повел под царственную хупу.

Шломо раскрыл писание, над берегом растекся его молитвенно-благословляющий голос. Счастливы были глаза старого еврея: он видел перед собой глаза любящих.

Львы царственно удерживали над ними хупу.

До хупы оставалось метров десять, как неожиданно в небесах засветились семь громадных волчьих голов, свет от них вырвал из темноты вязь из серебряных нитей.

- Семиголовая паутина!-тревожно крикнул Ицхак.

Хаймалка окаменело смотрела на огромную, с метров десять, паутину. Семь светящихся голов на семи узлах опускались прямо на них. Серебристые нити угрожающе срывались вниз, словно нацеливались на свою добычу.

- Бежим!-Ицхак схватил Хаймалку за руку, но паутина уже накрыла их, и они забились в ней, пытаясь высвободиться.

Старик Шломо подал знак, и четыре льва бросились к ним на помощь.

Паутина все сильнее стягивала Ицхака, он пытался отбиться посохом, и где-то рядом с ним извивалось тело Хаймалки.

Семь светящихся волчьих голов с наслаждением поднимали к небесам распахнутые пасти, издавая тонкие протяжные звуки.

Но Шломо уже подал знак львам, и они бросились к Ицхаку и Хаймалке, мощные лапы раздвинули серебряные нити высвободили пленников. Те вырвались из-под паутины и бросились к месту, где еще несколько минут назад красовалась хупа.

Светящиеся волчьи головы, оставив львов, задули Ицхаку и Хаймалке вслед. Мощные волны ударили им в спины, и, казалось, секунда-другая, и они разобьются о валун. Но в какую-то секунду Шломо бросил им хупу, они успели ухватиться за нее, вздуваясь, как парус, хупа, взмыла и унесла Ицхака и Хаймалку в ночные звездные небеса.

Они поднялись глубоко в космос, и где-то впереди чудилась седая голова старого Шломо, и окутывала этот старый мир его песня венчания.

Ицхак и Хаймалка ошеломленно замерли перед этой огромной сверкающей глыбой.

«Лестница ледяных костей!»

Долгую минуту они стояли молчаливо, со страхом и изумлением глядя на хрустально -прозрачные ступени, в которых застыли человеческие скелеты.

- Ну, что?-Хаймалка глянула на Ицхака.-Пора?

- Пора...-он шагнул было первым, но Хаймалка остановила его, подняв с земли прут, бросила на ступень.

В ту же секунду скелет вырвался из льда по «пояс», злорадно заклацав матовыми челюстями, схватил костлявой рукой прут и снова, уже с ним, вмерз в лед.

Хаймалка шагнула в сторону: между скелетами оказалось расстояние, так что можно было ступить и не задеть их. Такие же маленькие пяточки можно было рассмотреть и несколькими ступеньками выше.

- Подожди!- Ицхак стал с ней рядом.- Может, я пойду впереди...- и он показал на посох Авраама, который теперь казался серебряным жезлом.

Она пристально глянула на него:

-Попробуй здесь...-как бы позволив ему идти вместе, она кивнула на маленький пяточок.

Ицхак осторожно простучал жезлом выбранный пяточок, и они начали свое восхождение.

Лестница была шириною метров двадцать, это позволяло им находить свободные «тропки», но стоило сделать малейший неосторожный шаг, как тут же из ледяных ступеней выбрасывались костлявые руки скеле-

тов, готовые в любую секунду схватить и замуровать их в лед. Далеко внизу остался жертвенник превратившийся в маленькую черную

точку.

Чем выше вверх уходили Хаймалка и Ицхак, тем больше изменялся цвет небес, переходя от прозрачно синего к темнотам звездного. И временами в разных концах разрывались яркие всполохи.

...У самой вершины Хаймалка выпла вперед Ицхака, победно было выбросила руку вверх, как вдруг со стороны метнулись на нее два огромных красных вампира.

Хаймалка оступилась, стала заваливаться на спину, но Ицхак, стоявший двумя ступенями ниже, в последнюю секунду успел подхватить ее, громадные летучие мыши, шумно прошелестев крыльями пронеслись мимо-вниз. Два скелета тут же вырвались из льда, поймав дико завизжавших вампиров, жадно обглодали их до костей и снова вмерзли с ними в лед.

Хаймалка, невольно припав к груди Ицхака, долгую минуту переводила дыхание и потом медленно, как бы не решаясь, подняла голову.

Они смотрели друг другу в глаза, словно вслушивались в какие-то новые слова.

Опустив голову, она вышла из его объятий и легко, как бы больше для себя, усмехнулась:

- Кажется... без посоха точно не обойтись...

- Да, конечно...-он торопливо выпел вперед...

Одолев последние ступеньки, они оказались на большом плато, выложенном красными мраморными плитами.

В глубине его, у высокой ледяной стены, на троне, сидела двухголовая свинья Хура.

Хаймалка и Ицхак напряженно замерли.

Глядя на них, она бросила кверху изогнутыми клыками и громко расхохоталась:

- Добрались, цыплята?! Славный у меня будет ужин!- и одна голова вторила другой.- Добрались цыплята?! Славный у меня будет ужин!..

Ицхак заслонил Хаймалку:

- Чего расхрюкалась? Корыто немьгтое!

Двухголовая свинья свирепо подняла кверху распахнутые пасти, но уже в следующее мгновение бросилась к нему, зажав его в своих когтистых жилистых лапах, поднесла к пасти:

- Глупый, самоуверенный человечиска!-Глупый самоуверенный человечиска!-она встала на задние копыта, подняв Ицхака на трехметровую высоту.

Хаймалка метнулась к чудовищу, но двухголовая Хура копытом отбросила ее в сторону, Хаймалка отлетела к краю плато, ударившись о плиты, застыла.

Чудовище приблизило Ицхака к пасти:

- Что есть в этом мире?- Хура потребовала разгадку.

- Любовь!-Ицхак забился в воздухе.

Хура в ответ лишь расхохоталась больше, и близко блеснули ее желтые клыки.

- Бог!- пытался высвободиться Ицхак, но красная пасть уже готова была захватить его.

В какую-то секунду ему вдруг увиделось бормочущее лицо Шломо, и он громко выпалил:

- Есть только то, чего нет!-и снова выкрикнул.-В ЭТОМ МИРЕ ЕСТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧЕГО НЕТ!

В то же мгновение лапы Хуры ослабли, Ицхак соскользнул на плато.

Чудовище пронзительно заорало, задержало головами, отшатнувшись, завалилось на трон и опрокинуло его.

Ицхак бросился к Хаймалке, бережливо подставил под ее плечи колено:

- Хаймалка!.. Ты слышишь меня, Хаймалка?!

Она открыла глаза.

Двухголовая Хура попыталась подняться, но вспыхнувший трон разорвался с нею на мириады огней.

Минута, другая- огни растопили ледяную стенку- Хаймалка и Ицхак оказались окруженные безграничным звездным пространством.

Ицхак помог ей подняться.

Ошеломленно застыв, они увидели высоко впереди зависший над миром гигантский Мозг.

Он походил на мозг человека и лишь спереди казался менее овальным.

Мозг был мягким, в его бока проникали и исчезали в нем плавающие в космосе крохотные человеческие тела.

Он имел круглые глаза, может быть, большие, но едва угадывающиеся, и отчего-то он казался добрым и заботливым., как ласковая, кормящая щенков собака.

В первую же секунду Хаймалка и Ицхак почувствовали, что они во власти этого непостижимого чуда и, действительно, улыбка Мозга потекла к ним, а в следующее мгновение они оказались в какой-то сияющей комнате.

«Трон сияния!»-угадала Хаймалка, и тут же пронзило удивление: «Трона не было! У Бога не было трона! Был только непостижимый свет. Сияние.»

Хаймалка и Ицхак потрясенно переглянулись.

Она хотела что-то произнести, но слова казались ненужными и никогда не существовавшими прежде.

Вдруг перед ними открылось новое пространство, и они увидели величественное Дерево Струящейся Воды!

В центре его висел сверкающий меч, лезвие которого в основании было перевязано кожаным ремешком.

- Поясок Ури!-с заколотившимся сердцем узнала Хаймалка.

Она шагнула было к нему, но остановилась, трепетно глядя на Дерево Струящейся Воды. И тогда к его кроне потек ее молитвенно-царственный голос:

- О Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая! Непостижима сила Твоя!

Ты явила невыразимое и одарила нас Великим Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарна, и да будет благословенна и неизбежна Сила Твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть вернется Честь и Сила к унижающему СЕБЯ в веках народу Израиля!

Пусть свершится Великая Тайна Воды-Великая Тайна Жажды-Великая тайна Израиля!

О Великая Пустота!

Обращаюсь к Слову Твоему, и пусть настанет Его Праведный час!

В яростной Злобе Враги Завета сеют на Святой Земле ненависть и смерть!

И никогда еще не была так осквернена и поруганна кровь человеческая!

О Великая Пустота!

Спаси мир от ужаса, и пусть явится твое знамение, Господи!

Тогда непостижимым светом засияло Дерево Струящейся Воды, и пространство затопил величественный Голос-видение:

«Не понявшие Жажды Творца жаждут крови! Им дана была свобода стать Богом, стали зверьми.

Богатство, даруемое Землей, превратили в средство насилия!

Но приходит час расплаты!

Изольется на них черное золото гноем, и станут самыми нищими и будут уничтожать друг-друга.

А Народ Мой одарю невиданной силой!

Жезл войдет в точку сердца!

Восстанет Бэт-Эль!»

Ицхак взял меч.

...Темница, в которой обитал Ури, освещалась единственным фонарем, висевшим под низким потолком.

Старец полулежал на полу, заброшенном соломой.

В стороне тускло поблескивал бок алюминиевой кружки. Ури потянулся было к ней рукой, но рука бес- сильно замерла на полу.

Жизнь иссякала, как свет в картине его дома.

Но вдруг, в какой-то момент, он почувствовал, как в душе пробил небольшой ток, и его существо стало наполняться силой.

Ури вскинул голову, словно к чему-то прислу- шался:

«...Хаймалка?..»

Старик поднялся.

Прежняя сила стала наполнять его тело.

- Хаймалка...-с улыбкой выдохнул старик. В ту же секунду на решетчатую дверь напрыгнуло сильное тело ягуара.

Ури бросился к нему, преданная кошка лизнула старика сквозь клетку решетки.

- Гром! Паренек!-он прижался к его теплой морде.

Старик отошел, и кошка сильным рывком мощных лап сорвала решетчатую дверь.

Они побежали по тоннелям подземелья.

Несколько переходов, и они остановились у стеклянной двери.

За нею, в камере, бородатый человек сидел за письменным столом.

Журналист Хадис Харан.

Старик подал знак, ягуар выбил дверь.

Харан бросился к ним...

Дерево Струящейся Воды, словно сияющие крылья, подхватило Хаймалку и Ицхака, вынесло их в звездное пространство.

Они снова увидели огромный Мозг, и вокруг пролетали мириады жизней: они были похожи на капли с лицами, они были разноцветными прямоугольными брикетами, они были тысячами форм, но отчего-то Хаймалка знала -все это живые сущности, и весь Космос был заполнен жизнью.

...Дерево Струящейся Воды вынесло их к родному городу, к разрушенной Бэт-Эль.

Огромный валун, который служил основанием в правом углу разрушенного Храма, стоял заросший травой, из-под него слабо выбивала вода.

...Идрис, ожидавший увидеть в своем подполье плененную евреянку, увидел Царицу, пришедшую мстить.

Он сидел на своем «Пульте Запуска», распахнулась дверь, и в комнате появилось сотворенное им чудовище с головой вампира, человеческим туловищем.

- Мой верный Халиф, ОНИ ПРИШЛИ!-Идрис бросил рукой в экран на стене, где Ицхак и Хаймалка коснулись руками камня.

- Слушаю, Светлейший!-через несколько мгновений чудовище взмыло в небо.

...Халиф опустился посередине широкой, запруженной автомашинами улицы.

В несколько мгновений вампир превратился в огромное семиметровое чудовище. Он поднял двухметровую ступню и ударил по проезжавшему мимо автомобилю.

Машина превратилась в смятую консервную банку, за не расхлестали воздух завизжавшие тормоза десятка машин. Некоторые из них оказались на встречной полосе, и в пару минут широкая улица превратилась в беспорядочную массу столкнувшихся автомобилей.

Крича от ужаса, сбивая друг-друга с ног, по сторонам разбегались обезумевшие от страха люди.

Завыли сирены пожарных, «скорых» и полицейских автомобилей.

Вампир, подхватив одну из человеческих фигур, лакал из его разорванного горла кровь.

Отбросив мертвое тело, как насытившийся хищник, Халиф осмотрел взорванный под ногами человеческий улей, разбросал по сторонам огромные руки, и вытянув кверху черную морду, издал громкий ликующий крик.

Упоенный своей силой, Халиф расшвырял замершие под ногами автомобили, которые отлетали по сторонам, как легкие спичечные коробки.

В небе закружили вертолеты. Чудовище, легко спружинив, взмыло в синеву. Его красная пасть распахнулась в сатанинском ликующем крике, и из нее выбивался острый багровый язык.

Полицейские вертолеты на расстоянии закружили вокруг чудовища и ударили по нему длинными пулеметными очередями.

Вампир, угрожающе раскрыв пасть, нырнул к одной из «стрекоз» и ударил по ней огромным кулаком.

Машина переломилась, как спичка, и рухнула на замерший в страхе и любопытстве город.

Ицхак, глянув на Хаймалку, передал меч:

- Владеешь ведь?..

- А какая же израильтянка не владеет оружием!

Ицхак обнял ее.

Вампир нырнул к земле, мягко спружинив на огромных ногах, оказался напротив них, принял прежний вид: те же огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые злобно-сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и, казалось, он сейчас набросится на свою жертву.

Хаймалка приподняла меч, в руке Ихцака сверкнул жезл.

Халиф, вскинул голову, загоготав, пошел на Ицхака, бросил в него рукой, Ицхак успел увернуться.

Халиф, все также гогоча, вдруг вырос в два раза и взлетел на камень.

Вампир запрыгал на нем, и передний бок валуна поднялся вверх.

Вода, едва выбивавшаяся из-под него, теперь ударила мощной струей.

Халиф прыгнул на Хаймалку, она увернулась, успев нанести удар мечом.

Вампир злобно зарычал...

...Идрис жадно смотрел на экран на стене...

... Вампир бросил рукой в Ицхака, тот попытался увернуться, но Халиф, зарывав, схватил его и приподнял над землей.

- Эй ты, уродище!-Хаймалка запрыгнула на камень.- А не хочешь, я тебя пощекочу?!...она поиграла мечом.

Чудовище, вновь загоготав, ударило ногой по камню рядом с Хаймалкой, край камня снова «клянул» вверх, подбросил ее.

Развернувшись в воздухе, она мягко спружинила на земле.

Ицхак, оказавшись в это мгновение на уровне груди Халифа, вонзил в его сердце жезл, который уже сияющим фиолетовым лучом пронзил чудовище насквозь.

Вампир, пронзительно закричав, выпустил Ицхака и рухнул на камень. Вода из-под камня ударила сильной волной, валун сорвало с места, Ицхак и Хаймалка ошеломленно замерли: вода вынесла к ним золоченый сундук.

Вампир, снесенный волной, оказался под камнем, дрогнув телом, затих.

Ицхак и Хаймалка стали над сундуком. Ицхак осторожно ударил по нему посохом, сундук открылся, и они увидели в нем древний свиток Торы.

...Идрис, пытаясь вырваться из подземелья, бросился к двери, но в это мгновение, дом его, подняв столб пыли, осел, словно взорванный изнутри, и замуровал красную дверь.

Задыхаясь от удушья, Идрис схватился за горло, его тело, сбитое судорогами, рухнуло на пол перед дверью, в доли секунды превратившейся в глухую стену.

На месте дома Идриса возникло сияние Дерева Светящейся Воды.

Ицхак и Хаймалка стояли на коленях перед сундуком с Торой.

- Мы должны спасти Ури!-Хаймалка собралась было подняться, как ее ухо лизнул теплый большой язык.

- Гром!-не оборачиваясь выдохнула она.-Гром!

Быстро повернувшись, она увидела ягуара и подходивших Ури и бородача Харана.

...Старик, словно смакуя встречу с девушкой, неторопливо подошел к ней:

- Где-то, я думаю, должен быть ремешок?-лукаво подбросил он.

Хаймалка развязала с основания лезвия меча кожаный шнур и подала старцу.

Ури опоясал ее, и ремешок превратился в сверкающий драгоценными камнями пояс Царицы.

Старец приложил ладонь к налобной повязке, и она стала царственным венцом.

Хаймалка прильнула к Ури, и с ее щеки скатилась слеза.

Ицхак, с улыбкой глядя на них, озорно подмигнул сидевшей в их ногах преданной им кошке...

...К месту разрушенной Бэт-Эль стекались людские ручьи, десятки машин запрудили улицу. Это был единый

молчаливый поток, но в тугом молчании которого таилось какое-то гордое радостное ожидание.

Возродится Храм!.

Ури мягко поднял Хаймалку на руки, легко прошел до камня, который теперь стоял, омытый подземными водами-чистый и готовый к тому, чтоб с него, как и несколько столетий назад, поднялись новые стены, началась новая прочная жизнь Храма.

Старец поднял Хаймалку на камень и обернулся: впереди огромной радостно-взволнованной толпы, рядом с золоченым сундуком стоял Ицхак.

- Сын мой, свиток Царице нашей!-он бросил это негромко, но его, казалось, услышал весь мир.

Ицхак бережно достал из сундука свиток, и в это мгновение невольно ахнула в восторге, онемела толпа из тысячи собравшихся людей: будто впервые они получали свою Тору и становились новым народом.

Ури молчаливо кивнул, Ицхак подал свиток Хаймалке.

И показалось, явилась иудеям истинная Царица.

Тогда Ури поклонился ей, а к небесам, поднялся его сильный уверенный голос:

- Мир не развивается по законам каких бы то ни было материалистических наук. Мир развивается по Законам Космического мифа. История нашего народа – это история Героя, избравшего дорогу к Просветлению. Как герой мифа, еврейский народ вынужден был покинуть свою землю, пройти всю тяжесть Пути и обретя знание, вернуться в свой дом.

Но вновь обретя свою святую Землю, он должен увидеть свои главные символы. А знать свой Символ, значит иметь самое мощное оружие!

Три венца имел еврейский народ: первый венец венец могущества принадлежал Моисею, второй венец-

венец жречества принадлежал Аарону, и третий венец-венец царствования принадлежал Мирьям.

Меч! Тора! Венец!-он поднял глаза на стоявшую на камне Хаймалку: в одной руке ее был меч, другой она прижимала к груди свиток Торы. –Сила! Мудрость! Красота!.. Мудрость защищена Силою! Сила наполнена мудростью! Это и есть красота и это должно быть и есть символ народа Израилева!

Возвращается к народу нашему древнее пророчество Великого Иеремии:

«Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати сердце твое на дорогу – на путь, по которому ты шла: возвращайся, дева Израелева, возвращайся в города твои. Долго ли скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа».-

Ури, любуясь, посмотрел на Хаймалку:

Царица Израильская-вот Венец Царствования и наш Символ Спасения! Особенно сегодня, когда враги Израиля и всего еврейства снова хотят перечеркнуть нашу кровную связь с древней Землей Палестины-Царица Израильская на все времена и перед всем миром утвердит родство еврейского народа с его многострадальной Землей!

Ури на мгновение смолк и любуясь посмотрел на Хаймалку:

- И эта Царица-ты!- расставил он.

На мгновение затихли толпы, и вдруг, словно был услышан чей-то незримый голос, в удивительном молчаливом согласии люди стали выплываться в один ручей. Этот ручей потек к камню, на котором стояла Хаймалка: мужчины и женщины снимали с себя драгоценности-кольца, перстни, браслеты, сережки, золотые цепочки, кто-то доставал банкноты, и все это ложилось на камень у ног Хаймалки.

Не было сказано ни слова, не прозвучало ни одной просьбы, но были счастливые гордые глаза: все это для возрождения Бэт-Эль.

В какой-то момент из толпы выскользнула маленькая, лет семи, девчушка в светлой кофточке, длинной юбке, она подбежала к камню и стала снимать с себя свои маленькие золотые сережки.

Девчушка не могла дотянуться до верха камня, где уже собралась гора драгоценностей и банкнот, и тогда она протянула раскрытую ладонку Ури. На открытой детской ладони сверкали ее сережки, может, первая драгоценность в ее жизни

Ури ласково поднял ее на руки.

Застывшая от изумления толпа вдруг громко выбросила:

- Бэт-Эль!

- Бэт-Эль!

- Бэт-Эль!

Хаймалка окинула взглядом эту единую ликующую массу и, по ее щеке покатила слеза.

Она посмотрела на Ицхака, тот стоял рядом с бородачом Хараном, у ног ее величаво красовался ягуар, рядом с ними Ури держал на руках девочку.

Ицхак бросил кверху руку с жезлом:

- Бэт-Эль!-и в этот момент встретился глазами с Хаймалкой.

И тогда снова Дерево Струящейся Воды, словно сияющие крылья, подхватило их и вынесло в чистое синее небо.

Ицхак привлек к себе Хаймалку, приблизился губами и жарко шепнул:

«...я хочу рассказать...»

И ей показалось, что она тысячи лет любила этот образ того единственного, кто знает истинную историю о

Творце, кто строит Богу храмы на освященных камнях, а не на оскверненных чужих могилах. Кто умеет любить и быть преданным. Кто знает язык Бога и может говорить с Богом.

«...расскажи ...»-и она растворилась в нем, в его ласках, и видела непостижимый свет бессмертной любви...

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го тома

Исчерпанный Человек.....	5
Часть Первая: Обрубьш	6
Часть Вторая: Оксана	57
Часть Третья: Месть	129
Часть Четвертая: Матрешка	192
Царица Израильская	227
Часть Первая: Печать Сатаны	228
Часть Вторая: Долина Призванного	318
Часть Третья: Лестница Ледяных Костей	418

Иосиф Мигиров родился в 1951 г. в г.Нальчике, в Росии.

Служил в армии.

После демобилизации поступил и 1982 г.окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор шести книг рассказов и романов.

Занимался еврейским фольклором, часть из материалов была опубликована в Израиле.

В 1996 г. эмигрировал в США. Гражданин США.

В 2012 г. в Нью Йорке вышла его книга на английском языке "Мистер Бродвей".

Публикуется в русскоязычной периодической печати..

ISBN 978-0-692-30692-5

9 0000 >

9 780692 306925